

ТЕОДОР
ДРАЙЗЕР

РУССКИЙ
ДНЕВНИК

путешествие
классика
американской
литературы
по СССР

ИЗ ЛИЧНОГО АРХИВА

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР,
РУТ КЕННЕЛ

Теодор Драйзер

Драйзер. Русский дневник

Анне, Тому и Робу посвящается

Dreiser's Russian Diary

Theodore Dreiser and edited by Thomas P. Riggio and James L. W. West III

Copyright © 1996 by the University of Pennsylvania Press

All rights reserved.

Published by arrangement with the University of Pennsylvania Press. Philadelphia, Pennsylvania.

None of this book may be reproduced or transmitted in any form or by any means without permission in writing from the University of Pennsylvania Press.

Фото на обложке: © Sueddeutsche Zeitung Photo / Alamy Stock Photo / DIOMEDIA

Предисловие

3 октября 1927 года Теодор Драйзер получил от Советского правительства приглашение приехать в Москву на празднование десятой годовщины русской революции. Тогда же он начал писать свой дневник, который закончил 13 января 1928 года, завершив свою долгую поездку по России. В Москве он встретил Рут Эпперсон Кеннел, которая стала его секретарем и спутницей в поездке и внесла значительный вклад в содержание дневника.

Бережное хранение работ Драйзера сделало возможным первую публикацию его «Русского дневника» 1927–1928 годов. Этот документ имеет особое значение для всех, кто интересуется американской и русской историей XX века. Во время пребывания в Союзе Советских Социалистических Республик Драйзер вел дневник, в котором записывал свои беседы с известными политиками и деятелями культуры страны, в том числе с Сергеем Эйзенштейном, Константином Станиславским, Анастасом Микояном, Владимиром Маяковским, Карлом Радеком, Николаем Бухариным и деятелем так называемого обновленчества Николаем Федоровичем Платоновым (Драйзер и его секретарь Рут Кеннел ошибочно называют Н. Ф. Платонова «архиепископом Платоном» (*ред.*)). Содержание бесед Драйзера с ними о положении дел в Советском Союзе в конце 1920-х годов делает дневник важным свидетельством и одним из значимых исторических документов эпохи.

Это издание продолжает традиции публикаций Пенсильванским университетом драйзеровского наследия в виде авторизованных текстов, которые сохранились только в рукописях или по каким-то иным причинам недоступны как специалистам, так и обычным читателям. Реализация нашего проекта была бы невозможной без доброй воли администрации и специальной подготовки персонала Библиотеки Чарльза Паттерсона Ван Пелта по гуманитарным и социальным дисциплинам Пенсильванского университета. Постоянную поддержку проекту оказывал Пол Х. Мошер, директор библиотеки, Майкл Т. Райан, руководитель отдела специальных коллекций в библиотеке, щедро тратил время и силы, стремясь облегчить своим сотрудникам работу над наследием Драйзера. Упорядочивание драйзеровской коллекции куратором отдела редких изданий и рукописей Нэнси Шоукросс облегчило подготовку этой книги и других работ.

Как и Пенсильванское издание «Американских дневников Драйзера, 1902–1926» (American Diaries, 1902–1926 / Edited by Thomas P. Riggio, textual editor James L. W. West. The University of Pennsylvania Dreiser Edition, 1982), и автобиографическая книга «Разнорабочий» (An Amateur Laborer, 1983), публикация «Русского дневника» является одной из запланированных к выпуску книг, в которых представлены подготовленные специалистами тексты личных документов Драйзера. Поскольку Драйзер не собирался публиковать этот дневник, он издается в соответствии с общепринятыми принципами, регулирующими

редактирование личных документов. Редакторы Томас П. Риджио и Джеймс Л.У. Уэст III замыслили работу над этой книгой как приведение оригинального авторского текста, снабженного пояснениями и справками. Риджио написал введение, Уэст подготовил раздел «Принципы редактирования» и справочный аппарат. Оба редактора и младший редактор Ли Энн Драуд вычитывали и проверяли текст на каждом этапе подготовки.

ТОМАС П. РИДЖИО,
главный редактор Центра по изданию наследия Драйзера Пенсильванского университета

Благодарности

Редакторы благодарны попечителям Пенсильванского университета, которые являются обладателями авторских прав на неизданные работы Драйзера, за предоставление разрешения на публикацию текста «Русского дневника». Редакторы благодарны Артуру Д. Кашиато. Он подготовил первоначальный вариант дневниковых записей, который стал отправной точкой в нашей работе. Благодарим также Стивена Ф. Коэна и Розмари Рид, щедро поделившихся с нами информацией и фотографией Николая Бухарина.

Профессор Риджио благодарен Джей Уэст и Марине Чеботаевой за помощь в проверке правописания русских слов и уточнение транскрипции русских имен, событий и географических названий. Он также признателен Ирине Куткиной, помощь которой в качестве переводчика и гида по российским архивам и местам, где бывал Драйзер, сделало его пребывание в России более плодотворным и приятным.

Особая благодарность докторам Элеоноре А. Кравченко и Александре Куткиной из Москвы за их щедрость, гостеприимство и помощь в делах. Профессор Уэст благодарит Лаверн Кенневан Мэгиннис за помощь в подготовке текстов; он признателен Флоре Бэкалью, Ким Фишер и Сюзанн Маркум за большую помощь в работе с аннотациями.

Введение

Россия могла бы стать самым восхитительным социалистическим обществом, если бы император был внезапно смещен, а народ так же внезапно стал образованным. Сейчас все контролирует правительство; достаточно передать этот контроль народу, и у вас получится разновидность Утопии. Конечно, все это можно обратить в свою противоположность, и тогда прекрасное социалистическое общество превратится в самую деспотическую форму правления, при котором все рычаги управления будут находиться в руках одного человека. Но это вряд ли произойдет в том случае, если народ приобрел достаточный интеллектуальный статус.

Драйзер в возрасте 22 лет, газета St. Louis Globe-Democrat, 2 января 1893 года

В разгар русской зимы, холодным днем 10 января 1928 года Теодор Драйзер шел по украинскому городу Одессе, промышленному центру, расположенному на Черном море. Он завершал свой напряженный двухмесячный визит в Союз Советских Социалистических Республик и испытывал трудности с получением визы для проезда через Польшу в Западную Европу. К его ужасу, таможенники сообщили, что для вывоза из страны рукописей и печатной продукции нужно иметь специальное разрешение. Больше всего писателя беспокоил дневник, который он вел с 3 октября 1927 года, когда впервые узнал о предложении Советского правительства совершить полностью оплачиваемую поездку в Москву. Именно в тот день он начал вести рукописный дневник, записывая свои впечатления

и размышления. Записи, начатые в Нью-Йорке, были продолжены сначала на борту океанского лайнера, потом в путешествии по Европе (в Париже, затем в Берлине и Варшаве) и наконец в России.

Первоначально Драйзер был приглашен вместе с полутора тысячами других знаменитостей международного масштаба на недельное празднование десятой годовщины Октябрьской революции. Но он попросил расширить рамки приглашения и профинансировать его более длительную поездку по стране – и сразу получил на это согласие Советского правительства. Драйзер сообщил российскому представителю, что хочет «увидеть настоящую, неофициальную Россию – скажем, районы бедствий в Поволжье» (см. стр. 59). Похоже, советский посланник не удивился его просьбе. Драйзер явно представлял большую ценность для Советов, которые успешно использовали тщеславие западных деятелей искусств и интеллектуалов. Писателю сообщили: «Советское правительство считает вас выдающимся литературным талантом Америки» (см. стр. 57), после чего быстро началась подготовка к поездке. В начале ноября, находясь в Москве, он нанял себе личного секретаря – Рут Эпперсон Кеннел, тридцатичетырехлетнюю американку, которая к тому времени более пяти лет прожила в России. Кеннел зарабатывала на жизнь переводами и редактированием так называемых юбилейных изданий американских писателей, в том числе Драйзера, для государственного издательства.

Вскоре после первой встречи в СССР Кеннел и Драйзер стали любовниками. Когда американский социалист и радикальный экономист Скотт Неринг предложил кандидатуру Кеннел в качестве секретаря писателя для более продолжительной поездки, Драйзер ухватился за эту возможность: «Поскольку мы уже так близки, – записал он в дневнике, – мне это представляется идеальным выбором». Местные чиновники возражали, поскольку Кеннел не была членом коммунистической партии, но когда Драйзер пригрозил, что вернется домой, между сторонами было заключено соглашение, по которому Кеннел оставалась секретарем Драйзера за его счет. Разумеется, правительство направило вместе с ними и официального сопровождающего, которого предоставило Всесоюзное общество культурной связи с заграницей (БОКС) – агентство, ответственное за отношения с иностранцами в области культуры. Кеннел, повсюду сопровождавшая Драйзера, делала короткие заметки о его беседах и впечатлениях от увиденного, иногда писала под диктовку, а каждый вечер упорядочивала свои записи и печатала их на пишущей машинке, придавая заметкам вид дневника.

Несколько лет спустя Кеннел так вспоминала о своем необычном соглашении с Драйзером: «Он дал мне указание писать в дневнике «я», имея в виду себя. Но при этом он предоставил мне полную свободу изложения – за исключением отдельных напоминаний о том, что надо обязательно отразить в записях то или это»¹. (На самом деле Кеннел иногда отклонялась от этой программы и подавала собственный голос, описывая действия Драйзера или обращаясь к нему с краткими вопросами.) Драйзер также попросил Кеннел печатать дневник под копирку, надеясь, что позже она поможет ему в подготовке записей к публикации. Кеннел усердно работала над выполнением этой задачи в течение всех 68 дней поездки. Она каждый вечер печатала записки, напрягая портативную пишущую машинку Corona до тех пор, пока у той не порвался привод (это вынудило Драйзера совершить безумный набег на крохотную ремонтную мастерскую в портовом городе Батум на Черном море). Иногда Кеннел тратила лучшие утренние часы на то, чтобы перепечатать объемные записи, сделанные накануне. В конце путешествия, как она позже вспоминала, был предпринят штурм, «чтобы закончить написание ежедневных заметок и на границе передать полный дневник путешествия моему работодателю»².

¹ Kennell Ruth Epperson. Theodore Dreiser and the Soviet Union. N.-Y.: International Publishers, 1969. P. 49.

² Ibid., p. 183.

Позднее Драйзер добавил текст Кеннел в дневник, который вел сам; кроме того, он нарезал, упорядочил, переработал и расширил эти заметки в соответствии с собственными целями.

К своей рабочей нагрузке Кеннел добавила написание второго, секретного дневника. В нем она записывала разговоры и отмечала события, не включенные в текст, который Драйзер увез с собой. Позднее, работая над собственной книгой о пребывании романиста в России, «Теодор Драйзер и СССР» (*Kennell R. E. Theodore Dreiser and the Soviet Union. A First-Hand Chronicle. N.-Y.: International Publishers, 1969*), Кеннел обратилась к этим записям за эпизодами, которые, как она отмечает, были основаны на ее собственных, а не на официальных заметках³. Заметки Кеннел не сохранились, но можно предположить, что они содержали описание более частных моментов общения с человеком, которого она назвала «дорогой босс».

В Государственном архиве Российской Федерации в Москве сохранилась часть копии того дневника, который Рут Кеннел печатала для Драйзера. К бумагам прилагается сопроводительное письмо, адресованное начальнику бюро ВОКС по приему иностранцев Ярошевскому. В письме Кеннел объясняет характер этого документа: «Вы увидите, что записи следуют по порядку как в дневнике, причем последние страницы являются первыми по времени. Иными словами, заметки следует читать снизу вверх, с восьмого ноября по тридцатое ноября. Некоторые страницы из записей первых двух дней отсутствуют». Она дает обещание «по возвращении закончить печатание заметок и после этого отдать их»⁴. Кеннел выполнила свое обещание, при этом не сообщив Драйзеру, что передала большую часть его дневника в главный офис ВОКС.

Похоже, что организация утечки содержания дневника и передача его части русским была для Кеннел актом самозащиты. Поскольку американец занял позицию, необычную для зарубежной знаменитости, Кеннел, естественно, почувствовала необходимость продемонстрировать лояльность своему начальству. Скорее всего, она подозревала, что ВОКС получит информацию о нелестных высказываниях Драйзера о России от назначенного гида Триваса и от медика доктора Софии Давидовской (в дневнике – «Дэви»), которую ВОКС отправило вместе с писателем, чтобы следить за состоянием здоровья Драйзера⁵. Похоже, когда Кеннел поняла, что за ней тоже следят, она могла временами отстраняться от Драйзера, комментируя такое свое поведение непосредственно в самом дневнике. Осведомленность правительства о содержании дневника также может объяснить трудности, с которыми столкнулся Драйзер, когда выезжал из страны со своей рукописью.

Так или иначе, на российской границе Драйзер в конце концов вырвался за бюрократические барьеры и отправил свой «официальный» дневник в Америку, где впоследствии привел его к тому виду, в котором он существует в настоящее время. В частности, он отредактировал машинописный вариант Кеннел, разрезая и склеивая по-другому различные его части, а также дополняя и изменяя текст в отдельных местах. Некоторые записи в дневнике свидетельствуют о том, что Драйзер начал этот пересмотр еще

³ Там же, с. 109. Различия между этими двумя текстами можно увидеть на примере изложения интервью, которое Драйзер взял у архиепископа Платона (имеется в виду деятель так называемого обновленчества архиепископ Н. Ф. Платонов). Для этого нужно сравнить запись в дневнике от 30 ноября 1927 года с версией Кеннел, которая приведена в книге *Theodore Dreiser and the Soviet Union* на с. 109–112.

⁴ Недатированное письмо Кеннел Ярошевскому, Государственный архив Российской Федерации, Москва. Дневник и письма, которые я обнаружил в российских архивах, придают дополнительное измерение сложным взаимоотношениям между Драйзером и Кеннел.

⁵ Это подтверждают письма Триваса и Давидовской, которые сохранились в Государственном архиве Российской Федерации. Особенно критично авторы писем относятся к тому, что рассматривалось как демонстрация недружественного отношения Драйзера к советским обычаям и людям.

в России, но к восемнадцатому ноября выяснилось, что он в этой работе уже на десять дней отстает от графика путешествия (см. стр. 174), и с этого момента он, похоже, прекратил править текст, поскольку поездка отнимала у него все больше сил.

Когда в Нью-Йорке Драйзер завершил работу над дневником, оказалось, что он разросся до 424 страниц, 134 из которых были написаны исключительно его собственной рукой, а 290 представляли собой отредактированную часть текстов, которые Кеннел передала ему на российской границе. Таким образом, окончательный вариант оказался сложным документом – объективнее личного дневника, и в то же время более субъективным в желании сделать его ясным и точным⁶.

Каковы были намерения Драйзера, предпринявшего поездку по СССР? Почему он сохранил именно такой «личный» дневник? Почему он не сказал Кеннел об изменениях, которые внес в текст, и почему так серьезно его отредактировал?

Похоже, еще до отправления из Нью-Йорка писатель задумал дневник как нечто большее, чем просто частный дневник путешественника. Так, в его первых записях приводятся подробности и информация, которые предполагают, что у дневника предусматривались читатели: например, он называет кличку своей собаки – «Ник (русская борзая)» и подчеркивает, что его сельский дом, расположенный к северу от Нью-Йорка, называется «Ироки» (см. стр. 62). Кроме того, первые записи содержат большие отрывки с тщательно прописанными диалогами между автором и другими участниками. Этим дневник сильно отличается от коротких, отрывистых записей в духе «стаккато» или «резюме», характерных для других его сохранившихся дневников и путевых заметок. До этого все его записки путешественника были написаны в основном как памятки для предполагаемых журнальных статей или книг путевых заметок (травелогов). В них он в основном записывал впечатления и намечал линии изложения – как, например, в путевых заметках, которые послужили основой для произведений «Сорокалетний путешественник» (*A Traveler at Forty*, 1913) и «Каникулы уроженца Индианы» (*A Hoosier Holiday*, 1915)⁷. При написании этих книг он обращался к своим заметкам и позволял памяти и фантазии выполнять всю остальную работу.

Одна из примечательных особенностей книги «Драйзер смотрит на Россию» (*Dreiser Looks at Russia*, 1928)⁸, которую он написал на основе своего путешествия по СССР, состоит в том, что она по структуре и содержанию минимально связана с соответствующим путевым дневником. Возможно, Драйзер сохранял свой русский дневник, чтобы опубликовать его в качестве отдельных путевых мемуаров – этот жанр стал тогда популярным у «политических паломников». Если дело обстояло именно так, то он, скорее всего, отказался от этой идеи после повторного прочтения текста Кеннел. Книга «Драйзер смотрит на Россию», вероятно, стала бы гораздо лучше, если бы он следовал своему обычному способу построения повествования вокруг отдельных частей путевых дневников, которые он организовал в хронологическом порядке и связывал между собой анекдотами и личными размышлениями. Вместо этого он выбрал для глав впечатляющие, громкие названия вроде «Текущий советский экономический план», «Коммунизм – теория и практика», «Современные

⁶ Артур Д. Кашиаго в единственном исследовании русского дневника Драйзера, предпринятом до издания данной книги, указал на то, что он называет «текстовой интерсубъектностью», созданной совместными усилиями Кеннел и Драйзера. Результат не является ни его дневником, ни ее дневником. «Скорее это их общий советский дневник, который воспроизводит эту интерсубъектность» (*Casciato A. Dictating Silence: Textual Subversion in Dreiser's Soviet Diary: Papers on Language and Literature*. 27, Spring, 1991. P. 187).

⁷ Неопубликованные путевые дневники Драйзера хранятся в Dreiser Collection, Special Collections Department, Van Pelt-Dietrich Library Center, University of Pennsylvania.

⁸ Драйзер смотрит на Россию: Интервью. Статьи. Письма / пер. с англ. О. Кириченко // Драйзер Т. Собр. соч.: В 12 т. Т. 12. М.: Терра-Книжный клуб, 1998 (ред.).

проблемы русского крестьянства», то есть сформулировал темы, для обсуждения которых не имел достаточной квалификации.

Как следствие опубликованная книга Драйзера, написанная на основе его поездки в СССР, оказалась гораздо более дидактичной и пафосной, чем обычный путевой дневник. Что объединяет эти два типа дневников, так это неопределенность в отношении к советскому эксперименту, которую Драйзер разделял со многими американскими интеллектуалами 1920-х годов. К 1927 году мало что осталось от некритического энтузиазма по поводу нового российского порядка, который заставил американского писателя и журналиста Линкольна Стеффенса заявить: «Я был в будущем, и оно работает»⁹. Самые ранние надежды на возникновение в Москве новой политической Мекки были омрачены мировой войной. Еще больше поляризовал отношение американцев к СССР страх перед «красной угрозой». Впрочем, на фоне разрушений и ужасов Гражданской войны даже большевистские герои 1917 года стали казаться весьма человечными, а когда в середине 1920-х годов советская власть приняла Новую экономическую политику (НЭП), многие, в том числе и Драйзер, стали полагать, что в стране происходит сдвиг от демократического социализма к чему-то напоминающему американский капитализм. Кроме того, ко времени приезда Драйзера в Россию деятельность многих «ранних революционеров» уже подошла к печальному концу. Джон Рид¹⁰ был похоронен у Кремлевской стены на фоне слухов о его окончательном разочаровании в советской власти; Эмма Гольдман¹¹ очень ярко описала свое разочарование тем, как Ленин подавил восстание анархистов в Кронштадте. Сам дневник Драйзера содержит патетическое описание последних дней жизни в Москве бежавшего из США рабочего лидера Уильяма Хейвуда, больше известного как Большой Билл)¹².

К тому времени, когда Драйзер отправился в Россию, только самые твердолобые радикалы, такие как американский экономист Скотт Неринг, Джозеф Фримен¹³ и Майкл Голд¹⁴ по-прежнему публично выражали свою веру в Советы. Другие же – Макс Истмен¹⁵, Джон Дос Пассос¹⁶ или Гольдман уже стали ретроgrадами и обнародовали свои негативные выводы о целях и будущем коммунистического государства. Тем не менее в Америке большое количество либералов продолжало оказывать поддержку «великому эксперименту»,

⁹ Цит. по: *Diggins John P. The American Left in the Twentieth Century*. N.-Y.: Harcourt Brace Jovanovich, Inc., 1973. P. 90.

¹⁰ Джон Сайлас Рид (John Silas Reed, 1887–1920) – американский журналист, социалист, автор знаменитой книги о русской революции «Десять дней, которые потрясли мир» (1919) (*пер.*).

¹¹ Эмма Гольдман (Emma Goldman, «Красная Эмма»; 1869–1940) – американская анархистка.

¹² John Silas Reed

¹³ Джозеф Фримен (Joseph Freeman, 1897–1965) – американский писатель и издатель, более всего известный как редактор литературно-художественного журнала «Новые массы» (*The New Masses*), тесно связанный с Коммунистической партией США (*пер.*).

¹⁴ Майкл Голд (Michael Gold; настоящие имя и фамилия Ицик (Ицхок, Айзек) Гранин; 1894–1967) – известный американский писатель, критик и журналист (*пер.*).

¹⁵ Макс Форрестер Истмен (Max Forrester Eastman, 1883–1969) – американский журналист, писатель, поэт, литературный критик и радикальный политический активист. Первоначально социалист и троцкист, к концу жизни стал антикоммунистом (*пер.*).

¹⁶ Джон Родеригу Дос Пассос (John Roderigo Dos Passos, 1896–1970) – известный американский писатель португальского происхождения.

на который они проецировали свое недовольство американскими буржуазными ценностями. При этом отсутствие реального контакта с жизнью страны Советов и собственный комфортный образ жизни среднего класса привели их к амбивалентным воззрениям на советскую политику. Даже американцы, которых Драйзер встречал в Москве, мало что сделали для того, чтобы развеять эти двойственные взгляды. При этом Драйзер провел с просоветскими активистами вроде Неринга или журналистки Анны Луизы Стронг¹⁷ примерно столько же времени, сколько с Синклером Льюисом¹⁸ и Дороти Томпсон¹⁹, которых едва ли можно было назвать ярыми сторонниками новой власти.

Таким образом, «Русский дневник» является продуктом периода, предшествовавшего обращению прогрессивных американских деятелей, в том числе Драйзера, к реальному глубокому изучению Советского Союза как модели справедливого общества. Однако само по себе это не объясняет его тон и характер. Неудовлетворенность Драйзера советской системой также отражает некоторые основные, фундаментальные аспекты его мышления. Даже на самой «русофильской» фазе эволюции взглядов Драйзера, в 1930-е годы, его политическую позицию, наверное, лучше всего отражали слова, обращенные им к писательнице Эвелин Скотт: «Я ни в коем случае не являюсь истинным марксистом; когда я был в России, мне постоянно угрожали выбросить меня оттуда из-за моей буржуазной, капиталистической точки зрения. Я выступаю не столько против доктрин, сколько против условий. А сейчас эти условия крайне плохо сбалансированы»²⁰.

Дома для Драйзера в 1927 году условия складывались неплохо. Он наконец опубликовал свое лучшее произведение «Американская трагедия» (1925), которое сразу стало бестселлером. Это обстоятельство вместе с выгодным контрактом на съемку кинофильма позволило ему вписаться в короткий период процветания Америки при президенте Кулидже. Как следствие в это время он предпочитал хвалить капитализм в противовес системе, существовавшей в России. Он утверждал, что «американские рабочие – лучшие в мире», гордился «бескорыстной работой американских ученых и достижениями американских финансистов в создании промышленности, 50 %-ным подоходным налогом, благотворительностью богачей, выходом социальных условий на новую высоту», а затем, демонстрируя полное отсутствие экономического мышления, добавлял: «И, возможно, следующим шагом... станет создание советской системы; я считаю, что если бы эта система была внедрена в массы в Америке, то они бы ее приняли» (см. стр. 243).

Данный дневник также характерен рядом таких внутренне противоречивых выводов. Драйзер имел способность колебаться, словно маятник, от «уродливой американской» позиции самодовольного национализма до наивно-идеалистического взгляда на советские цели и программы. Но он был хорошим наблюдателем, особенно официальной политики и условий жизни простых людей. Кеннел, которая часто скрещивала идеологические мечи со своим «боссом», однажды пронизательно заметила: «У меня всегда было такое чувство, что он спорит сам с собой, а не со мной»²¹. То же самое можно сказать и об отраженной в

¹⁷ Анна Луиза Стронг (Anna Louise Strong, 1885–1970) – американская журналистка и писательница прокоммунистической направленности, долгие годы прожившая в СССР и КНР и написавшая множество книг и статей в поддержку властей этих стран (*пер.*).

¹⁸ Синклер Льюис (Sinclair Lewis, 1885–1951) – знаменитый американский писатель; первый в США лауреат Нобелевской премии по литературе (1930) (*пер.*).

¹⁹ Дороти Селин Томпсон (Dorothy Celene Thompson, 1893–1961) – известная американская журналистка и радиоведущая. Синклер Льюис в 1928 году стал ее вторым мужем (*пер.*).

²⁰ Письмо Драйзера к Эвелин Скотт от 28 октября 1932 года. См. Letters of Theodore Dreiser / Ed. Robert H. Elias. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1959. 2:615.

²¹ Kennell Ruth Epperson. Theodore Dreiser and the Soviet Union. N.-Y.: International Publishers, 1969. P. 200.

дневнике полемике между Драйзером и такими заметными фигурами, как Николай Бухарин, Сергей Эйзенштейн, Владимир Маяковский, Константин Станиславский, Карл Радек и деятелем так называемого обновленчества архиепископом Н.Ф. Платоновым (Драйзер и Кеннел называют его в дневнике архиепископом Платоном, *(ред.)*).

Эти беседы, наряду с нарисованными Драйзером яркими картинами жизни страны в год десятилетия нового режима, ставят дневник на особое положение среди социальных документов того времени. Он входит в очень краткий список важных американских свидетельств о жизни России в 1920-х годах – список, который включает такие произведения, как эссе Истмена «С тех пор, как умер Ленин», «После смерти Ленина» (*Since Lenin Died*), «Американский завет» (*American Testament*) Фримена, «Мое разочарование в России» (*My Disillusionment in Russia*. Garden City. N.-Y.: Doubleday, Page & Company, 1923) Гольдман и публикаций родившегося в Англии журналиста Уолтера Дюранти²² в газете *New York Times*.

Драйзер в еще большей степени, чем любой из этих писателей, остался загадкой для принимающей стороны. К 1927 году в советских кругах высоко ценили пятидесятишестилетнего романиста, переводы его книг печатались в государственных издательствах. В его произведениях фигурировали симпатичные «пролетарские» персонажи, такие как Дженни Герхардт и Клайд Грифите, безусловно, можно было считать жертвами капитализма. Вместе с тем в двух романах о Каупервуде – «Финансист» (1912) и «Титан» (1914) – он рисует образ капиталиста-хищника, основываясь на биографии чикагского транспортного короля Чарльза Йеркса²³. При этом во время пребывания в СССР высказывания Драйзера с похвалами американскому индивидуализму заставили Кеннел весьма определенно заключить, что «во время своего паломничества в первую социалистическую страну полемический подход писателя отражал его симпатию к своему герою Каупервуду»²⁴.

Наблюдения Кеннел фиксируют только одну сторону характера Драйзера. Но его политические привязанности, которые всегда было трудно измерить, были куда более сложными, чем ей казалось. На Драйзера сильное влияние оказала эра прогрессивизма 1890-х годов, но он тем не менее всегда с сомнениями относился к реформам. В девятнадцать лет он подружился с такими политическими бунтарями, как Даниэль Де Леон²⁵, Юджин Дебс²⁶ и Джон Рид; впрочем, он никогда не имел такого революционного пыла, которым пронизана, скажем, эпопея Рида о русской революции «Десять дней, которые потрясли мир» (1919). Работы Драйзера появлялись в таких радикальных журналах, как *Masses* («Массы»)²⁷, в те же самые годы, когда он объединился в литературных сражениях с

²² Уолтер Дюранти (Walter Duranty, 1884–1957) – британский журналист, в 1922–1936 годах – руководитель московского бюро *New York Times*.

²³ Чарлз Тайсон Йеркс (Charles Tyson Yerkes, 1837–1905) – американский финансист, сыгравший значительную роль в разработке системы общественного транспорта в Чикаго и Лондоне. История его жизни легла в основу «Трилогии желания» Теодора Драйзера (романы «Финансист», «Титан», «Стоик») *(пер.)*.

²⁴ Kennell Ruth Epperson. Theodore Dreiser and the Soviet Union. N.-Y.: International Publishers, 1969. P. 80.

²⁵ Даниэль Де Леон (Daniel De Leon, 1852–1914) – деятель американского рабочего движения, руководитель и идеолог Социалистической рабочей партии США *(пер.)*.

²⁶ Юджин Виктор «Джен» Дебс (Eugene Victor «Gene» Debs, 1855–1926) – деятель рабочего и левого движений США, один из организаторов (в 1900–1901 годах) Социалистической партии Америки, а также (в 1905 году) профсоюзной организации «Индустриальные рабочие мира».

²⁷ Eugene Victor «Gene» Debs

консерватором Генри Менкеном, начавшим уже в 1917 году выказывать в печати опасения, что его друг стал «профессиональным революционером»²⁸. В тот день, когда писатель уезжал в Россию, его друзья-марксисты Фримен, Диего Ривера²⁹ и Джозеф Вуд Крутч³⁰ составили часть небольшой группы провожающих, которая устроила для писателя прощальный вечер. На этом вечере, по их воспоминаниям, Драйзер стал в благожелательном тоне говорить о монархии и выражать симпатию царской семье³¹.

Чего могли ожидать русские от такого гостя? Молодой советский критик Сергей Динамов³², фигура которого занимает видное место в данном дневнике, за год до приезда Драйзера написал ему письмо, в котором спрашивал, какие решения он видит для экономических и политических проблем, стоящих перед миром. Драйзер ответил: «Жизнь я понимаю как живой процесс, который в конечном счете никак от нас не зависит... И до тех пор, пока высший разум, который творит этот мир, не сочтет нужным изменить природу человека, я думаю, жизнью всегда будет управлять закон выживания наиболее приспособленных, будь то в монархической Англии, демократической Америке или Советской России»³³. Впрочем, несмотря на длительную историю подобных заявлений, именно Драйзер был одним из тех, на кого хотели сделать ставку советские чиновники.

Образ мыслей Драйзера заставлял его подчеркивать «природу человека» в противовес национальным различиям, но когда писатель приехал в Россию, он испытал настоящий культурный шок. Из дневника видно, что его первым ответом на этот шок было создание

²⁸ Mencken H.L. The Dreiser Bugaboo: The Seven Arts (August 1917); rpt.// The Correspondence of Theodore Dreiser & H.L. Mencken, 1907–1945 / Ed. Thomas P. Riggio. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1986. 2:773.

²⁹ Диего Мария де ла Консепсьон Хуан Непомусено Эстанислао де ла Ривера и Баррьентос Акоста и Родригес (Diego Maria de la Concepcion Juan Nepomuceno Estanislao de la Rivera y Barrientos Acosta y Rodriguez, 1886–1957) – знаменитый мексиканский живописец, муралист, политический деятель левого толка.

³⁰ Джозеф Вуд Крутч (Joseph Wood Krutch, 1893–1970) – американский писатель, критик и натуралист, более всего известный своими книгами о природе Юго-Запада США.

³¹ Aaron Daniel. Writers on the Left. N.-Y.: Discus Books, 1969. P. 159. Дэниел Аарон сообщил, что ему эту историю рассказал Майк Голд, но по прошествии стольких лет он не может быть полностью уверен в том, что все так и было (Письмо Аарона к Риджио от 21 сентября 1994 года). Стоит отметить, что в дневнике Драйзер не проявляет таких настроений; говоря о царе Николае II и его семье при посещении одного из царских дворцов под Ленинградом, он замечает: «Для меня стало достаточно ясно, почему от этих людей нужно было избавиться» (26 ноября 1927 года). Еще в 1896 году, когда Драйзер был редактором журнала *Evry Month*, он сделал следующую подпись под фотографией Николая:

«Практически арбитр Европы и угроза для цивилизации как направитель активности бесчисленной русской орды, он является кем угодно, но только не гением. Он берет на себя ответственность и принимает решения в делах, которые могут оказать влияние даже на самые отдаленные века и народы. К такому исходу привела чудовищно несправедливая система наследования, при которой самый дикий, самый неразумный наследник по рождению наследует такую власть и такое имущество (1 декабря 1896 года)».

Об образе мыслей Драйзера в этот период см. Barrineau Nancy Warner (ed.). Theodore Dreiser's *Ev'ry Month*. Athens: University of Georgia Press, 1996.

³² Сергей Сергеевич Динамов (настоящая фамилия Оглодков, 1901–1939) – советский литературовед, шекспировед, редактор. Редактор полного собрания сочинений Шекспира в 8 томах. Автор множества статей и книг о Шекспире. Репрессирован, как и очень многие из тех, с кем встречался Драйзер (*пер.*).

³³ Письмо Драйзера Сергею Динамову от 5 января 1927 года. См. Letters of Theodore Dreiser / Ed. Robert H. Elias Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1959. 2:450. См. также Драйзер Т. Жизнь, искусство и Америка: Статьи, интервью, письма. Сборник / Пер. с англ.; составление и предисловие Ю. Палиевской; комментарий В. Толмачева. М.: Радуга, 1988. С. 284–285 (*пер.*).

простых стереотипов – он продемонстрировал естественную тенденцию путешественника сравнивать обычаи новой страны с обычаями своей собственной. Однако чаще всего Драйзер мыслил в литературных, а не в этноцентрических терминах. Он сразу же начал проецировать на представшую перед ним неразличимую человеческую массу образы, почерпнутые из литературы: «Насколько я вижу, это настоящий народ великих русских писателей – Толстого, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Салтыкова. Изображенные ими типы можно увидеть повсюду» (см. стр. 101). Только по мере того, как Драйзер шаг за шагом пробирался через новый для него ландшафт, последний постепенно оживал и наполнялся его собственными чувствами в отношении мест, настроений и деталей.

Впрочем, даже после того, как писатель приспособился к новой для него обстановке, он обнаружил, что ему трудно испытывать теплые чувства к хозяевам, и такое ощущение оказалось взаимным. Некоторые следы неофициального восприятия Драйзера в СССР можно найти в письмах, хранящихся в Государственном архиве в Москве. Из них, как и из дневника, следует, что Драйзер не всегда был для хозяев простым гостем. Так, на встрече с известным марксистским теоретиком Бухариным Драйзер «без промедления бросился в атаку» (см. стр. 281). Кеннел такое поведение показалось верхом самоуверенности. Но обмен мнениями с Бухариным (это один из основных пунктов дневника) не был проявлением высокомерия со стороны лично Драйзера. Его отношение к Бухарину не было чем-то уникальным – даже среди американских политических радикалов. Так, Истмен, например, писал в 1925 году, что, хотя Бухарина хвалят за то, что он «якобы полностью овладел марксистской философией», на самом деле он «написал книгу об историческом материализме, которая на первый взгляд выглядит совершенно по-школярски, а на самом деле так запутывает и запудривает мозги, что большинство людей соглашается признать его владение марксизмом, лишь бы не читать и не изучать эту книгу. А Ленин говорил о Бухарине, что «его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским»³⁴.

Любивший поспорить Драйзер, конечно, не нуждался в каких-то поводах для наскоков на советских сановников, которые оказывались на его пути. В силу этого, когда Кеннел, не способная, да и в некоторой степени не желавшая контролировать упрямого романиста, поддерживала неординарные просьбы Драйзера, она ставила под угрозу свою основную работу. Можно предположить, что именно отношения Кеннел с Драйзером, как публичные, так и личные (несмотря на попытку избежать неприятностей, предоставив в БОКС копию дневника), могут объяснить ее окончательный выезд из России вскоре после отъезда писателя.

Когда Кеннел начала расшифровывать записи Драйзера и передавать в БОКС, все упоминания о ее близости с Драйзером из дневника исчезли. Вместе с тем она сделала к дневнику любопытное дополнение, которое затем отправила Драйзеру в Америку. Это интересное послание представляет собой частично любовное письмо, а частично – продолжение полемики, которую они с Драйзером вели в течение всей поездки: «А теперь прощай, прощай надолго, мой дорогой босс. Надеюсь, я смогу сжиться со своим одиночеством, но если нет, то разве это не докажет, что человеческие чувства прочны – по крайней мере, в определенных пределах?.. Очарование твоей могучей личностью все еще окутывает меня. Никто никогда так полно не чувствовал мою индивидуальность... Точно так же, я думаю, ты ошибаешься в своих окончательных выводах о жизни и конкретно о социальном эксперименте в России» (см. стр. 414, 417).

Личность Кеннел, с очевидностью, заслуживает большего внимания чем то, которое ей уделяли до сих пор, поскольку она заметно повлияла на размышления Драйзера о России. Ее

³⁴ Eastman Max. Since Lenin Died. N.-Y.: Boni & Liveright, 1925. P. 30. Другая, менее полемическая точка зрения на интеллектуальные способности Бухарина изложена в книге Cohen Stephen F. Bukharin and the Russian Revolution. N.-Y.: Alfred A. Knopf, 1973. Перевод на русский: Коэн С. Бухарин. Политическая биография. 1888–1938 / пер с англ.; общ. ред., послесл. и коммент. И. Е. Горелова. М.: Прогресс, 1988. 574 с.

многочисленные роли (личный секретарь, гид, переводчик, соавтор дневника, любовница, а затем корреспондент и редактор книги «Драйзер смотрит на Россию») ставят Кеннел в особое положение в окружении Драйзера – по крайней мере, в то время, когда он только начинал формировать свои представления о Советском Союзе. Именно Кеннел как первый и главный антагонист Драйзера в споре о подлинности советского эксперимента помогла ему сформулировать свое мнение обо всех его сторонах.

Конечно, эту дискуссию начали не Драйзер и не Кеннел. Драйзеру не было необходимости изучать книги и статьи всех тех, кто побывал в России, чтобы узнать аргументы спорящих. В Нью-Йорке он читал яркие сообщения Уолтера Дюранти³⁵, выступавшего в поддержку новой власти. Он также знал о менее оптимистичных выводах, сделанных Эммой Гольдман. Депортированная правительством США из страны за ее анархистские взгляды во время красного террора в России, Гольдман прибыла в Москву с гораздо большими надеждами, чем Драйзер, однако уже к 1922 году опубликовала ряд статей о недостатках советской системы и лидеров нового государства. «Истово веруя в непогрешимость своего учения и полностью отдавая себя ему, они могли в одно и то же время представлять героями и вызывать омерзение. Они могли работать по двадцать часов в сутки, жить на селедке и чае и приказывать казнить невинных мужчин и женщин»³⁶. Поскольку Гольдман говорила по-русски и была близко знакома со многими людьми в России, она улавливала такие социальные нюансы, которые пропускал Драйзер. Тем не менее многие выводы Драйзера, сделанные в 1928 году, повторяли доводы Гольдман. Оба осудили коммунистический террор, поскольку (говоря словами Гольдман) «коммунисты точно следовали формуле иезуитов: цель оправдывает средства»³⁷. Драйзер, как и Гольдман, почувствовал, что «большевики были социальными пуританами, которые искренне верили в то, что им и только им предопределено спасти человечество»³⁸.

Впрочем, несмотря на неоднократные вспышки неудовольствия, Драйзера, в отличие от Гольдман, в советском догматизме многое привлекало. По своей природе он был столь же склонен к абсолютизму и пуританству в своих убеждениях, как и любой член коммунистической партии. Это обстоятельство легко заметить в дневнике, особенно в его диалогах с лидерами России. При этом, несмотря на горячность Драйзера, в нем чувствуется некая готовность быть переубежденным, стремление поверить в то, что идеальное общество возможно – если только кто-то сможет ответить на его вопросы и погасить его огромный скептицизм в отношении человеческой природы.

В конце 1920-х годов Кеннел была близка к тому, чтобы стать этим «кем-то» – во всяком случае, ей удалось заставить Драйзера отказаться от некоторых его предрассудков. К ее чести, она спорила с ним более открыто, чем это было нужно в ее положении. На самом деле, похоже, ее воззрения были почти так же противоречивы, как у Драйзера, и он почувствовал эту ее особенность – по крайней мере, в том объеме, в котором мы можем доверять подлинности портрета Кеннел в новелле Драйзера «Эрнита», опубликованной в сборнике «Галерея женщин» (1929). Там автор приходит к выводу, что, когда он в последний раз видел ее в России, «хотя ее вера в коммунизм, несущий женщине освобождение, оставалась такой же непоколебимой, она уже понимала, что и на этом пути возможны

³⁵ Газетные статьи Дюранти собраны в книгу: *Tuckerman Gustavus* (ed.) *Duranty Reports Russia*. N.-Y.: The Viking Press, 1934.

³⁶ *Goldman Emma*. *My Disillusionment in Russia*. N.-Y.: Doubleday, Page & Company 1923. p. 111.

³⁷ *Ibid.*, p. 110.

³⁸ *Ibid.*, p. 112

ошибки»³⁹. Положение Драйзера как ее работодателя, а также их романтическая связь, естественно, усложняли для нее положение дел⁴⁰. Тем не менее все время ее общения с Драйзером она идеологически оставалась приверженцем советского эксперимента. После возвращения в Америку в 1928 году Кеннел начала карьеру писателя – в основном она писала рассказы для подростков. В большей части своих произведений – от повести «Беспризорник Ваня» (*Vanya of the Streets*, 1931) до рассказов, которые продолжала писать вплоть до своей смерти в 1977 году, – Кеннел стремилась ломать стереотипы о России, усвоенные американцами едва ли не с молоком матери. Даже в 1960-е годы, когда весь идеализм по отношению к Советскому Союзу был давно разрушен ужасами сталинского правления и реалиями, сложившимися после Второй мировой войны, Кеннел неизменно оставалась поклонником России. В ее книге 1969 года о пребывании Драйзера в Советском Союзе образ писателя часто используется для преодоления того, что она считала противодействием лучшему в русской жизни. Такой подход, конечно, являлся продолжением программы воспитания, начатой Кеннел за сорок лет до этого, только теперь она использовала формат мемуаров, чтобы поговорить с более широкой аудиторией. Сегодня ясно, что для нее это был долгосрочный проект. Уже в дневнике мы находим ее идеи, которые в дальнейшем развивал Драйзер, и даже ремарки наподобие «Я ничего такого не говорила, но потом об этом размышляла» показывают, что дневник в ее руках приобретал характер учебного пособия.

Уроки Кеннел не прошли для Драйзера впустую, и, хотя писатель открыл свою книгу о России заявлением о том, что он «неисправимый индивидуалист, поэтому оппонировал коммунизму»⁴¹, говорил он о советском государстве в основном хорошее. Соппротивление, которое оказывала Кеннел его идеям, также обнаружило долгосрочное влияние на позиции Драйзера в тридцатые годы, когда он использовал многие ее аргументы в публичных заявлениях.

В течение этого десятилетия Драйзер стал одним из многих американцев, у которых кризис экономики США и «недомогание» общества в годы депрессии вызвали идеализацию Советского Союза. По сути, «Русский дневник» Драйзера свидетельствует об одном из главных проявлений иронии истории в эти десятилетия. В 1920-е годы, когда Россия проходила относительно демократическую и упорядоченную фазу развития, большинство интеллектуалов были либо апатичными, либо, подобно Драйзеру, имели смешанное мнение о коммунистической системе, тогда как в 1930-х годах они уже проецировали свои утопические идеалы на самый репрессивный режим в советской истории.

Таким образом, амбивалентный в своих высказываниях о России Драйзер посылал своим читателям противоречивые сообщения. Не случайно Менкен на основании изучения публичных заявлений Драйзера пришел к выводу, что русские основательно промыли мозги

³⁹ Dreiser Theodore. *A Gallery of Women*. N.-Y.: Horace Liveright, 1929.1:357. Перевод на русский: Драйзер Т. Эрнита // Драйзер Т. Собрание сочинений: в 12 т. Т. 12. М.: Правда, 1986. С. 46–87.

⁴⁰ Прочитав рассказ «Эрнита» в рукописи, Кеннел написала Драйзеру, что история не будет полной, если не рассказать о том, как Эрнита после серии болезненных личных переживаний, вызванных тем, что она сама отдавала себя в руки недостойных личностей, встретила некоего великого человека, очень близко познакомилась с ним, прониклась к нему глубокой, почти материнской привязанностью, и они вместе боролись за близкие им принципы и теории построения общества, пока он постепенно не разрушил ее философию и ее веру, а также некоторые из ее самых заветных принципов в отношении ее пола. Это звучит так, как будто он оказался злодеем, но он вовсе не таков, совсем наоборот. Письмо Кеннел Драйзеру от 9 июня 1928 года. Dreiser Collection, Special Collections Department, Van Pelt – Dietrich Library Center, University of Pennsylvania.

⁴¹ Dreiser Theodore. *Dreiser Looks at Russia*. N.-Y.: Horace Liveright, 1928. P. 9. Перевод на русский: Драйзер Т. Драйзер смотрит на Россию // Теодор Драйзер. Жизнь, искусство и Америка: Статьи, интервью, письма. Сборник / пер. с англ.; составление и предисловие Ю. Палиевской; комментарий В. Толмачева. М.: Радуга, 1988. 416 с.

его старому другу⁴². А когда Дороти Томпсон обвинила Драйзера в плагиате – заимствованиях текста из ее книги «Новая Россия» (New Russia, 1928), Менкен сделал вывод, что это русские снабдили ее материалами для книги и что «Драйзер, который также побывал в России и совершил такую же поездку, был снабжен теми же материалами»⁴³.

Существует и еще несколько возможных объяснений такому поведению писателя. Одно из них предложила журналистка Анна Луиза Стронг, которая призналась, что это она дала Драйзеру и Томпсон одни и те же заметки, «которые они оба использовали в сыром виде»⁴⁴.

Определенную поддержку этой точки зрения можно найти в самом дневнике, когда Драйзер отмечает, что долго и внимательно выслушивал суждения Стронг о России (см. запись от 17 ноября 1927 года, стр. 173). Еще одну возможность предложила Луиза Кэмпбелл, которая печатала и помогала редактировать рукопись Драйзера. Она рассказала биографу Драйзера У. Э. Сванбергу, что тот поручил ей использовать газетные статьи Томпсон при написании «Драйзер смотрит на Россию». Сванберг предполагает, что Драйзер мог попросить об этом и других людей, которые помогали ему компоновать эту книгу⁴⁵.

Между тем в дневнике рассказана другая история. Ситуация оказалась гораздо более сложной, чем считал Менкен. Сейчас, даже имея перед собой доказательства в виде дневника, нам трудно определить, в какой степени контролировались поездки Драйзера. Очевидно, ему, по возможности, организовывали показушные «царские выезды», включавшие стандартные визиты в образцовые тюрьмы, школы и жилые комплексы, построенные для рабочих. К писателю также был официально прикреплен гид, задачей которого было удерживать его от любых спонтанных контактов с местными жителями.

Но Драйзеру было намного сложнее «промыть мозги», чем это могли предположить Менкен и советские хозяева. Он всегда подозрительно относился к догмам любого рода, даже к тем, в которые сам хотел верить. Кеннел быстро поняла это, убедилась, что ее босс не поддастся на уловки хозяев, и решила подыгрывать его попыткам уклониться от ограничений, накладываемых властями. Много лет спустя она вспоминала, что Драйзер, «настороженно относившийся к пропаганде, был подозрителен к русским»⁴⁶. Из дневника видно, что Драйзер постоянно жаловался на официальную программу, которую ему предлагали. «Есть много строго определенных вещей, которые Советы решили обязательно продемонстрировать иностранцам – обычно (я бы даже сказал «всегда») они отражают трудовые свершения советских людей. Поэтому меня тянут и туда и сюда, и все это быстро, очень быстро. Вот прикоснуться к личной, обыденной жизни города или почувствовать ее – не тут-то было» (см. стр. 250). В силу этого Драйзер ожидал от секретаря, что она поможет ему войти в контакт с обычной жизнью страны. Иногда это означало просто получение хорошей местной еды. И даже в этом вопросе Драйзер был осведомлен о стандартной политике властей: «Я пытался убедить хоть кого-то отвезти меня в Ленинграде в простой

⁴² За Менкеном последовали другие критики; см., например, книгу Aaron Daniel *Writers on the Left*. N.-Y.: Oxford University Press, 1977. P. 159. Более мудро поступил биограф писателя Ричард Линджмен, который при анализе мотивов, лежавших в основе реакции Драйзера на коммунизм, сконцентрировался на внутренних причинах; см. Lingeman Richard. *Theodore Dreiser: An American Journey, 1908–1945*. N.-Y.: G. P. Putnam's Sons, 1990. P. 289–310.

⁴³ Mencken H.L. *My Life as Author and Editor* / Ed. Jonathan Yardley. N.-Y.: Alfred A. Knopf, 1993. P. 337.

⁴⁴ Цит. по: Schorer Mark. *Sinclair Lewis: An American Life*. N.-Y.: McGraw-Hill Book Company, Inc., 1961. P. 495.

⁴⁵ Swanberg W.A. *Dreiser*. N.-Y.: Charles Scribner's Sons, 1965. P. 343.

⁴⁶ Kennell Ruth Epperson. *Theodore Dreiser and the Soviet Union*. N.-Y.: International Publishers, 1969. P. 22.

русский ресторан, но нет: иностранцы должны видеть только грандиозное...» (см. стр. 253).

Конечно же, Кеннел по договоренности с Драйзером попыталась противостоять тому, что Пол Холландер назвал технологиями гостеприимства⁴⁷ – методам, с помощью которых власти покоряют иностранных гостей. Это была нелегкая задача. При этом организаторы тура надеялись, что Кеннел во время поездки будет работать рука об руку с агентами БОКС, чтобы держать Драйзера в узде. В частности, когда они впервые уезжали из Москвы, переводчик Тривас прямо обратился к Кеннел в конфиденциальном тоне: «Несколько недель мы будем ездить вместе. Между нами говоря, мы ведь должны иметь возможность управлять стариком – верно?»⁴⁸

Кеннел как могла сопротивлялась подобным приемам. Из дневника видно, что они с Драйзером не раз убегали от назначенных гидов и срывались на несанкционированные экскурсии. Кеннел одна занималась организацией встречи Драйзера с Радеком. Последний как друг Троцкого находился под наблюдением, и для того, чтобы избавиться от соглашения в его кремлевском кабинете, встречу с Драйзером пришлось проводить в гостинице. Временами Кеннел использует дневник для того, чтобы с его помощью описать более темные стороны жизни при Советах. Так, когда они встречались в маленьком городке с местным священником, Драйзер засыпал его сомнительными вопросами. Священник отвечал уклончиво, а иногда явно говорил неправду. В дневнике при описании этой встречи Кеннел приводит прощальные слова священника, которые он прошептал ей наедине: «Пожалуйста, объясните господину, что я бы с радостью ответил на его вопросы, если бы мы были одни, но перед еврейкой, представителем власти, корреспондентом газеты!»⁴⁹ Если бы я высказал свое мнение...» – и он провел пальцем по горлу» (см. стр. 308).

Кеннел доверяла Драйзеру такую информацию, ибо считала: только голая правда убедит его в том, что советское государство – это надежда на будущее. (Похоже, она несколько наивно предполагала, что подобным же образом поймут ее намерения и другие «читатели».) Более того, при всех ее жалобах на Драйзера из дневника видно, что она, безусловно, наслаждалась привычкой писателя играть роль адвоката дьявола, его склонностью упрямо противостоять и противоречить навязываемому мнению. В своем прощальном письме Кеннел благодарит его за то, что он был для нее «сильнейшим интеллектуальным стимулом» (см. стр. 415) – хотя она, видимо, восхищалась больше его критическим умом, чем его идеями. И, кажется, она наконец поняла, насколько он был человеком настроения. Неслучайно Кеннел напоминала себе и другим, что «когда мистер Драйзер чувствовал себя уставшим и несчастным, он всегда смотрел на мир мрачно»⁵⁰. Как внесистемный мыслитель, Драйзер часто исповедовал «взгляды», которые отражали его самые глубокие предрассудки, многие из которых не были полностью осознанными. Среди наиболее очевидных таких предрассудков можно назвать подозрение Драйзера, что догматизм Советов сродни догматизму его постоянного раздражителя – католической церкви.

Во время путешествий Драйзера как магнит притягивали церкви и религиозные службы. Он с заинтересованностью отмечал, что большое количество русских продолжало принимать «опиум для народа». Драйзер мог в любой момент обратиться к вопросу о

⁴⁷ *Hollander Paul* Political Pilgrims: Travels of Western Intellectuals to the Soviet Union, China, and Cuba, 1928–1978. N. – Y.: Oxford University Press, 1981. P. 16–21.

⁴⁸ *Kennell Ruth Epperson*. Theodore Dreiser and the Soviet Union. N.-Y.: International Publishers, 1969. P. 88.

⁴⁹ Имеются в виду приставленная к Драйзеру медик Давидовская, глава местного Совета, секретарь Совета и репортер, см. ниже (*ред.*).

⁵⁰ *Kennell Ruth Epperson*. Theodore Dreiser and the Soviet Union. N.-Y.: International Publishers, 1969. P. 147.

религии – как он сделал это в разгар дискуссии на экономические темы с заместителем председателя правления Всероссийского центрального союза потребительских обществ (Центросоюза): «Разве советское правительство не пытается воспитывать детей так, чтобы они стали сторонниками советского правительства, как католическая церковь воспитывает детей католиками?» (см. стр. 199). Воспоминания о трудном католическом детстве оставили в сознании Драйзера преувеличенные страхи о могуществе католической церкви в США. Он считал, что церковь вовлечена в тайную программу международной экспансии, своего рода духовного империализма, а это соответствовало политическим воззрениям многих советских лидеров того времени. Во время приступов пессимизма подобные страхи всплывали в сознании Драйзера, и тогда он переносил на советский режим свои худшие ночные кошмары: «Ваша программа... это в точности программа католической церкви или греческой церкви... и ее политика в отношении молодежи – это желание постоянно закрашивать ее психологию в свой цвет. Я говорил – и повторяю, – что Центральный комитет [коммунистической партии] избавился от одной железной догматической веры только для того, чтобы возвести на ее месте другую – и, по-моему, более опасную» (см. стр. 287, 268).

Взгляды Драйзера на советский догматизм не были какими-то необычными, но отличались тем, что его сильное возмущение объяснялось не политическими причинами. Наверное, писатель беспокоился бы о данном предмете гораздо меньше, если бы в полной мере представлял размах советской кампании против религии: в 1927–1928 годах власти закрыли более 270 церквей, 80 монастырей, 59 синагог и 38 мечетей⁵¹. Однако Драйзер больше ориентировался не на такие околополитические события, а на природу и функцию религии в обществе. Вернувшись в Соединенные Штаты, он написал Кеннел, что она ошибается в оценке его позиции. По словам писателя, его главный враг – не религия, а религиозная догма: «Существует, в частности, религия, которая является откликом, благоговением перед красотой и мудростью творческой энергии. Многие люди наслаждаются ею – причем без всяких догм»⁵². Это в конечном счете помогло Драйзеру преодолеть часть его сомнений относительно партийного догматизма; так, он постепенно пришел к полному одобрению цели советской власти – уничтожить патриархальные структуры старой России, в том числе связанные с церковью, семейной жизнью, супружескими узами, а также традиционной ролью женщины в обществе.

Драйзер был глубоко обеспокоен социальными проблемами, но политическая борьба, которая интересовала большинство его современников, не привлекала писателя. Похоже, почти не занимала его и активная борьба за власть в России, в результате которой вскоре после отъезда Драйзера из страны Иосиф Сталин превратился в абсолютного диктатора. Лишь нескольких неясных ссылок удостоивается драматическое откровение Льва Троцкого о завещании Ленина, опубликованное в октябре 1927 года. Точно так же Драйзер не размышляет об исторических событиях, которые произошли во время его визита: консолидации власти Сталина путем исключения из партии видных большевиков в ноябре-декабре 1927 года и высылки Троцкого в Среднюю Азию в январе 1928 года.

Он также был не в курсе вопросов, которые могли оказать непосредственное влияние на него как на писателя. Несомненно, он был бы недоволен, узнав, что государственное издательство Госиздат, которое обхаживало его во время пребывания в России, отказалось публиковать произведения его интеллектуальных кумиров того времени: Герберта Спенсера, Шопенгауэра, Толстого, Ницше и Достоевского. Или что тот же Госиздат, действуя вместе с печально известным Главполитпросветом во главе с Надеждой Крупской, дал тайное

⁵¹ См. *Dmytryshyn Basil* USSR, a Concise History. N.-Y.: Charles Scribner's Sons, 1984. P. 131.

⁵² Письмо Драйзера к Кеннел от 5 сентября 1928 года. Dreiser Collection, Special Collections Department, Van Pelt – Dietrich Library Center, University of Pennsylvania.

указание удалить произведения этих писателей и философов из библиотек⁵³. Впрочем, Драйзер успел и сам ощутить на себе существование в России государственной цензуры в театре и кино. Его развеселила «социалистическая» версия постановки «Хижины дяди Тома», но, когда дело дошло до его собственного романа, Драйзеру стало не до шуток: пьеса по «Американской трагедии» уже обсуждалась со Станиславским, когда знаменитому режиссеру было приказано не ставить ее, потому что цензоры нашли в ней «религиозные мотивы», а отношение работодателей к рабочим показалось им «слишком мягкими». Выводя Драйзера из кабинета Станиславского, его секретарша положила руку ему на плечо и мягко сказала: «Может быть, лет через пять нам разрешат ее поставить»⁵⁴.

Тем не менее к 1928 году такие противоречия и разочарования начали занимать в размышлениях писателя второе место после того, что стало основным фактором в формировании реакции Драйзера на Россию: вопрос о том, что он назвал справедливостью, под которой подразумевал социальный и экономический паритет для всех. Изложенные в дневнике размышления Драйзера связывает воедино образ мыслей, который обычно заставлял его подвергать сомнению целостность любой якобы гуманной экономики. Драйзера часто обвиняли в том, что, говоря словами Уильяма Дина Хоуэллса⁵⁵ о Марке Твене, он был социалистом в теории и капиталистом на практике. При этом, в отличие от более поздних критиков, Хоуэллс считал это обстоятельство не недостатком личности, а типично американским парадоксом. Впрочем, в любом случае это наблюдение лучше подходит к Драйзеру 1930-х годов, чем к человеку, голос которого звучит со страниц «Русского дневника». Находясь в России, Драйзер понимал, что он воспринимается здесь главным образом как «буржуа, зараженный грубым материализмом, или кровосос, неспособный ни осознать несчастья обездоленных, ни посочувствовать им» (см. стр. 275).

Это заявление представляет собой смесь неискренности, самоуверенности и гордости. Драйзер с радостью обсуждал то, что Кеннел называла его любимым тезисом: человек, одаренный от природы большим умом, всегда оказывается впереди, а обладатель маленького невежественного умишки в борьбе за жизнь плетется сзади. Драйзер повторял эту мантру так часто, что Кеннел начала подозревать: для джентльмена он как-то слишком много протестует. Иными словами, большую часть своей сознательной жизни он изо всех сил старался казаться неординарным человеком. Комментарии Драйзера, разбросанные по всему дневнику, многое говорят о неназванных движущих силах, стоявших за этим «тезисом». Приведем несколько примеров. Беседуя с Бухариным, он воинственно спрашивает: «Можете ли вы назвать человека великого ума, вышедшего из пролетариата?» (см. стр. 289) – в устах всемирно известного писателя пролетарского происхождения это высказывание выглядит по меньшей мере странно. Или возьмем случай на борту судна в порту Гагры на Черном море, где пассажиры второго и третьего классов произвели на него почти животное впечатление: «Их огромная сбившаяся масса вызвала у меня ощущение тошноты» (см. стр. 394). Не нужно быть адептом Фрейда, чтобы по достоинству оценить такой «вербальный промах», сорвавшийся с пера американца – сына иммигранта. В том же духе он защищает американскую юстицию в деле Сакко и Ванцетти: «Я попытался объяснить отношение американского общества к иностранцам, которые не были натурализованы» (см. стр. 359).

Драйзер занимался подобными вопросами и спустя много лет. Он мог, например, в письме Менкелю оправдывать свою преданность советской тематике собственными пролетарскими корнями: «Я знаю, что вы не цените обычного человека до тех пор, пока он

⁵³ Pipes Richard. Russia under the Bolshevik Regime. N.-Y.: Alfred A. Knopf, 1993. P. 295–296.

⁵⁴ Kennell Ruth Epperson. Theodore Dreiser and the Soviet Union. N.-Y.: International Publishers, 1969. P. 43–44.

⁵⁵ Уильям Дин Хоуэллс (1837–1920) – американский писатель и литературный критик, защитник американского типа развития и образа жизни.

не проникнется сознанием самоценности. Но я... Как вы заметили, Менкен, я, в отличие от вас, человек с пристрастиями. Я родился бедняком»⁵⁶.

Собственно говоря, «личный» элемент приглушенно звучит уже в первых газетных статьях, написанных Драйзером после возвращения из России. Он рассуждает: в новой России, возможно, «в той или иной форме удастся устранить это страшное чувство социального страдания, которое так огорчало меня в Америке с тех пор, как я стал достаточно взрослым, чтобы понимать, что такое социальные невзгоды»⁵⁷. Эта сторона его чувств к России стала более ясной в 1930-е годы, когда широко распространившиеся в Америке экономические проблемы побудили Драйзера рассмотреть социальные и политические корни его детских лишений. В процессе этого осмысления он пересмотрел свой предыдущий опыт: «Что касается коммунистической системы, какой я ее видел в России в 1927–1928 годах, то я за нее – обеими руками»⁵⁸.

Русские всегда высоко ценили добрую волю Драйзера, печатали его книги и даже в 1968 году назвали его именем улицу в украинском угольном центре Донецка (бывшее Сталино). Но пока Драйзер находился в России, он оценивал советскую систему гораздо хуже – это он ясно дал понять, когда прощался с Кеннел: «Я лучше умру в Соединенных Штатах, чем буду жить здесь», – ворчал он (см. стр. 411). К этому моменту великий поклонник индивидуализма был совершенно измотан суровыми условиями поездки. Кеннел позже вспоминала о его состоянии так: «Как жалко теперь выглядел американский представитель! Его элегантное светло-серое пальто было все в грязи, его шарф истрепался, костюм был помят, галстук-бабочка утерян, а сам он давно не мылся»⁵⁹. Он сидел в ожидании своего поезда; его бронхит усугублялся влажной русской зимой, грудь сжималась от боли, а носовые платки наполнялись быстрее, чем Кеннел успевала их стирать.

Кеннел опасалась, что злоключения последних дней пребывания Драйзера в России скажутся на его публикациях по возвращении в Америку. Но в письме к Кеннел от 24 февраля 1928 года Драйзер выражал надежду, что он избавился от ужасного настроения, которое преследовало его все последнее время, и заверял ее, что в своей книге он «не будет серьезно пытаться подорвать идеалистические представления». Он также прокомментировал новый факт из американской жизни, который резко изменил его оценку положения дел в России: «Кроме того, узнав, что здесь появились очереди за хлебом (впервые с 1910 года), я пришел в ярость, потому что здесь теряется слишком много богатства, чтобы такое допускать. Рассказывая о том, что я видел хорошего и плохого, я собираюсь противопоставить состояние дел там потерям, экстравагантности и социальному безразличию здесь. На меня может обрушиться очередная буря? Вот и хорошо»⁶⁰. Так или

⁵⁶ Письмо Драйзера Менкену от 27 марта 1943 года, см. *Mencken H.L. The Dreiser Bugaboo: The Seven Arts* (August 1917); rpt. // *The Correspondence of Theodore Dreiser & H.L. Mencken, 1907–1945* / Ed. Thomas P. Riggio. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1986.2:689.

См. также *Драйзер Т. Жизнь, искусство и Америка: Статьи, интервью, письма. Сборник/ пер. с англ.; составление и предисловие Ю. Палиевской; комментарий В. Толмачева. М.: Радуга, 1988. С. 355 (пер.).*

⁵⁷ Цит. по: *Lingeman Richard. Theodore Dreiser: An American Journey, 1908–1945. N.-Y.: G. P. Putnam's Sons, 1990. P. 309.*

⁵⁸ *Mencken H.L. The Dreiser Bugaboo: The Seven Arts* (August 1917); rpt. // *The Correspondence of Theodore Dreiser & H.L. Mencken, 1907–1945* / Ed. Thomas P. Riggio. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1986. 2:690.

⁵⁹ *Kennell Ruth Epperson. Theodore Dreiser and the Soviet Union. N.-Y.: International Publishers, 1969. P. 184.*

⁶⁰ Письмо Драйзера к Кеннел от 24 февраля 1928 года. Dreiser Collection, Special Collections Department, Van Pelt – Dietrich Library Center, University of Pennsylvania.

иначе, подобное противопоставление стало для Драйзера стандартным инструментом, с помощью которого он всю оставшуюся жизнь критиковал американскую действительность. И, как он и предсказывал, бури были.

Томас П. Риджио

Принципы редактирования

«Русский дневник» Драйзера является частным документом, написанным в сотрудничестве двумя авторами. Используемый в этом издании шрифт отражает обе эти характеристики. Дневник является частным в том смысле, что он не был подготовлен к публикации, в силу чего научное издание текста такого дневника должно сохранять его предварительный, личный характер, насколько его можно передать в печатной форме. Публичные документы (романы, рассказы, эссе) обычно появляются в публичной форме – в них исправлены орфографические и грамматические ошибки, сделана стилистическая правка. В частных же документах эти функции обычно используются до тех пор, пока они не начинают серьезно влиять на понимание. Соответственно, в данном издании дневника сохраняются почти все орфографические ошибки, грамматические ошибки и другие особенности, внесенные как Драйзером, так и Рут Кеннел. Существенные исправления были внесены только для разъяснения самых путаных пассажей; чтобы облегчить читаемость, внесена также небольшая правка пунктуации⁶¹.

Данный дневник является продуктом совместного творчества, поскольку он написан «в две руки»: Драйзер писал от себя, Кеннел – как от себя, так и от имени Драйзера. Это сотрудничество, важное для понимания дневника, показано путем использования разных начертаний шрифта: текст, написанный Драйзером, выделен курсивом, текст, напечатанный Кеннел, дан обычным шрифтом. Большинство записей в дневнике полностью сделаны либо одним, либо другим участником, но при написании некоторых страниц дневника его авторы действительно сотрудничали: Драйзер пересматривал и дополнял записи, сделанные Кеннел. Для читателя свидетельством такого сотрудничества является смена начертания шрифта.

Дневник почти полностью написан просто и ясно, без использования символов, диакритики или других «загогулин». Для расшифровки слов не требовалось почти никаких усилий. Несколько неразборчивых мест обозначены пометкой «[нечитаемое слово]». Пробелы, которые появляются в тексте, когда Драйзер не может вспомнить имя или термин, показаны как [...]. Все подчеркивания, которые сделаны в оригинальном дневнике, даются именно подчеркиванием, а не курсивом. При редактировании дневник был разделен на шесть разделов, чтобы отразить этапы путешествия Драйзера: «В пути», «Москва», «Ленинград», «Возвращение в Москву», «По России» и «Прощание». При упоминании в дневнике лиц, литературных произведений, журналистских работ, общественных зданий и учреждений были сделаны соответствующие примечания. Советские чиновники невысокого ранга, с которыми встречался и беседовал Драйзер, идентифицированы не были. Мы также не пытались восстановить правильные названия всех городов и сел, которые писатель посетил в России. Упоминания известных личностей, например Толстого, Тургенева и Керенского, остались без примечаний. Несколько «темных» мест в тексте также разъясняются в примечаниях. При необходимости расшифрованы слова на других языках и исправлены самые серьезные ошибки, сделанные авторами в русском языке. Если примечания к тому или иному лицу, названию или термину отсутствуют, то это значит, что эти лица и места не были идентифицированы или редакторы посчитали, что они не требуют примечаний.

В оригинале дневника многие географические названия написаны неправильно. Драйзер и Кеннел часто делали свои заметки через несколько часов после проезда тех или

⁶¹ Сохранить оригинальную орфографию и пунктуацию при переводе было невозможно, но переводчик и редакторы приложили все возможные усилия, чтобы придерживаться авторского стиля (*прим. ред.*).

иных станций и деревень, поэтому они не всегда правильно вспоминали их названия. В дневнике, посвященном России, возникла дополнительная проблема записи символов кириллицы буквами латинского алфавита. Ошибки в географических названиях могут смутить биографов и ученых-практиков, поэтому там, где это оказалось возможно, названия мест были исправлены с помощью карт и путеводителей 1920-х годов.

Имеются в дневнике и небольшие проблемы с датами. И Драйзер, и Кеннел иногда неправильно записывали день недели или год. Иногда Драйзер множил такие неточности, вычисляя дату следующей записи по ошибочно датированной предыдущей записи и тем самым внося ошибки дальше по тексту. Нам представляется, что нет никаких веских оснований для сохранения таких ошибок, поэтому они были исправлены, и исправления отражены в таблице в конце книги.

Оригинальный дневник является частью драйзеровского наследия – Dreiser Collection (MS Collection 30, Box 222), хранящегося в отделе особых коллекций библиотечного центра Ван Пельта – Дитриха Пенсильванского университета (Special Collections Department, Van Pelt – Dietrich Library Center, University of Pennsylvania). Дневник начинается как пачка чистых листов бумаги размером 150х228 мм, переплетенных в синий кожаный переплет. Архивисты, работавшие с дневником, карандашом проставили на каждом его листе порядковый номер. Текст дневника занимает листы с 1-го по 424-й; остальные листы остались пустыми. Один лист, существовавший между листами 20 и 21, был вырван (удалено окончание изложения разговора Драйзера с Хелен Ричардсон о том, будет она сопровождать его в поездке или нет). Прежде чем попасть в Университет Пенсильвании, дневник в течение нескольких лет после смерти Драйзера находился в распоряжении Хелен, и, вполне вероятно, что это она вырезала данный лист – возможно, для того, чтобы удалить информацию личного или интимного характера. Запись обрывается при описании разговора о паре сапожек, которые Драйзер должен был привезти для нее из России («может быть, красные?»). Теперь мы никогда не узнаем, получила она эти сапожки или нет.

Драйзер делал почти все свои записи на лицевой стороне чистых листов, используя чернила и карандаши различных цветов: голубой, синий, черный, фиолетовый, красный. Кеннел печатала свои записи на машинке на отдельных листах – тоже только на лицевой стороне. Большая часть листов, которые она передала Драйзеру, представляет собой копии, напечатанные через фиолетовую копировальную бумагу. Позже, в Нью-Йорке, Драйзер разрезал напечатанные ею страницы, своей рукой вносил в них исправления и дополнения и наклеивал их на страницы переплетенной пачки бумаги, тем самым значительно увеличивая ее объем.

Другие путевые дневники, сохраненные Драйзером, наполнены интересными материалами, привезенными из поездок, – фотографиями, открытками, квитанциями, меню, картами, телеграммами и письмами. Удивительно, но в дневнике почти нет такого материала, хотя он хранит несколько карандашных набросков, сделанных Кеннел, – это портреты Драйзера и людей, с которыми он встречался и у которых брал интервью. Два таких наброска воспроизводятся в данном издании.

Текстологический аппарат, приведенный в конце книги, имеет выборочный характер – в нем перечислены только те исправления, которые влияют на смысл изложения. Полный отчет об исправлениях будет храниться в коллекции Драйзера вместе с другими материалами, собранными во время подготовки данного издания.

Джеймс Л. У. Уэст III

Русский дневник Драйзера

Русский дневник:

Маршрут Теодора Драйзера в 1927–1928 годах

Масштаб в милях 0 200 400

Париж

Балтийское море

Белое море

Берлин

Варшава

Литва

Латвия

Эстония

Ленинград

Чехословакия

Польша

Киев

Москва

Нижний Новгород

СССР

Румыния

Одесса

Харьков

Сталино

Болгария

Греция

Константинополь

Севастополь

Ялта

Ростов

Новороссийск

Кисловодск

Сочи

Батум

Тифлис

Баку

Каспийское море

Турция

Карта, иллюстрирующая маршрут поездки Драйзера. Сплошной линией показан маршрут Драйзера с момента его прибытия в Париж до отъезда по железной дороге через Берлин и Варшаву в Москву. Пунктиром показаны перемещения в пределах Советского Союза. Сначала Драйзер остановился в Москве, откуда съездил в Ленинград и Нижний Новгород. Потом он начал более масштабный тур по стране, посетив столицу Украины Киев, а затем и другие крупные города Украины, Грузии и [Северного] Кавказа. Последний этап поездки привел его в портовые города Черноморского побережья. Свою поездку в СССР Драйзер завершил в Одессе, откуда отправился на поезде обратно в Париж. На карте не показаны маленькие города, в которых он делал случайные остановки, не отображен и его специально организованный визит в дом Льва Толстого в Ясной Поляне, которая находится в ста милях (160 км) к югу от Москвы.

В пути

*В Россию
Октябрь 1927 года*

*С русского советского транспаранта:
«Жизнь без труда – воровство.
Труд без искусства...»⁶²*

3 окт. 1927 года

Пелл ⁶³сообщил мне по телефону, что какой-то представитель русского советского правительства ищет мой адрес, чтобы направить мне предложение о бесплатной поездке в Россию с целью показать мне правдивую картину того, что было достигнуто Советами или их представителями за 10 лет существования СССР. Я предложил дать этому господину мой адрес.

7 окт. 1927 года

Мне звонит по телефону человек, который представляется г-ном Ройсом из организации «Международная рабочая помощь». Он хочет договориться о моей встрече с Ф. Г. Биденкапом, исполнительным секретарем этой организации. По его словам, г-н Биденкап представляет официальный советский режим в Москве и хочет объяснить мне природу приглашения, которое ему поручено мне доставить. Я назначаю встречу на следующее утро, на 10 часов.

8 окт. 1927 года.

Г-н Биденкап не появляется. Вместо этого звонит по телефону г-н Ройс. Оказывается, г-н Биденкап был вызван в Чикаго, но вскоре он снова появится и изложит мне суть дела, как и планировалось. Мне стало любопытно, насколько это соответствует действительности.

11 окт. 1927 года, вторник. Нью-Йорк

Больше никаких новостей о России не было вплоть до сегодняшнего дня, когда мне снова позвонили по телефону. Это был лично г-н Биденкап. Он вернулся из Чикаго и вскоре должен будет уехать в Россию. Можно ли встретиться со мной сегодня? я назначаю встречу на 3 часа дня. Он появляется минута в минуту – невысокого роста человек, который доволен собой и, к счастью, слишком впечатлен мною. Он начинает рассказывать совершенно ненужные мне подробности о себе – о своих неотложных делах, о поездке в Чикаго, о задержках. Автомобиль, на котором он ехал, недавно попал в аварию. Он опрокинулся, в результате чего водитель вторично сломал левую руку, которая в первый раз была сломана тоже при несчастном случае, произошедшем несколько лет тому назад. Я

⁶² Неполная цитата, скорее всего, из книги английского писателя, литературного критика и поэта Джона Рёскина (1819–1900) «Оливковый венок» (Лекция 2) «Жизнь без труда – грех, труд без искусства – варварство» («Life without industry is guilt; industry without art is brutality»). Видимо, высказывание было приспособлено в качестве лозунга ранней советской пропагандой. Очевидно, Драйзер увидел этот лозунг на транспаранте на русском языке и привел его здесь примерно в том же виде, в котором он был для него переведен. Интересно, что в начале письма, отправленного Драйзеру в Москву Отто Киллманом из Constable and Company – компании, издававшей Драйзера в Великобритании, имеется приписка, которую кто-то сделал карандашом: «Жизнь без труда – воровство / Труд без искусства – варварство» («Life without labor is robbery / Labor without art is barbarity»).

⁶³ Артур Пелл был в то время управляющим финансами компании Boni & Liveright издателя Драйзера.

подумал, что как это печально и странно – молния дважды ударила в одно и то же место – и сказал ему об этом. Наконец он перешел к цели своего визита. «Международная рабочая помощь» – это своеобразный российский Красный Крест. Деятельность организации заключается в оказании помощи рабочим всех стран («Интересно как», – подумал я), и теперь ее филиалы быстро возникают в максимально возможном числе стран – Германии, Франции, Англии, Америке.

- Сколько рабочих вы представляете в Америке?
- Около 300000.
- И что вы стремитесь делать для них?
- Облегчить их страдания в результате бедствий и т. д. Облегчить их жизнь: страхование по низкой ставке; правовая, медицинская и другая помощь в кризис.
- «Смогут ли Советы войти через дверь милосердия?» – подумал я, но вслух сказал:
- И что нужно «Международной рабочей помощи» от меня?
- Ничего, что будет стоить вам денег. Мы были уполномочены Советским правительством в Москве передать вам личное приглашение посетить Россию за его счет.
- Да? Зачем?
- Чтобы вы своими глазами увидели, что было сделано для России Советским Союзом за десять лет его существования.
- Но почему я?
- Советское правительство считает вас выдающимся литературным талантом Америки, и оно хотело бы убедить вас среди прочего в значении и ценности своего существования.
- Какого прочего?
- Вот как это будет. Правительство России планирует празднование десятилетия своего правления, которое начнется 3 ноября и закончится 10 ноября. Оно хочет показать свои экономические и культурные достижения. Будут конкурсы, выставки и развлечения. У вас лично будет возможность встретиться с ведущими государственными деятелями, представителями искусства и влиятельными людьми в России и узнать, как обстоят там дела.
- За одну неделю?
- Нет. В вашем случае время пребывания должно быть продлено. Вы, если хотите, можете пробыть месяц или шесть недель, поехать, куда хотите, в сопровождении или без сопровождения российских чиновников, и составить собственное мнение о том, что было и что происходит.
- А с какой целью?
- Ну, ваше мнение, если оно вдруг окажется благоприятным (а мы думаем, что оно будет благоприятным), станет важным здесь, в Америке.
- Правительство России добивается признания со стороны американского правительства?
- Да.
- А что, если мое мнение окажется неблагоприятным?
- Мы рискуем.
- Но предположим, что оно оказалось именно таким.
- Мы, или скорее Советское правительство, оставляем за собой право оспорить ваши выводы.
- После того, как я вернусь в Америку?
- Да.
- И кто будет оплачивать это длительное пребывание?
- Правительство России.
- Все мои расходы, туда и обратно?
- Все ваши расходы
- И кто мне все это гарантирует?

– Хорошо, я скажу вам, как это будет. Большинству из приглашенных 1500 человек не будет возмещено ничего, кроме их расходов после пересечения российской границы. Но некоторым гостям, например вам, гарантируется возмещение всех расходов.

– Кем?

– Советским правительством.

– Как мне в этом убедиться?

– Если вы примете приглашение, мы пришлем вам официальные телеграммы из России.

– Давайте сделаем так. Я занят важной работой. Ни при каких обстоятельствах я бы не сошел с ума и не поехал бы в Москву, чтобы увидеть пышное зрелище длиной в неделю. Чего бы мне хотелось, – это увидеть настоящую, неофициальную Россию – скажем, районы, бедствий в Поволжье⁶⁴. Какие-то небольшие города и фермы в Сибири и на Украине, какие-то реки и рыболовство, а затем – основные инженерные и производственные сооружения, введенные в строй, или методы работы, достижения за время жизни этого правительства. Если вы сможете принести мне письма, гарантирующие мне время [пребывания], [возмещение][расходов и личную свободу, то я поеду, иначе – нет.

– Как скоро вы можете выехать?

– А зачем мне спешить?

– Так это официальное торжество. Советское правительство хотело бы объявить, что вы приезжаете на мероприятие.

– Меня не интересуют ни празднования, ни съезды.

– Но вы могли бы встретиться со множеством выдающихся людей, которые говорят по-английски, и обсудить с ними свои взгляды. Вас будут развлекать, вы, может быть, узнаете (нет, я не хочу на вас влиять) что-то новое, увидите его [собственными глазами]. А после празднеств вы перейдете на правительственное содержание.

– И вы подтвердите все это письмом и телеграммой?

– Да.

– Хорошо, а тогда как скоро мне нужно будет выехать?

– Чтобы добраться до Москвы и успеть на празднование, вам нужно выехать отсюда не позднее 20-го числа.

– Через девять дней?!

– Да.

– Ну, тогда быстро несите мне все ваши письма и телеграммы. Пока я их не получу, не вижу смысла готовиться.

– Свое письмо я вышлю вам утром. Сегодня начинаем рассылать телеграммы, ответы будем показывать вам сразу по поступлении (см. папку с письмами «Россия»).

Г-н Биденкап выбежал вон.

11 окт. 1927 года, вторник. 17:00

Только что поговорил об этом с Хелен⁶⁵. Она считает это предложение лестным и думает, что оно будет использовано в интересах правительства России. «О, ты не представляешь, что это сейчас значит там для них. Твое имя и положительное мнение. Ты

⁶⁴ В первые годы советского режима система коллективного земледелия функционировала весьма неэффективно. Бедствия, о которых говорит Драйзер, – это голод, особенно в Поволжье, зимой 1920 года, который вызвал отчаяние у населения и вынудил провести крупные сельскохозяйственные реформы.

⁶⁵ Хелен Ричардсон, дальняя родственница Драйзера (бабушка Хелен и мать Теодора Драйзера были сестрами. См. Newlin Keith. A Theodore Dreiser Encyclopedia. Greenwood, 2003. P. 101. Таким образом, Хелен приходилась Теодору двоюродной племянницей (пер.). С Хелен у него завязались близкие отношения в Нью-Йорке в сентябре 1919 года. В конце жизни писателя она стала его второй женой.

не видишь себя таким, как ты есть, а я вижу». И потом...

– Но я не хочу видеть, как мой Доди уезжает далеко-далеко. Столько ночей! Столько дней! Давай я тоже поеду.

– Ну что ты, детка, я ведь только что сказал, как буду ездить по России – может быть, 3-м классом. Мне хотелось бы иметь полную свободу. И там же будет холодно. Мне рассказывали, что у них зима начинается чуть ли не с 1 ноября.

– Да, я знаю, но если мой Доди сможет это выдержать, то почему я не смогу?

– Может быть, и сможешь, но я думаю, что лучше этого не делать. Думаю, что лучше мне поехать одному.

– А ты точно вернешься через два месяца?

– Нет, не уверен; наверное, если мне повезет.

– Да ты влюбишься в одну из русских девушек, свяжешься с ней и убежишь, не вернешься.

– Кто, я? И русские девушки?! Эти дикие большевички? Да разве американские девушки хуже? «Нет» большевичкам!

– Ой, да ты всегда так говоришь. Ну позволь мне поехать с тобой. Может быть... не знаю, ну, пусть я потом заболею. А могу я приехать и встретить тебя на обратном пути – в Лондоне или Париже?

– Не надо встречать меня в Лондоне или Париже. Никогда.

– Да почему?

– Да потому!

– Нет, почему?

– Неужели я не могу провести два месяца в мире духовного? Вести жизнь аскета?

– Ну да, жизнь аскета. Ты!

– Да, жизнь аскета. Я так и сказал. Никаких девушек. Никаких «ля-ля». Только серьезные наблюдения и медитативные путешествия среди снегов. Длительные беседы с просвещенными чиновниками и безумными теоретиками. К тому же ты не говоришь по-русски.

– Так и ты не говоришь.

– Но у меня будут переводчики – секретари и шпионы.

– Ну пожалуйста, Доди!

– Никакого Лондона, никакого Парижа. Мне нужен отдых и покой.

– О да. Ну не будь таким злым. Как ты можешь быть таким злым? И потом, мне будет так одиноко...

– Ну, подумай обо всем, нужно было бы сделать. Этот дом в Маунт-Киско; мои письма, мои дела здесь. И кто позаботится о Нике (русская борзая)?⁶⁶

– Я оставляю Мэрион в «Ироки», чтобы она присматривала за ним.

– Ой, ну не донимай ты меня сейчас. Я ничего не могу сказать. Может, я никуда и не

⁶⁶ «Ироки» (по-японски «красота») – название загородного дома Драйзера в Маунт-Киско (пригород Нью-Йорка). Дом проектировал в основном Ральф Фабри, друг Драйзера. Фотография Фабри, на которой Хелен запечатлена с русской борзой по кличке Ник, висит в отделе специальных коллекций Библиотечного центра имени Ван Пелта – Дитриха; ее репродукция есть в книге Хелен «Моя жизнь с Драйзером» (My Life with Dreiser. Cleveland and New York: World, 1951) на наклейке перед с. 249.

Слово «ироки» или «ирукэ» имеет много значений – «цвет, оттенок, склонность», другое значение – «романтические отношения, секс, плотская любовь» и т. п. В данном случае переводится как «романтический настрой» либо что-то вроде «настроение цвета». Жена Драйзера, Хелен, в своей книге «Моя жизнь с Драйзером», вышедшей в 1951 году, пишет: «Летом 1927 года мы приобрели чудесный холмистый, заросший лесом участок земли в Уэстчестерском округе, по соседству с одним из озер Кротон, близ Маунт-Киско. Над озером, на вершине холма, стояла маленькая деревянная хижина, много лет служившая охотничьим домиком. Мы перестроили ее и превратили в красивый бревенчатый дом с несколькими верандами... Вдоль дороги по границе участка Тедди выстроил каменный забор в 850 футов длиной; по эскизу Уортона Эшерика были сделаны две калитки, на которых была надпись “Ироки”, что по-японски значит “Душа красок”» (пер.).

поеду.

– Ну а если поедешь – можно, и я с тобой?

– Не могу сказать...

– А когда ты приедешь в Лондон, ты привезешь мне пару симпатичных русских сапожек? Может быть, красных? В них буду выглядеть шикарно, правда?

– Боже, я должен проехать шесть или даже семь тысяч миль, чтобы найти пару красных русских сапог? Так вот для чего нужна была революция! Чтобы я мог купить там красные сапоги. Ну ладно, если они у них есть, я куплю. И надеюсь, что русское правительство никогда об этом не узнает⁶⁷.

12 окт. 1927 года. среда. Нью-Йорк

Сегодня в офисе в час дня видел Б⁶⁸. Она обеспокоена известием о моем отъезде. Далеко: муки ожидания. Наверное, я вернусь другим. А до того заведу себе какую-нибудь другую девушку. Хелен едет? («Нет») Я правду говорю? А может, она приедет в декабре – может, мы где-нибудь встретимся? Б. может ей позволить. Он сказал, что отпустит ее с подругой. Я говорю, что это возможно, но на самом деле считаю, что на это нет никакой надежды. Тем не менее – воскрешение сильной страсти из-за вероятного отъезда. Я решил для себя, что мы устали друг от друга, что я оставляю эту пикантную ягодку. Ее страстная преданность заметно осветила мне дни. Обещаю поискать для нее русский браслет и писать как можно чаще. Но не вижу серьезных возможностей для этого. Возвращаясь на квартиру (дом 200 на Западной 57-й улице) и начинаю прикидывать, что нужно сделать в мое отсутствие и что – до отъезда⁶⁹. Brandt & Brandt⁷⁰. Статьи для Бая⁷¹. Статьи для Элсера (Metropolitan Syndicate)⁷². Письмо от Киллмана (Constable & Co. London), которому нужно предисловие к «Дороге в Буэнос-Айрес»⁷³. Телефонограмма от Робина: говорит, что «Гений» (аллегория) будет готов к окончательному чтению в субботу⁷⁴. Я попросил его в воскресенье приехать домой к № 200 на Западной и отправиться оттуда вместе с нами в Маунт-Киско. Потом поработал над «Реллой» (для Бая) и пошел спать⁷⁵.

⁶⁷ Именно здесь, между листами 20 и 21 оригинала дневника, находилась вырванная страница. См. раздел «Принципы редактирования», с. 21–22.

⁶⁸ Кто такая Б. – неизвестно.

⁶⁹ В 1926 году Драйзер переехал в квартиру, расположенную в доме № 200 на Западной 57-й улице.

⁷⁰ Brandt & Brandt – знаменитое нью-йоркское литературное агентство, которое занималось публикацией некоторых произведений Драйзера.

⁷¹ Джордж Бай – литературный агент, через которого Драйзер иногда печатал свои статьи.

⁷² Макс Элсер – редактор нью-йоркской компании Metropolitan Syndicate, которая распространяла статьи для публикации в различных газетах и журналах по всей стране.

⁷³ Отто Киллман – в то время руководитель лондонской фирмы Constable британского издателя Драйзера. О «Дороге в Буэнос-Айрес» см. примечание на с. 37.

⁷⁴ Джеймс Г. Робин – бизнесмен и драматург, который подружился с Драйзером в 1908 году. Прототип главного героя рассказа «Суета сует, – сказал Экклезиаст» («Vanity, Vanity, Saith the Preacher») из сборника «Двенадцать мужчин» (Twelve Men). Драйзер написал предисловие к трагедии в стихах «Гай Гракх» (Caius Gracchus), которую Робин опубликовал в 1920 году под псевдонимом Один Грегори (Odin Gregory).

⁷⁵ «Релла» (Rella) – один из рассказов в сборнике произведений Драйзера «Галерея женщин» (A Gallery of

13 окт. 1927 года. четверг, Нью-Йорк

Я каким-то образом оказался в гуще событий – кажется, все-таки еду. Эд Ройс (каким-то образом связанный с «Международной рабочей помощью») говорит, что г-н Биденкап собирается в пятницу уехать в Россию и что он поручил ему (Ройсу) выполнить все договоренности со мной. Он получил по телеграфу два сообщения из Москвы, одно из них – от заместителя комиссара по иностранным делам Максима Литвинова. Я прибываю в Россию в качестве гостя правительства. Другое – от Ольги Давидовны Каменевой (сестра Троцкого и жена Каменева, министра [...]). Она возглавляет Всесоюзное общество культурной связи с заграницей). Советское правительство (через ее мужа) приглашает меня приехать, и все обязательства, взятые на себя организацией «Международная рабочая помощь», будут выполнены. Я согласился принять Яна Гилеади (Jan Gileadi) из иностранного отдела Amalgamated Bank of N.Y. (это советский банк в Нью-Йорке), который должен принести каблогаммы и устроить все мои дела. В пятницу утром, в 10. В то же время меня спрашивают, не смогу ли я отплыть в среду, 19 октября, поскольку в этот день отходит «Мавритания», и банк сможет снять для меня на судне большую каюту ⁷⁶. Я соглашаюсь и сообщаю Хелен, Б., Эстер, Луизе и Ч. предполагаемую дату моего отъезда ⁷⁷. Эстер, с которой я провожу вечер, спрашивает, не может ли она приехать в Лондон и вернуться со мной!

14 окт. 1927 года. пятница, Нью-Йорк

Г-н Гилеади прибыл в дом № 200 по Западной 57-й улице ровно в 10. Он выглядит и говорит, как аргентинец, но утверждает, что родился в Тунисе в смешанной семье. Жил в Индии, Буэнос-Айресе, Бразилии, Англии, Франции. Очень приветливый, практичный и серьезный. Принес каблогаммы и письмо от организации «Международная рабочая помощь», содержащие гарантии. Мне должны обеспечить проезд на «Мавританию» до Шербурга и оттуда до Парижа. Я должен сам оплатить свой проезд из Парижа в Берлин, где меня встретит г-н Биденкап, который возместит мне расходы и на особых условиях обеспечит мой переезд в Москву. При желании я могу взять себе в компаньоны французского писателя Анри Барбюса, который, кажется, говорит по-английски. Я согласился. Он снова придет ко мне в субботу утром с билетом и письмом-аккредитивом.

Он также взял мой паспорт; принесет к нужному времени. Теперь, когда я решил ехать, я должен встретиться с репортерами – когда и где? Я согласился встретиться с группой [журналистов] во вторник утром – в день перед отъездом. Он уходит, а я уведомляю В. & L.⁷⁸, а также Бая, Brandt & Brandt, Элсера и Сёрфа из Modern Library ⁷⁹.

Women, 1929); прототипом Реллы послужила Роза Уайт (Rose White), сестра первой жены Драйзера Сары Уайт Драйзер (Sara White Dreiser). См. Yoshinobu Hakutani. Dreiser and Rose White // Library Chronicle. 1979. Vol. 44. P. 27–31.

⁷⁶ «Мавритания» – построенный в начале XX века трансатлантический лайнер компании Cunard Line; вторым судном этой серии был лайнер «Лузитания».

⁷⁷ В тот период и позднее Эстер Маккой осуществляла для Драйзера поиск материалов и вела редакционную работу; Луиза Кэмпбелл выполняла для Драйзера аналогичные обязанности, в частности, в период работы над «Американской трагедией». Личность Ч. не идентифицирована.

⁷⁸ Boni & Liveright – американское издательство, выпускавшее книги Драйзера. В то время его возглавлял Хорас Ливерайт.

⁷⁹ Беннетт Сёрф – издатель и соучредитель фирмы Random House, младший партнер. Сёрф познакомился с Драйзером в начале 1920-х годов в издательстве Boni & Liveright. В 1925 году Сёрф купил у Хораса Ливерайта права на издание серии книг Modern Library, что стало финансовой основой компании Random House. В изданиях Modern Library были перепечатаны «Сестра Кэрри» и «Двенадцать мужчин».

Получил 1000 долларов от Элсера по счету и 1000 от Сёрфа за издание «Двенадцати мужчин» в Modern Library [тиражом] 10000. Решил освободить офис на Бродвее, 1819⁸⁰. Письма от Луизы, Рут, Эстера, Мод – но никого из них не видел⁸¹. Мучает совесть из-за Мод.

15 окт. 1927 года, суббота. Нью-Йорк. 57-я Зап., 200

Оторвался от множества дел, чтобы в три принять Робина и послушать, как он читает пьесу. С часу до двух развлекался с Б. в офисе. Она написала мне несколько писем, на борту судна я должен их читать – по одному ежедневно. Хелен нервничает из-за обязанностей, которые на нее внезапно свалились. С двух до трех обсуждал денежные вопросы с Пеллом, выделил ему 8 000 долларов наличными на расходы в мое отсутствие. В 3:15 в дом 200 на Зап. пришел Робин, прочитал пьесу (или ее часть). Мы отправляемся в «Ироки», по пути останавливаемся в Уайт-Плейнсе на ужин. Какое спокойное место. Тишина и звезды. Я размышляю о том, как странно – с таким трудом строить, чтобы так быстро оставить. В постели с Хелен.

16 окт. 1927 года, воскресенье. Маунт-Киско («Ироки »)

Весь день здесь с Робинем и Хелен. Бойд и Мадлен приходят в час⁸². Обедаем в отеле Pines Bridge. Бойд принес статью Александра Харви в World с фотографией. Статья в лучшем стиле Харви. Чай в 5. Мы катаемся по озеру; затем возвращаемся в Н.-Й., оставляя Робина в Уайт-Плейнсе. Николас и я получили все удовольствия от езды на заднем сиденье. В [доме] 200 за холодным ужином мы говорим о статье Бойда о Т. Р⁸³.

18 окт. 1927 года, вторник, Нью-Йорк, 57-я Зап., 200

В 9:30 г-н Гилеади привез несколько справок о московских особах: (1) Сергей Эйзенштейн, ведущий советский кинорежиссер. Снял «Потемкина»; (2) Всеволод Мейерхольд – один из ведущих театральных режиссеров; (3) Ольга Давидовна Каменева – сестра Троцкого, руководитель Общества культурной связи; (4) Сергей Динамов, русский критик, которого я знаю; (5) Мэй О'Каллахан, переводчик – эксперт по культурным связям; (6) Иван Кашкин – руководитель Государственной академии искусств; (7) Шура Гаврилова, хозяйка салона знаменитостей; (8) Айви Литвинова, жена Максима Литвинова – заместителя комиссара по иностранным делам; (9) Джекайна Тверская – кинорежиссер; (10) Яков Долецкий, директор ТАСС; (11) Карл Радек, журналист – связан с ТАСС; (12) Билл Хейвид, бывший лидер американских рабочих (I. W. W.); (12) Владимир Маяковский (13) Константин Сергеевич Станиславский, режиссер Московского художественного театра; (14) Александр Яковлевич Таиров, режиссер Камерного театра, Москва.

Он уверяет меня, что все это очень важно и что я должен иметь представление обо всех этих людях. Появляется делегация из десяти репортеров, и я излагаю свои взгляды, а точнее, мою реакцию на предоставившуюся возможность (см. утренние газеты Н.-Й. за

⁸⁰ Драйзер снимал офис на Бродвее в доме 1819; здесь он работал и отдыхал.

⁸¹ Мод Карола написала Драйзеру первое письмо в феврале 1924 года; вскоре после этого она стала его близким другом. Личность Рут не установлена.

⁸² Эрнест Бойд и его жена Мадлен, француженка. Родившийся в Ирландии Бойд, дипломат, писатель и журналист, часто печатался в изданиях American Mercury, Bookman и Harper's. В 1920-1930-х годах был близким другом Г. Л. Менкена.

⁸³ Статью Александра Харви в World найти не удалось; статья Бойда «Т. Р.» [Теодор Рузвельт?], по-видимому, осталась неопубликованной.

среду, 19 окт., 1927)⁸⁴. В 11:30 они уходят. У меня встреча с Б. в офисе. Она расстроена переменами – и более страстна, чем когда-либо. Возвращаюсь и работаю над «Галереей женщин». В 17:00 приходит Робин, зачитывает отдельные изменения, которые он сделал в пьесе. Остается на ужин. Он, Хелен и я отправляемся в [ресторан] Venetian gardens. Несмотря на всю мою склонность к сексуальному разнообразию, я понимаю, что питаю любовь к Хелен. Духовную, не материальную. Мне жаль ее оставлять.

ПАССАЖИРСКОЕ СУДНО «МАВРИТАНИЯ»

19 окт. 1927 года, среда, Нью-Йорк. 57-я Зап., 200

Г-н Ройс сообщил мне, что обед будет у Сэма Шварца (Макдугал, 140)⁸⁵. Снова обратитесь к г-ну Гилеади, у которого есть еще одна телеграмма. Почему-то теперь, когда я уезжаю, мне жаль Хелен. Она мне ближе всех. В час – встреча с Б., у нее есть куча писем от самой себя, которые я должен читать в пути! Позвонил Джек Поуис и пришел поговорить о России⁸⁶. В четыре появился Уолдо Фосетт с речью об открывающихся передо мной возможностях. В пять мы с Хелен выехали к пароходу. Она купила большой букет георгинов и украсила ими каюту (Палуба «В», № 57). Мы оставляем пальто и сумки и отправляемся к Шварцу обедать. Компания собралась большая: Эрнест Бойд, Дж. Р. Смит, Ганс Штенгель, У. Вудворд, Джо Фримен, Диего Ривера, Джозеф Вуд Крутч, Флойд Делл, Карл Бранд, Эрнестина Эванс, Листер Шарп⁸⁷. Выступали Делл, Ривера, Эд Ройс, Джозеф Фримен, Эрнест Бойд, г-жа Вудворд – и я с ответным словом. Конрад Берковичи подарил мне на счастье румынский платок⁸⁸; Ганс Штенгель – трость [с набалдашником из] слоновой кости; Магда Йохан – письмо. В девять закончили. Всей толпой пошли к судну. Цветы от Б. Книги от Мод. Эстер и Кэролайн зашли в каюту⁸⁹. На меня набежало большое число газетчиков и две группы фоторепортеров. Бесконечные шутки – до самого удара колокола. В одиннадцать остаюсь один. Лайнер отходит. С палубы вижу, как Эстер машет мне рукой.

23 окт. 1927 года, воскресенье, на борту «Мавритании»

Обычный океанский круиз. В четверг допоздна читал статьи и письма, с которыми

⁸⁴ См., например, книгу Dreiser Sails Tonight for Red Celebration // New York Times. 1927. 19 October. Sect. 3. R 4.

⁸⁵ Сэм Шварц был владельцем популярного ресторана Schwartz's на улице Макдугал.

⁸⁶ Джон Купер Поуис (1872–1963) – валлийский писатель и ученый. Поуис был одним из самых активных сторонников Драйзера во время гонений на его роман «Гений» (1915).

⁸⁷ Гости – писатели, художники и активисты левых взглядов. Вот самые известные из них. У. Вудворд – это, скорее всего, Уильям Э. Вудворд, бизнесмен, писатель и историк; Хелен работала у Вудворда, когда она впервые приехала в Нью-Йорк по его поручению в качестве директора по рекламе компании Industrial Finance Co. Джозеф Фримен – молодой американский коммунист, некоторое время работал в Москве; его самая известная книга – «Советский рабочий» (The Soviet Worker, 1932). Диего Ривера (1886–1957) – мексиканский художник, известный фресками, отражающими его марксистские взгляды. Джозеф Вуд Крутч – журналист и критик, чьи обзоры книг Драйзера появлялись в New York Evening Post и Nation. Флойд Делл (1887–1969) – писатель, редактор, драматург и журналист. В первое десятилетие XX века социалист Делл активно вращался в чикагских литературных кругах; в 1913 году он переехал в Гринвич-Виллидж, где писал сценарии для труппы Provincetown Players и помогал редактировать журнал Masses. Карл Брандт из Brandt & Brandt – литературный агент. Эрнестина Эванс – искусствовед, особо интересовавшаяся творчеством Диего Ривера.

⁸⁸ Конрад Берковичи – прозаик, драматург и историк; родился в Румынии.

⁸⁹ Эстер – Эстер Маккой; личность Кэролайн не установлена.

мне обязательно нужно было ознакомиться, а также работал над робинзовской версией «Гения». За ужином познакомился с Беном Хьюбшем, издателем, – он подошел к моему столу⁹⁰. Сказал, что на борту находятся писатель Джозеф Энтони⁹¹, а также г-н и г-жа Эрнсты⁹². Хейвуд Браун радиограммой рекомендовал им обратиться ко мне⁹³. Обещал подойти к их столу завтра. В пятницу (в обед) подошел и познакомился со всеми – в том числе с судьей Мюллером из Голландии. После обеда мы договорились встретиться в пять и посетить Диего Риверу, который путешествует в 3-м классе. Через г-жу Эрнст я расспрашиваю его о Мексике, а затем приглашаю на ужин. Он показывает фотографии, иллюстрирующие его интересные работы, которые он взял в Россию. После ужина мы идем в мою каюту и говорим до полуночи. В субботу читаю и пишу – делаю эти заметки, пишу письма, заканчиваю пьесу. Смотрю призовой бой на солнечной палубе в 15:00. Говорю с Энтони, который показывает мне публикации Херста. Отправляю радиограммы Хелен и Киллману в Лондон. Заканчиваю читать «Дорогу в Буэнос-Айрес»⁹⁴. Ужин в своей каюте. Работа до полуночи. В воскресенье (сегодня) спал до полудня. За обедом общался с Мюллером, г-ном и г-жой Эрнстами, Энтони и Хьюбшем. Говорили о России, анархизме, коммунизме, праве, фильмах, напитках. Эрнст обещал передать еще несколько писем. Вернулся в каюту, веду эти заметки. Начал статью для Элсера.

24 окт. 1927 года. понедельник, пароход «Мавритания»

Благодаря любезности судьи Мюллера, выступившего в качестве переводчика, я только что продолжил разговор с мексиканским художником Диего Риверой. Он утверждает, что интеллектуально является коллективистом, а не индивидуалистом, и что он воспринимает народную массу как получателя (из рук высших творческих сил) всех важных импульсов и устремлений, которые способствуют развитию народа и, следовательно, развитию расы (следует «Творческой эволюции»⁹⁵). В этой массе индивид обнаруживает себя в некоторых случаях очень, очень похожим на Иова по масштабу чувств и мыслей, в других, как в случае Шекспира, Вольтера, Аристотеля, Гёте, поднявшимся ввысь. Но какие бы высоты мысли ни покорял и какой бы индивидуальностью ни был индивидуалист, все же это идет от массы: его истинная чувственная связь и понимание ее – его устремления, импульсы, влечения, ограничения и т. д., которые он рисует, если он склонен к творчеству и, следовательно, к выражению, его истинная значимость или, по крайней мере, заимствованная. Ученый, например, есть не более чем индикатор массы, и это дает ему шансы на то, чтобы выразить и при удаче

⁹⁰ Б. У. Хьюбш – издатель и книготорговец, который в течение самых успешных лет своей деятельности (1902–1925) издавал работы Андерсона, Джойса, Лоуренса, Горького, Стриндберга, Чехова и других известных писателей. Позже он объединил свои усилия с Viking Press и стал руководителем этой компании.

⁹¹ Джозеф Энтони – журналист, который работал в газетах Херста.

⁹² Г-н Моррис Л. Эрнст – считался адвокатом левых взглядов.

⁹³ Хейвуд Браун – обозреватель и участник круглого стола в отеле Algonquin.

⁹⁴ Драйзер читал гранки книги Альбера Лондра «Дорога в Буэнос-Айрес», вышедшей в издательстве Constable; эти гранки сохранились в библиотеке Драйзера в Пенсильванском университете. «Дорога в Буэнос-Айрес» представляла собой исследование проституции и «торговли белыми рабами» между Францией и Аргентиной. Драйзер написал введение к книге, вышедшей в 1928 году (перевод с французского Эрика Каттона). См. Dreiser and the Road to Buenos Ayres // Dreiser Studies. 1994. Vol. 25 (2). 3-22.

⁹⁵ «Творческая эволюция» (L'Evolution creatrice) – одна из основополагающих работ французского философа Анри Бергсона (1859–1941), впервые опубликованная в 1907 году.

удовлетворить какое-либо реальное или скрытое требование масс; это следующий шаг, или приращение в медленном процессе изменения. То же – с художником, государственным деятелем, генералом, поэтом. Разумеется, вполне понятно, что некоторая такая точка чувствительности к массе должна получать воздействие непосредственно от творческих импульсов или сил, стоящих выше или за человеком, некоторые слабые намеки на вещи, необходимые для массы (чего она хочет), но только в силу того, что он идентифицирует эти намеки с потребностями или использованием, или служением человеку, он становится более значимым как индивидуум. Короче говоря, тот, кто больше других ведет, тот больше всего служит. Отсюда его [Риверы] коллективизм, и он чувствует, что он становится тем больше художником, чем более он коллективист. Отсюда его симпатия к русскому коммунизму.

Я попросил его рассказать о том, как он стал художником. Он рассказал, что родился в Мексике, но рано отправился учиться в Париж. Там его впечатлили импрессионисты, неоимпрессионисты и кубисты – и на какое-то время он попал под сильное влияние их идеалов и их техники. Позже, когда началась Великая [Первая мировая] война, он обнаружил, что не согласен со многими своими братьями по кисти. Они полагали, что новая русская революция обещала – как естественное следствие – полное одобрение кубистической идеи искусства, и они хотели, чтобы он отправился в Россию, чтобы там развивать кубизм как великое выразительное искусство будущего. Но он с этим не согласился. Вместо этого, будучи темпераментным человеком и коллективистом, он почувствовал, что искусство должно быть более прямым и просто выразительным не только с точки зрения чувств и импульсов массы, но и с точки зрения ее понимания. Чтобы разобраться в этом вопросе, он решил вернуться в Мексику, где надеялся в какой-то форме выразить мысли массы, и стал писать муралы⁹⁶ для правительственных учреждений. В последнее время его работа там довольно далеко продвинулась, но Россия, похоже, предложила массам новый способ выражения в искусстве, и он решил направиться туда, взяв с собой презентации и большую коллекцию фотографических репродукций своих работ. Этими аргументами он надеется побудить власти СССР поручить ему художественное оформление советских зданий. В случае успеха на переговорах он вернется в Мексику, чтобы завершить там работу (только на несколько месяцев), а затем на неопределенное время уедет в Россию.

* * *

Сегодняшняя беседа с Максом Эрнстом, юристом, показывает, что он сомневается в обоснованности выводов нынешней науки в том, что касается астрономии. У него (благодаря Майкельсону и Эйнштейну)⁹⁷ появились причины полагать, что звезды расположены не так далеко, как обычно утверждают астрономы. Кроме того, они не могут быть столь огромными, как это предсказывают текущие математические выкладки. Еще одна из его мыслей заключается в том, что Луна оказывает самое сильное физическое и эмоциональное воздействие на человека и на Землю (приливы, менструальные циклы у женщин, аномальное поведение безумцев) и что ее нужно снова и снова исследовать. Он также полагает, что нужно восстановить старый лунный год (13 месяцев), чтобы математически настроить человека на соответствие реальному математическому и эмоциональному поведению.

⁹⁶ Современная уличная живопись, фрески.

⁹⁷ Альберт Майкельсон (1852–1931) – немецкий и американский физик, который определил скорость света и получил Нобелевскую премию по физике за 1907 год. Его эксперименты легли в основу теории относительности Эйнштейна.

* * *

После ужина в этот день у нас была прощальная вечеринка – Энтони, Моррис Эрнст и г-жа Эрнст, ее сестра г-жа Эшштейн, Б. У. Хьюбиш, судья [...] Мюллер, Диего Ривера и я. Много заходов на выпивку. Имбирное пиво. Каламбуры. У меня такое чувство, что г-жа Эрнст меня не любит. В полночь мы расстаемся. Я иду на верхнюю палубу немного подышать воздухом – и потом спать. Читаю «Южный ветер»⁹⁸.

25 окт. 1927 года, вторник, Плимут, Англия (судно «Мавритания»)

Дождь. Дела не ждут. На борт принесли письма. Эрнст не поедет в Лондон на авто. Я завтракаю с судьей Мюллером. Работа над статьей. Мы едем в Шербур ⁹⁹. Чаевые – туфли \$1.00. Баник \$2.00. Официант в каюте \$7.00. Официант в столовой \$5.00. Шляпы, гардеробщик \$1.00. Швейцар \$1.00. Лифтер 50 центов. Всего \$17,50. Обед, я беседую с судьей Мюллером относительно американской и голландской судебных процедур (см. ниже). Чайки под дождем в Шербуре. Сотрудник компании Cunard, который по моей просьбе переводит Мюллера и Хьюбиша в С5. Сотрудник London Daily Mail. Паспорта, показанные в Grand Salon. Идем на плашкоут¹⁰⁰, потом – поезд. Повар и его работа для нас. Опять чаевые \$1.00. Нищие у поезда. Я попадаюсь на улыбку нищей девочки лет двенадцати, но обнаруживаю, что она работает на пожилую женщину. Нищенство во Франции. Дюбонне¹⁰¹. Ривера едет тем же поездом. Хороший французский ужин. Снова разговоры о французском и голландском праве. Париж. Я даю интервью репортеру Daily Tribune¹⁰². Мы идем в Cafe del Opera¹⁰³. Я покупаю игрушку «4 июля». Потом – к Мадлен¹⁰⁴. Затем – в Cafe Dome (Ривера)¹⁰⁵. Французские девушки. Сэндвич и пиво. На такси обратно в отель. Тариф 15 франков.

В связи с нищей девушкой – вот еще что. Я никогда раньше не встречал [нищенок], которые бы меня так заинтересовали. Эту же (наверное, лет 14) явно вынуждала просить либо ее мать, либо покровительница. Девушка обладала замечательной естественной красотой и чудесной улыбкой. В этой-то естественной красоте все и дело. Я обнаружил, что являюсь хронической жертвой творческой формулы природы, выраженной в женщинах

⁹⁸ Популярный роман Нормана Дугласа «Южный ветер» (South Wind, 1917). Драйзер упоминает эту книгу в своем предисловии к «Дороге в Буэнос-Айрес» (об этой книге см. примечание на с. 37).

⁹⁹ Шербур – французский торговый и военный порт на Ла-Манше, примерно в восьмидесяти милях (около 130 км (ред.). к северо-западу от Гавра.

¹⁰⁰ Плашкоут – плоскодонная баржа, используемая при перевозке пассажиров и грузов между крупными судами и берегом.

¹⁰¹ Дюбонне (Dubonnet) – аперитив на основе крепленого вина, ароматизированный корой хинного дерева и различными травами.

¹⁰² Theodore Dreiser Here on Way to Study Results of Sovietism // New York Herald Tribune: Paris edn., 1927. 27 October. P. 1, 10.

¹⁰³ Драйзер отправился в ресторан Tavern de Г Опера, известный своим мюнхенским пивом.

¹⁰⁴ Церковь святой Марии Магдалины на улице Royale, ее часто называют просто «Мадлен». Один из самых известных в Париже храмов, построен в греко-римском стиле.

¹⁰⁵ Dome – кафе на Монпарнасе, популярное у живущих во Франции иностранцев.

– даже такого возраста, я понимаю, что эта девочка нищенка и просто использует свою улыбку для того, чтобы что-то за нее получить, – вот снова эта улыбка. И хотя я сейчас обладаю этими знаниями, вижу, как хитро она использует глаза и губы с чисто практическим намерением, все-таки ее красоты или искусства оказывается достаточно для того, чтобы заставить меня бросить ей деньги. Можно сказать, что я почти ничего не могу с собой поделать. Это было похоже на электрическую энергию или силу, переданную от нее ко мне. Я должен делать то, что подразумевала эта отвратительная формула, – подавать и подавать. Только для того, чтобы видеть, как она спокойно поворачивается и отдает все своей ведьме-матери или хозяйке, чтобы та могла выпить!

26 окт. 1927 года. среда. Париж Hotel Tenmnus

Это был один из самых прекрасных дней. Потускневшее золото октябрьского Парижа. До 8 – завтрак с Мюллером и Хьюбишем. Обычные шутки и каламбуры. London Daily, Mail & Paris Herald написали о моем прибытии. У нас идеальный французский завтрак: омлет, желе, кофе. Потом – к носильщикам за билетами. Обещают взять первый класс до Берлина за 312. Мы с Хьюбишем договорились ехать вместе. Потом вместе вышли, чтобы узнать о чемоданах Хьюбиша и Мюллера. Камера хранения. «О, но это будет стоить вам...» «О, но это обойдется вам...» Мы начинаем вспоминать, что во франках всегда надувают. Здесь постоянно приходится платить – если не тысячи, то франки, франки и франки за всё – от изменения собственных планов до пользования общественным туалетом. Мы перевозим чемоданы с Восточного вокзала Парижа на Северный. И снова «О, но...». Тем не менее шарм похожего на чайку портье совершенно неодолим. Оживленность — [основа] французского темперамента. Легкость подхода к жизни. Я слышал, что слабость франка все еще угнетает французский ум, но лично я этого не заметил. Такая свежесть. Такая бодрость. Возможно, на дело уйдет день, но все же цель будет достигнута. Совсем не так в Нью-Йорке или в любом другом городе, который я знаю. Только немного похоже на Н.-Й.: и клумбы с цветами, и пожилые продавцы газет с их фуражками (едва ли не рассыпаются), и мундиры со знаками отличия – сотни и сотни мундиров со знаками отличия, как новые, так и потрепанные. В общем, Франция возвращается. Это очевидно. Французский барометр показывает подъем. Мы тоже возбужденно радуемся, проверяем чемоданы и садимся на улице перед кафе Ave Lafayette возле Magasin Lafayette. И здесь продолжается веселое и легкое обсуждение смысла жизни (клуб философов) с Мюллером и Хьюбишем. Зачем все это? Зачем мы здесь? Мюллер считает, что мы не должны задавать себе этот вопрос. На него не нужен ответ. Мы есть [— и все]. С той стороны занавеса ровно то же, что и с этой. Это может быть красиво или драматично. Так или иначе, никто не хочет умирать – даже слабый или разочаровавшийся. О, да, есть самоубийства. Но есть и сумасшедшие, и несчастные случаи. Но в основном... А затем я предлагаю считать Париж – а именно кафе – идеальной жердочкой для уставших старичков, имеющих кой-какие деньжата. Хьюбиш считает, что я прав. Мюллер не уверен. Даже самому старому человеку нужно дать какое-то занятие – ему нельзя дать почувствовать, что у него осталось только одно: смотреть. Он думает, что это потребует больше мужества, чем есть у большинства стариков. В конце концов я объявляю, что это идеальное состояние для меня.

Оттуда – весело – в Люксембург¹⁰⁶ в открытом такси. Мы гуляем и обсуждаем цветы, искусственное озеленение, Наполеона, деревья, обрезку – как она делается в Европе... Французский школьник в коротких штанах с голыми коленками и французский рабочий в широченных штанах. Мы заглядываем в книжные магазины и в обычные магазины, подходим к столу под открытым небом на бульваре Сен-Мишель, где каждый из нас берет что-то поесть (я – улиток) и бутылку вина. Мюллер и Хьюбиш налегают на улиток и лягушачьи лапки, но также берут и угря, которого я ненавижу. Потом

¹⁰⁶ Драйзер говорит о Люксембургском саде, популярном парке, расположенном на левом берегу Сены.

Сент-Шапель времен Людовика XI¹⁰⁷. Ага – еще 6 франков! И не пытайтесь этого избежать. О, нет! В Париже вы должны платить. Но зато какая красота! Мне перед ней немного дурно и грустно – как перед великолепной восковой лилией в пруду под луной. Я приношу жертву богу Красоты – это импульс к красоте в природе. Вот цветы. Вот вино разлилось на полу. Я буду возжигать ладан и мирру. Я буду преклонять колени и бить себя в грудь, и касаться лбом праха. Я буду! Я буду! Только не оставляй меня, бог Красоты. Прикоснись к моим глазам! Склони к красоте мою душу и разум. Дай мне чувствовать боль в красоте. Пусть у меня заболит сердце! Пусть потекут слезы. Но верни меня... О, верни меня снова в Сент-Шапель, чтобы я смог помолиться, как молюсь сейчас.

Из такси – и снова в такси. У нас мало времени – всего 45 минут. Но в отеле нет никаких билетов. О, месье, нет. Non, non, non! Все продано. Они сказали об этом еще утром. О, да. Но мы тогда ушли. И что было делать портье? Говорим ему об этом. Но сегодня вечером, в 10. Закажите уж наверняка. Да, да. Заказывать нужно сейчас. Тысяча и еще пятнадцать франков – и они сделают все, что нужно. Я предлагаю самим отправиться в компанию des Wagon Lits¹⁰⁸. Зачем доверять этим проклятым лягушкам? Если мы придем в 10, то...: «О, месье, нет, нет, нет. Вы недооцениваете нас, французов», – и все-таки мы идем. И получаем билеты. И достаем наши сумки, и проверяем их, и отвозим на Gave du Nord, чтобы не волноваться. И Мюллер, который едет в Голландию, уходит, чтобы сделать покупки. Но Хьюбиш и я, договорившись встретиться с ним в Cafe de la Paix в 6:30, продолжаем действовать. Мы заходим на почту, и я посылаю каблогранму Хелен. Затем на такси едем до Boul Mich, и где-то там – возле Rue de Fous – пропускаем по рюмке на тротуаре у кафе переполненном. И встречаем там всех – и даже тех, кого я [не] надеялся увидеть. Лона¹⁰⁹ в Париже на один день (после двух месяцев в стране), с ним Эрнест Хемингуэй («И восходит солнце») и еще кто-то. Говорим, говорим, говорим. Франция по-прежнему на дне, но... Искусство сейчас уже не то... Людвиг Льюисон¹¹⁰... Джеймс Джойс: Когда я вернусь в январе. Но, господи, уже 18:20! Мы должны бежать. Такси. Мюллер. Он только что видел мэра Амстердама, тот скрылся с девушкой! Ха-ха. Мы ищем кафе Au Bif a la mode, но не можем его найти. Компромисс: Cafe Kobus (ресторан Kobus) и великолепная еда. Коктейль «Мартини»; крем-суп! Цыпленок Kobus, крепы Kobus, целая бутылка Romtard – и все этого ради одного человека, которого призвали посмотреть, как сражаются русские. Мы обсуждаем французов, их кухню. О, французская кулинария! О, изумительно! Я рассказываю о том, какой бы роман мог написать о безумном отце – например, что-то слезливое о Людвиге Баварском¹¹¹. Миллионы. Сексуальная слабость;

¹⁰⁷ Драйзер имеет в виду Людовика IX Святого, во время правления которого (1226–1270) была возведена эта часовня. Сейчас является частью Дворца правосудия.

¹⁰⁸ Compagnie Internationale des Wagons-Lits – международная логистическая компания, известная своими фирменными поездами, исторический оператор Восточного экспресса (ред.)

¹⁰⁹ Виктор Лона перевел на французский «Американскую трагедию»; он вспоминал об этой встрече в своей работе «Парижские достопримечательности с Теодором Драйзером» (Sightseeing in Paris with Theodore Dreiser / Ed. Ernest and Margaret Kroll // Yale Review. 1987. Vol. 76. P. 374–379). Лона также перевел на французский язык многие другие значительные произведения американской литературы, например, роман «Великий Гэтсби» Фрэнсиса Скотта Фитцджеральда.

¹¹⁰ Людвиг Льюисон (1883–1955) – американский писатель, редактор, преподаватель и критик. Льюисон писал о Драйзере в своей книге «Экспрессия в Америке» (Expression in America, 1932) и в своих автобиографических трудах; с Драйзера во многом списан персонаж Блаффка в его романе «Дон Жуан» (Don Juan, 1923).

¹¹¹ Драйзер упоминает здесь о некоторых злобных убийцах и сумасшедших. В июне 1906 года богатый и эксцентричный светский лев Гарри Кендал Тоу убил архитектора Стэнфорда Уайта в ходе спора об Эвелин

сильное сексуальное желание (умственное), следовательно, красота; любовные поражения, и силы отступают, и средства уходят, но безумные мечты – страсть к красоте и, наконец, самоубийство или смерть в результате предательства. И страдание – среди материального и даже чувственного великолепия. Оба этого хотят, но... Мы расстаемся с Мюллером в 20:12. В девять мы с Хьюбшем немного прогулялись по территории Palais Royale. О, он здесь останавливался два года назад. На несколько недель. Маленькие магазины, маленькие рестораны, маленький театр! Café au lait, вон там, утром. Ужин в La Remi Pedoque. Выпивка и разговоры в Café Dome с 11 вечера. О... Оказывается, уже 21:30. Бегом! Бегом на такси. Да, на Gave du Nord. Быстро за нашим багажом! О, меня встречает коммунист. «От имени организации “Индустриальные рабочие мира” приветствую вас во Франции». Очень хорошо, мой друг, думаю я, но вы не очень приятный тип. Хорошо было бы, если бы от ИРМ направили ко мне менее сомнительного типа. Вы не такой, вы похожи на кровососа – так мне кажется. Тем не менее спасибо, спасибо. И разговоры о России – как там меня хорошо встретят. Я с облегчением вздыхаю, когда он уходит. В поезд! Мы с Хьюбшем бросаем монету, разыгрывая верхнюю и нижнюю полки. Мне достается нижняя. Громящий и подпрыгивающий поезд едва не сводит меня с ума. Грязно в спальнях вагонов. Нет туалетной бумаги в туалете. Нет мыла. Одно маленькое полотенце в туалетной комнате. О, моя дорогая компания Pullman, которую я так часто проклинал. Теперь я прекращаю это делать; получите мое благословение. Во всяком случае, беру некоторые из своих проклятий обратно.

27 окт. 1927 года, четверг. из Парижа – в Берлин

Экспресс «Париж – Москва». После бессонной ночи мы встаем в два часа дня. Мы в Ганновере¹¹². Немцы. Взад-вперед ходят красивые девушки. Мы приходим от немцев. Аккуратные, бережливые... Прекрасные, тщательно возделанные поля. Ну и Гейне, Гете. «Вы читали?» Я вспоминаю Фройзен (Freusen).

Я в течение семи минут пытался влезть в туфли Хьюбша, прежде чем понял, что они не мои. В вагоне-ресторане. Прекрасный немецкий ужин – отличный и с пивом, я замечаю большие рекламные объявления компании South American Steamers и начинаю ощущать новые отношения между Европой и Южной Америкой. Мы думаем только о Европе и Северной Америке, но здесь сейчас появляются Аргентина, Бразилия, Колумбия – это совершенно новый мир. В Европе его ценят и уважают, и тут есть о чем говорить. А вот и идея Uneeda Biscuit¹¹³ в Германии: в корзине печенье дюжины сортов, и каждое упаковано в отдельный пакетик. «Выбирайте, всего 50 пфеннигов». «Они воруют наши идеи», – говорю я. Наконец я в Берлине. Мне кажется, я видел встречавших меня представителей ИРМ, но я ускользаю от них в отель Adlon, где пишу эти заметки и письма. Мне дают типичный немецкий гостиничный номер – идеальный, но без прикроватных ламп, без мыла, без держателя для ремня. Нет писчей бумаги, но зато пятьдесят материалов о Германии.

Несбит, жене Тоу, которая ранее выступала в танцевальном ансамбле «Флорадора секстет», а еще раньше была любовницей Уайта. Серийный убийца Фредерик Б. Диминг действовал в Англии и Австралии. Он убил двух жен и четырех своих детей, в мае 1892 года его осудили и повесили. Людвиг II Баварский, известный как Безумный король и покровитель Рихарда Вагнера, был болезненным интровертом, который более всего запомнился сооружением причудливых и экстравагантных дворцов. Утонул в июне 1886 года.

¹¹² Ганновер – город в Пруссии, столица одноименной немецкой земли; находится на реке Эльба примерно в восьмидесяти милях (130 км) к юго-западу от Гамбурга.

¹¹³ Торговая марка Uneeda была придумана американским производителем бисквитного печенья National Biscuit Co., который использовал игру слов. В названии печенья Uneeda Biscuit в слове Uneeda заштриховано выражение «You need a...», что означает «Вам нужно...». Печенье Uneeda привлекало и своей упаковкой – оно продавалось в плотных картонных коробках, в отличие от большинства других сладостей, которые в то время чаще всего продавались на развес (пер.).

Пойду выпью кофе с пирожными. Это все, что мне сейчас нужно.

28 окт 1927 года, пятница, Берлин, отель Adlon 114

По дороге в Берлин мы долго говорили с Хьюбшем. Теория и философия правления. Общество – хорошее, плохое или безразличное – должно быть организовано. Фактически – через эволюцию – оно организовано действием супер-направляющих сил; по-видимому, человек является орудием в руках какой-то разумной творческой энергии. (Кто мы такие – сотворенные существа, – чтобы обсуждать Творческую Энергию?) Даже Анархия – согласно ее величайшим истолкователям – после совершения акта революции полагается на Творческую Энергию или возвращается к Творческой Энергии, проявляемой человеком. И в этом смысле Энергия – как Бог христиан или магометан – не может быть неправа. Таким образом, независимо от того, как это произошло, как только свершилась революция (как во Франции в 1798 году¹¹⁵ или в России в 1917-м), все человечество и любая группа людей в любой стране могут быть предоставлены своим инстинктам. Без руководства, права, судов, тюрем или мандатов любого рода от того или иного органа они будут функционировать так же, как организованное общество, каким мы его знаем, или лучше, чем оно. Другими словами, чудесное станет настоящим. Никто не может и не имеет права говорить брату своему «ты должен...» или «ты будешь...». Следовательно, пока существует человечество, общество будет сталкиваться с постоянной анархистской потребностью в революции. Ибо истинный анархист должен вставать и восставать против всех форм принуждения человека или принудительного руководства человеком. Следовательно, если хотите, ссора современных анархистов с советским правительством, которое после революции не стало ожидать чудесных инстинктивных указаний со стороны масс, а скорее увидело невежественные и неверные [...], направленные не на [...] инстинктивные порывы массы, которая требовала образования и, еще хуже, вынужденного движения в направлении ином, чем требовали ее идеалы. Короче говоря, именно поэтому Александр Беркман и Эмма Гольдман, проявившие симпатии к русской революции как таковой и к русскому народу (кроме его лидеров), в конце концов (теми самими лидерами) были изгнаны из России¹¹⁶.

Вот так пока идут дела. С другой стороны, в отличие от анархистов, которые, по-видимому, полагаются на доброкачественную Творческую Энергию, ненаправляемую и неостановимую, существуют (первое) коммунисты, которые, с очевидностью, верят в руководство из числа лидеров. Вместе с тем это руководство, взятое из близких и сочувствующих единиц массы, должно ежегодно и ежечасно обновляться; но и сменное, а также симпатичное всем руководство должно быть настолько чувствительно к настроениям и инстинктам массы, что, когда они совпадут с его потребностями в организации (судя по опыту), тогда настроения и инстинкты массы будут отражены в актах государственного управления. И не нужны будут, как в случае с Моисеем и евреями, никакие Двенадцать заповедей¹¹⁷; или, как в случае с Соединенными Штатами, твердая и

¹¹⁴ Adlon, считавшийся одним из лучших отелей в Берлине, находился на улице Унтер-ден-Линден возле железнодорожной станции Фридрихштрассе.

¹¹⁵ Описка Драйзера. Правильно – 1789 год (*пер.*).

¹¹⁶ Александр Беркман (1870–1936) – русский анархист и радикальный рабочий лидер. За попытку в 1892 году в ходе стачки на металлургическом заводе в городе Хоумстед, пригороде Питсбурга, убить промышленника Генри Клэя Фрика (Henry Clay Frick) был приговорен к 14 годам тюрьмы. Вместе с Эммой Гольдман (1869–1940), также известной радикальной активисткой, протестовал против вступления США в Первую мировую войну; оба были арестованы, заключены в тюрьму и в 1919 году за пацифистскую деятельность депортированы в Россию. Оба разочаровались в Советской России и уехали из нее в 1921 году.

¹¹⁷ Под «Двенадцатью заповедями» Драйзер имеет в виду традиционные Десять заповедей, данные Моисеем

не слишком гибкая Конституция. Руководство – мудрый хамелеон, будет лучше всего отражать настроение масс; его реальные и конструктивные потребности. (Второе) существуют социалисты, чья Библия – вдохновенное, но, увы, застывшее слово – это «Капитал» Карла Маркса. Но здесь, как можно видеть, царствует закон и направление «от каждого по способностям, каждому по потребностям» – это совершенно железный, первый и последний закон Маркса. Но кто будет понимать, каковы способности каждого или его надлежащие потребности? И кто будет с улыбкой принимать не свое решение? Ни анархисты, ни коммунисты, как мы видели, не будут. И все же, как это в большинстве случаев ни странно, выдающиеся интерпретаторы этих теорий управления принимают марксистское учение о том, что капитал как таковой по всему миру (материальное производство, созданное человеком) – это работа человеческих рук, и те же, но тонкие, если вообще связанные с этим уклончивым и все же (прибывающим) чем-то славным умственным вдохновением, видением, направлением, энтузиазмом, которое является гордостью и оправданием для (третье) капиталистического государства и капиталиста, где бы они ни появились¹¹⁸.

Но капиталистическое государство, как до него религиозные и военные государства, каждое из которых зависело от вдохновенной работы ума, представлений, руководства и, конечно же, организации (все это приходит с опытом), имело для изучения множество примеров из прошлого и настоящего – тогда как анархизм, коммунизм и социализм, за исключением Французской революции (периода, за которым сразу восстановилось статус-кво) и нынешнего советского эксперимента, остались в истории без каких-либо удовлетворительных иллюстраций. Отсюда сомнительность нынешнего эксперимента в России; необходимо рассматривать не только свою теорию, но и ее фактическую практику – помимо теории – и ее созвучие или конфликт с человеческой природой, какой мы ее знаем. Отсюда, как я уже говорил, следует [необходимость] моей нынешней поездки в Россию.

«Но разве человеческая природа не может быть сформирована, если не изменена, с помощью насильственно внедренной теории? Это и будет значить, что данная теория работает достаточно хорошо. Особенно если данная теория будет согласована с определенным темпераментом отдельных людей. Не все нации устроены одинаково с точки зрения темперамента». (Хьюби) Готов поверить. Но не все темпераменты могут принять [нечитаемое слово] теорию власти. Я порой думаю, что у некоторых наций или народностей может быть (как в случае с евреями или славянами) громадная способность к страданию – так же, как некоторые другие (англичане, американцы и немцы), по-видимому, обладают склонностью к железной, почти звенящей материальной организации – и к рутине. Все это так... Но тем... не... менее... Если приглядеться к жизни, то организация должна из чего-то исходить (даже у самых невежественных и диких племен), или она не будет жизнеспособной. Но сегодня, на восходящих и нисходящих стадиях развития высокоорганизованных государств, вопрос не стоит так, что относительно бедное (насколько это касается материальной организации) государство (социальная конкуренция – вот что здесь действует) обязательно потерпит неудачу. Посмотрим. Во всяком случае, это почти все, что я хочу понять во время этой поездки в Россию.

После этого мы решили обсудить совершенно чудесные блинчики *Crepes Kobus*, которые нам подали у этого достойного парижского ресторатора. Мы пожалели, что не взяли больше. Этот месье Кобюс – прекрасная иллюстрация к вдохновенной и пока еще железной ресторанной организации. Допустим, что его ресторан стал анархистским или коммунистическим предприятием. Где бы мы тогда брали идеальные *crepes*?

евреям и записанные в книге Исход (20:3-17), и еще две – о том, что человек должен возлюбить Бога и любить ближнего своего, как самого себя (Мф. 23:37-40).

¹¹⁸ Труднопереводимая часть записи – набросок мыслей (пер.).

28 окт. 1927 года, пятница. Берлин, отель Adlon

Сегодня утром я заболел – не могу подняться. Болит горло. Бронхит – худший, чем когда-либо раньше. Я чувствую себя так плохо, что решил позвонить врачу (Бернхайм?). Пока я об этом думал, появились представители «Международной рабочей помощи». Они говорят, что были на вокзале накануне, силами 40 человек – и с цветами, но я исчез. Хотели проводить меня в Adlon! Теперь я понимаю – какое счастье, что мы не встретились. Но у них еще остались цветы и приветствия. На самом деле мне становится интересно, что со всем этим делать. Это ведь совершенно бессмысленно. Я вызываю врача, и из гостиницы сразу звонят доктору медицины Феликсу Бёнхайму. Вскоре появляется молодой темноволосый человек, который устраивает мне самый серьезный осмотр и решает, что это бронхит и простуда. Я должен получить лекарства по двум рецептам и посетить турецкую баню в Admirals Palast¹¹⁹. Таким образом, он определяет мое расписание на сегодняшний день. Я решаю пойти. Но до того успеваю принять несколько человек; представитель Hearst Papers в Америке приходит с каблогаммой, в которой мне предлагают 3600 долларов за две статьи по 3000 слов каждая – о России¹²⁰. Я говорю ему, что согласен. Затем представитель берлинской независимой демократической газеты 8-Uhr Abendblatt, который просит об интервью. Наконец я добираюсь до Admirals Palast и удивляюсь размерам немцев – огромным голым мужчинам, которые поражают меня гигантскими животами, бритыми головами и тяжелыми яйцами. Они ведут себя просто и спокойно в сравнении с французами. Но сама банная процедура намного менее привлекательна, чем почти любая такая же в New Yorklarge, – и отнимает много сил. А еще здесь, с моей точки зрения, не очень чисто – и, конечно, нет того особого внимания, которого удостоивается посетитель в американской бане. Я остаюсь здесь до шести часов и чувствую себя намного лучше. Возвращаюсь в гостиницу только для того, чтобы обнаружить, что меня ожидает Федеру (Herr Doktor). Он рассказывает мне о самоубийстве Шеффауэра и о том, что за этим стоит: его жене 37 лет, а любовнице – 26. Он привел к себе молодую пассию и три раза ударил ее ножом. (Любовь.)¹²¹ Наконец, он рассказывает мне о том, как следует поступить с моим бронхитом. Если я куплю Godeontent, который здесь есть в Engel apotheke на Unter den Linden, то я непременно поправлюсь. Я решаю следовать его рекомендациям. После его ухода начинаю разбирать свои записи, но тут звонит по телефону Хьюби. Он связался с Синклером Льюисом и мисс Томпсон, которая представляет в Германии Public Ledger of Philadelphia¹²², а также фрау женой человека, написавшего книгу «Власть» (Power), которая теперь имеет успех в Америке¹²³. Поскольку я не могу выйти на ужин, они приходят в 10 часов вечера сюда. И,

¹¹⁹ Имеется в виду Admirals-Bad, общественная баня возле станции Фридрихштрассе.

¹²⁰ Драйзер написал о своей поездке в Россию одиннадцать статей для New York World; еще три статьи для вышедших в 1928 году выпусков International-Cosmopolitan Хёрста стали разделами сборника «Галерея женщин»: «Релла» (апрель), «Оливия Бранд» (май) и «Регина С.» (июнь).

¹²¹ 7 октября Герман Джордж Шеффауэр, писатель из Сан-Франциско, который жил в Берлине, ударами ножа убил свою секретаршу, беженку из России Катрин фон Мейер (Catherine von Meyer), после чего совершил самоубийство: ударил себя ножом, вскрыл вены на запястьях, перерезал горло и выбросился из окна четвертого этажа. См. Scheffauer Kills Girl and Himself // New York Time. 1927. 8 October. P. 4.

¹²² Дороти Томпсон (1893–1961) – писатель и журналист. В мае 1928 года она выйдет замуж за Синклера Льюиса. Томпсон обвинила Драйзера в плагиате ее книги «Новая Россия» (New Russia, 1928), материалы которой были якобы использованы в книге «Драйзер смотрит на Россию».

¹²³ Марта Лёффлер Фейхтвангер, жена Лиона Фейхтвангера (1884–1958), немецкого еврейского писателя и драматурга. Его исторический роман «Еврей Зюсс» (Jud Suss, 1925), переведенный на английский язык и опубликованный в Соединенных Штатах в 1926 году издательством Viking Press под названием «Власть»

когда они пришли, выяснилось, что фрау [...] – весьма очаровательная женщина. Если бы я смог остаться, то, подозреваю, у нас бы завертелось дело... Улыбчивая, смешиная. Утверждает, что мне нужен кто-то, кто бы за мной ухаживал. Я соглашаюсь – совершенно искренне. А в 11:20 [вечера] Синклер Льюис и его друзья – на мой взгляд, шумная, показушная и мелкая компания. Мне никогда не нравился этот человек. Он начинает говорить и сразу же объясняет, почему не написал отзыв на «Американскую трагедию», – как будто этот вопрос имеет огромное значение. Оказывается, ему прислали только половину книги. Я понимающе улыбаюсь. После этого пиво с бутербродами и глупые разговоры, которые продолжаются до тех пор, пока все не решают разойтись. И мадам [...] говорит, что может вернуться завтра, если получится. Это интересно...

Синклер Льюис и Дороти Томпсон

29 окт. 1927 года, суббота, Берлин, отель Adlon

Ясный день. Снова визиты представителей Советов, например, Вилли Мунценберга, генерального секретаря организации «Берлинские коммунистические рабочие»; фрау Виндмюллер, кандидата на должность секретаря, французского делегата, отправляющегося в Москву, и других, которых я не упомянул. Бессмысленные разговоры. Как у меня дела? Не нужно ли мне чего-нибудь? Все билеты, паспорта и т. д. будут у меня. Они идут... Потом телефонный звонок от Синклера Льюиса. Человек кипит от плохо скрываемой неприязни, но почему-то считает своим долгом уделить мне внимание. Затем визит доктора Феликса Бёнхайма, которому я не очень нравлюсь. Он хочет знать, как помогает его лечение. Находит, что я выгляжу немного лучше.

По ходу разговора я обнаруживаю, что он предоставляет бесплатное или частично оплачиваемое медицинское обслуживание членам организации «Международная рабочая помощь». Но он не коммунист – сочувствующий, как он говорит. Снова заговаривает о моей грудной клетке. Его беспокоит течение моего бронхита. Поскольку я уезжаю в Россию, в холодную страну, туда, где нет хорошего медицинского обслуживания, особенно в сельских районах, может быть, разумно... и т. д., и т. п. Нужно сделать снимок (рентгеновский). У него есть «коллега» – «Herr Colleague», который может его сделать. Должен сказать, что мне никогда не нравились и не вызывали доверия врачи, которые таким образом начинают планировать дополнительные услуги. «Сколько?» – спрашиваю я прямо. Рентген будет стоить \$12.00. Ну что ж. Что такое 12 долларов, думаю я. Может, в этом действительно что-то есть. Я еду в холодную страну. «Сколько времени это займет?» – «Я думаю, не больше часа». Я одеваюсь и ухожу с ним. Он быстро забирается в такси, за которое плачу я – 3 марки. Затем я знакомлюсь с еще одним человеком, г-ном д-ром Э. Оствальдом (Kurfurstendam, 36). После этого меня заставляют ждать в другой комнате 30 минут, пока они совещаются. Позже, с великой немецкой торжественностью (и громкостью) меня просят раздеться до пояса. Рядом стоит ассистентка – самая строгая девушка из всех медсестер, виденных мною за много лет. Хорошенькая, но холодная. Потом я предстаю перед «еще одним человеком»¹²⁴. Те двое через снимок вглядываются в тайны моей грудной клетки. О! «Selva schovere!» О! «Nicht gut». – «Sehen sie here. Und here»¹²⁵ Я чувствую себя

(Power), стал бестселлером. Фейхтвангеры были дружны с Синклером Льюисом и Дороти Томпсон (см. примечание выше). Томпсон перевела на английский язык сатирические баллады Фейхтвангера об удачливом бизнесмене и опубликовала их под названием PER: J.L. Wetchek's American Songbook (New York: Viking, 1929). Успешно разошелся в Америке и роман Фейхтвангера об Иосифе Флавии (первая часть романа – «Иудейская война» – вышла в 1932 году.)

¹²⁴ Имеется в виду доктор Оствальд, упомянутый несколькими строками выше.

¹²⁵ Диалог врачей: «Влажный... (далее неясно, очевидно, с плохой записи)» – «Нехорошо!» – «Смотрите

хорошо, но начинаю подозревать, что меня ждут ужасные новости. И, как только это все это закончилось, то есть мне измерили кровяное давление и задавали разных вопросов, мне действительно сообщили важные новости. У меня расширение аорты, и из-за этого она давит на левое легкое и производит то, что они называют «бронхит». Но что еще хуже: мое состояние очень плохое, очень. В любой момент я могу заболеть. Я не должен и думать о поездке в Россию, но если я все-таки туда поеду, то нужно, чтобы меня кто-то сопровождал (желательно светило медицины). Да вижу я это все насквозь – они думают, что я миллионер. Разве я не американец? Разве я не остановился в отеле Adlon? У меня выражение сомнения на лице – так разве можно поступить иначе? Я даже не поверю, покачаю головой, если у меня ничего не найдут. В любом случае, конечно, сейчас я не должен ехать в Россию. Скорее я должен остаться здесь или уехать в санаторий, где меня можно было бы наблюдать. Через месяц или два, или три смогу вернуться в Америку – но никак не в Россию. Мое состояние просто не позволит этого сделать.

«Ой ли?» – думаю я себе. Но вслух говорю: «Господа, это все очень интересно, но слишком неожиданно. Для меня все происходит слишком быстро. Прежде всего позвольте вам сказать, что я ни в какой санаторий не поеду, а поеду в Россию. Возможно, здоровье мое и плохое, но, знаете, я смерти не боюсь».

«Ну кто же говорит о смерти? Нет, нет. Не поймите нас неправильно. Все не так плохо. Ваша болезнь не так уж серьезна. Тем не менее вы очень больны. Ваше здоровье внушает опасения. Может быть, вам угодно, чтобы мы вас направили к другому врачу?» – «Нет. Нет. Я не пойду ни к какому врачу, кроме того, которого сам выберу – с помощью своих друзей. Затем, если то, что вы говорите, окажется верным, я не поеду в санаторий, а вернусь в Соединенные Штаты. Но даже если бы я лег в санаторий здесь, это был бы мой личный выбор». И смотрю на них. «Отлично! Отлично! Все будет так, как вы захотите», – но я вижу, что не все так уж отлично. Опять переговариваются. Приносят снимки легких. «Да вы сами посмотрите». Да я ничего не понимаю в этих снимках, настаиваю я. Я не могу читать снимки с той квалификацией, с которой это делают они. Но поскольку они так волнуются, я сделаю вот что. Пусть каждый из них напишет мне письмо с объяснением моей болезни, я пошлю эти письма вместе со снимком другому врачу и, если он с ними согласится, я дам знать об этом. Если же нет, то будем считать этот инцидент исчерпанным. Устраивает такой подход?

На этом и порешили, и врачи тут же продиктовали соответствующие письма. Они вынуждены согласиться. Диктуют два письма. Снимок будет отправлен в отель. Я уезжаю с письмами, и – вот она, человеческая натура – мне становится интересно, что же со мной не так. Я чувствовал себя довольно хорошо – стал немного задыхаться в прошлом году, тем не менее – будь что будет, главное без них. Мне не нравится их подход. И еще счет. Помнится, что за рентген просили \$12, но теперь просят 20. И молоджавый врач спокойно заявляет, что я ему должен 100 марок (\$25,00) за два визита. Я плачу – и потом узнаю, что оба этих счета слишком велики для двух таких молодых берлинских врачей, что, как правило, Бёнхайм получает не более \$5 США за вызов, и это считается много. 10 марок за визит должно было быть достаточно.

Теперь – в отель. Захожу – звонит телефон. Это Льюис. Могу ли я поужинать с ним и с Дороти Томпсон? Я не могу. Договорился с герром Карлом Федеру. Ну, а как насчет чая? Я начинаю расспрашивать о врачах; описываю ему ситуацию. Он очень заинтересовался. Говорит, что не знает, но узнает. Почему бы не прийти и не поговорить. Я соглашаюсь и сажусь на такси до отеля Hercules – 13 Kaiser Freiderich Wilhelm Strasse. У него очень большой номер в старой немецкой гостинице. Я излагаю свое дело. Он говорит только о том, что делал раньше. В 6:30 я ухожу и спешу обратно, чтобы встретиться с Федеру. Он пришел с Эльзой Кашель, которая родилась в Америке и прекрасно говорит по-английски. Она жила в России. С ним и с ней я еду в ресторан Huttes на Potsdammer Platz – это,

по-моему, что-то вроде курорта, где собираются все околехудожественные, окололитературные и околотеатральные гранды Берлина. Г-жа Федеру по-настоящему симпатичная и приятная женщина. И директор школы Элизабет Дункан здесь, в Берлине. С ними звездная ученица – худая, решительная и напористая девушка. Ах, какая она чудная – изумительно! Там, где-то там был какой-то танцевальный вечер. И там был г-н Иосиф [нечитаемо] из Мюнхена – критик, юморист, и я не знаю, что еще. Мы сидим и ужинаем. Тут два вида вина. И восхитительный *omelette confiture*¹²⁶. Я сижу до тех пор, пока могу, то есть примерно до 11 [вечера], а затем оплачиваю счет и с извинениями откланиваюсь. Чувствую себя не слишком хорошо. По дороге меня нагоняет тоска по родине. Я здесь – почти за 4000 миль от Нью-Йорка. Уже девять или десять дней, по крайней мере. И я заболел – может быть, серьезно. А вдруг – смертельно? А Хелен так далеко. И мне так плохо. Я чувствую себя совершенно несчастным и посылаю ей каблогранму из двадцати слов. О, если бы она была здесь. Несколько часов лежу в постели и чувствую себя сиротой – всеми отвергнутым, в утлой лодчонке.

30 окт. 1927 года, воскресенье, Берлин, отель Adlon

Утро ясное, и я чувствую себя немного лучше, но только немного. Решаю завтракать в отеле. Беру N.-Y. Tribune и читаю о России – о хитростях большевиков. Положительно, загадка российского правительства растет не по дням, а по часам. По крайней мере, для меня, человека, который находится в тысячах миль от границы, она все еще остается загадкой. Крестьяне голодают – и они не голодают. Они поддерживают существующее правительство – и они этого не делают. Москва – холодный, запущенный, хотя и привлекательный город, и его климат, право, не хуже берлинского. Вода непригодна для питья – вся вода в России такова, там можно заразиться тифом, и при этом в Москве положительно лучшая питьевая вода в мире. Советские лидеры – лжецы и обманщики, и наоборот. Они могут заимствовать все деньги, которые им нужны, – и это не так. Ленинград – холодный, заброшенный, малярный город, и при этом он грандиозен – как, скажем, Амстердам или Венеция, с красивыми западными зданиями, но при этом с некой восточной фантазией. В Москве или Ленинграде можно жить в гостинице, как в Нью-Йорке или Берлине, – и нет, никак нельзя! Положительно я сдаюсь. Голова пухнет, невозможно понять, кому верить. Бесконечное число людей, к которым нужно обращаться за информацией. Вчера вечером за ужином Эльза Ригле – ей за 50, она энергичная, все еще неплохо выглядит, родилась в России, грамотный наблюдатель и даже статистик – направила нас в квакерский центр в Москве. Там можно надеяться узнать правду, потому что у них есть рабочие по всей России, которые говорят по-английски и которые постоянно приезжают и уезжают. Адрес – Boris Oglebsky, Perelook 15¹²⁷, спросить мисс Энни Хейнс из Хейверфорда, Пенсильвания. Было бы хорошо перед этим ей написать о том, что я приеду, и попросить комнату. Но обо мне должны заботиться Советы. Да, но я должен быть там, где правдивая информация будет бить ключом.

В любом случае хороший совет. Я должен взять все свои наличные деньги – около 1700 долларов, кстати, – и купить на них рубли в Берлине. Кто-то только что написал, что в Москве мы сможем получить за доллар только 2 рубля 90 копеек, тогда как здесь, в Берлине, за доллар сейчас можно получить от 4 до 4,20 рубля, я решаю проверить выгодную сделку на рынке немедленно. Но сегодня воскресенье, и пока я размышляю над всем, что слышал, решаю закончить статью для Metropolitan Syndicate – и делаю это¹²⁸. Между

¹²⁶ Omelette confiture – простой омлет с джемом или мармеладом, свернутый в трубочку и посыпанный сахаром.

¹²⁷ Так в оригинале, имеется в виду Борисоглебский переулочек в районе Арбата (ред.).

¹²⁸ Вероятно, имеется в виду публикация Dreiser on Matrimonial Hoboes // New York American. 1928. 11

тем приходит Бруно Майзельс – немецкий критик. Он хочет, чтобы я пришел к нему к обеду. Я соглашаюсь. В это время звонит Льюис. Он только что нашел врача. Это профессор, доктор К. Р. Шлайер, главный выездной врач больницы Августы Марии¹²⁹.

Он дает мне адрес. Поскольку это так важно, я звоню Шлайеру, и он просит меня приехать немедленно. Он оказывается одним из тех здравомыслящих немцев, на которых можно положиться, – высокий, светловолосый, серьезный. Говорит по-английски с «зис» (this) и «зам» (that). Я показываю ему письма двух моих докторов и рентгеновский снимок. Он становится серьезным, но хочет провести свое исследование. Просит описать все симптомы. Я рассказываю свою историю. Он сразу же решает, что у меня в сердце – и в системе кровообращения – все хорошо. Затем исследует мочу. В ней тоже нет ничего плохого. Наконец он говорит, что, если я приеду к нему в больницу Августы Марии, то он проверит кровь и мокроту. Но он тоже опасается, что климат России будет для меня вреден. Обязательно ли я должен ехать? Может быть, мне лучше вернуться в Америку и поехать летом? Я с ним не спорю, но решаю поехать в Россию. Возвращаюсь в гостиницу и нахожу там Майзельса. Мы говорим о Берлине и о том, где здесь можно поесть. В итоге решаем ехать в Bedjerre. После этого он звонит своей жене и еще нескольким людям, которые должны выступить в качестве переводчиков, хотя мы и так хорошо понимаем друг друга. Так проходит еще один немецкий вечер – на этот раз с молодыми немецкими литераторами. Я мог бы их описать, но они мне не очень нравятся. Жена Майзельса очаровательна, а он всегда интересен, но не очень глубок. В Bedjerre с десяток девушек откровенно предлагали себя, но ко мне никто не подошел. Мы взяли коньяк, две бутылки вина и стейки. Стоило это все 35 марок – практически девять долларов США. Говорили больше о Германии. Литературы мало. Лучшими по-прежнему остаются американские фильмы. Меня всегда поражает низкое состояние европейского вкуса, который воспринимает это как непреложную истину. В 11 [вечера] – в немецкую кофейню, где еще больше художников и писателей. Откуда они все берутся? Я встречаю чрезвычайно умного немца, который был в России. Он рассказывает об огромных размерах страны – 1/6 часть суши; о различиях в климате; о Тифлисе на Кавказе – это как Ривьера; Одессе – там тепло, наверное, как в Техасе. Там 61 территория – или похожие образования. Они самоуправяемы, но соглашались с коммунистической идеей и используют советский механизм лидерства и руководства. Он любит Москву – очень, это красивый город, но Ленинград еще интереснее, город, построенный царями, чтобы убеждать, как он полагает, от чисто азиатского влияния, которое сильно ощущалось в Москве; здания все западные. Он построен более систематически, нежели Москва. Но там очень влажно и потому очень холодно зимой. Нужно тепло одеваться. Не лучшее место для человека с проблемными легкими... Опять-таки вода повсюду в России плохая. Пить ее нельзя. Тиф. Но жить можно; еда хорошая. Нужно наслаждаться различиями, а не удобствами. Затем он обращается к американской литературе. Находит ее интересной с точки зрения описания; с психологической или духовной стороны в ней ничего нет. Так он думает о писателях последних 20 лет. Я соглашаюсь.

* * *

Русские больше всего пострадали от тирании и неверного правления, поэтому они дальше продвинулись к свободе.

31 окт, 1927 года. понедельник. Берлин, отель Adlon
Сколь многое у немцев меня интересует.

March, E4.

¹²⁹ Очевидно, имеется в виду госпиталь имени императрицы Августы (ред.).

Больница Августы Марии — [нечитаемое слово]. Завтрак с Виндмюллер, общая болтовня. Лекарства. Я говорю о статье в MS¹³⁰ и письме. Эдвард Фитцджеральд звонит по телефону, а затем приходит, чтобы забрать MS. Я отдаю ему отредактированную статью. Звонят по телефону Льюис, а также секретарь американского посольства. Звонит Федеру — узнать, могу ли я выйти во вторник вечером. Там должна быть фрау Фейхтвангер. Я наконец освобождаюсь и пишу до 11 вечера. Потом в соседний ресторан за омлетом с коньяком — и в постель. Ресторан напоминает мне старые заведения Сент-Луиса.

Вторник, 1 ноября — пишу до полудня. Виндмюллер рассказывает мне о неграх и о своих приключениях. Выхожу за туфлями и забираю их. Затем в отель. Приходит Фитцджеральд, [нечитаемое имя], корреспондент London Post. В основном по России, Европе. Самый интересный — Фитцджеральд. Мы едем к Федеру. Опоздали! Вечер. Гостиница, я снова пересматриваю MS. Спать. Доктор Шлайер звонит, чтобы сказать, что у меня все Ок.

2 нояб. 1927 года. среда. Берлин, отель Adlon

Льет как из ведра. Ни слова об отъезде. Звонит Синклер Льюис. Говорит, что Харрис¹³¹ в отеле. А также Гауптман¹³². Иду на встречу с Харрисом. Покупаю рубли на 200 [долларов]. Ни слова об отъезде. Иду в здание «Рабочих». [Нечитаемые слова] нет. Звоню в ам. посольство. Они меня ждут. Фрау Фейхтвангер! Звонит Нойзе. Оплачиваю счет. На вокзал с Нойзе. Цветы. Коммунисты. Скрываюсь в купе.

3 нояб. 1927 года. четверг. на пути в Россию

Польские равнины. Как Канзас. Как Чехословакия. Мой попутчик. Дома крыты травой. Нечто тяжелое. Варшава. Мне это не нравится. И поляки тоже. Завтрак моего французского товарища. Художнику должно быть хорошо в польской деревне. В ней есть «атмосфера». Можно понять Шопена, Сенкевича, Падеревского, которые там выросли¹³³. Длинные полосы зеленой травы или черной почвы, окаймленные темными елями. Бесконечные серебристые березки; очаровательные, хотя (возможно) с санитарной точки зрения ужасные крестьянские дома или лачуги с крышами, крытыми зеленым дерном. Обширные плоские болота, реки и озера. Полные, крепкие девушки и женщины, а также грузные и при этом по-своему колоритные мужчины. Идеальная земля для такого темперамента, о котором писал Тургенев. Покосы, укрытые скирды и стога сена. А вот... Здесь, оказывается, есть хорошие беленькие оштукатуренные одноэтажные домики и неплохие дороги¹³⁴... Белосток. Гололед. Много новых зданий. Впечатляющего вида офицеры и полицейские в теплых и явно удобных мундирах мелькают там и сям — просто кладезь условностей, изобретательности и сексуальности. Пара девушек в нарядной

¹³⁰ Metropolitan Syndicate (пер.).

¹³¹ Фрэнк Харрис (1855–1931) — ирландский писатель, журналист и издатель.

¹³² Герхарт Иоганн Роберт Гауптман (1862–1946) — немецкий драматург, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1912 год.

¹³³ Драйзер упоминает здесь композитора и пианиста Фридерика Шопена (1810–1849), писателя Генрика Сенкевича (1846–1916), автора романа «Камо грядеши» (1896), который получил Нобелевскую премию по литературе за 1905 год, и Яна Падеревского (1860–1941), пианиста и композитора, который в 1919 году некоторое время был премьер-министром Польши.

¹³⁴ В этом месте Драйзер сделал в тексте дневника небольшой рисунок, передающий типичную форму этих домов.

одежде, шелковых чулках и туфлях – и тяжеловесные крестьянки во множестве юбок, с волосами, собранными в пучки, и с дешевыми сумками. Дороги в основном грязные и очень плохие. Судя по тому, что я вижу, весь мир пытается решить жилищную проблему – в том числе и Польша. За Белостоком – снег, первый снег, который я видел в этом году. Группки домиков, крытых дерном или соломой, они тесно прижаты друг к другу, но стоят на этих великих равнинах на огромных расстояниях друг от друга. Леса, открытые пространства, тоскливые равнинные реки, снова леса, а затем группа таких домиков. Как одиноко. Ни души в поле зрения. Лошадь, ну, может быть, корова или две. Несколько свиней, подрывающих корни. Возможно, именно от этой земли здешние рабочие, греясь у огня в холод, и приобретают свой характер, в котором тесно переплетены чувства любви и ненависти. И эти далекие, далекие отсюда города – Берлин, Париж, Лондон. И общая интенсивная жизнь этих миллионов и миллионов (если не больше) куда-то бессмысленно спешащих людей, не остающихся в одиночестве. Даже в поезде, когда я проезжал эти места, меня пробивала дрожь. Мне зябко от одиночества сельской жизни – а у них она вся проходит здесь. Я рад, что доехал до Волковыска – с его, как обычно, белым зданием вокзала. Почему поляки и чехи так любят белые вокзалы? Почти все дома у них новые, длинные и желтые – возможно, на две или три семьи. Мне это все почему-то напоминает Миссури, Айову, Канзас... Эти фургончики с лошадьми, которые никак не умрут от тяжелой работы.

Тучи ворон, летающих над снегом, я думаю об отступлении от Москвы [нечитаемое слово]. Длинная процессия из крестьянских фургонов, возвращающихся с полей в сумерках – их тут сотни. Впервые я вижу «тройку» и осязаю реальность, которую изображали русские писатели. Но это Польша. В 17:00 нам предлагают чай с пирожными. Все новые и новые станции. Ужин – рядом с российской границей. В вагоне-ресторане отказываются от русских денег. Марки, злотые, доллары – да. Но не рубли. Подъезжаем к [...]. Граница. Прекрасная польская станция. Множество полицейских и солдат. Теряем здесь еще час. Там, через границу, – Россия, Негорелое. Сейчас ночь. Снова солдаты и люди, паспортный контроль. Но сразу чувствуются перемены. Как-то все более мягко, более эмоционально, менее «железно». Мне стало ясно, что здесь пересадка. «Дорогой товарищ ». Перегрузили мои сумки, я захожу в зал, который оказался залом приема делегатов. Группа. Речи. Ответы. Нам дают поест. Г-н Джи из Чикаго – китайский делегат из Чикаго, который знает обо мне. Г-н Лео из Сан-Франциско (Университет имени Леланда Стэнфорда), который также знает обо мне. Оба говорят по-немецки. Потом под звуки оркестра группу провожают к поезду, и меня помещают в одно купе с г-ном Джи. Он говорит: «Я не ожидал столь многого на этой земле». Еще выступления – на этот раз делегаты – в том числе г-н Лео – из поезда, но по-немецки. Он тоже против *Das Kapitalisms*. я оставляю свои сумки. Телеграмма из Москвы переводит меня в отдельное купе. Постель застилают только к полуночи. Неопрятный французский товарищ по соседству.

Москва

4 нояб. 1927 года. пятница, в России

6 утра. Снегопад. Север, похоже, пристрастился к маленьким красным фургончикам, запряженным одной лошадью. Как и в Норвегии, здесь зимой защищают железнодорожные пути от снега живыми изгородями или заборами с двух сторон полотна. Насколько я вижу, это настоящий народ великих русских писателей – Толстого, Гоголя, Тургенева, Достоевского, Салтыкова. Изображенные ими типы можно увидеть повсюду 135 .

¹³⁵ Михаил Евграфович Салтыков(1826–1889) – поэт и сатирик, писавший под псевдонимом Н. Щедрин. Салтыков, как и Достоевский, был членом кружка петрашевцев и за свои ранние сочинения был сослан в Вятку. Самое известное его произведение – многотомный роман «Господа Головлевы», написанный в 1875–1880 годах.

Тугодумные и все же проникательные крестьяне; самонадеянные и даже сейчас, при коммунизме, пользующиеся определенной властью мелкие чиновники (проводники на железной дороге, начальники вокзалов и т. п.). Я вижу, как крестьянин в драном пальто и шапке проходит перед чиновником и приподнимает эту шапку. Я вижу, что представители рабочего класса сознательно и довольно неохотно, но тоже это делают. Та быстрая, нервная энергия, которую часто можно видеть даже у самых обычных американских рабочих, здесь не востребована.

Сейчас 2:30 [дня], мы должны прибыть в 3. В соседнем купе французские коммунисты явно пишут речь, с которой собираются обратиться в Москве к иностранным товарищам – они позаимствовали для этого мою авторучку, я постоянно слышу слово «*confreres*» (собратья) с характерной французской интонацией. На чисто французский манер произносятся также слова «*Vive la Commune*» («Да здравствует Коммуна». – Пер.) и «*capital*» (столица. – Пер.). Чувствуется, они потрясаяще проведут время, когда туда доберутся. А вот и сама Москва. Пока не очень впечатляет. По далекой дороге – по крайней мере так видно из окна поезда – мчится автобус. За пределами города появилось небольшое количество новых домов. Когда поезд остановился, оркестр заиграл мелодию, которая, как мне объяснили, является «красным» гимном, – «Интернационал»¹³⁶. Совершенно не воодушевляет. Зазвучали речи – возможно, среди них и та, в сочинении которой я опосредованно принял участие. Но специальные посыльные (между прочим, оба евреи) уже нашли меня и повели к автомобилю, который должен доставить меня в Grand Hotel на Красной площади¹³⁷. Но что это за жалкая кучка авто перед вокзалом! В самом захолустном городишке Джорджии или Вайоминга нашлись бы машины получше. А люди! Смесь европейцев и азиатов! Интернациональная азиатская жизнь с некоторой примесью европейской. Всюду нелепость, обветшание и ветхость; старые – и вообще не очень приглядные постройку в смеси с экзотическими театрами, залами и, конечно, церквями. Одряхлевший «Луна-парк»¹³⁸.

Я поселился в номере 112 на третьем этаже: стиль – рококо и потертый «гранд». Но говорят, что номер дорогой. Почти мгновенно появляются г-н Динамов из государственного издательства и девушка, которую я принимаю за его молодую любовницу¹³⁹. Они переполнены чувством долга, я в их глазах важен необычайно. Ах, у вас будет это и у вас будет то. Кого я хочу увидеть? С кем встретиться? Мне же интересно, кто захочет встретиться со мной. А список сверстан. Пока мы разговариваем, прибывает представитель *Chicago Daily News*. Он пришел, чтобы предложить использовать его стенографистку, его документы и книги. У него номер в этом же отеле. Примерно через десять минут приходит Скотт Неринг, пересекший Тихий океан и Азию¹⁴⁰. Он хочет быть

¹³⁶ «Интернационал» – революционная песня, впервые исполненная во Франции в 1871 году, а затем ставшая популярной как гимн коммунистических рабочих и им сочувствующих.

¹³⁷ Grand Hotel – гостиница в Москве, в которой часто останавливались западные гости. Этой гостиницы больше нет (ред.).

¹³⁸ «Луна-парк» в пригороде Берлина Грюнвальде был популярным местом общественных развлечений.

¹³⁹ Сергей Динамов (1901–1939) – главный покровитель Драйзера в советских литературных кругах и редактор первого советского издания сборника произведений Драйзера. Динамов – большевик, после революции служил в Красной армии. Перед своей безвременной смертью он работал директором Литературного института красной профессуры.

¹⁴⁰ Скотт Неринг (1883–1983) – американский социалист и радикальный активист. Он был уволен с преподавательских должностей в Пенсильванском университете и в Университете Толидо (штат Огайо) за свои политические взгляды и пацифизм. Его лучшая и самая известная книга – «Сотворение радикала» (*The Making of a Radical*, 1972).

полезным – «умудрить» меня сведениями о России – и обещает стать моей правой рукой. Потом возникают господа Биденкап и Крит – один из них является представителем американского филиала «Международной рабочей помощи», другой – французского. Они хотят быть полезными при составлении плана моей поездки. А после них появляется представитель Associated Press. Он хочет отправить каблограмму и пригласить меня на вечеринки, я решаю перенести это приглашение на предстоящую неделю. Примерно в 10 [вечера] я прекращаю дела, заказываю еду и ем, пока кто-то напрасно названивает по телефону. Потом я набрасываю вопросы, которые можно было бы задать Сталину. Пишу три письма, одно из которых – Хелен, и отправляюсь на боковую. Пока я не видел в Москве ничего похожего на красные сапоги.

5 нояб. 1927 года. суббота. Hotel Grand. Москва

Положительно русские – странные и замечательные люди. Я провел полдня в их главной и самой суровой тюрьме. Это устроил для меня Биденкап – мелкий, агрессивный, самоуверенный и напористый, но знающий человек (я так думаю), настроенный скорее прокоммунистически или по крайней мере воображающий, что он так настроен. Он пришел в 9:15, чтобы сказать мне, что я не должен этого пропустить. Это будет иллюстрировать коммунистические идеи о преступлении, наказании и перевоспитании. И действительно, это так и было... В такси с тремя другими людьми и переводчиком я поехал в [...] тюрьму¹⁴¹. Тюрьма построена буквой «К» и состоит из пяти этажей камер, находящихся друг над другом. Запах. Камера. Но все это значительно лучше того, что было тут в царские времена. Все подземные камеры заброшены или превращены в рабочие цеха с текстильными машинами. Старая центральная часовня с камерками, из которых через небольшие окошки заключенные могли наблюдать за службами или получать благословение священников, превращена в общественный зал для заключенных, где показывают кино и устраивают другие развлечения. Большие нет одиночного заключения в старом смысле этого слова. Сегодня существуют только пять видов наказания – следующие [...]

Здесь был парикмахер-убийца, получивший десять лет. Шеф-повар – тоже убийца. Один из интересных заключенных – старый и простоватый на вид, но, возможно, просто лукавый человек, который в царские времена был агентом-provokатором. С одной стороны, он примыкал к нигилистам и помогал им в попытке взорвать царский поезд. (Попытка потерпела неудачу, но он по крайней мере принял в ней участие – или должен был это сделать.) С другой стороны, после того, как царь был убит, а секретные бумаги полиции оказались в руках красных, выяснилось, что этот человек получал деньги от полиции и за наличные помогал искать нигилистов. Все это он рассказал в ответ на вопросы, заданные нашим гидом с подачи участников экскурсии, и рассказал достаточно просто и прямо. Его спросили, жалеет ли он о случившемся. Да. Он ошибался. Относились ли Советы к нему справедливо с момента раскрытия его преступления? Да. Была ли жизнь в этой тюрьме достойной – гуманной? Очень. Когда он выйдет на свободу? Через шесть лет. «Застрелить надо было этого кровавого ублюдка», – сказал англичанин, стоявший позади меня.

Был там еще один интересный узник, священник из маленькой русской деревни. Вместе с другим человеком он задумал убийство, осуществил его и был приговорен к 10 годам – максимальный срок наказания по новому закону. Но кто «он»? Персонаж из оперы-буффа. Камбоджиец! Или кореец. В высокой соломенной шляпе, размером и формой напоминающей шелковое сито, – и это все было водружено на голову с помощью какой-то желтой шелковой ленты.

И длинное грязное ветхое, но все же шерстяное пальто, подпоясанное льняной тряпкой. И бледные слабые глаза. Странные китайские лицо и фигура. И все же кто он:

¹⁴¹ Вероятно, Бутырская тюрьма, построенная в 1879 году у Бутырских ворот в Москве.

сумасшедший, фанатик, невротик-мечтатель? Возможно, да, а возможно, нет. Сегодня русские юристы чрезвычайно осторожно воспринимают нервные болезни в связи с преступностью... Через переводчика я разговариваю с ним. Его голос и жесты указывают на химический космос, столь далекий от моего, как будто я разговариваю с существом из другого мира. Достоевский с его самыми неустойчивыми психологическими отклонениями никогда не создал бы более невероятную фигуру или характер, нежели этот. Да, он был священником в деревне за 300 миль отсюда. Правда, его обвинили в убийстве – его и еще одного гражданина. Но его обвинители ошиблись. И на сколько его приговорили? На десять лет. А можно сократить срок трудом или хорошим поведением? Да – до шести лет. Разрешается ли ему ежегодно выходить из тюрьмы на каникулы? Да. И он после его освобождения вернется в те места, где был осужден? Да. Зачем? Именно там он родился! Сможет ли он вернуться к нормальной жизни? Он надеется, что да... я оставил его в странном сне в одном из помещений тюрьмы – он опирался на каменную стену своим тонким, почти высохшим плечом.

Одной из странностей этой тюрьмы было то, что на тюремной кухне в связи с 10-й годовщиной Октябрьской революции 1917 года они выпекали каждому из заключенных по одному фунту белого хлеба; обычно их из года в год кормят другим хлебом. Он темно-темно-коричневый, сырой и кислый – вкус, которого я не выношу.

Охранники здесь не имеют оружия. Запрещается убивать заключенных в случае попытки побега. На главном дворе висит баскетбольная корзина. Мы возвращаемся в гостиницу и находим Динамова. Мы обедаем в отеле, и у него есть план прогулки, после которой я должен встретиться с Биллом Хейвудом¹⁴². После обеда приходит Биденкап и предлагает переехать в другой номер, с видом на ворота, ведущие на Красную площадь, я решаю переехать, но сначала – поспать. Звонит Дороти Томпсон, но я притворяюсь спящим. В пять мы переходим в новый номер (302) и заказываем ужин. Я пишу письма, а потом мы выходим на прогулку, но идет дождь. Вместо прогулки мы берем такси до отеля «Люкс»¹⁴³. Меня просят показать паспорт (так делают все посетители этого здания), потом мы с Динамовым отправляемся в номер Рут Корнел¹⁴⁴. Я ясно вижу, что между ними существует сексуальная связь; после разговора мы спускаемся вниз, в номер Хейвуда. Комната забита какими-то сомнительными радикалами.

¹⁴² Уильям Д. Хейвуд, Большой Билл (1869–1928), известный профсоюзный деятель, организатор «Индустриальных рабочих мира». Хейвуд был известен своей способностью объединять ради общего дела трудящихся, принадлежавших к разным этническим и религиозным группам. Драйзер познакомился с ним раньше в Чикаго и использовал стачку 1913 года на шелковом производстве в Патерсоне (Нью-Джерси), в которой активную роль играл Хейвуд, в качестве фона для своей одноактной пьесы «Девушка в гробу» (The Girl in the Coffin, 1913). См. Newlin Keith. Dreiser's The Girl in the Coffin' in the Little Theatre // Dreiser Studies. 1994. Vol. 25. P. 31–50. Заключенный в тюрьму за свою деятельность Хейвуд в 1920 году вышел из нее под залог и скрылся в Советском Союзе, где стал первым управляющим американской Автономной индустриальной колонии Кузбасс, занимавшейся добычей угля. Вынужденный уйти на пенсию из-за диабета, он стал пенсионером советского правительства и жил в номере на втором этаже гостиницы «Люкс». Хейвуд умер 18 мая 1928 года; часть его праха захоронена у Кремлевской стены, часть – на кладбище Вальдхайм в Чикаго.

¹⁴³ Отель «Люкс», переименованный в 1953 году в гостиницу «Центральная», был построен в 1911 году. Когда большевистское правительство переехало из Петрограда в Москву, отель был зарезервирован для партийных функционеров. В 1920 году он был закрыт для широкой публики и использовался исключительно Коминтерном. Здесь советское правительство размещало иностранных гостей и европейских коммунистов; в отеле были приняты серьезные меры безопасности. Для прохода сюда, как указывает Драйзер, необходимо было предъявить паспорт. Собственные ресторан, магазины и даже поликлиника сделали «Люкс» похожим на небольшой город в городе.

¹⁴⁴ Драйзер имеет в виду Рут Кеннел.

Вильям Дадли Хейвуд, более известный как Большой Билл Хейвуд, лидер организации «Индустриальные рабочие мира»

Сам Хейвуд страшно постарел. Я бы никогда не поверил, что такой сильный человек мог стать таким серым, вялым и обрюзгшим. Но жизнь потрепала его, как она треплет нас всех. Он сказал, что был болен – очень болен – два года назад. Кроме того, год назад он женился на русской женщине. Она появилась позже – такая славянская рабыня. Он также написал мемуары и теперь по-детски гордится тем, что сумел это сделать¹⁴⁵. Но он признал, что его время прошло, и это был его последний выстрел (до того – стачка шахтеров Колорадо, Лоуренс, Лоуэлл, Паттерсон, «Индустриальные рабочие мира» и суд в Чикаго). я не мог в это поверить. Могу ли я прийти снова, прочитать несколько глав из его книги и сказать ему, что я о ней думаю. Я сказал ему, что приду. После этого выхожу к Рут Корнел (см. примеч. выше. – Ред.) и Динамову и хочу попрощаться. Но она выходит в холл вслед за мной и объявляет, что мне надо пройтись. Она предлагает составить нам компанию, что мы и делаем – а пока ходим, осматриваем убранство города к Красному празднику. Когда мы добираемся до отеля, она предлагает прогуляться по Красной площади, и я соглашаюсь, после чего Динамов уходит; был то разрыв или нет – не могу сказать. Мы осматриваем главный советский магазин¹⁴⁶. Мавзолей Ленина, и она сообщает мне, что из-за склонности русского характера к суевериям Ленин уже стал святым. На самом деле – пока еще – Центральный комитет не осмеливается похоронить или сжечь тело. Оно стало святыней. Поэтому в русском сознании возникла идея, что до тех пор, пока тело находится здесь (и, наверное, только в этом случае), в России будут жить коммунистические принципы! Потом мы осматриваем могилу Джексона Рида¹⁴⁷ и возвращаемся в отель. Я жалуясь на одиночество, и она понимает меня. Мы наконец достигаем взаимопонимания, и она остается до двух. Уходя, она просит меня не провожать ее и обещает вернуться завтра или в понедельник.

6 нояб. 1927 года, воскресенье. Москва, Hotel Grand.

Опять серый и дождливый день. Большую часть дня я пишу. Утром БОКС [...], которое здесь берет на себя заботу о таких гостях, как я, прислало мне гида-переводчика на весь день. Но я отпустил его, попросив вернуться к часу. Между тем меня ждут разные посетители: проф. Г. У. Л. Дана из Новой школы социальных исследований в Н.-Й.¹⁴⁸, Скотт Неринг, представитель Chicago Daily News, глава [...] и другие. Они рассказывают

¹⁴⁵ Воспоминания Хейвуда были опубликованы в книге: Bill Haywood's Book: The Autobiography of William D. Haywood. N. – Y.: International Publishers, 1929.

¹⁴⁶ Драйзер имеет в виду универмаг ГУМ, фасад которого длиной более 800 футов (примерно 245 м) примыкает с восточной стороны к Красной площади. Построенное в 1893 году здание первоначально называлось Верхними торговыми рядами, а его многочисленными магазинами владели купцы – поставщики царского двора. После революции здание было национализировано и стало известно как крупнейший магазин в Советском Союзе, ГУМ – Государственный универсальный магазин.

¹⁴⁷ Имеется в виду Джон Рид (1887–1920), американский рабочий лидер, писатель и публицист. Рид приехал в Россию в августе 1917 года, чтобы освещать революцию, в ходе которой он с энтузиазмом поддерживал большевиков. Вернувшись в 1918 году в США, он помогал организовывать различные социалистические и коммунистические группы, читал лекции и много писал. Его самая известная работа – «Десять дней, ко-

¹⁴⁸ торые потрясли мир» (1919). Вскоре после публикации книги Рид вернулся в Россию, где встретился с Лениным и стал членом Исполкома Коммунистического интернационала. В следующем, 1919 году он умер от тифа и был похоронен на Красной площади у Кремлевской стены. С 1929 года в Соединенных Штатах стали возникать клубы Джона Рида, которые объединяли авторов, придерживавшихся левых взглядов.

мне разное о России и о том, что ждет меня здесь. После праздников мне должно быть позволено увидеть некоторых вождей и руководителей Коммунистической партии, которые правят в России, а после этого мне дадут гиду и обеспечат переезд и проживание в тех пунктах России, которые я захочу посетить. Неринг предлагает взять Рут Корнел¹⁴⁹, так как она говорит по-русски и по-английски, а поскольку мы уже так близки, мне это представляется идеальным выбором. В 4:30 дня состоится открытие десятидневного праздника, а также прозвучат приветствия иностранных коммунистов и гостей. Мне принесли билет в ложу. Пойду – на открытие по крайней мере...

Рут Кеннел на Красной площади во время визита Драйзера

Было очень впечатляюще, особенно гимн в память павших, который мастерски сыграл оркестр и который огромное собрание слушало стоя. Этот оперный театр внутри и снаружи производит большее впечатление, чем любой другой театр в Европе¹⁵⁰... В пять тридцать я уезжаю; вернувшись, нахожу здесь Рут Корнел (см. выше примеч. ред.) и Динамова. Она должна отвезти меня посмотреть русскую народную пьесу в одной из маленьких школ театрального искусства. Пьеса показывает забавные картины деревенской жизни во время свержения царя и прихода к власти Советов. Она слишком длинная, но если правильно сократить, то в Америке ее может ждать успех. Я уверен. После представления оставляю ее в ложе и возвращаюсь писать...

Русские, безусловно, беспечные люди; практичные в некоторых вещах, безразличные или непрактичные в других. Взять, например, этот отель. С точки зрения архитектуры он всеми своими особенностями напоминает дворец: большие залы, большие номера, пышная мебель в стиле Людовика Великого... И при этом там и сям – рваные ковры, посредственное постельное белье, постоянно что-то ломается, лифты ходят через две минуты, но берут только двоих; неработающие замки; часто после 9 вечера нет горячей воды. Тем не менее служба всегда вежлива – за исключением главного офиса, где можно стоять часами, если вы не можете объяснить свою просьбу на языке, понятном конкретному дежурному клерку. А считается, что это международный отель, действующий под непосредственным руководством Центрального правительства СССР...

Вот и в театре, который мы посетили сегодня, был только один вход и не было выхода для 800 или 900 зрителей. И потому все свертки и туфли нужно было оставлять у дверей и почти что в позорной давке сражаться за то, чтобы войти и снова выйти! Само здание театра, которое ранее было действительно великолепным особняком, конфисковано у одной из богатых буржуазных семей. «Где сейчас члены этой семьи? – спросил я – Кто-нибудь знает?» – «Они мертвы либо работают в Нью-Йорке или Париже офицантами».

7 нояб. 1927 года, понедельник, Москва, Grand Hotel

Меня будят музыка оркестра и тяжелая поступь солдат, входящих на Красную площадь: трам-там-там. Это начало празднования 10-летнего юбилея. И хотя сейчас всего лишь 8:30, они уже подходят – длинные колонны марширующих войск. Красная гвардия.

¹⁴⁹ Генри Уодсворт Лонгфелло Дана, преподаватель Новой школы (New School); автор «Справочника по советской драме» (Handbook on Soviet Drama, 1938) и книги «Драма в России военного времени» (Drama in Wartime Russia, 1943).

² Драйзер не сразу запомнил фамилию Рут Кеннел (ред.).

¹⁵⁰ Драйзер упоминает знаменитый Большой театр. Свой нынешний вид театр принял благодаря реконструкции, проведенной архитектором Альбертом Кавосом (1800–1863) после того, как пожар 1853 года полностью уничтожил внутреннюю часть здания.

Курды из Курдистана, донские казаки в длинных летящих шинелях, сапогах со шпорами и меховых шапках. Они движутся верхом на небольших, но явно сильных и быстрых лошадях. Вот несколько отрядов сибирских стрелков. А теперь железнодорожная охрана в огромных длинных шинелях и шапках какой-то особой конструкции – и у каждого на плече винтовка. А вот стражи границы; а вот революционные отряды из далекой Грузии – люди с седыми бородами и в тяжелых теплых одеждах верхом на ладных вороных лошадях. Говорят, что они насмерть сражались с белыми империалистами, и это все, что осталось от большого подразделения бойцов. А вот кавказская артиллерия на легких горных повозках, оснащенных маленькими пушками и пулеметами. И так далее – колонна за колонной до 11 утра. Потом появляются рабочие: сначала прибыли профсоюзные активисты – машинисты, резчики по дереву, стекольщики, обувщики, мебельщики, камнерезы – сто шеренг – и все вооруженные. И после них огромный парад сочувствующих коммунистам – тысячи и тысячи мужчин и женщин, юношей и девушек всех рабочих профессий. Кто в белом, кто в синем, некоторые – в белых шапках, некоторые – в красных. И для русских все весьма радостные и веселые. Они приближаются к воротам на Красную площадь, которая находится прямо перед моим номером, и строятся в четыре сходящиеся колонны по двенадцать человек в шеренге. Марши продолжаются с 11 утра до самой ночи. Они маршируют, чтобы показать миру, насколько велика их вера в Красную Россию. И здесь, где совсем недавно была только нищета, невежество и слепая вера, теперь идут более или менее образованные и обученные мужчины и женщины, юноши и девушки. Здесь можно видеть всевозможные иллюстративные стенды и платформы, наглядно демонстрирующие хозяйственные достижения нынешней России: жатки, сноповязалки, трактора, сенокосилки, моторы, автомобили, стальные балки – то есть всевозможные коммерческие товары, и вокруг транспаранты, транспаранты, которые, как я полагаю, рассказывают миру о том, что Советская Россия больше никогда не попадет под капиталистическую тиранию, или содержат призывы не допустить этого. И постоянные оркестры, приветствия и крики «Ура!». В одном из лозунгов говорится о том, что Мать-Азия (а сегодняшняя Россия находится в основном там) наконец просыпается и теперь будет жить в современных условиях. Этот огромный гигант наконец пробуждается от векового сна – приходит в себя и вступает в новый день с новой миссией. Я никогда не ожидал увидеть такую удивительную картину, как марш азиатов с лицами всех типов – от китайского до европейского, с пением гимнов о братстве и благоговейным приветствием их всеобщего учителя Ленина при проходе мимо его мавзолея. Здесь нет священников, нет лозунгов, только символы человеческой решимости сделать жизнь более терпимой для всех. Я думаю (если только человеческая природа сможет подняться до такой возможности) – это один из шансов для подлинного улучшения человека. Но вполне может быть, что эта программа слишком красива для того, чтобы стать успешной, и это только идеал существования, до которого слабое и эгоистичное человечество подняться не сможет. Тем не менее я искренне надеюсь, что это не так – и это действительно начало лучшего или более яркого дня для всех...

Дневник, лист 110, запись, сделанная Драйзером

9:30 утра. Я иду на Красную площадь смотреть парад с большой трибуны. Встречаюсь здесь со Скоттом Нерингом и его коллегой – неким коллективистом, который только что вернулся сюда после девяти лет жизни в Пекине. Он рассказывает, что экономическое и социальное развитие последних 10–20 лет почти полностью определялось борьбой между коммунистами и некоммунистами. Англия и Япония – как обычно, при американской финансовой поддержке – присоединились к контролю продвижения коммунистов в Южный Китай. Здесь было уничтожено множество больниц, лабораторий, университетов, деловых предприятий и социальных организаций – многолетняя работа по

их сооружению пропала впустую. Видь на будущее, по его словам, там были еще хуже. Подобно Нерингу, он также по пути в Москву проехал через всю Сибирь, видел множество городов и деревень. Все люди, особенно крестьяне, одеты бедно, что его подавляло, хотя физически, как ему показалось, они выглядели вполне достойно. Однако в одежде, зданиях и товарах должно произойти еще немало изменений, прежде чем страна станет выглядеть не такой напряженной...

В 11:30 перебрался сюда [в отель] и смотрю на стенды, которые готовят к параду под моими окнами. Большой двигатель (в натуральную величину), молотилка и жатка. Они часами стоят перед моим отелем, прежде чем присоединиться к процессии из платформ. Написав несколько писем, я приставляюсь в хвост одной из колонн, готовящейся пройти по площади. Разглядывая тысячи русских, прихожу к выводу, что, как и женщины, многие мужчины слишком массивны и грузны, чтобы быть привлекательными. И у них (по крайней мере сейчас) слишком мрачная одежда. Но все равно там и сям можно увидеть юношей и девушек – или мужчин и женщин, которые выглядят привлекательно и весьма мило. Но на меня сильно давит их полувосточный вид.

Парад на Красной площади в десятую годовщину русской революции

Многое еще нужно сделать для того, чтобы осовременить этот город... В конце колонны, из которой я выхожу, чтобы вернуться назад, встречаю Рут (Кеннел). Она внесла свою лепту в демонстрацию и теперь свободна. Мы вместе возвращаемся в отель, по дороге заглядывая в пару церквей. В отеле она приходит ко мне, и мы развлекаемся до обеда, который я заказываю в номер. Затем появляются Дороти Томпсон с [...] – они остаются, и мы долго обсуждаем противостояние коммунизма и капитализма. Мисс Томпсон дает несколько серьезных комментариев к весьма общему тезису коммунистов о том, что капитализм не имеет перспектив, особенно в Америке. Она не полностью стоит на позициях индивидуализма, но считает, что коммунизм, как он до сих пор выражался в России, – это серая повседневность, это больше вопрос умственного или идеалистического энтузиазма от его сторонников, чем результат фактического улучшения материальной базы.

Москва празднично украшена. Я говорю, что мне эти украшения напоминают о срочной распродаже на 14-й улице. В 19:30 прибывают Скотт Неринг и профессор Дана. Мы собираемся посмотреть на молодых танцоров из школы танца Ирины Дункан¹⁵¹. Мы идем туда, но танцоры маршировали весь день, слишком устали, чтобы танцевать, и потому приглашение откладывается до четверга. Затем – с Дороти Томпсон, Нерингом и профессором Дана мы идем в храм Христа Спасителя на Москве-реке, который считается самым крупным в России. Он замечательно выглядит в лунном свете снаружи и во мраке, который рассеивают несколько свечей, – внутри. Тут я понимаю, что Д. Т. [Дороти Томпсон] имеет на меня виды. Потом Неринг ведет нас к китайскому восточному «университету» – на самом деле «красной школе» для китайских коммунистов¹⁵² – их по 200 человек ежегодно отправляет сюда Гоминьдан¹⁵³. Я прослушал рассказ молодого

¹⁵¹ Драйзер имеет в виду школу танца, основанную в Москве в 1921 году Айседорой Дункан. Ирина Дункан – ее сестра; см. запись от 10 ноября.

¹⁵² Упоминания об этом Университете см.: Thompson Dorothy. The New Russia. N.-Y.: Henry Holt, 1928. P. 173, 237, 254. Имеется в виду Коммунистический университет трудящихся Востока имени И. В. Сталина (КУТВ) – учебное заведение Коминтерна, действовавшее в Москве с 1921 по 1938 год (пер.).

¹⁵³ Гоминьдан (буквально – Китайская национальная народная партия) – консервативная политическая партия, образованная вскоре после Синьхайской революции 1911 года (пер.).

китайца на английском о состоянии коммунизма в Китае. Его расстреливают в ходе волнений пролетариев, которые берут пример с России. Консерваторы убили 20000 коммунистов. Северная белая или капиталистическая армия, созданная и поддерживаемая Англией, Японией и Соединенными Штатами, сражается и убивает коммунистов, но не оказывает серьезного влияния на Красную революцию.

Вид Дома союзов во время празднования десятой годовщины русской революции

Если тебя застанут за чтением коммунистической литературы или за изложением советских идей в любой форме, – это верная смерть. И коммунисты отвечают убийством тем, кто убивает их товарищей. На их потоке 200 слушателей, а всего в Школе насчитывается 400 человек (общий «университетский» курс рассчитан на два года!). Они ждут возвращения в Китай, чтобы бороться и погибнуть максимум через 3¹⁸⁹ года. В их молодых сердцах горит огонь, зажженный коммунистическими лидерами России... Газета «Китайская стена». Стихи переводят, а затем красиво излагают на китайском. Молодая королева кино – китайская студентка. Голливуд ее оценит. Мне очевидно, из какого источника берет свое начало ее прекрасная техника – из американских фильмов, показанных в Китае...

Мы приходим в номер Скотта Неринга в отеле Passage. Д.Т. и я продолжаем наш флирт. После ужина с американской делегацией она приходит ко мне в номер, чтобы обсудить коммунизм, и мы приходим к единому мнению о многих из его нынешних недостатков, а также о его обнадеживающих перспективах. Я прошу ее остаться, но она не остается – сегодня вечером.

8 нояб. 1927 года, вторник, Москва, Hotel Grand

Очень ясный и довольно теплый день – как в апреле в Америке. Я решаю: раз праздник, нужно посетить церкви. Приходит Рут Кеннел, которая теперь мой секретарь, и мы берем дрожки¹⁵⁴ за 2 рубля в час (7:00). Потом мы трогаемся и посещаем церкви.

Миновав храм Василия Блаженного¹⁵⁵, мы проезжаем по Каменному или [...] мосту через Москву-реку, и я выхожу, чтобы посмотреть отсюда на Кремль, наверное, самое красивое имперское сооружение, которое я когда-либо видел. Башни! Шпили! Похожие на ананасы купола. Они так великолепно окрашены – красный, золотой, синий, зеленый, коричневый, белый. И действительно сверкают на солнце. Багдад! Сказочный город из мира Аладдина! И все же реальный! Здесь, перед моими глазами. Пока мы здесь стоим, Рут рассказывает мне историю о царе Теодоре – ее теперь показывают в Большом театре, а разворачивалась она в этом самом Кремле¹⁵⁶. Но я думаю о еще более древних временах – о фантастически бурной жизни, о наслаждении, о блеске, которых никогда не было – только в моем воображении. И все это время под ногами течет грязная вода Москвы-реки, и причудливые восточные дрожки стучат там и сям, и лучи солнца играют передо мной на пышных шпилях... И снова храм Христа Спасителя – днем. Рут рассказывает мне, как она, рожденная в лютеранской семье, вышла замуж за методистского пастора и тем

¹⁵⁴ Дрожки – обычно это повозка с небольшими колесами, запряженная одной лошадью.

¹⁵⁵ Собор Василия Блаженного – одно из самых необычных сооружений в Москве. Строительство началось при Иване Грозном в 1554 году и завершилось в 1679 году. Собор объединяет десять церквей (приделов) на одном фундаменте, расположенных на двух уровнях и увенчанных куполами различной формы и шпилями, окрашенными в разные цвета.

¹⁵⁶ Драйзер, скорее всего, имеет в виду оперу Мусоргского «Борис Годунов», в которой одним из действующих лиц является сын царя Бориса царевич Федор (Теодор).

действительно разрушила его жизнь. Из этого может получиться роман. Еще она рассказывает, как в пасхальную ночь этот собор освещают 10000 свечей, как тысячи верующих собираются на площади перед храмом, и каждый из них несет зажженную свечу. И удачлив, и благословен тот, кто принесет к себе домой непогасищую свечу. Как священники обходят процессией церкви, молятся перед каждой башней, и о том, что, пока они молятся, на колокольне каждой из них вспыхивает красный огонь. А потом звонят все колокола города – их тысячи; все наполняется благоговением – праздник. И когда она рассказывает, я все это вижу...

Потом мы покупаем сладости – а я думаю о маленьких церквях и о больших, о бронзовых [колоколах], алтарях, иконах, облачениях, надписях, текстах молитв, об архитектуре – о целом мире ремесел и веры, в котором были созданы эти 484 сокровища города. Я не [нечитаемое слово]. Я не могу. Никто из тех утонченных русских, которые живут в богатых домах, или тех, кто обитает в менее изысканных или более бедных кварталах. О церкви, которая вмещает в свой маленький зал размером не более 10x12 лишь семь человек... Русские кошки на заборах и в дверях, милая травка, растущая во дворах здесь и там. Экзотически смотрящиеся русские священники с длинными шелковистыми волосами и бородами, в странных головных уборах и длинных бархатных пальто. Я никогда не устану на это смотреть. Это все так ново для меня и так отличается от виденного ранее. Азия – и Запад. В 16:30 мы идем за шоколадом. Русские магазины очень бедны. На самом деле, убогие. А потом – в отель. Мне звонят. Я должен сделать то-то и то-то. Приходите посмотреть на то и на это. Мы решаем поужинать в отеле. За ужином Шварц, корреспондент *New York World*, говорит мне, что, поскольку я задавал американскому посольству в Берлине вопрос о том, как обстоят дела с моим паспортом, за границей пошли слухи, будто я был против моей воли задержан Советами, и из Лондона пришла телеграмма, в которой спрашивают, так ли это. Я сразу же даю телеграмму в Берлин о том, что мой паспорт найден. Следующая [...] Звонит Дюранти из *London Post*¹⁵⁷, спрашивает меня. По его приглашению Рут, Шварц и я заходим к нему в номер – лучший из виденных здесь мною – и пьем чай у камина – единственного виденного здесь мною. Снова обсуждаем Россию. Как здесь платят за аренду? Как нанимают прислугу? Как покупают еду, одежду? И т. п.

8 нояб. 1927 года, вторник, Москва¹⁵⁸

За два рубля в час мы наняли извозчика очень затрапезного вида и отправились через Красную площадь на территорию, которая лежит на другой стороне Москвы-реки. Мы остановились у церкви вблизи Красной площади, многокупольного Собора Василия Блаженного. Верхняя часть здания, где теперь музей, оказалась закрытой, но небольшая часовня внизу, где все еще шли службы, была открыта, и мы заглянули в холодное помещение, тускло освещенное свечами.

На мосту через Москву-реку мы остановились, чтобы полюбоваться прекрасным видом на Кремль. Перейдя мост, мы проехали вдоль берега до следующего моста, снова пересекли реку с другой стороны и подошли к величественному собору с пятью огромными золотыми куполами – храму Христа Спасителя. Службы сегодня не было, но в храм можно было войти. Этот великолепный собор был построен всего около 25 лет назад и сегодня является самой богатой из московских церквей.

Переправившись через мост, мы пошли по улице, ведущей через канал к самой старой

¹⁵⁷ Уолтер Дюранти был связан как с *New York Times*, так и с *London Post*; он считался главой американских корреспондентов в Москве. См. *Duranty Reports Russia*. N.-Y.: Viking, 1934.

¹⁵⁸ Здесь начинается машинописный текст Рут Кеннел (прямой шрифт, до следующего курсива). Ее ошибки, как и описки Драйзера, остаются без исправлений, но по возможности разъясняются в примечаниях.

части города. По дороге, на улице Большая Полянка, мы остановились у церкви, которая очень выделялась среди замызганных магазинов и мастерских. Потом была весьма интересная на вид кирпичная церковь с голубыми куполами, усеянными золотыми звездами.

Обогнув площадь Konyudeum¹⁵⁹, мы вышли в переулок и остановились у очень большой церкви с двором. Она была закрыта, но женщина-сторож предложила для нас ее открыть. Впрочем, дело могло затянуться, и мы довольствовались тем, что осмотрели ее жилище у ворот – лачугу из одной комнаты и деревянный сарай.

Она рассказала нам, что в этой очень маленькой комнате живут она и ее мать, ее муж, две сестры и двое детей. В комнате были кирпичная печь, одна кровать, стол, стулья и алтарь. Извозчик, заметив наш интерес к условиям их жизни, сам сообщил о том, что он живет намного хуже. У соседней церкви, когда Д. лихо спрыгнул с дрожек и вошел во двор, извозчик восхищенно воскликнул: «Молодец ваш барин!» На Большой Ордынке мы нашли очень красивую церковь.

Церковь Покрова Божией Матери¹⁶⁰, сооруженная около 15 лет назад, изящна и гармонична. Она построена из серого камня, имеет очень полные округлые купола из черного металла и выполненные из того же металла портики, нависающие над тяжелыми резными дверями и белыми стеклянными окнами. Даже водосточные трубы смотрятся гармонично – они сделаны из какого-то зеленоватого металла. Внутри настенные росписи весьма совершенны по форме и цвету, хотя гораздо более современны по стилю, чем в любой другой московской церкви. Расписывал церковь известный художник Нестеров. Богатый синий цвет противопоставлен в ней светло-серым стенам и низким куполообразным потолкам.

Возвращаясь переулками к реке, мы миновали множество интересных церквей: белых с голубыми куполами, желтых с белыми куполами, и каждая из них была совершенно непохожа на все остальные. Двигаясь по берегу канала, мы немного проехали в противоположном от Кремля направлении. Здесь мы натолкнулись на очень обширный монастырь со полуразрушенными стенами, башней и красивой, но тоже полуразрушенной церковью, расположенной рядом с кладбищем. Оказалось, что здесь находится фабрика по производству ящиков – она занимает одно из каменных зданий во дворе. Получив от сторожа разрешение войти, мы познакомились с милиционером, которому я объяснила, что посетитель является американским делегатом. Завод был закрыт, поскольку сегодня был выходной, но милиционер настоял на том, чтобы показать нам фабричную школу ликвидации безграмотности, клуб и библиотеку. Здесь занято около 500 рабочих, которые живут в низком здании, где раньше, несомненно, жили монахи. В подвале церкви были в самом разгаре строительные работы – здесь тоже сооружали жилые помещения. Сама старая церковь была заперта, а ключи от нее находились в некоем Главном научном управлении. Повсюду валялись разбитые надгробные плиты, так что в целом мне показалось, что атмосфера, в которой работали и жили люди, была для них весьма удручающей.

Мы снова повернули к центру города и проехали через стену Китай-города на старую улицу Никольскую. Через ворота мы попали на Лубянскую площадь с маленькой церковью с голубыми куполами, шипы на которых были покрыты золотом; этой причудливой церкви 500 лет¹⁶¹.

¹⁵⁹ Какую площадь имела в виду Рут Кеннел, сказать трудно (*ред.*).

¹⁶⁰ Очевидно, имеется в виду церковь Покрова Пресвятой Богородицы, построенная по проекту архитектора А. В. Щусева в 1912 году (*ред.*).

¹⁶¹ Вероятно, имеется в виду храм Гребневской Иконы Божией Матери, находившийся на Лубянской площади. Основан в конце XV века, в ознаменование присоединения Иваном III к Великому княжеству Московскому Новгородской республики. Перестроен в камне в середине XVI века (*ред.*).

8 нояб., вечер, Москва

Решили пойти на оперу «Князь Игорь»¹⁶² в Большом театре, но обнаружили, что все билеты в театры на такие спектакли бесплатно распространяются через профсоюзы. Выслушав рассказ Луиса Фишера¹⁶³ о том, что, по слухам, советское правительство фактически задержало Д., мы вместе с Фишером пошли на встречу с Дюранти из *Associated Press*. Дюранти живет в довольно благоустроенном для Москвы районе, у него три или четыре большие комнаты, причем одна комната с небольшим камином, в котором горят дрова – это первый камин, увиденный мною в Москве. Разговор зашел о домовых комитетах. Дюранти объяснил, что в каждом жилом доме есть свой домовый комитет, который ответствен перед Центральным департаментом жилищного хозяйства города. В 1921 году Дюранти получил эту квартиру в аренду на три года при условии, что он ее отремонтирует. Он сделал капитальный ремонт, но через три года квартира вернулась в собственность Жилищного департамента, так что теперь Дюранти через домовый комитет платит 125 долларов в месяц за ее аренду. Домовой комитет избирают жильцы, два или три раза в год проводятся общие собрания, на которых заслушивают отчеты комитета и проверяют его счета. Это затрудняет жульничество. Кроме того, существует рабоче-крестьянская инспекция, которая в любой момент может заглянуть в бухгалтерские книги. Эта инспекция проверяет и все департаменты правительства; она может «вычистить» любого сотрудника конторы, если обнаружит жульничество или неэффективную работу. Инспекция все время работает в полную силу.

Дюранти утверждал, что коррупционная система в Америке обеспечивает более дешевое производство. Он ссылаясь на то, что банка тушенки стоит в Америке 10 центов, а в России – 30 центов. Фишер говорил, что это связано с рационализацией промышленности, а не с коррупционной системой.

Что касается бюрократии, то было сказано, что, хотя она в русских учреждениях все еще сильна, ее роль быстро уменьшается. В 1922 году требовалось 45 минут, чтобы получить деньги в банке, теперь – три минуты. В то время как в Германии железнодорожники имеют три формы отчетности, в России их было 48, но это число значительно сократилось. Тот факт, что существует большая безработица, затрудняет сокращение персонала разнообразных контор и способствуют более широкому распространению бюрократии.

Что касается безработицы, то говорилось, что на самом деле сейчас на работу нанимают больше людей, но и больше селян приезжают в города. Люди не могут прокормиться в деревне, потому что нет средств на обработку земли и на строительство дорог.

Советский эксперимент будет успешным, если 1) не будет гражданской войны или 2) войны с иностранцами, и 3) удастся получить американскую помощь.

Что касается внешних долгов, то Россия заявляет, что готова платить, но не признает [царские] долги. Россия не может получать кредиты, потому что, хотя она раньше всегда выполняла обязательства, сейчас она не может гарантировать их безопасность, и надежное обеспечение этой статьи является единственной гарантией, которую она может предложить. Она не может выплатить долги, но стремится отсрочить их выплату. Несмотря на то что компания *International Harvester Co.*¹⁶⁴ многое потеряла во время революции из-за

¹⁶² «Князь Игорь» – единственная опера композитора Александра Бородина; в ней рассказывается история поражения князя Игоря Святославича в борьбе против половцев в 1185 году.

¹⁶³ Луис Фишер (1896–1970) – американский журналист, публицист, написал биографию В. И. Ленина.

¹⁶⁴ *International Harvester, IH* – американский производитель сельскохозяйственной техники и грузовых автомобилей. Компания, основанная в 1902 году, прекратила свое существование в середине 1980-х годов.

национализации, именно она дает больше кредитов Советской России, чем кто-либо еще.

Перед этим во время вечернего разговора была затронута проблема прислуги. Ее нанимают через профсоюзы, оформляется соглашение, гарантируются восьмичасовой рабочий день, специальная одежда, выходные дни и уведомление об увольнении за месяц, взносы на социальное страхование должны выплачиваться ежемесячно.

9 нояб. 1927 года, среда, Москва, Grand Hotel

Ничего особенного. Утром писал. Во второй половине дня посетил крестьянский музей и купил зеленый шелковый шарф. После этого пошли в вегетарианский ресторан. Эти рестораны в России (я имею в виду Москву) очень бедны. Нет ничего приятного – нет ночной жизни, если только она не является частной. Причина в том, что, как мне сказали, чиновники, торговцы и даже рабочие, имеющие свободные деньги, боятся быть замеченными в тратах где угодно, потому что, если их заметят, то их доходы будут тщательно изучены, а налоги увеличатся. Таким образом, все, что осталось здесь от ночной жизни, – это посещение родных, театров, кино, оперы и личные отношения с женщинами. С Кеннел у меня есть этот десерт – и длительное обсуждение возможности заимствования этого советского обычая. Это приводит к тому, что у нее начинается головная боль. В 8:30 [вечера] я возвращаюсь сюда, разбираю предметы, связанные с Россией, и пишу эти заметки. Около полуночи – спать.

10 нояб. 1927 года, четверг, Москва, Grand Hotel

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ГОСТЕВОЙ ДОМ ДЛЯ КРЕСТЬЯН¹⁶⁵

Это пятиэтажное кирпичное здание, занимающее половину квартала в центре Москвы, – один из 380 крестьянских гостевых домов в России. Директор Гринюк объяснил цель создания этих домов. До революции крестьянин, приезжавший в город, становился жертвой всякого рода эксплуатации и грабежа, он напивался, терял свои деньги и т. д. Теперь правительство управляет этими гостевыми домами ради общего удобства и воспитания крестьян, посещающих город. Сам директор до революции учительствовал в деревне; после революции, будучи коммунистом, стал местным продовольственным комиссаром, а затем руководителем крупного государственного зернового фонда. Тогда партия сказала ему: «У нас есть для тебя более важная работа» – и передала ему руководство Центральным гостевым домом для крестьян.

Любой крестьянин во время своего пребывания в городе имеет право приехать в гостевой дом и поселиться в нем. Средний период пребывания составляет десять дней, но если дела задерживают его на более длительный срок, то он может оставаться в гостевом доме и дольше. В каждой комнате здесь стоит от трех до шести коек, одна койка стоит 25 копеек в день, завтрак – 25 копеек, ужин – 30 копеек. Если крестьянин очень беден, то он может остановиться здесь либо бесплатно, либо по льготным ценам. Номера здесь большие, светлые и чистые, кровати застелены чистыми бельем и одеялами и выглядят комфортно. Гости могут заказать чай в номер. В час ночи все гости должны спать – свет гасят. Крестьяне могут бесплатно получить юридическую поддержку. К их услугам – квалифицированные юристы, и длинная очередь крестьян ждет консультаций с адвокатами. Есть также бесплатные клиники, в которых работают 84 медика. Здесь работает небольшая агрономическая выставка, читаются лекции, в большом зале демонстрируются кинокартины и даются представления, проводятся экскурсии в музеях и т. д. *Крестьянам – и это правильно – по прибытии предлагают принять ванну или посетить баню с парной¹⁶⁶. Если бы еще удалось убедить их делать то же самое каждый день...*

¹⁶⁵ Правильное название в то время – Центральный дом крестьянина (пер.).

¹⁶⁶ Обычно баня с парной находится в отдельном здании.

В доме есть читальня и «Ленинский уголок» со множеством плакатов, которые рассказывают крестьянину о смысле [политических] действий и об организации его правительства, о союзе крестьян и рабочих, о коммунистической партии, об антирелигиозности и т. д. В библиотеке имеется 12000 книг, ее ежедневно посещают 80 человек.

Существует также большой музей, где хранятся плакаты и диаграммы по агрономическим методам и статистике, представлены продукты, новейшие сельскохозяйственные машины, в частности электромоторы и силовые машины, демонстрируются достижения в области санитарии и гигиены для скота и людей, рассказывается о болезнях животных и т. д.

Центральный гостевой дом рассчитан на 400 крестьян.

В беседе с Гринюком были получены ответы на интересующие нас вопросы.

– Каковы размеры *земельных* владений крестьян?

Средний размер – от 40 до 60 акров¹⁶⁷.

– Что можно сказать о богатом крестьянине, «кулаке»?¹⁶⁸

Максимальный размер его надела – 1000 акров. Его доход составляет не более 5000 рублей в год, и прогрессивный налог на этот доход меняется, составляя от 2 к. на первые 20 рублей до 22 к. на 60 рублей.

– Почему правительство опасается богатого крестьянина?

До революции «кулак» был практически хозяином деревни. Бедняки и крестьяне-середняки, которые зимой обычно остро нуждались в деньгах, были вынуждены работать на богатого крестьянина и таким образом попадали под его власть. Но теперь, хотя его доход иногда намного выше, чем у других крестьян, он не только сильно облагается налогами, но и лишается прав в том случае, когда использует наемную трудовую силу. Свое богатство он может использовать в трех формах: техника, труд и спекуляция. Правительство поощряет первое, потому что это уменьшает необходимость в найме рабочей силы и увеличивает общую производительность [труда] и уровень сельского хозяйства, и потому машины не облагаются налогами; второй не приветствуется и регулируется; третий – это зло (пример: осенью, когда зерно дешево, богатый крестьянин его скупает, а затем, по весне, продает по высокой цене).

– Какова разница в уровне жизни между богатыми крестьянами и другими селянами?

Средний крестьянин имеет доход около 500 рублей, бедный крестьянин – 200 рублей в год (для сравнения – от 2000 до 5000 у «кулака»). Разница в уровне жизни – это разница только в комфортности жилья и качестве еды и одежды, поэтому контраст не является чрезмерным. Разумеется, богатые крестьяне лучше кормят и одевают своих детей, чем другие крестьяне, но их дети должны ходить в те же школы и иметь те же социальные преимущества, что и остальные, поскольку в деревнях нет частных школ. Правительство, как может, поощряет коллективизацию крестьян: например, только коммуны, в которых труд и социальная жизнь являются общими, могут иметь трактора или другие машины для обработки земли. *После долгой беседы и изучения первого крестьянского гостевого дома мы перешли во второй.*

ДОМ КРЕСТЬЯН МОСКОВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Раньше здесь был прекрасный отель и ресторан Hermitage. Теперь это гостевой дом для крестьян Московской губернии (*или штата*), которая по площади сравнима со штатом

¹⁶⁷ От 16 до 24 га; 1 акр = 0,4 га.

¹⁶⁸ До 1917 года термин «кулак» применялся к скупым торговцам или деревенским ростовщикам. После революции он использовался для обозначения зажиточных крестьян, многие из которых были лишены гражданских прав и облагались высокими налогами. Некоторые из них были отправлены в трудовые исправительные лагеря.

Огайо. Здесь также есть красивая аудитория, музей, плакаты, карты и т. д., читальный зал, «Ленинский уголок», а спальные комнаты очень элегантно оформлены и обставлены. Цены здесь такие же, бесплатные услуги – те же.

Выходя, мы столкнулись в дверях с колоритной группой гостей, прибывших из Узбекистана или Туркестана. На них были огромные мохнатые меховые шапки и яркие цветные халаты, подпоясанные по талии. Они были заняты переключением своего багажа, который состоял из многочисленных мешков, сделанных из турецких ковров, и рулонов одеял. Крестьяне складывали все это на тротуаре перед дверью и разговаривали на странном языке. *Отсюда мы отправились в московский универмаг. Он, как и многое другое в этой стране, управляется непосредственно правительством, и я спросил Рут, не в государственном ли управлении состоит причина того, что над ним витает дух безразличия и официальности. Она так не думает. Всему виной русский темперамент – вялый и апатичный. Человеку хочется что-то купить, и он тратит на это время. Здесь – пока еще – не сложились в полной мере новые правящие классы, у людей нет денег. Посмотрим, что будет позже, когда у них появятся деньги, а также досуг после семичасового рабочего дня.*

Затем мы посещаем Новодевичий монастырь, сооруженный в 1594 году¹⁶⁹. Настоятельница здесь после смерти царя Федора (или, точнее, после развода с ним) стала его женой¹⁷⁰. Мы взяли извозчика – вечером было облачно и холодно. «Дни меланхолии пришли – грустнейшие в году»¹⁷¹. Как остро я чувствую здесь это настроение. Все серое и белое, церквушка, увенчанная, конечно же, двумя золотыми куполами, и окружающие ее сильно укрепленные высокие стены с башнями в полной боевой готовности. Наполеон, двигаясь на Москву, пытался захватить этот монастырь, но потерпел неудачу. Он подложил мину в подвал его главной церкви, но одна из монахинь вовремя ее обнаружила. Здесь очень красивая главная церковь, светло-серая, с пятью круглыми золотыми куполами, и еще одна старая красная церковь. Теперь здесь музей, но в маленьком здании, где все еще проходят службы, сохранилось множество красивых икон, картин и т. д. Есть здесь и большое кладбище с множеством пышных гробниц. Одна из них, в форме прекрасного маленького белого храма с золотой крышей, была сооружена в память о богатом купце еще до революции 1917 года. Одним из самых высокохудожественных является памятник на могиле Чехова, но он затерян среди многих других давно забытых могил¹⁷². Кто-то зажег свечу в фонаре у одной из могил, и мы стояли, задаваясь вопросом, будут ли так вспоминать об этом покойнике через пять лет. Это была новая могила, ей от силы год.

¹⁶⁹ Новодевичий монастырь – один из кольца укрепленных монастырей, которые с XVI века строились за пределами центральной части Москвы. Новодевичий монастырь был сооружен в 1524 году в честь освобождения Смоленска от польско-литовской оккупации (в 1514 году) (*пер.*).

¹⁷⁰ Драйзер упоминает вдову царя Федора, которая была сестрой Бориса Годунова. В 1598 году Годунов вместе со своей сестрой молился в монастыре и ожидал там, когда знать и бояре попросят его стать царем.

¹⁷¹ В оригинале «The melancholy days have come – the saddest of the year». Это первая строка стихотворения Уильяма Брайанта «Смерть цветов» (The Death of the Flowers). Уильям Каллен Брайант (1794–1878) – американский поэт, журналист и редактор газеты *New York Post* (*пер.*).

¹⁷² Новодевичье кладбище расположено рядом с южной стеной монастыря. В XIX веке это кладбище стало местом захоронения многих выдающихся людей России. Здесь хоронили только философов, художников, писателей, музыкантов, ученых, политиков и других людей, которые заняли видное место в истории России. Упоминание Драйзером в следующей записи надгробия Чехова – это попытка описать белый камень с металлической «крышей», который выглядит как простой деревенский дом. Кажется, Драйзер не понял характер этого кладбища, ибо полагал, что русский писатель похоронен среди «давно забытых могил».

В шесть вечера мы посетили первое заседание Конгресса друзей Советской России¹⁷³, вернее, учредительный съезд этой организации. На встрече присутствовали жена Ленина Крупская, Клара Цеткин, немецкий коммунист, Рыков и Анри Барбюс¹⁷⁴.

После того, как заседание закончилось (и несмотря на это), я должен был присутствовать на выступлении танцоров Ирины Дункан, сестры Айседоры, у которой здесь есть школа¹⁷⁵. Русский обычай: те, кто хотели меня заполучить и отвезти в школу, попросту не пришли, и, так как я не знал, как туда добраться, просто остался дома, писал заметки, читал о Советах и их достижениях за последние десять лет и размышлял об Америке. В полночь в дверь кто-то постучал. Я побоялся, что это какая-то девушка, и, поскольку я не чувствовал необходимости в дальнейшем возбуждении, дверь не открыл. Но я, кажется, знаю, кто это был.

11 нояб. 1927 года. пятница, Москва, Grand Hotel

Утром – дождь; ночью – холодно и сухо. Мой бронхит, кажется, немного ослабил свою хватку. Прошлой ночью мне снился странный сон. В последнее время я чувствую себя довольно плохо и вяло. Первые симптомы возраста, как я понимаю. Но во сне я был восхитительно энергичным и веселым – в прежних возрасте и силе. Казалось, я находился в закрытом дворе, где были тропинки и трава, и на одной из тропинок я танцевал – почти обнаженный – с бутылкой вина в руке и второй бутылкой, которую я держал высоко над головой. Я радостно прыгал туда и сюда, переходил из одной танцевальной позиции в другую. Но вскоре я увидел, что ко мне подходит – или просто идет по другой тропинке – пожилой человек в темной одежде, такой типаж консерватора или ученого. И вдруг я немного испугался, как будто он мог что-то со мной сделать. Почувствовав это, я также понял, что именно он может сделать и как. И в тот же миг я проснулся.

* * *

Могила Чехова во дворе Новодевичьего монастыря. Мне хотелось бы, чтобы всех великих людей кремировали и развеивали их пепел по ветру либо хоронили их отдельно от всех остальных в каком-то необычном месте, куда можно было бы пойти и поразмышлять над особой значимостью каждого из них (красота и покой). Но вот так, среди стольких людей, как Шопен на кладбище Пер-Лашез...¹⁷⁶ Мне это не нравится. Лучше было бы сделать иначе.

Ленин. Я полагаю, что это новый всемирный герой. Если мир перейдет к диктатуре пролетариата, а я предполагаю, что он перейдет, то его величину предела не будет. Еще один Вашингтон. Еще один Кромвель. Россия уже не справляется с его славой. Его статуи и картины настолько многочисленны, что создают особую атмосферу. Только в Москве так

¹⁷³ Правильное название – Всемирный конгресс друзей СССР (10–12 ноября) (пер.).

¹⁷⁴ Жена Ленина – Надежда Константиновна Крупская (1869–1939) – вышла замуж за Ленина в 1894 году и была отправлена с ним в ссылку в Сибирь в 1896 году. После революции она посвятила себя государственному образованию и борьбе с неграмотностью. Клара Цеткин – социалистка, активистка, участвовавшая в женских движениях того времени; на Международной конференции женщин-социалисток в Копенгагене в 1910 году по предложению Цеткин было принято решение о праздновании первого Международного женского дня. Алексей Иванович Рыков (1881–1938) – большевистский лидер, был в это время одним из главных оппонентов Сталина; казнен в ходе репрессий 1938 года. Анри Барбюс (1873–1935) – французский писатель и журналист.

¹⁷⁵ Подтверждений этому не найдено (пер.).

¹⁷⁶ Шопен похоронен на большом пользующимся популярностью парижском кладбище Пер-Лашез; его могила отмечена памятником, изображающим плачущую музу со сломанной лирой.

много его бюстов и статуй, что они, похоже, составляют заметное дополнение к населению. Примерно так: население Москвы – без статуй Ленина — 2000000, со статуями Ленина – 3 000 000.

Потратив все утро на строительство планов, что делать теперь, когда Смидович¹⁷⁷ не смог нас принять, но договорился о том, чтобы нас приняли в Центральном комитете Российской Коммунистической партии, мы наконец в 11:30 прибыли в этот штаб. Это огромное серое каменное здание, занимающее целый квартал. Мы обошли здание, чтобы получить наши пропуска, и прошли на шестой этаж, где находится отдел по работе с женщинами. Нас встретила крепкая дама, которая сидела за столом, окруженная чрезвычайно занятыми женщинами. Я не знал, с чего начать беседу, поэтому она принесла два больших цветных плаката, адресованных восточным женщинам. Они иллюстрировали положение женщин в Туркестане прежде и теперь: гарем, жестокое обращение с женами, паранджа, изоляция – и сегодняшние моногамия, экономическая независимость, отсутствие паранджи и участие в работе советов. Отвечая на мой вопрос, Качилина¹⁷⁸ (крестьянка, заместитель заведующего отделом по работе с женщинами) ответила, что моногамия – это в Советском Союзе [законно] признанные семейные отношения, а многоженство не признается. Отвечая на мой вопрос о различии между законами, регулирующими отношения полов в Америке и в России, она сказала, что до революции в России, как и сейчас в Америке, признавались только зарегистрированные браки, тогда как в Советской России, если мужчина и женщина живут вместе, то женщина имеет те же права, что и зарегистрированная жена, ее дети защищены законом – отец должен нести совместную ответственность за них, и, если женщина или мужчина заболевают или нуждаются в уходе, то один из них обязан заботиться о другом. Развод очень прост. Для того, чтобы брак был аннулирован, достаточно желания одного или другого человека – или их обоих. В случае разъезда или смерти одного из родителей совместное имущество делится поровну между родителями и детьми; дети обычно передаются под опеку матери, но если есть апелляция, то, кому из родителей заботиться о детях, решает на основе своей компетенции суд. Другой родитель должен предоставлять определенную долю своего дохода на поддержку детей.

Какие права имеют родители в отношении детей? Вообще никаких, кроме права обеспечивать благополучие ребенка. Если удастся доказать, что родитель приносит ребенку вред, то он может быть изъят у него государством. Если дети неуправляемы или дики, убегают из дома или иным образом настолько не слушаются родителей, что становятся опасными, то их решением районного отдела Департамента образования можно забрать и поместить в учреждение для дефективных детей.

Что касается нравственного воспитания ребенка, то, конечно, никакого религиозного обучения сейчас нет. Его место занимают научные исследования. В начальной школе природоведение, политическая экономия и моральное воспитание перекладываются на детское движение юных пионеров. Это организация, состоящая из мальчиков и девочек в возрасте от 7 до 14 лет и молодых коммунистов в возрасте от 14 лет до 21 года¹⁷⁹. В этих группах, которые работают во взаимодействии со школами и в тесном контакте с учителями, занимаются вопросами сексуальной гигиены, опасности для здоровья ранних или

¹⁷⁷ Петр Гермогенович Смидович (1874–1935) – советский партийный и государственный деятель (*ред.*).

¹⁷⁸ В оригинале Kachilina. Скорее всего, это была Анна Степановна Калыгина (1895–1937), уроженка деревни Малахово Тульской губернии, которая в 1926–1928 годах действительно занимала пост заместителя заведующего отделом по работе среди женщин – работниц и крестьянок ЦК РКП(б) – ВКП(б).

¹⁷⁹ Молодежь в возрасте от 14 до 21 года объединял Комсомол – Коммунистический союз молодежи, политическая молодежная организация в СССР (*пер.*).

беспорядочных половых отношений, изучаются обязанности граждан, домашние обязанности, пропагандируются правдивость, честность, вред курения и употребления алкоголя и т. д. Вначале (1918–1921) отношения полов были слишком свободными, но теперь *эта свобода несколько видоизменилась* 180.

В чем различия между положением незамужней девушки сегодня и в прежние времена? Раньше у девушки не было свободы выбора в браке. Ее родители организовывали этот союз, не считаясь с ее пожеланиями, она становилась женой и матерью – и больше ничего. Теперь девушка абсолютно свободна в выборе того, с кем она хочет жить, и живет с ним только до тех пор, пока сама этого желает. Общество на принуждает ее оставаться с мужем, если она сама этого не хочет.

Кроме того, замужней женщине рекомендуется поддерживать экономическую независимость, продолжая работать, а если появляются дети, то отдавать их в детские ясли и в детские сады. Когда работающая женщина ждет ребенка, ей предоставляются оплачиваемый отпуск (два месяца до рождения ребенка и два – после), средства на приобретение молока и одежды, бесплатная медицинская помощь и возможность в первый год жизни ребенка тратить в течение своего рабочего дня два часа на то, чтобы его покормить.

Интервью быстро завершилось, так как нам пришлось поспешить на встречу с Коганом, директором Государственной академии художественных наук.

Я обратил внимание на название этого учреждения, и, когда мы вошли, сразу задал вопрос о том, может ли искусство быть наукой. По этому вопросу началась дискуссия, которая закончилась тем, что его решение было отложено до лучших времен. Коган утверждал, что Академия предназначена для научного изучения искусства, я утверждал, что наука не имеет никакого отношения к искусству. Он объяснил, что искусство состоит из трех составных частей: 1) материалы художника (глина, краски, холст, камень и т. д.), 2) техника художника, творческие идеи и 3) история и влияние на общество работ художников. Я заявил, что материалы и технику можно оставить механике, и единственное, что важно, – это творческая идея художника, но наука ее изучать не может. Студенту не остается ничего, кроме исследований и критики. Коган сказал, что в Академии собраны не студенты, а ученые, занимающиеся научными исследованиями искусства, и тут интервью было прервано неким компромиссным заявлением с моей стороны о том, что Академия может объединять исследователей и критиков искусства, но не ученых. (Примечание секретаря: вы вели себя, как паровой каток в посудной лавке.)

Из Академии мы прошли к Музею Толстого, который находится поблизости. Этот Музей, поддерживаемый толстовским обществом, владеет огромным собранием фотографий Толстого и членов его семьи, бюстов и статуй Толстого, изданий его произведений, реликвий, иллюстраций к его произведениям, посмертной маской и т. д. Мне понравилась одна большая картина, написанная маслом. Толстой, уже старик, сидит на камнях и смотрит на Черное море. «Ничего не осталось», – таков был мой комментарий.

Мне захотелось взять извозчика и спуститься к мосту через Москву-реку, чтобы снова полюбоваться прекрасным видом на Кремль со стороны берега. Динамов договорился с извозчиком, и мы продолжили нашу поездку. Мы проехали мимо большой церкви, через Каменный мост и по противоположному берегу реки добрались до другого моста. Здесь мы вышли и спросили у извозчика, сколько мы ему должны. Он сказал, что два рубля. Мы запротестовали, но он ответил, что мы договаривались на полтора рубля до Каменного моста. Мы возразили, что вообще о цене с ним не договаривались и заплатим не более рубля. Он потребовал полтора. Мы дали ему трехрублевую банкноту, но он отдал только полтора рубля сдачи. Мы оба потребовали еще 50 копеек. Вокруг нас начала собираться толпа, появился полицейский. Он спросил, в чем дело, и возница объяснил, что мы договаривались

180 Слова, выделенные курсивом, вписаны вручную в машинописный текст Рут Кеннел.

на полтора рубля до Каменного моста, а он отвез нас на второй мост, и теперь мы предлагаем только рубль. Полицейский спросил, откуда мы ехали, и, когда ему сообщили, что от большой церкви, он сказал, что довольно было и рубля, и толпа подтвердила его вердикт выкриками «Довольно!» и «Попользовал иностранца!», а возница пробормотал что-то о том, что мы ограбили бедного человека. Потом он с явной неохотой запустил руку в глубины своего длинного пальто и достал 25 копеек, которые и дал мне. Мы потребовали оставшиеся 25 копеек. «Да отдай ты им все остальное!» – приказал полицейский, и возница с куда большей готовностью извлек две монеты по 15 копеек и передал их мне, даже не попросив 5 копеек сдачи. Собравшиеся еще некоторое время обсуждали происшествие между собой, бросая на меня полные любопытства взгляды, но потом толпа рассеялась. Я долго стоял на мосту на холодном ветру, глядя на окруженный стенами чудесный городок на том берегу реки, и думал о том, что это, наверное, самая красивая картина, которую я когда-либо видел. Вокруг башен и золотых куполов кружили вороны; над сценой, казалось, висела пелена исторической памяти. Это был осколок давно минувшего, освященный дыханием Востока.

* * *

Я обедал с моей секретаршей в отеле Lux и слушал ее рассказ о своей жизни¹⁸¹.

12 нояб. 1927 года, суббота, Москва, Grand Hotel

Утром мы отправились на выставку отдела охраны материнства и детства Комиссариата здравоохранения. Мне кажется, это прекрасная выставка. Очень симпатичные цветные плакаты, фотографии и натюрморты, графики и т. д. Просто и четко изложены все последние идеи и системы ухода за детьми, вопросы питания, санитарии, борьбы с инфекциями, болезнями и общей гигиены. Оттуда мы, надев белые халаты, вышли во двор и вместе с группой из дюжины иностранных делегатов прошли через бесконечные дворы и открытые пространства к Институту исследований детских болезней¹⁸².

Здесь для лечения и наблюдения совершенно бесплатно находятся 300 больных детей. Если мать еще кормит ребенка, то она также остается здесь; иногда для ребенка нанимают кормилицу. Младенцы содержатся в небольших комнатах, а первые несколько недель жизни проводят в изоляции для предотвращения заразных заболеваний. Затем мы отправились в детский сад для детей работающих матерей. Здесь находятся 40 детей, сад укомплектован лучшим и самым современным оборудованием для игр, новой мебелью и другими принадлежностями. В Москве много таких детских садов; мать может привести сюда своего ребенка и оставить его на восемь часов. Воспитательницы в основном специально обучены своей работе, и, конечно, ребенок здесь чувствует себя намного лучше, чем играя в одиночестве в доме, который для этого не предназначен.

Затем мы отправились на советскую выставку в Петровском пассаже, очень большую выставку, охватывающую весь спектр работ в Советском Союзе, представленный в бесчисленных графиках, диаграммах, машинах, картах, продуктах и т. д. На графических диаграммах можно найти статистику по любой мыслимой сфере жизни страны.

Вечером мы пошли на очередное заседание Конгресса друзей России (Всемирный конгресс друзей СССР. – *Пер.*) в Колонном зале. Это было вдохновляющее мероприятие. Офицеры Красной Армии награждали почетными медалями разных людей, заметных в

¹⁸¹ Впоследствии Драйзер на основе разговора с Кеннел написал рассказ «Эрнита», который был включен в сборник «Галерея женщин» (A Gallery of Women. N.-Y.: Horace Liveright, 1929).

¹⁸² Правильное название в 1927–1940 годах – Государственный научный институт охраны здоровья детей и подростков Наркомздрава РСФСР (*ред.*).

международном движении, и расцеловывали их в обе щеки. Среди них были Садуль¹⁸³, Бела Кун¹⁸⁴ и Марти¹⁸⁵ (который сейчас¹⁸⁶ находится в заключении во Франции). Затем последовали выступления нескольких представителей разных стран, вручение профсоюзам знамени от китайских рабочих сопровождалось речью энергичной китайской девушки – она говорила на своем родном языке.

Затем встала хрипловатая крестьянка из деревни, которая по максимуму использовала свою возможность выступить по поводу праздника. *Беда этих людей заключается в том, что они, похоже, убеждены, что, изменяя форму правления, они изменяют человечество. Но прямо здесь, в Москве, и среди них, русских, я вижу достаточно такого, что убеждает меня: человечество никоим образом не изменилось. Оно мечтает о новой мечте. Однако правительства могут быть улучшены – и будут улучшены.*

В 11 часов вечера я надел вечерний костюм и отправился на прием, который Министерство иностранных дел организовало для иностранных журналистов. Он проходил в великолепном дворце бывшего сахарного короля Керешникова, который расположен напротив Кремля на противоположном берегу реки¹⁸⁷. Фактически это было гала-событие, в котором участвовали ведущие представители официальных кругов и иностранных гостей. Здесь я познакомился с Долецким и Уманским из ТАСС¹⁸⁸, с мадам Коллонтай¹⁸⁹, автором книги *Red*, Литвиновой, Гольдшмидтом¹⁹⁰. Среди гостей были Луначарский¹⁹¹, Коган и мексиканский художник. Мы сидели в обеденном зале и принимали участие в поглощении бесконечной последовательности изысканных блюд, вин и кофе. У меня был интересный разговор с Горкиным из «Известий» о свободе прессы и на другие темы. Он утверждал, что здесь больше свободы прессы: когда газеты находят ошибки, они открыто критикуют тех,

¹⁸³ Жак Садуль (1881–1956) – французский офицер, деятель международного коммунистического движения (пер.).

¹⁸⁴ Бела Кун (1886–1938) – венгерский и советский коммунистический политический деятель и журналист (пер.).

¹⁸⁵ Андре Марти (1886–1956) – французский коммунистический деятель и журналист (пер.).

¹⁸⁶ Пояснение в скобках трудно объяснить. 12 ноября 1927 года ему действительно вручили в Москве орден Красного Знамени. В тюремном заключении Марти находился с 1919 по 1923 год (пер. пред.).

¹⁸⁷ Скорее всего, речь идет о «доме Терещенко» – доме № 16 на Софийской набережной. Сахарозаводчик Николай Артемьевич Терещенко (1819–1903) был видным российским политическим деятелем, предпринимателем и благотворителем (пер.).

¹⁸⁸ Яков Генрихович Долецкий (1888–1937) – государственный и общественный деятель коммунистического движения в РСФСР, руководитель ТАСС; Константин Александрович Уманский (1902–1945) – советский дипломат и журналист, в 1922–1931 годах – сотрудник ТАСС (пер.).

¹⁸⁹ Александра Михайловна Коллонтай (1872–1952) – русская революционерка, государственный деятель и дипломат. Чрезвычайный и полномочный посол СССР. В 1922–1926 и 1927–1930 гг. – советский полпред и торгпред в Норвегии. Драйзер упоминает ее книгу *Red Love*, Seven Arts Publishing Co. N.-Y., 1927, в которой говорится о свободной любви и сексуальной эмансипации.

¹⁹⁰ Скорее всего, это Альфонс Гольдшмидт (1879–1940) – немецкий журналист, экономист и педагог, один из организаторов Лиги пролетарской культуры (1919) (пер.).

¹⁹¹ Анатолий Васильевич Луначарский (1875–1933) – российский революционер, советский государственный деятель, писатель, переводчик, публицист, критик, искусствовед. С октября 1917 года по сентябрь 1929 года – первый народный комиссар просвещения РСФСР (пер.).

кто их сделал, говоря правду, потому что это необходимо, и критикуют не в разрушительных, а в конструктивных целях. Мадам Коллонтай подошла ко мне и села рядом на диване; я попросил ее что-нибудь мне рассказать. Мы начали говорить о прогрессе, который имеет здесь место. В ответ на мое замечание она сказала, что Россия не обязательно будет следовать автомобильной стратегии США, а может перейти прямо на самолеты. Анна Луиза Стронг хорошо рассказала о распространении советских идей на примере прихода советской власти в арктическое поселение. Коллонтай считает, что самое поразительное в новом советском обществе – это изменение менталитета, изменение взглядов людей. Новое поколение думает и действует социально, совместно, и его основной идеей является социальная ответственность. Отвечая на вопрос о реакции 14-летних на новую среду, она отметила, что руководящей духовной силой в их жизни служит партия, это не религия, это вместо религии. Верность советской идее – вот что имеет первостепенное значение. Партия – духовный наставник молодежи. Другим поразительным моментом в новом обществе является положение женщин, их решимость не быть паразитами, не носить социальное клеймо паразита и даже домохозяйки. Множество женщин приходят в ее организацию, чтобы найти работу, принять участие в строительстве нового общества.

Когда мы вышли из дворца в 2 часа ночи, шел мокрый снег, он уже покрыл землю, а холодный ветер с реки бил снегом в наши лица. Когда мы наконец нашли извозчика, то без возражений согласились на его условия и с благодарностью к нему проделали весь путь домой. *В отеле я обнаружил, что здесь в полном разгаре танцевальный вечер: играли американскую джазовую мелодию «Ночь любви» (A Night of Love). Русские мужчины в вечерних костюмах и русские девушки, самые красивые (конечно, в коротких юбках и коротко подстриженные), отплясывали самые модные танцы. Я задумался о том, как это возможно при здешних высоких ценах и низких законодательно ограниченных доходах. В конце концов жизнь в Советской России не так уж отличается от жизни остального мира – и это всего через 10 лет после того, как здесь шли уличные бои. Нищие на улицах – и с претензией одетые мужчины и женщины, которые знают о равенстве или о слове «товарищ» не больше, чем остальной мир.*

13 нояб. 1927 года. воскресенье. Москва. Grand Hotel

Из-за событий прошлой ночи я встал поздно. В 11 пришла Рут с планами на сегодня и на понедельник. В 11 должен был приехать Динамов, чтобы отвезти нас к себе домой и показать квартиры в близлежащих новых домах, в которых живут некоторые рабочие. Он сдержал свое слово, но приехал довольно поздно – в 12:30. Потом мы поехали на трамвае посмотреть на местный воскресный рынок. В каждой стране есть свои особые продукты; здесь тоже было много таких, которых я никогда не видел. Мякоть инжира, превращенная во что-то типа засохшего желе или клея, которая намазывается на тонкие листья или листы, розовые или белые, и скручивается в маленькие трубочки; сметана в больших ванночках – по 50 копеек за фунт [450 г]; сахар в квадратных блоках размерами в 2 дюйма [5 см]; семена подсолнечника по 20 копеек фунт; какие-то зерна, которых я никогда не видел в продаже раньше, а также черный хлеб и квас. Спустя полчаса мы продолжили нашу поездку к Динамовым, которые живут в старом рабочем районе города по соседству с фабриками. Его семья из четырех человек занимает квартиру из трех небольших комнат в неновом щитовом доме. В течение 14 лет он жил со своей матерью в одной маленькой комнате. Они оба трудились на фабрике (текстильной), он работал по десять с половиной часов и получал 14 рублей в месяц. Его мать, проработавшая на этой фабрике 30 лет, получала 25 рублей в месяц. Теперь она получает 70 рублей и бесплатные услуги. Серж пригласил прийти и поговорить со мной трех рабочих.

Один из них – сварщик на автомобильном заводе, он получает 18 рублей в неделю, второй – кочегар на текстильной фабрике, третья – девушка – служит клерком в отделении банка. Я поговорил с ними об их жизни, пытаюсь понять, как относится к новой жизни молодой русский рабочий, воспитанный при коммунизме. И я понял, что они полностью

захвачены всеми этими доктринами марксизма – так же, как любой католик доктринами католицизма. Только в случае коммунизма, по моему предположению, эти доктрины дают большее материальное преимущество, по крайней мере его обещают. Рабочий на автозаводе: у него жена и двое детей, хотя ему всего 24 года; говорит, что может прожить на свою зарплату. Что касается денег на одежду и непредвиденные расходы, то ему удалось получить ссуду из фонда завода, а также купить кое-что в кредит. Он живет в одной комнате и вполне удовлетворен условиями жизни. Второму рабочему тоже было всего 24 года, это был красивый кареглазый парень с нервным тиком на лице. Он был менее квалифицированным работником, чем первый, работал кочегаром на текстильной фабрике и с переработкой один день в неделю получал за эту неделю около 18 рублей. У него также было двое детей и хорошая комната, за которую он платил символическую арендную плату – два с половиной рубля в месяц. Вместе с другой семьей они вселились в квартиру, договорившись о бесплатной аренде в течение первых трех лет и *взяв на себя ответственность* за содержание и ремонт квартиры, а затем каждый месяц в течение трех лет выплачивали указанную выше сумму. Он сказал, что он с трудом сводит концы с концами, потому что на его фабрике еще не очень хорошие условия труда. Займы и кредиты у них *пока* не предоставляются, поскольку большинство работников являются высококвалифицированными, и *они* им не нужны. Что касается вопроса об отдыхе, то оба ответили, что часто ходят в свои фабричные клубы, на собрания профсоюзов, лекции, в политические кружки, смотрят выступления разнообразных «живых газет» и «синих блуз»¹⁹², а иногда получают через профсоюз бесплатные билеты в театр и кино. (Однако второй работник отметил, что у семейного человека на отдых и чтение остается очень мало времени.) Они также принимали участие в спортивных состязаниях в своих клубах, катались на лодках летом или на коньках зимой, причем все снаряжение предоставляется бесплатно для членов клубов. Что же касается детей, то у второго рабочего не было никаких конкретных планов их воспитания помимо внушения простых моральных правил и какой-то антирелигиозной пропаганды, пения революционных и пионерских песен вместо молитв, и начального школьного образования. Если они захотят, то смогут учиться дальше и выбрать профессию и род занятий в соответствии с собственными желаниями. Отвечая на вопрос о своих притязаниях на то, чтобы его дети заняли высокое положение в жизни, *например, стали* правительственными чиновниками, он ответил, что это ему все равно – они получают то, что заслуживают, а что касается материальной компенсации, то правительственный чиновник может получать 225 рублей или более, но и квалифицированный рабочий тоже может так много получать. К тому же сколько получают дети – это отца не касается. Что же касается дочери, то нет, у него никогда не было желания увидеть, как она выросла, вышла замуж и стала уважаемой женой и матерью. Что она будет делать со своей жизнью – это ее дело. Если захочет выйти замуж и жить с одним человеком – пожалуйста. Если захочет развестись с ним и выйти за другого – пожалуйста; это будет ее выбор. Важно то, что она должна быть независимой, способной зарабатывать себе на жизнь. Аналогичные ответы дал первый работник. Девушке – банковскому клерку – было 27 лет, она получала 130 рублей в месяц и вскоре ожидала ребенка. Прежде чем стать клерком, она уже проработала 14 лет – сначала 10 лет пасла скот, а затем стала неквалифицированной рабочей. Потом она изучила конторское дело и в течение двух лет служила «работником умственного труда». Нет, ее новая работа не давала ей высокого социального положения, и она чувствовала себя намного ближе к рабочим, чем к «служащим». Отвечая на общий вопрос о трудностях, связанных с небольшим доходом, второй рабочий улыбнулся и ответил: «Если мы получаем меньше, то и тратим меньше, а если у нас больше денег, то мы и тратим больше, но всегда как-то выкручиваемся».

¹⁹² «Синие блузы» – агитационные эстрадные любительские театральные коллективы, отражавшие в своих выступлениях самые различные темы – от общеполитических и международных до бытовых. Новое революционное массовое искусство (*пер.*).

Мне задали несколько вопросов об условиях жизни в Америке, и я рассказал о высоком уровне жизни в стране, высоком уровне индустриализации и о заслугах капиталистов, развивающих индустриальную мощь страны.

Дом, в котором находится квартира Динамова, очень прост, в нем нет туалета и ванны. Мы отправились посмотреть новые квартиры для рабочих, сооруженные поблизости.

Примерно в это же время Динамов предложил нам посетить квартал новых многоквартирных домов для рабочих, или типовых многоквартирных домов, как мы их называем в Америке. Они находились всего в нескольких минутах ходьбы от его дома и состояли из шести или семи четырехэтажных зданий размерами пятьдесят на сто [видимо, футов]. Эти дома из красного кирпича выглядели совсем не мрачно, но находились на незамощенной площади или во дворе, который в ожидании хоть каких-то дорожек или тротуаров производил впечатление неряшливого и даже грязного – лишь кое-где лежали доски, по которым можно было ходить. Стены залов и комнат были совершенно голыми, без всяких рисунков; в квартирах не было ничего, кроме железных лестниц и деревянных плинтусов и дверей. На каждом этаже было восемь квартир по три комнаты в каждой без ванны, с одним туалетом на квартиру, одной раковиной или мойкой на кухне и одной газовой плитой на всех жильцов на той же кухне. Также имела ванна для стирки. При этом в каждой комнате живут от двух до семи человек, что для каждой квартиры (из трех комнат) дает в среднем от 10 до 15 человек. И все они, я полагаю, по очереди пользуются одними и теми же туалетом, ванной, рукомойником и газовой плитой для приготовления пищи. Никакой личной жизни. Две супружеские пары, у каждой из которых есть ребенок, да и все другие будут жить, одеваться, раздеваться и иметь сексуальные отношения в той же комнате, где живут их дети. В другой комнате могут жить один или двое мужчин и одна или две женщины. Большинству из них это отравит жизнь. Несмотря на новые стены и полы и сравнительно новое санитарное оборудование, комнаты создавали ощущение трупоб или шахтерского поселка в Пенсильвании, находящегося под самым тираническим гнетом капитализма. Увы – только это можно было сказать и о вкусе в выборе мебели, постельных принадлежностей, стульев, безделушек. Здесь помогло бы даже чувство порядка, но царил беспорядок. И вместе со всем этим – доброжелательность и чувство социальной полезности. Желание жить радостно и помогать друг другу! Странные и интересные люди.

Каждая такая группа квартир для рабочих имеет клубную комнату – у этой группы она располагается в подвале одного из зданий. Стены клуба, как обычно, используются для коммунистической пропаганды: надменный Крез, восседающий на троне и одной ногой попирающий закованного в цепи рабочего-раба! И лозунги. «Дело каждого есть дело всех». «Товарищи, помните, что вы строите государство для себя». И красные флаги. И схема винтовки, и принцип ее действия в картинках. А также инструкции, связанные с обязанностями рабочих перед государством: быть в физической и технической готовности. Все убеждены, что Европа вот-вот на них набросится и что их долг, когда они станут сильными, – освободить рабочих во всем мире. В определенном смысле – и с точки зрения нападения, и с точки зрения обороны – Россия представляет собой военный лагерь.

Примерно в то же время, когда мы вернулись к Динамовым, к ним пришел молодой портной, у которого был свой бизнес, и пригласил нас на крещение ребенка, которое проходило в его доме. Мы также узнали, что собственно крещение должно было проходить в церкви в пять часов, и сначала сели в дрожки, но приехали слишком поздно: церемония уже закончилась. Однако я был вознагражден видом великолепного интерьера церкви, тускло освещенной свечами, которые мягко отсвечивали тут и там на блестящих золотых алтарях, иконах и высоких сводах. Очевидно, раньше русский народ прежде всего нес все свои богатства в церкви, сам продолжая жить в нищете. Это свойство по-прежнему характерно для религиозных сообществ.

Отсюда мы отправились к портному, но поскольку празднование крещения было назначено на 9:30 или 10 [вечера], а сейчас было только 6, я сдался. В слякоть и снег мы

вернулись на дрожжах (теперь это мой любимый транспорт) домой, а позже в тот же вечер я поехал с Динамовым смотреть типичный русский фильм. Фильм оказался не очень – его можно было бы назвать «Красная любовь»¹⁹³, поскольку он был о любовной интриге во время сражения между белыми (Колчак) и красными, то есть примерно в 1919–1921 годах. Английская золотодобывающая компания имеет концессию (разумеется, от белых) на добычу золота в Сибири. У английского управляющего (капиталиста) есть прекрасная английская дочь, которую играет статная и полная русская девушка. Красная армия наступает. Английские концессионеры вынуждены бежать, оставляя прекрасную дочь и молодого управляющего на произвол судьбы. При попытке бежать они заблудились, поэтому по старому доброму сибирскому снегу они приходят (случайно) к одинокой избушке красного инженера очень симпатичного, где их засыпает снегом на всю зиму. В результате вспыхивает соперничество за руку девушки между красным инженером и капиталистическим английским служащим. И кто должен победить в Советской России, если не красный инженер? Но он побеждает справедливо. Капиталистический служащий, с которым, кстати, девушка была обручена, оказался редкостным разгильдяем. Он не умел ставить капканы, ловить рыбу или охотиться. Он попытался убить красавца и умницу «красного» (и сделать это тайно), в то время как храбрость «красного» (во всех отношениях) помогла ему завоевать сердце девушки.

В финальной схватке (конечно, это смертельный поединок, в котором бьются двое мужчин), она выталкивает своего прежнего любовника на мороз, чтобы тот погиб, и он погибает. Тем временем наступает весна. Все это время отношения между красным русским и английской девушкой остаются невинными. Она всю зиму мечтает сочетаться с ним официальным английским браком и уже видит во сне роскошные украшения.

Но тут появляются белые (колчаковцы)¹⁹⁴. Они были посланы из Англии спасти девушку. В то же время мы узнаем, что красные победили белых и подходят к стоянке по другому маршруту, чтобы найти красного инженера, который здесь скрывается от белых. Девушка найдена и ей говорят, что она может вернуться домой. Она хочет взять с собой красного инженера. Он не соглашается. Она должна остаться здесь и присоединиться к революции. Они спорят. Она умоляет его уйти. Тем временем ее спасители узнают, что ее возлюбленный – красный, и решают убить его. Он думает, что она с ними сговорилась, и бежит, захватив катер, на котором прибыли ее спасители. А ей и ее друзьям белым остается рыдать в опустевшем лагере до наступления весны... Не так плохо, как в Голливуде, но почти так.

NB. Русские строят кинотеатры по более удачному принципу, чем американцы. Вместо того чтобы создавать на улице толпу из ожидающих, которые перекрывают движение, а также страдают от холода или дождя, всем разрешено войти и ждать в большом закрытом вестибюле, где ожидание скрашивает оркестр, который играет американские джазовые мелодии и сентиментальные песни. Когда первая волна публики покидает кинотеатр, людей из вестибюля запускают в зал...

Вот какие слова я знаю: «чай»; «молоко»; «сахар»; «пожалуйста»; «очень»; «хорошо» (ну это как мы говорим «good, good»), «товарищ», «кошка», «собака», «wool, wool, wool» – говорят собаке или кошке, что значит «иди сюда».

Москва

¹⁹³ То есть как книгу Коллонтай. На самом деле этот фильм называется «Пурга» (1927), его снял режиссер и сценарист Чеслав Генрихович Сабинский (1885–1941), который работал в кино с 1908 года и участвовал в постановке более ста фильмов (пер.).

¹⁹⁴ Так они назывались по фамилии одного из своих вождей, Александра Васильевича Колчака (1874–1920), русского адмирала и контрреволюционера.

14 нояб. 1927 года, понедельник

Утром я поехал на конфетную фабрику «Красный Октябрь» – очень большое предприятие, расположенное на противоположном от Кремля берегу реки. Сначала нас отвезли в комнаты, занимаемые фабричным комитетом, где я переговорил с одним из членов фабкома. Он объяснил, что на каждом заводе есть комитет, избираемый рабочими через местный профсоюз, чтобы следить за соблюдением своих трудовых интересов. Данный комитет состоит из 15 человек, включая восьмерых кандидатов, трое из них посвящают все свое рабочее время работе в комитете и получают за это заработную плату от фабрики. Этот комитет заключает коллективный договор между администрацией и рабочими, который пункт за пунктом обсуждается на общем профсоюзном собрании. Главные обязанности комитета – следить за тем, как выполняется это соглашение, и в целом заботиться об интересах работников – как индивидуальных, так и коллективных.

В случае возникновения споров между работодателем и работником спорные вопросы разрешаются специальной конфликтной комиссией, в которую входят в равном числе представители администрации и рабочих. Комитет также оценивает производительность труда рабочего, и, если она падает ниже определенного уровня, то поддерживает работодателя в его жалобе. Местный комитет профсоюза, «местком», также избирает представителя в Московский совет, и этот представитель каждый день во время обеденного перерыва принимает в конторе фабкома рабочих, желающих поговорить с ним. Рабочие обедают в фабричной столовой. У профсоюза есть на фабрике свой клуб. На «Красном Октябре» насчитывается 2600 рабочих и служащих.

Отвечая на вопрос о сырье, член комитета объяснил, что Департамент пищевых продуктов правительства¹⁹⁵ снабжает все предприятия по производству продуктов питания через свои склады. Что касается возможностей злоупотребления, то все рабочие, собравшиеся вокруг нас в фабкоме, единодушно заявили, что они практически исключаются, так как существуют строгий контроль и Рабоче-крестьянская инспекция.

Этот же комитет, кстати, является одним из высших исполнительных органов правительства, заседающего в Москве. Он может по своему собственному желанию или по жалобе заходить на любой завод, в любую контору, любое бюро или какую угодно организацию, изучать бухгалтерские книги, задавать вопросы сотрудникам, снимать с работы или нанимать кого угодно – и даже полностью остановить работу в организации и предъявить обвинения против любого, кого он сочтет нарушающим закон. Он не несет ответственности за какие-либо более серьезные последствия. Но, как это все реально работает, я пока не понимаю.

В тех же комнатах, где располагается Фабком профсоюза рабочих фабрики, размещается и местная ячейка коммунистической партии, которая оказывает влияние на весь заводский аппарат.

Затем мы отправились в детские ясли завода, которыми пользуется 88 % женщин-работниц. Грудных и маленьких детей приносят сюда на десять часов в день. Кормящим матерям предоставляется два часа их рабочего времени (которые полностью оплачиваются), для того чтобы прийти в ясли и покормить детей. На меня произвело очень большое впечатление как сама идея устройства дневных ясель, так и их прекрасное оборудование и привлекательный внешний вид. Здесь имеются комнаты для грудных детей, где стоят кровати, за детьми ухаживают специально подготовленные няни; комнаты для игр детей постарше, кровати, в которых эти дети отдыхают днем, столовые. Строится большая застекленная веранда для прогулок. Старшая сестра сказала, что уровень смертности в этих детских садах очень низкий по сравнению с тем, что был раньше.

Затем мы прошли через фабрику, на которой изготавливают различные виды конфет, шоколада и пирожных. Вполне современное оборудование, порядок, цеха очень чистые,

¹⁹⁵ Правильное название – Наркомат пищевой промышленности (пер.).

рабочие в белых фартуках. Но многие виды сортировочных и упаковочных работ выполняются вручную.

15 нояб. 1927 года. вторник. Москва. Grand Hotel

Мы взяли извозчика и отправились в Музей фарфора. Воздух был морозным и бодрящим. Коллекция находится в прекрасном старом особняке, принадлежавшем владельцу текстильной фабрики¹⁹⁶. Снаружи, как это обычно бывает с русскими домами, особняк выглядит невзрачным и тусклым, но внутреннее убранство комнат богато и гармонично по обстановке и цветовой гамме. В кабинете, украшенном красивой резьбой по дереву, – великолепный камин. *Три* зала заняты русским фарфором, который на сегодняшний день является жемчужиной коллекции. Самые очаровательные предметы представляют собой статуэтки, которые изображают персонажей в ярких местных костюмах, но есть и много необычных тарелок и ваз. Представлена большая экспозиция продукции фабрики Попова¹⁹⁷, но большая часть фарфора произведена на Императорской фабрике¹⁹⁸. Немецкие вещи тяжеловесны, английская коллекция очень маленькая и неинтересная, но есть несколько прекрасных французских штучек. В своем роде это лучшая коллекция, которую мне доводилось когда-либо видеть.

Отсюда мы поспешили в Пассаж на встречу с Биденкапом, которая была назначена на час дня. В конце концов моя секретарша оставила меня в кабинете Гроппера¹⁹⁹ и ушла в качестве моего представителя на встречу с американским представителем БОКС. Б. позвонил и сообщил, что не сможет приехать до двух. Подождав до трех часов, я вернулся домой.

Цель встречи в БОКС состояла в том, чтобы обсудить деятельность его отделения в Америке, поэтому в ней принимало участие большинство американских гостей, находящихся сейчас в Москве. Госпожа Каменева выступила с длинным отчетом о работе центральной организации, а также выдвинула предложения по работе в США.

Вечером я присутствовал на приеме, который дал Президиум Московского Совета; здесь, наверное, было с тысячу иностранных гостей. Это приглашение было прислано мне Центральным комитетом московского совета. Здесь я встретил Биденкапа, который был первой движущей силой моей поездки в Россию. С момента приезда сюда я был недоволен полным безразличием к моему присутствию здесь со стороны Общества культурной связи с заграницей (которое направило мне приглашение от Советского правительства). Прошло много мероприятий, на которые меня не пригласили. Что еще хуже – из-за какой-то размолвки между Обществом с его главой мадам Каменевой и Биденкапом с его «Международной рабочей помощью», тоже советским агентством, меня нередко просто игнорировали. Даже обещанный тур по России, согласованный между мной и Биденкапом,

¹⁹⁶ Это особняк А. В. Морозова по адресу Подсосенский (Введенский) пер., д. 21. Алексей Викулович Морозов (1857–1934) происходил из знаменитого и богатого купеческого рода Морозовых, от отца он унаследовал семейную фирму «Товарищество мануфактур В. Морозов с сыновьями». В 1900 году отошел от дел, полностью посвятив себя коллекционированию. Собирал фарфор, гравюры и иконы. После русской революции 1917 года в доме Алексея Викуловича был основан Музей фарфора, а он сам был назначен хранителем своих коллекций. В справочнике «Вся Москва. 1927» на с. 264 сказано, что руководство Музея таково: «Зав. Мограчев Серг. Зах.; зам. Морозов Ал-ей Викул.» (*пер.*)-

¹⁹⁷ Поповская мануфактура была расположена в деревне Горбуново неподалеку от подмосковного села Хотьково (*пер.*).

¹⁹⁸ Имеется в виду кузнецовский фарфор, с 1902 года заводы Кузнецова стали именоваться поставщиками императорского двора, их продукция экспортировалась во многие страны мира (*пер.*).

¹⁹⁹ Уильям Гроппер (1897–1977) – американский художник-карикатурист, литограф и график; коммунистический деятель, сотрудничавший со многими изданиями коммунистической ориентации.

оказался под вопросом. Все это мне полностью разъяснила Рут Кеннел, мой местный секретарь. Рассерженный таким развитием событий, я поздно вечером в воскресенье заявил Мервичу из *Associated Press*, который зашел в мой номер, что, если все это не будет очень быстро исправлено, то я соберусь и вернусь в Нью-Йорк. Это заставило его по собственной инициативе предупредить МИД, что если я так поступлю, то это может не лучшим образом сказаться на общественном мнении. Он рассказал мне – по телефону – незадолго до моего прихода на обед, что он так поступил, и был очень доволен, когда ему сказали, что Министерство иностранных дел немедленно примет меры и что напуганное БОКС немедленно возьмется за дело. Так оно и случилось. Как только я сел в зале, к моему столу подошла мисс Брэннан – американский секретарь американского или нью-йоркского отделения этой советской организации, и спросила, не приду ли я в качестве гостя госпожи Каменевой на какое-то собрание иностранных писателей. Я сказал ей, что не приду, а потом прямым текстом объяснил почему. Пока я говорил, она так занервничала, что ее голос задрожал. О, ей очень жаль. Она уверена, что мадам Каменева просто чего-то не поняла. Недоразумение состояло в том, что меня сначала пригласил Биденкап, но она уверена, что все это можно исправить, если я с этого момента буду принимать знаки внимания госпожи Каменевой. «Послушайте, – сказал я, – я никому ничем не обязан. Меня пригласило Советское правительство. Об этом говорят каблогаммы, которыми *Amalgamated Bank of New York* обменивался с Каменевой и советским министерством иностранных дел. Но со мной обошлись мерзко. Теперь мадам Каменева и Советское правительство могут идти к черту. Я нанял секретаря, хотя мне его предлагали с проездом из Нью-Йорка и обратно, и я потратил свои деньги на осмотры. Я хочу, чтобы мне возместили наличными мои расходы – и это все. После этого я уеду». Но, видимо, МИД уже сказал свое слово, потому что теперь ко мне поспешила госпожа Каменева собственной персоной, да еще и с переводчиком. В это время исполнялись песни и кавказские народные танцы. Ах, она хотела бы поговорить со мной. Произошла ошибка. Она не уяснила себе. Она посчитала, что обо мне позаботятся. Конечно, конечно. У меня была причина для гнева. Но завтра рано утром ее секретарь будет ждать меня. Любая поездка, которую я планировал, любая вещь, которую я захочу видеть, и люди – советские руководители или другие лидеры, с которыми я бы хотел встретиться, – все в моем распоряжении. С моими расходами все уладится – как мне будет угодно. Я многозначительно посмотрел на нее и просто попрощался. И, хотя она просила меня подождать и встретиться с Рыковым, председателем Совета народных комиссаров СССР, в 11:00 [вечера] я уехал.

После того, как в вестибюле гостиницы я встретил Резкова [Мервича? – Ред.] (*Associated Press*). Он ждал меня, чтобы повторить то, что сказал по телефону. Я ответил, что, видимо, МИД уже поработал, и объяснил почему. Он согласился и сказал мне, что они уверяли его, что все мои пожелания с этого момента будут уважаться.

16 нояб. 1927 года. среда. Москва, *Grand Hotel*

В 10 часов утра секретарь БОКС г-н Коринец²⁰⁰ с переводчиком принесли мне план моего путешествия по России. Кажется, наконец, все завертелось. Он был изысканно вежлив и извинялся. Произошла ошибка. Теперь – все, что я пожелаю. Я объяснил очень кратко. Нужно организовать все сразу – должны быть билеты, гостиницы, местные советники для моих путешествий и остановок в разных частях России – Ленинград, Новгород, Свердловск, Анск²⁰¹, Новоречинск, Саратов, Кавказ, Тифлис, Баку, Батум, Крым, Одесса, Киев, Харьков и (неразб.) и либо из Одессы, либо из Москвы – с полной оплатой – первым классом – до

²⁰⁰ Это, видимо, Иосиф Гаврилович Коринец (1887–1938) – советский государственный деятель, дипломат, многие годы проработавший в Наркомате иностранных дел (пер.).

²⁰¹ Трудно сказать, какой город имел в виду Драйзер (ред.).

Нью-Йорка. Он согласился. Конечно, конечно. А теперь что касается программы здесь, в Москве. С кем бы я хотел встретиться? Я дал ему список – Сталин.

Так, понятно. А теперь достопримечательности, музеи. Кремль. Да, Кремль. Он сказал, что все начнется завтра. О, да, и мои уже потраченные 550. Да, да. Это тоже.

Затем был визит в начальную школу, которую рекомендовал Неринг. Я встретил его там. У преподавателя искусства в школе г-на [...] в этом здании имеется студия; он показал нам некоторые из своих картин, одну из них (крестьянский крестный ход в лесу) я купил за 50 рублей. Тут есть большой художественный класс, состоящий из мальчиков и девочек – их 10–15 человек. Все они работают в маленькой комнате и рисуют картины октябрьских торжеств. Мы заглянули в классную комнату, где были заняты своей работой мальчики и девочки 8–9 лет (2-й класс), я сразу заметил, что в этом классе все было по-другому. Здесь было шумно, дети свободно разговаривали и ходили по классу, учитель лишь иногда помогал им. Они вязали корзины из соломенной бечевки.

В то же время, как мне тогда рассказали, они обсуждали химическую и физическую основы этого материала – текстуру, методы выращивания, стадии обработки, применение в экономике, культуре и повседневной жизни – насколько эти вещи были доступны пониманию детей такого возраста. В то же время я узнал, что здесь нет программ обучения в привычном смысле этого слова. Дети учатся через ежедневные наблюдения и опыт. В этом году у них четыре темы: жизнь весной, жизнь летом, жизнь осенью и зимой. Учитель с помощью учебника направляет их наблюдения своими вопросами и задачами, например, о поведении птиц весной. На вопросы они отвечают после экскурсий и наблюдения за птицами. Каждый день начинается с общего разговора на тему данного сезона, потом идет тема данного периода, затем письмо, связанное с этой темой, затем физическая культура, чтение и обсуждение. Это самоуправляемая школа, ее школьный комитет состоит из пяти учащихся, представляющих различные направления, например культуру, санитарию и т. д., и других членов комитета. Один из членов комитета является дежурным, который следит за выполнением программы, за дисциплиной и т. д. Как и в каждой советской организации, будь то фабрика, контора или школа, прямое влияние на работу оказывает Коммунистическая партия. Здесь юные пионеры тоже имеют свой клуб и свою организацию, которые в соответствии со своей численностью могут избирать представителя в вышестоящий комитет. Им, в свою очередь, руководят более зрелые члены партии, входящие в Молодежную коммунистическую организацию, в которую затем попадают пионеры.

В целом полученное впечатление заключалось в том, что дети чрезвычайно заняты интересной и ответственной работой, и у них остается мало времени для озорства.

Вместе с тем мне представляется сомнительным эффект, который оказывает на учащихся ранний контакт разных полов. В некоторых из этих комнат мальчики и девочки – 9-10 или 13–14 лет – остаются одни, без присмотра. А большинство из них привлекательны. В двух местах я наблюдал флирт между мальчиком и девочкой – это был обычный момент нервного напряжения, свойственный молодежи. И все это – без надзора. Я попытался с помощью вопросов оценить общее моральное состояние в этих школах, но собрал не слишком представительные мнения людей, которые непосредственно не связаны с этой работой. Надо узнавать больше.

Оттуда мы отправились в один из музеев общего профиля, но он только что закрылся.

Прежде чем вернуться в отель, я решил взглянуть на алтарь часовни Богоматерь, расположенной на Красной площади, которая прежде считалась «самым святым местом в России»²⁰². На стене вверху было написано: «Религия – опиум для народа». Народ

²⁰² Драйзер имеет в виду знаменитую икону Казанской [Божией матери] в Казанском соборе. Она была объектом религиозного паломничества и, следовательно, представляла собой особую цель для нового правительства. Собор был разрушен по приказу Сталина в 1930-х годах; в начале 1990-х годов на его месте был сооружен новый собор.

принимал опиум в большом количестве. Перед дверью в два ряда выстроились живописно одетые нищие. Внутри в крошечном помещении горели свечи и поблескивали бесчисленные золотые иконы. Служили священник с длинной густой черной бородой, его помощник, *грязный и длиннородый*. Он пробирался сквозь толпу, собравшуюся на службу, и через равные промежутки времени оживлял службу возгласами «Господи, помилуй!». Верующие входили, платили за свечи, зажигали их и ставили в центре у алтаря. Священник брал Библию и, прикладывая ее по очереди к склоненным головам, повторял одни и те же фразы вроде «Бог благословит», «Любите друг друга» и т. п. *Возможно, этот опиум чего-то и стоит, но, по мне, советская идея лучше.*

Дневник, лист 164, с рукописной вставкой Драйзера

В 6 часов вечера я поехал на встречу с Сергеем Эйзенштейном, *одним из кинорежиссеров Совкино* ²⁰³, автором и постановщиком «Потемкина»²⁰⁴. Его комната, одна из шести комнат общей квартиры, занятой шестью семьями, *была очень маленькой по меркам Нью-Йорка, но* просторной для Москвы. Он сам разрисовал стены; на потолке – какой-то фантастический бычий глаз в цветных разводах; над письменным столом – плакат, реклама нового сепаратора для сливок; на стенах – кадры из фильмов. У него очень широкая кровать, *самая большая из всех, которые я видел в России*, а когда я заметил, что до сих пор видел только очень узкие кровати, он ответил, что купил эту великолепную кровать в коммуне американских фермеров под Москвой, когда снимал там фильм. Это молодой человек 29 лет, невысокий, плотный, с обаятельным мальчишеским лицом и голубыми глазами и копной густых курчавых волос.

Сергей Михайлович Эйзенштейн около 1927 года

Я начал с вопроса об общей организации киноиндустрии в России. Он сказал, что вся кинопромышленность в стране государственная, и во главе ее стоит Департамент образования²⁰⁵ (Луначарский) как отдельный филиал со своим управляющим и т. д. Существует строгий контроль, как в Америке, только здесь он политический, тогда как в США – нравственный. О кинопродукции он сказал, что за последние три года выпущено лишь три или четыре значительных картины, среди них «Потемкин» (*его собственный, кстати*) и «Мать» Пудовкина (по Горькому). В советском кино можно выделить три

²⁰³ Совкино, Всероссийское фотокинопромышленное акционерное общество «Советское кино», было создано в 1924 году и получило права на импорт, производство и прокат кинофильмов на всей территории СССР. Организация ликвидирована в феврале 1930 года.

²⁰⁴ Сергей Михайлович Эйзенштейн (1898–1948) – самый известный кинорежиссер России того времени. Среди снятых им фильмов – «Стачка» (1925), «Броненосец Потемкин» (1925) и «Октябрь» (1927). Его отношения с Советским правительством были напряженными, особенно во время съемок двухсерийного фильма «Иван Грозный» (1944–1945), аллегории Сталина. В 1930 году Эйзенштейн бывал в Голливуде, где сотрудничал с Айвором Монтегю (английским кинорежиссером, продюсером, сценаристом, писателем, журналистом и общественным деятелем. – *Пер.*) в написании сценария фильма «Американская трагедия». В этом сценарии вина с Клайда Гриффитса перекладывалась на общество; компания Paramount отказалась продюсировать этот фильм. См. *Linge-man Richard*. Theodore Dreiser: An American Journey, 1908–1945. N.-Y.: G.P. Putnam's Sons, 1990. P. 340–343, а также *Cohen Keith*. Eisenstein's Subversive Adaptation // The Classic American Novel and the Movies / Ed. Gerald Peary and Roger Shatzkin. N.-Y.: Ungar, 1977.

²⁰⁵ Правильно – Наркомат просвещения (*пер.*).

основных направления: его собственное – или натуралистическое, как он скромно объявил; кино западного типа – это то, которое подражает американской продукции во всех ее проявлениях, а также хроники каких-то сторон жизни и разных движений. (Его собственное кино, кстати, недалеко от этого ушло.) Также существует, конечно, кино образовательное, или научное, – оно преследует образовательные и научные цели. У Эйзенштейна есть собственная теория относительно того, что является лучшим и величайшим в фильмах. Во-первых, никакого сюжета, никакого драматургического повествования – этот кинематограф можно назвать скорее поэтическим. Во-вторых, никаких актеров, в картинах должны сниматься люди, взятые прямо «с улицы», это возможно, поскольку у него нет больших драматических сцен, но он делает драмой, естественной драмой, самую повседневную жизнь. Например, его новая картина, еще не вышедшая на экран, – «Генеральная линия». Он видит в ней демонстрацию того, как кооперация преобразует бедную деревню²⁰⁶. Он считает, что «Кабинет доктора Калигари» (Cabinet of Dr. Caligari) – не путь для кино!²⁰⁷ Индивидуальные судьбы интересуют его, только если они даны очень широко, в общечеловеческих масштабах. Сейчас он работает над идеей экранизации «Капитала» Маркса – как выступление.

Я заметил, что он пропагандист советской системы, и спросил, что бы он делал со своими идеями, например, в Южной Африке. Он ответил, что приспособил бы их к местным условиям, выделив, быть может, колониальную проблему. А в Америке он попытался бы снимать только либеральные вещи, возможно, связанные с негритянским вопросом, я сказал ему, что он идеалист и романтик.

Что касается финансовых затрат на производство, то «Октябрь» стоил 500000 рублей; за свой сценарий «Генеральная линия» Эйзенштейн получил 600 рублей, а съемки его будут стоить около 75000. «Потемкин» стоил 54000. Актриса, игравшая главную роль в «Генеральной линии», получала зарплату 150 рублей в месяц. Конечно, ветеран Художественного театра, скажем, Леонидов, получает 100 рублей в день. Он сказал, что сейчас у него маленькая плохая студия, но уже строится новая, современная.

Я заметил, касаясь России вообще, что русский характер таков, что через каких-нибудь три года Россия станет во главе мира. Как и в Америке, здесь есть к этому сильный импульс – дикая природа, обширные и еще незаселенные пространства. Пока что здесь существует федерация из 167 отдельных народностей или национальностей, многие из которых пока не говорят на одном общем языке и не следуют одним и тем же обычаям, но все они воспламенены и объединены советской идеей – и из этого что-то может получиться. Равным образом – и из-за огромного интереса, с которым рассматривается советская программа, то есть программа превращения России в современное экономически развитое государство. Все, без видимых исключений, работают на Россию и на достижение этого идеала. Поэтому вполне естественно, что писатели, художники, поэты, драматурги, кинорежиссеры, да кто угодно, должны идти в кино, чтобы показать только подъем, – как и в области драмы, поэзии, литературы, искусства. Что касается меня, то я до сих пор полагал, что первой идет драма индивидуума, его личные испытания, его ужасы и восторги, поскольку только через отдельного человека можно понять чаяния массы и служить им. Он не согласился. Он также не знал, что в Америке уже снимали картины, подобные «Потемкину», и на ту же тематику. Он слышал что-то неопределенное о «Траве», но не о «Нануке», не о «Чанге», «Железном коне» или «Крытом фургоне». По мне они столь же

²⁰⁶ Решением правительства от 1929 года съемки фильма Эйзенштейна «Генеральная линия», рассказывавшего о коллективизации, были приостановлены. Впоследствии (1929) картина была переделана в фильм «Старое и новое» (в 1930 году снят с экранов как идеологически ошибочный (пер.).

²⁰⁷ «Кабинет доктора Калигари» (1919) – известный экспрессионистский фильм, снятый режиссером Робертом Вине.

хороши (я ему этого не сказал)²⁰⁸. Мы, как обычно, выпили чаю с пирожными, после чего я попрощался.

Мы с Рут Кеннел поужинали в отеле. Около девяти часов ко мне пришел Карл Радек, польский еврей и международный коммунист, который на первом этапе русской революции поддерживал дело Ленина и Троцкого и был очень близок к Ленину в последние три года его жизни (личный друг и частный, а также официальный советник). По росту и темпераменту он напомнил мне Питера Маккорда – совершенно такой же интеллектуальный огонь и почти такая же отзывчивость²⁰⁹. Он многое рассказал мне о русских, о революции, о частной жизни и пристрастиях Троцкого – то есть нарисовал очень личную и увлекательную картину. Кроме всего прочего, он рассказал, что Ленин был неутомимым работником, бесстрашным, бескорыстным. И великодушно прощал ошибки. Он никогда не знал в деталях ни одного научного или философского учения, тем не менее был способен воспринимать методы и результаты любой науки и любой теории, блестяще использовать любую идею в любой области, если она может дать какое-то преимущество России. Одна из деталей, которые он сообщил о Ленине, состояла в том, что Ленин говорил, что электричество и образование должны в России идти рука об руку. Другая мысль Ленина – Россия из-за ее щедрой и почти жертвенной души лучше других стран в мире подходит для попытки построения коммунизма. Он назвал его простым, скромным и невероятно обаятельным человеком – с сократическим темпераментом. Он также отметил, что ни один бюст и ни одно изображение Ленина на него совершенно не похожат – что-то было такое в его характере, в восприятии его умом и чувствами, что не удавалось передать художнику. Он мало читал – только практические книги по электричеству, экономике и индустриализации. Все другие темы, в том числе статьи из газет и журналов, он просил прочитать других и в сжатой форме пересказать ему. Когда он очень уставал физически и умственно, ему нравилось расслабляться, читая Конан Дойля «Приключения Шерлока Холмса»... Спустя час или около того разговор перешел к литературе и искусству – новым коммунистическим литературе и искусству, о которых он пока много не размышлял; впрочем, он считал, что они будут развиваться. Потом мы перешли к разговору между Троцким и Сталиным, и он объяснил ее крестьянским характером, преклонением Сталина перед крестьянином и верой Троцкого в ремесленника или промышленного рабочего, которые более пластичны, более эмоциональны, более восприимчивы к коммунистическим идеалам, и потому они склонны поддерживать новое правительство, тогда как крестьянин – нет. В полночь он ушел, и я лег спать.

Поскольку я был Радеку представлен, я попытался в четыре часа позвонить ему в Кремль, но охранник в бюро пропусков сказал, что он не ответил на звонок. Придя домой, я сразу позвонил в его квартиру в Кремле, и он ответил, объяснив, что сейчас ни одного иностранца в Кремль не пускают и что он сам придет ко мне. Когда он пришел, то объяснил мне, что причина, по которой в Кремле ему передали сообщение о моем звонке, состоит в том, что после ссоры между Троцким и Сталиным все друзья Троцкого, особенно те, кто живут в Кремле, находятся под наблюдением: подозревают, что Троцкий и его сторонники могут попытаться организовать новую партию. Что же касается самого себя, то он

²⁰⁸ Драйзер упоминает здесь пять американских фильмов: «Трава: Битва народа за выживание» (Grass: A Nation's Battle for Life) – документальный фильм о племени кочевников в Иране, который сняли Мериан Купер, Эрнест Б. Шодсак и Маргарита Харрисон (1925); «Нанук с Севера» (Nanook of the North) – фильм об эскимосах режиссера Роберта Дж. Флаэрти (1922); «Чанг» (Chang) – документальный фильм, снятый [для проекционной системы] Magnascope в джунглях северного Сиам режиссером Эрнестом Б. Шодсаком (1927); «Железный конь» (The Iron Horse) – первый крупный вестерн Джона Форда (1924); «Крытый фургон» (The Covered Wagon) – один из самых ранних и заметных вестернов, снятый режиссером Джеймсом Крузом (1923).

²⁰⁹ Питер Маккорд – иллюстратор и друг Драйзера на заре его работы в журналистике. Маккорд – прототип Питера в «Двенадцати мужчинах».

сказал, что пережил самую славную страницу в истории России и теперь собирается уйти в отставку и написать биографию Ленина. В полночь он ушел.

17 нояб. 1927 года, четверг, Москва

Утром по приглашению Эйзенштейна я приехал на специально устроенный показ отрывков из его картин «Октябрь» и «Генеральная линия».

«Октябрь» – это серия эпизодов Октябрьской революции в Петрограде: штурм Зимнего дворца и т. п. Он динамичен, он волнует, *но, как мне кажется, не сильно трогает.*

«Генеральная линия» представляет собой серию реалистично снятых сцен из настоящей деревенской жизни, в частности религиозного шествия крестьян; показаны также образцовая государственная молочная ферма и эпизод с бедной крестьянкой, пришедшей к богатому соседу с просьбой одолжить ей лошадь, чтобы убрать урожай. Богатый крестьянин и его жена буквально заплывли жиром, как и их скот, а грубая роскошь их существования напоминает уклад феодальных баронов. Вслед за появлением толстой жены богатого крестьянина на экране возникает восковая фигура кокетливо кружащейся свиньи, ее сходство с женщиной создает комический эффект.

Потом у меня была встреча с руководителем *Госиздата, Государственного издательства России* ²¹⁰. Оно собирается выпустить все мои книги ; за пятьдесят минут нам удалось заключить договор. *Главный управляющий этого концерна* предложил мне 750 рублей за две уже опубликованные книги – «Колорит большого города» и три очерка из сборника «Двенадцать мужчин». Я сказал, что не приму это предложение и лучше их им просто подарю. Менеджер ответил, что он не примет от меня подарок, а хочет выработать приемлемый договор, чтобы выплатить прошлые долги и иметь хорошие отношения в будущем.

После разъяснений на предмет того, почему книги были сокращены (чтобы сделать их доступными для рабочих) и почему мне предлагали так мало, они в конце концов спросили, сколько я хотел бы получить [за вышедшие книги]; я сказал, что 1000 долларов, и мы на этой основе разработали договор, согласно которому я согласился предоставлять им эксклюзивные права на публикацию в России и отправлять рукописи, которые нужно будет опубликовать, не ранее, чем через месяц после выхода американских и английских изданий. Аванс должен составлять от 600 до 1000 долларов за каждую книгу («Галерея женщин» – 1000). Также должны быть организованы рекламные кампании и решены существующие *между Америкой и Россией* этические вопросы, связанные с правами на публикации²¹¹.

Затем мы вернулись в отель, и, поскольку я устал, то лег спать и отдыхал до вечера.

В шесть часов вечера мы поужинали с Гарольдом Бэром, директором государственной фермы на Украине, которая называется «Совхоз № 4». Он рассказал мне о работе американской группы по внедрению американской техники и агрономических методов в российское сельское хозяйство. *Вэр и еще несколько американских энтузиастов приехали сюда несколько лет назад и получили от правительства России участок на Кавказе площадью около 70000 акров*²¹², на котором они использовали самую современную

²¹⁰ Видимо, это был Осип Мартынович (Меерович) Бескин (1892–1969) – советский литературный и художественный критик, который тогда возглавлял отдел иностранной литературы в Госиздате. См. *Панов С. И., Панова О. Ю.* Теодор Драйзер в СССР: заметки к теме. Интернет-публикация: <http://www.nrgumis.ru/articles/272/> (пер.).

²¹¹ *Драйзер Теодор.* Нью-Йорк [«Колорит большого города», «The Color of a Great City»]: Пер. с англ. П. Охрименко. М.; Л.: ГИЗ, 1927\ *Драйзер Теодор.* Собрание сочинений в 12 томах / под редакцией С.С. Динамова. Т. VIII. Галерея женщин: Авторизованный перевод В. Станевич и В. Барбашевой. М.: Художественная литература, 1933.

²¹² 28 000 га (ред.).

американскую сельскохозяйственную технику – тракторы, комбинированные жатки-молотилки, плуги с 22 лемехами и т. п. Благодаря этой технике, а также разрешению рабочим трудиться двенадцать часов вместо шести (с последующим выходным днем), им удалось использовать машины до предела – и таким образом открыть глаза [на их преимущества] местным жителям и даже правительству России, так что представители других российских сельских хозяйств начали приезжать издалека, чтобы посмотреть, что они тут делают. И все это – рядом с крестьянами на соседних полях, которые, как и сотни лет назад, пахут плугами с простыми лемехами на волах или верблюдах²¹³. Он также рассказал, что однажды к ним пришел крестьянин, который сломал свой серп и решил попросить у них новый. Серпа у них не было, и они уже собирались ему отказать, когда один из американцев предложил попробовать починить серп, поскольку у них есть сварочный аппарат. В общем, они взяли этот серп и починили его, так что он стал как новый. Но когда они вернули его хозяину, тот не поверил, что это его серп. Как можно из сломанного серпа сделать целый? Ему казалось, что произошло чудо, и забрал он серп только тогда, когда увидел, что у него та же ручка, что и раньше. После этого к американцам потянулась процессия крестьян со сломанными или поврежденными инструментами, большинство из которых можно было починить, и они чинили их, чтобы установить взаимопонимание с местными жителями. Таким образом они просветили людей и улучшили техническое оснащение большей части того района, в котором находилось это замечательное хозяйство.

Дневник, лист 171, с дополнениями Драйзера

Еще один интересный момент. Я спросил его о пресловутой лени и медлительности крестьянина. Не мешают ли они процессу индустриализации России – ее мечтам о том, чтобы идти в ногу с миром? Он почти не задумался над ответом. Во-первых, сказал он, я уверен, что их медлительность и лень происходили в основном из-за недоедания – из-за недостаточно разнообразного питания. В основном их еда состояла из супа, черного хлеба и картофеля – в ней никогда не было мяса. Из-за нехватки мяса они были слабыми и были вынуждены подолгу отдыхать. В своем экспериментальном хозяйстве, чтобы преодолеть это ограничение, он приказал без всяких разговоров каждому крестьянину дважды в день класть мясо во все супы. Результатом стала высокая трудоспособность крестьян, они стали меньше спать или лежать, стали намного бодрее. Кроме того, он полагает, что на нынешнюю неторопливость русских может повлиять – и, несомненно, повлияет в сторону ускорения – машина, которая должна работать на собственной скорости, а не на скорости оператора.

Меня особенно заинтересовал его рассказ о тучах саранчи, которые раньше наводили ужас на Россию. Два года назад здесь было страшное нашествие саранчи; она вылетала с песчаных низменностей, где находились яйцекладки, и формировала огромные облака по несколько миль в длину и ширину. Вредитель не только опустошил поля, но и отложил яйца, из которых этим летом появилось потомство. Местные власти быстро применили против саранчи химическую войну, которая оказалась чрезвычайно успешной. Каждый крестьянин был на три дня привлечен к обработке полей; его штрафовали, если он не выходил на эту работу, и платили по рублю с полтиной в день, если он на нее выходил. Через несколько дней вся территория была полностью обработана, а взрослая саранча и ее яйцекладки уничтожены. Бедствие было пресечено в самом начале, и это стало прекрасной

²¹³ Упоминание верблюдов на Кавказе отнесем к досадному недоразумению, как и не совсем вразумительную информацию о локации американского «тракторного десанта». Подробно об этом историческом факте можно посмотреть, в частности, пройдя по ссылке: <https://hippy-end.livejournal.com/1406117.html> (ред.).

демонстрацией результативности совместных усилий.

Другой пример: в одном районе появилось огромное облако саранчи шириной двадцать или тридцать миль и длиной сорок миль, которое затмило солнце. Саранча где-то летела, где-то откладывала яйца, но всюду на своем пути съедала все. В Центральный совет района сразу же было отправлено соответствующее обращение. Оттуда, в свою очередь, телеграфом обратились за советом в Центральное советское агрономическое бюро [Центральный отдел защиты растений Наркомзема]. В ответ были присланы аэропланы с отравляющими газами. Их выпустили на облако с разных сторон, и благодаря этому вся саранча была уничтожена. Она больше ничего не поедала и не закладывала яйца.

Вечером вместе с Анной Луизой Стронг я отправился в Большой театр на оперу «Князь Игорь». Это опера без особой драматургической ценности, но с сильным местным колоритом. С точки зрения сценографии и музыки она была поставлена прекрасно. Во время антрактов мы с Анной говорили о России. Как и многие американские интеллектуалы, она совершенно очарована русским характером. Она переехала из Китая в Ленинград и провела там несколько лет, по сути дела, кочуя с места на место. Как и многие другие наблюдатели, она пришла к выводу, что русские – это люди сильные, практичные, артистичные, чувствительные, идеалистичные, братолюбивые и нуждаются только в сохранении такого правления, которое они создают теперь, то есть одной из передовых форм правления. Правда, в Москве они склонны создавать бюрократическую группу, которая, вероятно, будет развивать самодержавные и авторитарные тенденции, но рабоче-крестьянская инспекция пока достаточно сильна. Она рассказала также о соперничестве и озлобленности, которые здесь существуют, как и при других формах правления, но в целом развитие масс идет достаточно быстро.

18 нояб. 1927 года, пятница, Москва, Grand Hotel

Восприятие России своеобразно – оно успокаивает меня, как и, насколько я понимаю, многих. Так, супруга министра иностранных дел господжа Литвинова рассказывала мне, что, находясь вне России, она всегда испытывала беспокойство, бежала туда, бежала сюда, конкурируя со всеми и во всем: в одежде, в контактах, да мало ли в чем еще. Но здесь все эти хлопоты отпадают, они ничего не значат. Одеваются здесь бедно, выходить в свет практически некуда; богатство невозможно; доступны только приятные личные контакты там, где их можно найти. «И все же я счастлива, – рассказывала она. – Мне все равно. Как и все остальные, я работаю – часть времени у мужа как машинистка и переводчик; неполный рабочий день – для одного правительственного бюро как переводчик. Я получаю 200 рублей в месяц. Вы видите, как я одета. И у меня нет светской жизни. Здесь вообще нет такого понятия, у местных чиновников нет никаких светских привычек. Раз в месяц мы с мужем устраиваем прием на 150 гостей. Это скучно – он официальный. Но я здесь счастлива – мне кажется, более счастлива, чем была где-то еще (а я англичанка). И я часто удивляюсь этому: почему?» Тогда я не смог ей ответить, но сейчас, через 10 дней, – думаю, что смогу. Это связано с отсутствием общего, в масштабах страны, беспокойства по поводу своего будущего или поиска средств к существованию. Здесь будущее и эти средства к существованию тесно связаны с жизнью самой страны. Если страна процветает, то и вы наверняка преуспеете; если она терпит неудачу, то и вы потерпите неудачу. Но если у страны есть хоть какое-то продвижение вперед или даже просто небогатая жизнь, то и у вас они будут. Каждый получает столько, сколько он наработал, но не более 250 рублей в месяц, и комнату или ее часть. Здесь нет коррупции. О старости человека, о его лечении, о потребности в отдыхе, о справедливой доле удовольствия – обо всем заботится государство. Если он не может найти работу, то получает по крайней мере пятнадцать рублей в месяц и медицинское обслуживание, если он болен. Лекарства и при необходимости уход за ним дома, если он тяжело болен и не способен себя обслуживать. Нет больше мошенников или религиозных фанатиков, которые сбивают человека с толку; нет притеснений со стороны полиции или чиновников. Он не может

позволить себе прекрасную одежду – но и никто другой не может. У него тесное и бедное жилище – но и у всех остальных оно такое же. Его реальное положение сейчас определяется его умом или его квалификацией, или и тем и другим – и все удовольствия, какие есть, открыты для всех на равных условиях. Рестораны и отели бедны, но лучших, куда можно было бы хитро ускользнуть, просто нет. На улицах – по крайней мере, на улицах – вас не печалят контрасты между крайней нищетой и богатством. Если вы видите нищих, то знаете, что так или иначе это попрошайки. Если люди различаются, то это происходит из-за их реальных настоящих или прошлых достижений и их умственных способностей. Семья, богатство, титулы, даже безопасность – кроме государственной безопасности – все исчезло.

Другая мысль, которая пришла мне в голову в связи с функционированием этой формы правления, такова. С учетом существования всех сдержек и противовесов и, по-видимому, некоррупционного характера нынешней фазы исполнения всех административных функций мне представляется, что страна излечилась от разрушительного зла фальсификации. Зачем фальсифицировать продукты, лекарства, одежду, кое-как строить дома, кое-как изготавливать машины, мебель, предметы искусства, если нет частных предприятий, конкурирующих с другими частными предприятиями за успех в данной области или за деньги, или за положение среди людей? Все здешние товары выглядят – и, думаю, являются – достойными товарами хорошего качества (которое гораздо выше, чем предписывают капиталистические стандарты). Они таковы, как от них требуется, и даже больше. Меня очень волнует эта мысль, которая впервые пришла мне в голову, когда я путешествовал по стране, где повсюду процветают коррупция, мошенничество и фальсификация. Это наводит на мысль о том, что в природе возможна справедливость, возможна жизнь, какой она должна быть (хоть в это и не верится). Кажется, наконец впервые солнце разума растапливает и испаряет миазмы неразумности. Именно в сегодняшней России жизнь не только становится более безопасной, но и приобретает привлекательный облик. Жить становится легче потому, что все, очевидно, согласны давать жить другим – и работать так, чтобы это стало возможным.

** * **

В 10:30 утра сегодня, по предварительной договоренности, у меня было интервью с Новокшоновым, президентом местного профсоюза писателей, а также Всероссийского союза писателей. Мне было интересно узнать, что такое профсоюз писателей. Встреча проходила в очаровательном старом здании в [...] части Москвы, которое мне очень понравилось. Когда я вошел в его кабинет, там сидел Барбюс, подписывая документы, похоже, на членство в Союзе писателей. В этом большом здании с флигелем во дворе, бывшем доме русского писателя Герцена²¹⁴, расположены штаб-квартиры различных писательских организаций, в том числе и той, которая называется «Пролетарские писатели»²¹⁵.

Отвечая на мои вопросы, касающиеся профсоюза писателей, Новокшонов пояснил, что главная функция профсоюза – защищать интересы его членов, например, при заключении соглашений с издателями, устанавливать нормы оплаты труда. Оплата фиксируется следующим образом:

минимум 125 рублей за 40000 типографских знаков или 10 страниц;

²¹⁴ Речь идет о так называемом Доме Герцена на Тверском бульваре, 25, где в угловой комнате второго этажа 25 марта 1812 года родился и жил до сентября 1812 года Александр Иванович Герцен (1812–1870), публицист, писатель, философ (ред.).

²¹⁵ Видимо, речь идет о ВАПП – Всероссийской ассоциации пролетарских писателей (пер.).

1500 рублей за первое издание (5000 экз.) и 50 % первоначальной суммы за все последующие издания. Договор может быть заключен только на три года, после чего необходимо составлять новый договор.

В контакте с профсоюзом действует юридическая консультация, которая бесплатно защищает и консультирует членов союза. Союз посылает представителя в Московский совет и в Народный суд, который состоит из трех членов, например: один рабочий, один писатель и постоянный член. В качестве примера работы профсоюза по защите интересов своих членов мне дали копию дела писателя-либреттиста. Он написал либретто оперы «Мадам Баттерфляй» для Большого оперного театра, но не получил от него причитающиеся 750 рублей. Это был старый долг по договору, заключенному еще до революции. Тем не менее было решено выплатить эти деньги.

В Москве насчитывается 1100 писателей, в том числе газетчиков (но не рабочих корреспондентов), а во всем Советском Союзе – 9500 писателей, и все они – члены профсоюза. На вопрос, есть ли писатели, которые не хотят входить в профсоюз, Новокшенов ответил, что, конечно, нет, поскольку благодаря членству в нем они многое получают, но ничего не теряют. Они выплачивают членские взносы в размере 2,5 % и получают все обычные льготы членов профсоюзов в Советской России: бесплатное лечение, отпуск в домах отдыха на юге страны, возможность общаться в профсоюзных клубах и т. д.

Затем мы обсудили возможность моего вступления во Всероссийский союз писателей, и я решил в него вступить.

Внизу в нескольких залах была развернута выставка русской литературы, в том числе экспонаты, посвященные Пушкину, Толстому, Достоевскому, революционным писателям, новым писателям и т. д. В России вы повсюду видите графики и диаграммы, дающие информацию во всех мыслимых формах, и здесь такие графики тоже были в изобилии: анализ книг о Толстом в цвете, книжное производство и т. п. Стоит отметить, что книг о писателях было опубликовано больше, чем книг самих этих писателей. Здесь также есть столовая, где писатели и драматурги могут очень дешево поесть (40 копеек на ужин для членов Союза). Выглядит столовая как очень веселое местечко, которое, несомненно, становится еще более оживленным и живописным, когда в нем собираются литераторы.

Я посетил БОКС и имел беседы с Каменевою, Коринцом, Тривасом и секретарем о моей программе в Москве и моей поездке по России. *Было согласовано, что БОКС возьмет на себя обязательство представить меня основным министрам и членам Коммунистической партии здесь, а также предоставит мне двух секретарей, удовлетворит все мои потребности и даст рекомендации для поездки по России. Был составлен список лиц, с которыми я хотел встретиться. Кроме того, мне было выплачено наличными 550 долларов, израсходованных мной на пути из Нью-Йорка в Москву (это мои собственные расходы). Мне также пообещали направить запрос в каждое место по маршруту моей длительной поездки.*

В 5 часов вечера я пообедал с Маяковским, самым ярким русским писателем России, который принадлежит к группе Left²¹⁶. Это молодой гигант, похожий на американского призового боксера. Брик, литературный критик, и его прелестная жена «Лилечка», Третьяков, автор пьесы «Рычи, Китай», поставленной в театре Мейерхольда, и его жена, Третьякова, тоже литератор²¹⁷. Все они представляют собой центральное ядро группы Left и направляют ее политику. Присутствовал также очень дружелюбный бультерьер. Мы начали поесть множество блюд; черная икра в огромной миске, несколько видов рыбы, русские

²¹⁶ Имеется в виду «Левый фронт искусств», ЛЕФ (*пер.*).

²¹⁷ Сергей Михайлович Третьяков (1892–1939) – русский поэт-футурист и драматург, среди его работ – «Итого» (1924) и упоминаемая здесь пьеса «Рычи, Китай». Как и Маяковский, был связан с литературной группой ЛЕФ, выпускавшей журнал «Левый фронт искусств».

рулеты из мяса, водка, вино и легкие шутки, которые со временем становились все острее. Я наелся уже на первой перемене блюд, когда появился настоящий ужин: суп, гусь с яблоками и многие другие кушанья. Затем подали чернослив со взбитыми сливками – я добавил водку к сливкам и сделал таким образом замечательное изобретение, которое, как они сказали, после моего отъезда будет называться «Крем Драйзера». Маяковский подарил мне одну из своих книг стихов.

Потом они проводили нас до трамвая, где мы с ними расстались и поехали на запланированную встречу с Таировым, режиссером Камерного театра. Таиров кратко рассказал о политике своего театра, так же хорошо известного в Европе, как и в России.

При театре имеется театральная школа для актеров, весьма необычная, ибо 70 студентов изучают в ней целый комплекс искусств – оперу, драму, комедию, пантомиму, трагедию, потому что репертуар театра разнообразен. Декорации играют важную роль в спектаклях и каждый раз служат решению определенных задач – ритмических, динамических, пластических, архитектурных. В них нет натурализма, и актер может продемонстрировать все свое искусство. Декорации должны служить актеру и быть для актеров инструментами, на которых они играют.

На мой вопрос, как он собирается ставить пьесу «Макбет», Таиров ответил, что он хотел бы оставить простор для фантазии актеров и сделать минимум декораций, отведя один уровень восприятия для ведущих актеров, а другой – для фантазии.

Важную роль в спектакле играет свет.

Камерный театр ставит в основном переводные пьесы.

– По каким принципам их выбирают?

1. Сценическая композиция, динамические возможности пьесы, новая архитектура. 2. Современные проблемы и современный дух пьесы.

– Почему они ставят так много иностранных пьес?

Они ставят также много русских, но современных русских пьес еще не хватает. Советская драма еще молода.

По мнению Таирова, наиболее интересна современная драматургия, во-первых, в Америке, во-вторых, в Англии и во Франции.

Мы заглянули в зрительный зал. Шел второй акт спектакля «День и ночь». Кажется, это была легкая пьеса, оформленная в футуристическом стиле. В конце акта появляется хор, в зал бросают маленькие бумажные самолетики.

Из Камерного театра мы отправились в Дом ученых, где Госиздат устраивал банкет для иностранных писателей. Маяковский сидел на самом видном месте и заставил слушать себя в течение всего вечера. Опять еда: десять видов рыбы и черной икры, жареные голуби и еще больше водки и вина. Мне кажется, что русские ничего не делают, кроме как едят, и я перенял этот обычай. Были тосты за разных иностранных писателей: из американцев присутствовали Анна Луиза Стронг, профессор Дана, Альберт Рис Вильямс, Мэри Рид. Я сказал несколько слов, и Маяковский заметил, что я оказался первым американцем, который после короткого пребывания в России признался, что не имеет определенных впечатлений и выводов; он сказал, что обычно, пробыв несколько дней в Москве, американцы уже пишут целые книги о России и думают, что все постигли.

Напротив меня сидел президент Госиздата, Халлатен²¹⁸, фигура удивительная: черные, как смоль, волосы; черные глаза, большие и блестящие, как у ребенка; окладистая черная борода, маленькая кавказская шапочка на длинных черных вьющихся волосах, короткое черное кожаное пальто, темная рубашка с отложным воротником. У него полные красные

²¹⁸ По-видимому, имеется в виду Артемий (Арташес) Багратович Халатов (Халатянц) (1894–1938) – советский политический и государственный деятель, занимавший многочисленные руководящие посты в правительственных структурах. В 1921–1928 годах был председателем Комиссии по улучшению быта ученых (ЦЕКУБУ) при СНК РСФСР-СССР, с 1927 года – членом коллегии Наркомата просвещения, председателем правления Госиздата. Во время беседы с Драйзером ему действительно было 33 года.

губы и загадочное выражение лица – полуневинное, полуковарное и при этом изумленное. Я не мог отвести от него глаз и начал задавать ему вопросы: наконец он согласился сесть рядом со мной и рассказать о себе. Он армянин, ему только 33 года, и до революции он вел активную жизнь агитатора. Похоже, я так и не смог понять этого человека; каждый раз, когда я задавал ему вопрос по существу, он добавлял к своим бесчисленным должностям еще один ответственный пост. Во время войны возглавлял промышленность, сейчас – член Центрального совета, член Научной комиссии... Каждый вопрос о его жизни становился сигналом для произнесения еще одного громкого титула, я сдался и пошел с ним в другую комнату где делали фото со вспышкой.

Было два часа ночи, когда мы сквозь пелену снега уехали домой на извозчике.

19 нояб. 1927 года, Москва. *Grand Hotel*

В 4 часа дня у меня состоялась беседа с комиссаром по торговле Микояном, чей просторный кабинет находится в большом здании Наркомторга (Народного комиссариата торговли) у Китайской стены.

Я сел в очень большое и глубокое кожаное кресло напротив комиссара, который в своей форме цвета хаки и при черных усах *выглядел* по-военному и очень импозантно. По обе стороны стола сидели очень тихий молодой человек и красивая наивная девушка, оба немного говорили по-английски и по очереди помогали с переводом. *Когда переводила девушка, ее голос дрожал.*

– Сначала я спросил, какие функции у его организации.

1. Внутренняя торговля.

2. Внешняя торговля.

Импорт небольшой, потому что он должен идти в ногу с экспортом. Он покупает товары для всей России, сначала поставляет все в правительство и кооперативы, а затем, если что-то осталось, это может получить частный бизнес. Частный бизнес может покупать товары только у правительства. Концессионерам разрешается ввозить товары в соответствии с их соглашением с правительством. Частному бизнесу разрешается покупать что-то за границей, если эти материалы предназначены для использования на заводах, а не для продажи. При импорте иностранных товаров после их ввоза в страну не ставится никаких ограничений. Так, если у концессионера есть лицензия на импорт товаров, то он может свободно перевозить их по России.

– Какой класс товаров при импорте занимает первое место – предметы первой необходимости, предметы роскоши?

Существует четкий план импорта на ежеквартальной основе. Не хватает денег, чтобы купить все, что им нужно (в соответствии с нашим экспортом), и поэтому они закупают товары, во-первых, для производственных предприятий, во-вторых, по потребностям людей – и совсем не покупают предметы роскоши.

– Вы никогда не используете политику стимулирования покупок, продавая предметы роскоши?

Нет, мы пока не можем удовлетворить все потребности, но люди используют предметы роскоши. Мы сами производим гораздо больше предметов роскоши, чем до войны. Однако Россия никогда не станет страной – потребителем предметов роскоши.

– Обладают ли советские [торговые] агенты за границей такой же сметкой, как частные покупатели?

Да, тем более что они рассматривают интересы русского народа в целом. Все иностранные [торговые] агенты подчиняются комиссару торговли, они покупают по спецификациям то, что нужно нашим потребителям, фабрикам, то, что пользуется массовым спросом и т. д.

– А как насчет жалоб потребителей?

Их мало, потому что покупка должна производиться в соответствии со спецификациями.

– Внутренняя торговля.

Правительство покупает у крестьян зерно, покупает продовольственные товары, промышленные материалы. Существуют две-три большие организации, которые покупают специальные товары, такие как хлопок или зерно. Цены фиксируются – максимальные и минимальные. Существует тарифный план, который очень строго соблюдается. Такие цены, как в Америке, здесь невозможны. Должен поддерживаться определенный уровень: не слишком высокий, что было бы тяжело для рабочего, не слишком низкий – это разорило бы крестьянина. В Америке в течение прошлого года цены сильно колебались; в России два последних года они оставались стабильными.

– Требуется ли правительство получения прибыли, превышающей выплаты по заработной плате и расходы на содержание производств?

Да, правительство *получает* минимальную прибыль. Так, в торговле зерном в прошлом году был доход 700 миллионов – и только 8 миллионов прибыли. Правительство получает от прибыли промышленности только амортизацию и 40 % от прибыли государственных организаций, которую она использует для национальных проектов внутри страны.

*Отсюда на дрожжах (я по-прежнему от них в восторге) прямо в Московский Художественный театр на встречу со Станиславским*²¹⁹. Я увидел высокого, замечательной внешности пожилого мужчину с белыми волосами, блестящими темными глазами, лицо его производило поразительное впечатление благодаря какой-то особенной правильности и строгости крупных черт. Его секретарша, маленькая темноволосая женщина, немного говорит по-английски. *Мне сказали, что ему 80 лет, но выглядит и ведет он себя так, как будто ему около 65.*

Мой первый вопрос касался условий работы при новом строе.

Константин Станиславский, около 1931 года

Он сказал, что, конечно, не сразу все пошло гладко, были и трудные дни, но сейчас *становится* легче. Линия искусства вечна, и преходящие условия не меняют его существа. Были у нас искривления – особенно в подходе к внешним выразительным средствам, но сейчас искусство снова на правильном пути. Из революции мы должны брать все хорошее и применять его. Чтобы проиллюстрировать эту мысль, он рассказал притчу: группа детей отклонилась в лесу от главной дороги, чтобы пособирать грибы или цветы и снова вернуться со своими сокровищами к дороге. И из всех их находок для вечности останется лишь какая-то маленькая крупица. Во время революции мы ушли далеко в поисках нового, и то ценное, что нам удалось найти, становится неотъемлемой частью бессмертного искусства.

– Что из старого вы отбросили и что из нового приняли?

Основная роль Художественного театра состояла в том, чтобы поддерживать традицию искусства актера. Декорации и мизансцены важны только как фон для актерской игры. Это теория внутреннего искусства в противоположность искусству внешних форм. В *России* Художественный театр – это единственный театр, который ведет работу в области внутреннего творчества, все остальные занимаются вопросами декораций, решением мизансцен и прочими внешними формами. Революция принесла с собой очень много в этой области, много нового она дала и в смысле содержания пьес. Эстетический характер старой пьесы уступил место политическому характеру новой. Для старых и для новых гимнов нужны разные голоса, и все это сейчас подстраивается и входит в нормальную колею. Но,

²¹⁹ Константин Станиславский (1865–1938) – известный русский актер и режиссер, соучредитель Московского Художественного театра. Станиславского помнят по его теориям актерской игры, изложенным в таких книгах, как «Работа актера над собой» (1926) и «Работа актера над ролью» (1950). Его теория известна как система Станиславского.

сказал Станиславский, я не понимаю, я не могу почувствовать, как можно ставить старые пьесы Шекспира в соответствии с нынешней манерой. Правда, я не говорю, что молодежь не может смотреть на Шекспира другими глазами. И пусть они ставят его так, как чувствуют. Но вмешиваться в Шекспира, перекраивать Шекспира – значит совершенно не понимать природу творчества. Художественная концепция – это живой организм. Нельзя у человека отрезать руку и поставить ее вместо ноги. Но *все же* в итоге всех этих экспериментов мы выигрываем. Худшее для искусства – это стоять на месте. Лучше – двигаться, пусть даже в *неправильном направлении, чем стоять на месте*.

В нашем театре мы считаем, что союз нового и старого весьма обнадеживает. Вернувшись из Америки, мы обнаружили, что молодежь смотрит на нас как на людей отставших, стариков. Но в прошлом году, а особенно в этом, они начали понимать, сколь многого они не знают и сколь многому могут научиться у стариков. Они пришли ко мне из всех театров, попросив меня рассказать им мои секреты. По этой причине я решил, что для меня будет наиболее целесообразно дать серию популярных лекций об искусстве актера. Я замечаю тенденцию повсеместно возвращаться к внутренним формам искусства; люди, кажется, уже устали от увлечения формами. Эти внешние формы совсем не обязательно плохи, некоторые из них очень хороши: кубизм, футуризм, импрессионизм, но есть и масса всякой чепухи и глупости. Следовательно, мы должны отбросить то, что плохо, и сохранить то, что хорошо. Например, после революции очень обогатились декорации и мизансцены, но для внутреннего искусства актера революция ничего не дала. А к внешним формам актерского мастерства добавилось очень многое: движения, гимнастика, танец, пение – все это очень ценно.

Внешние формы театрального искусства пришли в театр из живописи и ушли дальше, чем культура актера. Актер остался на месте. Он не может выразить больше, чем выражает живопись. Футуризм и т. п. не могут быть выражены на сцене, и потому во многих театрах внешние формы *опережают* актерское мастерство.

Когда мы научимся использовать в нашем деле живопись, это принесет огромную пользу. Но сейчас во многих театрах современные, модернизированные декорации играют роль самодовлеющую, и, когда актер пытается играть, приспособляясь к новому оформлению, в итоге спектакль проигрывает. Или когда актер играет в старой манере, а декорации новейшие или наоборот, результат один и тот же – отсутствие гармонии. Наш театр использует только такие декорации, которые поддерживают искусство актера, так, для актера футуристической манеры мы используем футуристические декорации.

– Появились ли при коммунизме действительно хорошие пьесы?

Нет, но как хроника хороши «Дни Турбиных» [М. А. Булгакова] и «Бронепоезд» [Всеволода Иванова], *по-настоящему хороша и новая пьеса Леонова* ²²⁰, *которую мы сейчас готовим*.

– Как скоро она выйдет?

Этого я не могу сказать.

И потом добавил:

Искусство само по себе – явление органическое и изменяется очень медленно, но революция внесла много нового в его содержание. Искусство в *России* будет играть и уже играет большую политическую и воспитательную роль. На каждой фабрике есть сейчас театр, в каждом рабочем клубе действует свой театральный кружок. Вся Россия теперь играет.

После беседы мы отправились осматривать музей Художественного театра. Здесь есть ценные коллекции рукописей пьес, старинных портретов и фотографий актеров, костюмов, есть макеты декораций, реквизита и т. д. *Все это собрано за годы жизни Станиславского.*

²²⁰ Похоже, речь идет о пьесе Леонида Максимовича Леонова (1899–1994) «Унтиловск». Поставлена в феврале 1928 года. (пер.).

Насколько я смог уловить, одним из его близких друзей и почитателей был Чехов, который много лет работал с ним, писал для него пьесы и помогал их ставить. Он также знал Толстого.

20 нояб. 1927 года, воскресенье, Москва, Ясная Поляна

В 12:45 ночи мы попытались сесть в поезд, отправлявшийся в Ясную Поляну, но оказалось, что все вагоны переполнены. У нас были билеты на поезд «Максим Горький», но без плацкартных карточек. Моя переводчица поговорила на вокзале с кем-то из ГПУ, сказала, что американский писатель едет в усадьбу Толстого, что это делегат и т. п., и он устроил нас на плацкартные места в первом вагоне, предназначенном для служащих железной дороги. Но к тому времени, когда он завершил все приготовления, поезд тронулся.

Мы побежали и успели вскочить во второй вагон, битком набитый настоящими русскими массами: на полках полутемного прокуренного вагона в три яруса лежали и сидели люди. Взглянув вверх, я мог видеть сапоги русских, свисающие рядами с верхних полок; какой-то парень снял сапоги, и его босые ноги оказались в непосредственной близости от моей физиономии. Мы простояли в проходе около часа, ожидая остановки; когда поезд остановился, мы выпрыгнули из него и побежали к первому вагону, где проводник уже подготовил для нас места. Это тоже был вагон третьего класса, но немного чище и с нумерованными спальными местами. Мы растянулись на деревянных скамьях, и я даже стал иногда засыпать, убаюканный медленным движением поезда и хором людей, храпевших в разных тональностях. В семь часов утра мы прибыли на маленькую станцию Ясная Поляна.

Перед нами открылись действительно зимние картины: все покрыто снегом, а вокруг густые сосновые и березовые леса. Мы зашли в небольшой домик около станции, чтобы выпить чаю. В домике было две комнаты, разделенные кухней. В каждой комнате жило по семье, и в каждой комнате у стены стояло по большой кирпичной печи, на которых две семьи готовили еду и которые согревали их комнаты. Наш хозяин, молодой парень, лежал на голой деревянной кровати – полностью одетый, в валенках – и спал. У этой же кровати играли четверо детей; иногда он просыпался, забирал детей на кровать и ласково смотрел на них сквозь дрему. Его молодая жена вскипятила самовар и накрыла на стол, выложив на него большой каравай ржаного хлеба.

Окончив завтрак, мы погрузились в сани, устланные соломой, и покатали к дому Толстого. Наши сани подпрыгивали по дороге, которая тянулась через большую деревню, а затем по широкой аллее, ведущей прямо к двухэтажному белому дому.

Старый сторож с водянистыми глазами открыл дверь и согласился показать нам музей – некоторые комнаты оставлены в том виде, в каком они были при Толстом. Эти комнаты не отапливались и имели очень мрачный вид. Простотой и непритязательностью они напоминали обычный дом американского фермера; большая гостиная и столовая с длинным столом и большим пианино, фамильные портреты работы Репина²²¹ на стенах, маленький кабинетный письменный стол, а рядом спальня с простой узкой кроватью, старый умывальник. Здесь же *на стене по-прежнему* висел старенький халат Толстого. Как скромно, должно быть, он жил!

Этот день пришелся на семнадцатую годовщину смерти Толстого. Мы прошли по дорожке с указателями к его могиле. Она прекрасно расположена в роще из берез и сосен. На могиле, как он и хотел, нет никакого камня, но селяне убрали холмик вечнозелеными ветвями. Назад мы с трудом пробирались по мягкому снегу, покрывшемуся сверху замерзшей коркой, поскольку температура уже была десять градусов ниже нуля. В деревне возвышается большое белое бетонное здание – «Совхоз» (государственная ферма), там мы попросили разрешения остановиться. Узнав, что прибыл американский писатель, все вокруг нас засуетились. Потом нас проводили опять в дом Толстого, по просьбе младшей дочери

²²¹ Илья Репин (1844–1930) написал много портретов писателя и членов его семьи.

Толстого, *Ольги* ²²², которая специально приехала из Москвы на годовщину. Жилые комнаты дома представляли собой картину гораздо более привлекательную, в гостиной – обеденные столы, полки с книгами, цветы, в углу – кафельная печь, напротив – большое низкое и очень уютное кресло. Племянница Толстого, старая женщина, приняла нас до чрезвычайности любезно, угостила чаем и хлебом с сыром. Потом были поданы сани, и мы снова поехали на могилу Толстого. Мы увидели длинную цепочку людей, двигавшихся по снегу к могиле, – может быть, человек двести крестьян из деревни и учеников школы имени Толстого. Они собрались вокруг могилы и украсили ее осенними цветами. Дети прекрасно пели поминальную молитву «Вечная память»...

С речью выступил Милюков²²³, друг Толстого, затем говорила дочь Толстого, затем мужичок с косматой бородой и добрым улыбающимся лицом читал наизусть стихотворения, написанные на смерть Толстого. Снова дети пропели ту же молитву, и процессия тихо двинулась обратно через лес...

Вернувшись в дом, мы отправились наверх, чтобы немного поспать, так как ночью почти не сомкнули глаз. Отдохнув, часа через два с небольшим я спустился вниз к обеду. Там было уже много гостей, и среди них Милюков. Племянница Толстого говорит по-английски, но у нее нет практики; дочь его говорит неплохо. Племянница во время революции потеряла все свое состояние, два месяца провела в тюрьме, вышла оттуда в единственном платье, но относится к новому порядку философски. Ей разрешили дожить остаток своих дней в одной из комнат дома.

Я вступил в живую дискуссию о жизни крестьян с Милюковым, который, казалось, хорошо знал их быт. Я задал ему вопрос о неграмотности крестьян, но не получил от него удовлетворительного ответа.

Он, со своей стороны, хотел, чтобы я передал президенту Кулиджу письмо от окрестных крестьян, в котором они просят его предотвратить интервенцию в Россию.

Вечером все деревенские пришли в дом на вечер памяти Толстого, который был устроен в гостиной, где он всегда обедал и принимал гостей. Пожилая племянница очень активно вела вечер. Мы слушали записи голоса Толстого на английском, немецком, французском и русском языках. Племянница сыграла похоронный марш Шопена, школьный хор исполнил песню на смерть Толстого, какая-то женщина читала отрывки из биографии Толстого и рассказов о его жизни в Ясной Поляне, включая отрывок из воспоминаний Станиславского. Затем племянница сыграла любимое произведение Толстого – Патетическую сонату Бетховена. Мужичок, который читал в лесу, теперь застенчиво вышел вперед и прочитал свои собственные стихи о Толстом. Сам он – школьный сторож. Одет был в грязное потертое пальтишко, через плечо висела котомка, на ногах были огромные валенки, а его простое лицо озаряла детская улыбка. Говорят, что он был неграмотен и *научился читать и писать всего семь лет назад*. Потом прочитали один из неопубликованных рассказов Толстого о его маленьких племянницах, и все рассмеялись. Было еще много музыки, пения, и затем гости отправились вниз, к чаю с бутербродами.

У меня был замечательный разговор с дочерью Толстого, которая рассказала мне все о своей работе.

Чтобы не садиться на поезд «Максим Горький», мы решили ехать на санях в Тулу, большой город примерно в 20 верстах от Ясной Поляны. Выехали в 10 часов вечера. Нам дали огромные овчинные тулупы, в которые мы укутались полностью, с ног до головы, так что пребывали в тепле, несмотря на то что холодный ветер бил в лицо. Сани медленно

²²² У Толстого не было дочери с таким именем, так что речь идет или о племяннице, которой разрешили дожить остаток своих дней в одной из комнат дома (и дальше Драйзер пишет о племяннице, или о младшей дочери Александре, которая после соответствующего декрета ВЦИК стала хранительницей музея. *Пер.*

²²³ Личность не установлена (*пер.*).

двигались, постепенно приближаясь к огням города, которые отражались в небе над заснеженными полями. В пригороде Тулы, города с населением 200000 человек, мы пересели в новенький, с иголки, трамвай, и доехали до станции. Там нам удалось купить билеты в международный вагон и к 6 часам утра в относительной роскоши доехать до Москвы.

Русский сторож. Набросок Рут Кеннел

21 ноября 1927 года, понедельник. Москва. Grand Hotel

Из-за позднего прибытия Р. К. осталась у меня, я не вставал до одиннадцати. В это время мне сообщили из БОКС о том, что Климохин, вице-президент Всероссийских кооперативов, примет меня для интервью. Эти кооперативы обеспечивают 50 % всех закупок и распределения товаров в России, где под товарами понимается все – от продуктов питания, обуви и одежды до украшений и т. д. Они покупают товары в огромных количествах по самым низким ценам и как можно дешевле продают их населению. От этого нет никакой выгоды ни для кого, кроме государства, которое, конечно, использует полученные средства для финансирования необходимых ему, но ничего не производящих структур – административных, исправительных, судебных, образовательных и т. д. Интервью состоялось в два часа дня. Со мной были Р. К. и Тривас, соответственно как стенографистка (Р. К.) и переводчик (Тривас). Тривас в данном случае был не нужен, потому что Климохин – тихий молодой человек довольно заурядной внешности – отлично говорит по-английски. Он вежливо и понятно ответил на все мои вопросы.

– Какова доля частной торговли в Р.?

Частная торговля – 22%

Государственная торговля – 28%

Сотрудничество – 50%

Кооперативы представляют собой не что иное, как группы потребителей, которые не ищут прибыли. Государство стимулирует их к тому, чтобы взять на себя оптовые закупки для небольших магазинов и розничную торговлю всеми товарами. Государство же оставляет за собой все крупно-²²⁴ оптовые закупки и продажи, а также все производства. Но распределение товаров оно стремится передать в руки людей, организованных в кооперативы. Естественно, что доля государства как продавца на рынке уменьшается, поскольку кооперативы постоянно увеличивают способность справляться со своими задачами. Кооперативы состоят в основном из небольших магазинов. Частные магазины получают свои товары от государства, потому что у правительства есть монополия на закупки за рубежом. Кооперативы также покупают товары через государство и являются в этом смысле группой потребителей.

– Чем вы в основном руководствуетесь при продаже товаров людям? Вы пытаетесь стимулировать торговлю? Вы хотите, чтобы кооперативы были прибыльными?

Нет, мы хотим только, чтобы люди покупали товары через нас. Мы работаем с небольшой маржой, так что никак не можем быть очень успешными. Мы торгуем не ради прибыли, а чтобы поставлять людям товары первой необходимости.

– Вы предпочитаете сдерживать спрос на предметы роскоши?

Нет, если люди могут себе это позволить, то... Но в настоящее время импортные предметы роскоши облагаются большими налогами, потому что сейчас самое главное – предметы первой необходимости, их не хватает.

– Я слышал, что частные магазины более инициативны и популярны среди людей.

Нет, их число уменьшается:

²²⁴ Вероятно, речь идет о Сергее Капитоновиче Климохине (1889–1942) – советском государственном деятеле, который в 1927–1930 годах занимал должность заместителя председателя правления Всероссийского центрального союза потребительских обществ (Центросоюза).

– А что, правительство *столь же рьяно* , как частные предприятия, старается установить более низкие цены и продать товары подешевле?

Да, и мы можем это сделать, потому что крупные организации могут покупать товары дешевле. Например, хлеб у крестьянина покупают и правительство, и кооперативы, и частные предприятия, но правительство может получить лучшие условия, *потому что оно может покупать в больших количествах*.

– Но ведь частная торговля воспроизводит частных капиталистов?

Да, но их число уменьшается. Сельскохозяйственные кооперативы организуют пшеничные пулы. Если у них покупает пшеницу дилер-частник, то он платит больше, и иногда он может получать прибыль, продавая пшеницу на местах. Но эта спекуляция имеет небольшие масштабы, потому что весь транспорт и прочее находится в руках правительства.

– Как вы думаете, существует ли какая-то реальная опасность со стороны частного торговца?

Сейчас – нет. У них была возможность захватить торговлю одним ударом, например, во время войны, когда кооперативы были слабыми, а частные торговцы – сильными. Но финансовое давление со стороны *государства* лишило их капитала, а иностранный частный капитал *теперь сюда* проникает с трудом.

Капитал в кооперативах накапливался в первое время после революции. Правительство сказало кооперативам, что они должны конкурировать с частной торговлей и побивать ее более низкими ценами.

– Соответствуют ли кооперативы потребностям людей?

Вам лучше пройти по магазинам и увидеть все своими глазами. Цены фиксированы, и, хотя, может быть, они и высоки, но частные магазины просят еще больше. Если вы сравните с европейскими странами, то обнаружите, что уровень жизни русского рабочего выше. Но и цены на товары выше, чем в других странах. Например, цена [ржаного] хлеба – 8 копеек за килограмм, а белого хлеба – 22 коп.

Ржаной хлеб продается по 4 копейки фунт. Кооперативные сообщества, торгующие ржаным хлебом, теряют на нем, но добивают на галантерее, так что их пекарни работают без маржинальной прибыли; вы видите, мы стараемся, чтобы люди не голодали. Московские кооперативы продавали мясо ниже себестоимости, чтобы вытеснить частных торговцев...

– Но разве не все правительственные *ведомства* должны работать с небольшой прибылью для покрытия накладных расходов?

Да, и по этой причине мы сейчас продаем мясо дороже. Лучшее идет по 84 копейки за кило.

Промышленные товары здесь стоят дороже, особенно в Сибири, из-за стоимости транспортировки. Однако Советский Союз разделен на регионы, и в каждом из них существует определенная фиксированная база для заработной платы и цен в соответствии с бюджетом.

– Чрезмерные издержки производства?

Да, особенно обуви и одежды:

сапоги – \$6,00;

женская обувь – \$8.50;

– "– до войны – \$5.00.

Слишком много ручной работы, и потом *мы* вынуждены импортировать большую часть сырья.

– Когда Советская Россия будет богата, будут ли люди носить дешевую одежду, есть дешевую еду и т. д.?

Да нет, это только сейчас мы бедные – но, например, в кооперативных магазинах всегда есть масса людей, покупающих хлопок, потому что они знают, что, если они опоздают, то на их долю его не останется. Мы удовлетворяем потребности людей только на 75 или 80 %, поэтому, конечно, если у человека есть деньги, то он может пойти в частный магазин, заплатить больше и получить нужный товар.

Но правительство надеется за пять лет дать и остающиеся 20 %.

Что касается нынешнего уровня жизни в России, то со времен войны спрос на белый хлеб увеличился на 250 %. На сливочное масло тоже. Эти цифры относятся к рабочим – буржуазия не в счет.

– А вы не думаете, что причиной *высоких издержек и задержек в производстве* являются бюрократические ограничения?

Да, у нас еще много ограничений, много бюрократии, но гораздо меньше, чем раньше.

– А как насчет частной инициативы?

Это вопрос конкуренции. Мы должны конкурировать с 22 % частной торговли, а также с государством.

Сейчас правительство снимает особые льготы для кооперативов (то есть меньше аренда, меньше налоги), исключение – небольшие кооперативы в деревнях.

– Считаете ли вы, что со временем кооператоры будут так же старательно угождать клиентам, как частные торговцы?

Да.

– Не приведет ли отсутствие рекламы и других стимулов к покупкам к тому, что жизнь станет блеклой и бесцветной?

Нам здесь не нужны эти коммерческие стимуляторы. Но что касается вопроса о стимулировании работников, которые успешно продают товары клиентам, то у нас существуют премии за продажи выше среднего уровня, существует конкуренция между магазинами, в общем, есть разные методы. Магазин, который дает лучшее обслуживание и имеет меньше всего жалоб, получает вознаграждение, его работники также получают премии. На этой основе работает большинство государственных предприятий; система вознаграждений, основанная на производительности труда среднего работника, плюс доплаты за выработку сверх нормы.

– Как быстро ваши кооперативы откликаются на новые требования?

Управляющий магазином *знает местный спрос*, знает, сколько товаров он продает, и каждый день пишет отчет в центральную контору своего района, и каждый день ему поставляют новые товары на основе его потребностей.

– А нельзя ли использовать магазины, чтобы предлагать людям новый образ жизни?

Да, можно.

– *Делается ли это?*

Нет, не делается.

– Но разве советское правительство не пытается воспитывать детей так, чтобы они стали сторонниками советского правительства, как католическая церковь воспитывает детей католиками?

Да, но католическая церковь воспитывает детей ради церкви, тогда как коммунизм воспитывает их ради самих себя – *их собственного процветания и счастья в будущем.*

22 нояб. 1927 года, вторник, Москва, Grand Hotel

Меня заинтересовали московские галки²²⁵. Они здесь повсюду. Мне рассказали, что для русских галка – едва ли не священная птица. Сегодня утром, лежа в постели, я наблюдал за ними через окно. Они тучами проносятся над самым сердцем Москвы – над Кремлем – и улетают все в одном и том же направлении – прочь из города на северо-запад.

²²⁵ Эти черно-серые птицы по-прежнему в большом количестве встречаются по всей Москве.

Это весьма флегматичные птицы – кажется, в своем полете они вовлечены в какое-то легкое, полусонное совместное движение. На лету они всегда играют друг с другом. Одна из них вчера прилетела и уселась на карниз у одного из окон моего номера. Я счел это добрым предзнаменованием. Вообще, эти птицы, парящие над полуазиатским городом, придают ему впечатление более дружелюбного. Кружась над Кремлем широкими объемными кольцами или раскручивающимися спиралями, они сообщают этому скопищу старых зданий какой-то отстраненный, прекрасный и определенно средневековый вид. Они почему-то кажутся мне древней и пышной частью старого, могучего и мрачного мира. Глядя на них, я вижу царя Федора на ступенях собора, вопрошающего: «Боже, Боже! За что меня поставил ты царем?!»²²⁶ И я вижу, как под их темными крылами Иван убивает своего сына или придворные расправляются с ним самим²²⁷. Внизу угрюмый, жестокий, деспотичный мир, но, если смотреть вверх, кажется, что эти крылья дарят свободу – и безразличие – а иногда и многолетнюю отстраненность. Внизу – нищета, догма, мистицизм, жалкая покорность предрассудкам,верху – птицы, существа языческие, общительные, доброжелательные и веселые. Насколько же непредсказуемой и небрежной может быть природа – свобода, легкость, содержательность могут идти в ней бок о бок с поработением, страданием и бессмысленностью, и ни одно из этих качеств не высветит другого. И глядя на сцену, которая разворачивается под их крыльями, на Кремль, вполне можно воскликнуть: «Природа! О, Природа! Какой в тебе смысл? В чем твоя тайная воля?»

Я позавтракал в номере. В 10 пришла Рут Кеннел, в 10:30 – Тривас, мой новый переводчик. Как я понял, оба будут при мне всю оставшуюся часть поездки. В 11, как объяснил мне Тривас, я должен быть на беседе в кабинете Любовича из Народного комиссариата почт и телеграфов²²⁸, и в 10:45 мы выехали на встречу с ним.

Любович – довольно плотный человек с приятными, почти мягкими чертами лица и бритой головой. Как мне рассказали, он был сыном плотника, окончил начальную школу и стал телеграфистом, а потом перепробовал много профессий, в том числе учительствовал. Его нынешняя карьера началась в 1917 году, когда, будучи коммунистическим офицером, он участвовал в силовом захвате петроградского телеграфа.

– Каковы ваши планы для России на следующие 25 лет? – спросил я.

У нас существует пятилетний план, но техника, к счастью, не стоит на месте, поэтому нам трудно придерживаться этого плана; мы считаем необходимым менять технические детали каждый год.

План почтового ведомства. Сейчас почтовая служба покрывает 60 % губерний, тогда как до революции покрытие было всего 3 %.

– Все это под вашим руководством?

Да, инициатором был я. Я изучал системы связи в Европе и лучшие из них применил здесь. Первой была метода передвижения грузовика между деревнями. В 1925 году мы

²²⁶ Так звучат последние строки из текста трагедии А.К. Толстого (1817–1875) «Царь Федор Иоаннович»: «Боже, Боже! За что меня поставил ты царем!» (пер.).

²²⁷ Драйзер имеет в виду царя Ивана IV («Грозного»), который, как считается, в 1581 году в приступе ярости убил своего сына. Но сам Иван не был убит придворными, поэтому упоминание Драйзера, вероятно, относится не к Ивану, а к его сыну, который, по некоторым сведениям, погиб от их рук. Драйзер также мог перепутать эту историю с судьбой Федора, второго сына Ивана. После смерти Ивана Федор стал царем, но вместо него фактически правил регент Борис Годунов, тогда как благочестивый и умственно неполноценный мальчик проводил большую часть времени в молитвах. Федор умер в 1598 году при невыясненных обстоятельствах, заставив многих подозревать, что за его смертью стоят Годунов и его придворные.

²²⁸ Видимо, это Артемий (Артём) Моисеевич Любович (1880–1938) – советский государственный деятель. С 12 ноября 1927 года по 16 января 1928 года был Народным комиссаром почт и телеграфов СССР (пер.).

перешли к европейской схеме доставки почты. Сначала наш почтальон обходил адресатов только два или три раза в неделю, проходя примерно 25 километров в день – пешком. Сегодня 60 % почтальонов ездят на лошадях. В провинции все еще мало автомобилей, за исключением Крыма. В некоторых местах, где дороги получше, мы помимо использования собственных авто получаем автомобили от общества под названием Auto Industrial Trading Co.

– Сколько времени понадобится, чтобы обеспечить почтовую связь на остальных 40 % территории страны?

Сейчас в этих районах есть третья линия связи, которая не принадлежит непосредственно почтовому ведомству. Но в ближайшие пять лет они также будут связаны радио, телефоном, телеграфом и *радиотелеграфом*.

– Здесь единый телеграфный тариф?

Мы снизили специальные тарифы из расчета за километр до единой фиксированной величины. Междугородний телефон – плата зависит от расстояния, но в провинции тарифы в два раза ниже.

После революции почтовая служба полностью изменилась. Почтальон – это ходячая советская энциклопедия, он объединяет в себе всевозможные социальные службы. Если он не может ответить на вопросы, то идет в местный совет и отвечает в следующий раз. Он также принимает заказы на товары, литературу, продает книги, принимает денежные переводы, телеграммы, заказные письма.

– Как ему платят?

По километражу; он также получает процент от заказов на периодические издания и продаж. Средний доход составляет от 60 до 75 рублей в месяц, но он и работает только 15 дней в месяц. Это зарплата почтальона со своей лошадью, те, кто ходят пешком, зарабатывают меньше.

– Это госслужба?

Существуют специальные школы и курсы, технические и коммерческие школы, в которых готовят почтальонов.

– Телефонная связь.

В Сибири есть только одна линия, в Северной Сибири их нет вообще, но мы очень хотим сначала полностью наладить связь в Южной Сибири. А наша самая первая проблема – наладить хорошую телефонную связь в европейской части России. После революции мы закончили сооружение Ленинградской, Ростовской, Тифлисской *линий*. Кроме того, нам очень нужен радиотелефон, и мы сейчас подключаемся к Ташкенту, Туркестану

– А радиотелефон столь же хорош, как и обычный телефон?

Я не знаю, но у него большое будущее.

– Как часто используется телефонная связь?

Очень часто, особенно в промышленных организациях, но 35 % – это частные разговоры. В крестьянских домах нет телефонов, но в каждом хозяйстве, советском или кооперативном, *есть* телефон. Из 5000 деревень телефоны есть в 3000. Но мы не удовлетворены, хотя до революции их вообще не было.

– Хочет ли крестьянин иметь телефон?

Их не только интересуют телефоны; во многих деревнях организованы кооперативы для установки телефонов и поставки крестьянам материалов для установки.

– Использует ли правительство эти средства коммуникации для образования и пропаганды?

Конечно, сначала мы обслуживаем потребности коммерции. Мы стабильно развиваем телефон, который заменяет телеграф, и сочетаем телефон и телеграф, чтобы они работали на одних и тех же линиях. У нас большие возможности для развития радиотелефона. В Сибири строится большая радиостанция. В России 50 крупных радиостанций. Они дополняют радиосвязью телефонную связь не только в провинции, но и в крупных городах. Газеты пользуются всеми телефонными и телеграфными службами по минимальным ставкам.

– Какой процент услуг оказывается частному сектору?

60 % – частным лицам и концернам, 10 % – газетам, 30 % – правительству. По телеграфу: 55 % – государству и кооперативам и 45 % – частному сектору.

Иностранный бизнес сейчас присутствует здесь меньше, чем до революции, но втрое вырос внутренний бизнес. Междугородный телефон: 62 % – государственные организации, а остальное – частный сектор.

В городской телефонной службе: 30 % – государственные организации, а остальное – частный сектор.

Большие радиостанции иногда находятся в руках других советских организаций, например кооперативов, но большинство их подчиняется Наркомату почт и телеграфов.

В сфере радио большинство услуг является международными. Под контролем почтово-телеграфного департамента находится аппаратура для радиопередачи, но обществу она недоступна.

– Использует ли правительство эти средства коммуникации для пропаганды?

Нет, мы предоставляем техническую аппаратуру, а общественные организации используют ее по своему усмотрению. Мы не имеем дела с идеологией, только с техникой.

– Какова заработная плата телеграфных операторов и механиков?

Средняя зарплата механиков составляет в Москве 66 рублей, а технических специалистов – 132–150 рублей.

Средняя зарплата операторов телеграфа – 89–120 рублей.

– Все ли расходы покрывает ваш департамент?

Да, у нас есть собственный бюджет. В прошлом году мы ничего не дали государству, и государство ничего не дало нам, но на капитальное строительство мы получаем от правительства от 4 до 8 миллионов в год.

– Ожидаете ли вы, что в будущем будете приносить правительству прибыль?

Да, если бы не капитальное строительство.

– Может быть, вы хотите у меня что-то спросить?

Почему нас не пригласили принять участие в Конгрессе по телеграфу который сейчас проходит в Вашингтоне? Мы могли бы им помочь.

– Потому что те, кто держит рычаги управления, боятся влияния Советского Союза на рабочих. Если бы американцы захотели нести культуру, то для этого у них есть самый развитый аппарат в мире, но они используют его только для роскошной материальной жизни.

Средний американец любит свое правительство, и, если кто-то выступает против него, то он кричит «Большевик!» и требует, чтобы его арестовали. Почему?

– Потому что он получает хорошую заработную плату, у него есть авто, в стране замечательные дороги, у каждого фермера есть телефон и радио, а у каждой девушки с фермы – шелковые чулки.

Демократия существует, но находится под давлением финансовых правителей.

Комиссар сказал, что у него есть брат в Америке, который работал на заводе Форда. Ему было стыдно за своего брата в России, и после долгих споров они перестали переписываться. Спустя некоторое время другой брат, в Одессе, получил от него письмо, в котором тот писал, что уже год не работает и что ему нужно 200 долларов на операцию. Его брат из Одессы ответил, что ему тоже была нужна операция, которую сделали бесплатно, не то что в демократической Америке. Капитал, унаследованный от почтового департамента старого правительства, составлял 214 миллионов.

Сейчас капитал составляет 300 миллионов.

После этого интервью я отпустил Триваса, а мы с Рут Кеннел отправились в образовательное заведение нового типа, которое называлось Институт трудового обучения ²²⁹ – его мне рекомендовал Скотт Неринг. Институт оказался очень большим

²²⁹ Очевидно, исправительная школа (ред.).

кирпичным зданием, современным и продуманным.

Директор этой школы, рыжеватый молодой человек с мягким лицом, повел нас в свой кабинет. В большом коридоре несколько мальчиков и девочек занимались гимнастическими упражнениями, а кабинет оказался забит ребятами, которые хотели посоветоваться с директором. Я спросил директора: «Это что, школа для бездомных?» Он ответил, что не хочет говорить в присутствии учеников.

Когда все вышли, он сказал, что готов отвечать на мои вопросы.

Это специальное учебное заведение для обучения «трудных» детей, которые совершили настоящие преступления в диапазоне от мелкого воровства до убийства. Один из 100 мальчиков в возрасте от 10 до 16 лет, которые сейчас учатся в этой школе, убил свою мать. Этих детей-преступников направляет сюда специальная комиссия. Интересная особенность школы: некоторые родители сами посылают сюда своих «нормальных» детей учиться вместе с «преступным элементом» – и те учатся с удивительно успешными результатами. Например, в этой школе учатся и дети директора.

Всего здесь 203 учащихся от 7 до 16 лет. Есть обычные курсы с особым акцентом на технологии и науку. Есть специальный отдел психологического изучения ребенка, который использует американские тесты.

– Вы считаете нужным наказывать мальчиков?

Да, но мы никогда не применяем телесные наказания. В качестве наказания они, в частности, лишаются ежедневной прогулки, или экскурсии за пределы территории школы в выходной, или участия в детских организациях.

– У вас в школе есть самоуправление?

Да, у нас есть такой же ученический комитет, что и в каждой школе, стенная газета и т. п.

– Откуда вы получаете деньги?

От Московского Совета, не от Управления образования. На каждого мальчика полагается 450 рублей. Это очень мало, поэтому еда у нас неважная. У нас получается 12 рублей в месяц на одного ребенка, это один фунт (0,45 кг. – *Ред.*) мяса в день, один фунт хлеба, молоко (не каждый день), чай с сахаром, каша, картошка.

– Куда они идут после окончания школы?

Идут либо в старшие классы, либо работать в промышленности, ни один учащийся на улице не остается.

Потом мы посмотрели, как дети занимаются гимнастикой в коридоре, и директор сказал, что нам будет трудно отличить ребят, которые живут в этом учреждении, от «нормальных» детей, которые приходят сюда каждый день.

Все стены были увешаны их рисунками и стенными газетами.

Я ушел со свежим впечатлением от огромного количества бескорыстного труда, который идет на создание этого нового общества.

Вечером мы отправились в театр Станиславского на спектакль «Бронепоезд»²³⁰ – яркую, но несколько мелодраматичную постановку на тему войны «красных» с «белыми». Очевидно, Станиславский поставил ее, чтобы получить поддержку советской власти. Сегодня каждый в России должен пропагандировать советскую идею. Позже секретарь Станиславского спросил меня, не дам ли я им какую-нибудь свою пьесу. Я предложил «Американскую трагедию» (в нью-йоркском варианте) и пообещал прислать текст.

23 нояб. 1927 года. среда. Москва, Grand Hotel

²³⁰ Спектакль «Бронепоезд 14–69» по пьесе Всеволода Вячеславовича Иванова (1895–1963), написанной им в 1927 году, к 10-летию Октябрьской революции, был поставлен режиссерами Ильей Судаковым и Ниной Литовцевой под художественным руководством К. С. Станиславского. Премьера «Бронепоезда» во МХАТе состоялась 8 ноября 1927 года (*пер.*).

Еще один серый день. Да, ясные дни здесь бывают редко. Как обычно, у меня на завтрак холодное «русское» мясо и какао. Р. К. прибывает в 9, Тривас – в 10:30. Идем брать интервью.

В одиннадцать — интервью с [...] Свидерским, заместителем земельного комиссара²³¹. Он оказался рассудительным человеком средних лет. Свидерский рассказал, что его отец был богатым землевладельцем. Сам он во время революции был помощником комиссара по продовольствию и переезжал из деревни в деревню, реквизируя муку. По его признанию, теперь, спустя шесть лет, он не узнавал эти деревни, так сильно они изменились к лучшему.

– Каково сегодня крестьянское население России?

100 миллионов.

– Как между ними распределяется земля?

Это зависит от района. В центральных промышленных губерниях на каждого едока – 1,8 десятины, в Поволжье – 5 десятин, в Сибири – 15²³².

– Ожидает ли правительство от каждого крестьянина определенной отдачи продукцией?

Нет. Только сельскохозяйственными продуктами, которые правительство у него покупает, но эта величина не фиксированная, поскольку он свободен.

– Чем крестьянин отличается от рабочего?

Мы платим рабочему фиксированную заработную плату, ожидая от него выполнения определенной работы. К тому же крестьянин владеет землей не бесплатно. Существует сельскохозяйственный налог в размере 400 миллионов в год.

– Что именно облагается основным налогом?

Было предложение облагать налогом только доход, а не землю, но оно не прошло. Инспектор приходит к крестьянину и определяет, какой налог будет с него брать. Налоги зависят от числа членов семьи; если семья большая, то и налог больше. Считается, что чем больше семья, тем богаче крестьянин. Крестьянин получает, скажем, полторы десятины на каждого члена семьи из пяти человек, но если могут работать только муж и жена, то налог будет меньше. Если у него есть 8 акров²³³ земли, но работать могут только два человека, то он считается бедным.

– Почему же вы не отбираете у него землю, если он не может всю ее обработать?

Потому что после революции каждый член семьи получил право на определенный надел земли. Правительство помогает бедному крестьянину кредитами и т. д., и оно не может отобрать у крестьянина землю, даже если он не в состоянии ее обработать. А если бы у него и отобрали землю, то он стал бы еще беднее. Имея же землю, он может сдать ту часть ее, которую сам не в состоянии обработать, в аренду. Однако если крестьянин сдает землю в аренду более трех лет, то правительство ее конфискует.

– А может, для государства было бы лучше использовать теорию Генри Джорджа? То есть государство владеет землей и сдает ее крестьянам в аренду. Крестьянин может арендовать такое количество земли, с которого он в состоянии выплатить государству определенные поставки²³⁴. Если он взял земли больше, чем может оправдать поставками

²³¹ Алексей Иванович Свидерский – советский государственный и партийный деятель, дипломат, в то время – заместитель наркома земледелия РСФСР (*пер.*).

²³² 1 десятина земли – примерно 2,7 акра, или 1,1 гектара.

²³³ 3,2 га (*ред.*).

²³⁴ Генри Джордж (1839–1897), американский экономист, который утверждал, что государство должно сдавать людям землю в аренду и что земля, принадлежащая монополиям и спекулянтам, должна облагаться налогом. Промышленность, в свою очередь, должна возратить обществу свою долю стоимости земли, которую

государству, он должен вернуть часть земли. Если же он вообще не приспособлен к сельскохозяйственному труду и плохо работает, то может уйти из деревни и заняться чем-нибудь другим.

Нет, здесь такая система существовать не может. Ведь тогда крестьянин уйдет с земли, станет рабочим и будет продавать свою рабочую силу. *Но для этого нужны фабрики. И пока нет других фабрик для использования такой свободной рабочей силы, все останется, как есть.* В России говорят, что крестьянин завидует рабочему, и это правда.

Если бы мы следовали идеям Генри Джорджа, то он мог бы владеть землей в соответствии с его способностями. Джордж также верит в национализацию, но, согласно его системе, между крестьянами не может быть равенства. *Те, кто могут обрабатывать землю, получили бы ее много, а те, кто не могут, – мало, и у нас снова возникнет то, чего мы всеми силами пытаемся здесь избежать: снова возникнут богатые и бедные.* Мы, в России, считаем, что земля принадлежит всем крестьянам. Есть несколько семей, которые очень сильны и могут хорошо работать. Поэтому мы стараемся помочь бедному крестьянину, давая ему возможность работать с другими крестьянами и поддерживать его статус. С этой целью кооперативы дают беднякам кредиты на покупку оборудования. *Если мы обнаружим, что не можем помочь бедному крестьянину, то ваша теория верна.* Но пока мы только испытываем эту систему. В этом разница между капитализмом и социализмом. Если мы поможем крестьянину развиваться, то сможем создать свою промышленность, а если нет – то вернется власть буржуазии.

До войны положение крестьянина было хуже. Сейчас у него повысился уровень жизни, увеличилась потребительская способность. Однако крестьянин неудовлетворен своим уровнем жизни, особенно одеждой, хотя он намного выше, чем до войны. Но мы должны улучшить его положение. Именно в связи с этим вопросом возникают все проблемы в нашей партии.

– Стало ли лучше его общее техническое оснащение?

В некоторых регионах хуже, в других лучше. Например, в Поволжье – хуже, главным образом из-за голода.

– Как вы поступаете с неумелым крестьянином? Скажем, человек родился на ферме, но он совершенно не приспособлен для работы в сельском хозяйстве.

Он должен проявить инициативу и уйти из села. Но в деревнях крестьянская молодежь и так стремится покинуть фермы и уйти на фабрики. Их опекает организация молодых коммунистов.

– А если это умелый крестьянин? Помогает ли правительство удерживать его на земле? С другой стороны, если фабричный рабочий лучше чувствует себя на земле, оно попытается отправить его туда?

Человека никто не направляет. Первое время проводилась такая политика, что каждый сам мог обратиться в земельное ведомство со своими личными проблемами, но теперь этими вопросами занимается Организация коммунистической молодежи. В Наркомате просвещения есть школы для молодых крестьян, в которых готовят социальных работников для деревень. Есть фабричные училища для подготовки промышленных рабочих, и человек может, если захочет, перевестись в сельскохозяйственное училище.

– Можно ли сравнить положение русского крестьянина и крестьянина Западной Европы?

Наш крестьянин и крестьянин в Западной Европе – это совершенно разные типы. Тот, кого мы называем крестьянином, и тот, кого называют крестьянином в Западной Европе, – это два совершенно разных человека. Во время поездки в Германию я знакомился с работой крестьянской школы в Кенигсберге – и увидел молодых людей в униформе. Я спросил, кто они такие, и они ответили, что крестьяне. Они платят по 100 марок в год за обучение и по

она помогла создать, тем самым облегчив борьбу с бедностью, которую, по мнению Джорджа, вызвало накопление большого богатства в руках немногих людей (*ред.*).

300 марок за то, что живут в частных домах. У нас даже у самых богатых таких денег нет. В данном случае это совершенно несопоставимые величины. Наш крестьянин – это мелкий предприниматель. Но мы очень сильно помогаем крестьянину-бедняку. Ко мне сейчас приходил крестьянин из моего района, у которого в свое время не было ни сапог, ни самовара, никакой мануфактуры. В деревне не было ни школы, ни больницы, ни кооператива. Сейчас все это есть.

– Охватываете ли вы новым образованием и с новым оборудованием всех крестьян, крестьян всех национальностей?

Да, все, даже самые маленькие народности с низким уровнем культуры охвачены через партийные, профсоюзные органы, кооперативы, радио. Например, сегодня утром произошел такой случай. Необразованные люди из Казахской Республики прислали ко мне делегацию из 15 человек. Эти люди кочуют, переезжают с места на место со своими стадами. Но теперь они постепенно переходят к оседлости, и сегодня они пришли ко мне с просьбой дать им трактора – не лошадей, а сразу трактора! И не один трактор, а много. Они разговаривали со мной через переводчика, так как даже не знают русского языка.

– Ваше ведомство существует на поступления от крестьян или, насколько я понял по остальным департаментам, *заимствует средства у правительства*?

Мы себя не обеспечиваем и заимствуем у правительства. Но средства правительства идут также на культурную работу, образование, здравоохранение, издание литературы. Бюджет государства обеспечивается налогами, средствами от продажи леса, шахтами и т. д., и из этого дохода оно распределяет средства по разным департаментам, в том числе и на сельское хозяйство. *Кроме того*, каждый местный департамент или республика имеет свой собственный бюджет. *Он получает деньги от населения* или платит центральному правительству определенную сумму чтобы *оно помогло работе на селе*. Это называется автономией.

– Сколько денег из бюджета *Центрального правительства* получает земельный департамент?

6% национального бюджета, но для работы на местах эта сумма дополняется местными бюджетами разных республик.

– Как вы думаете, как скоро у крестьянина будет достойный уровень жизни?

Наш крестьянин во время войны встречался с иностранцами, познакомился с их обычаями и стандартами. Это обычно увеличивало его собственные запросы. Теперь ему нужен американский *темп*.

У нас в Центральном советском правительстве есть пятилетний план общего улучшения, но в нем слишком много деталей, чтобы здесь его обсуждать: это образование, хорошие дороги, хорошая техника – я не могу рассказать вам обо всем этом иначе как схематически. Я лично думаю, что процесс развития займет 10 лет.

– Какие факторы будут стимулировать развитие?

Конечно, это будут разные факторы, но прежде всего индустриализация, особенно электростанции, хорошие дороги, *автомобили, сельскохозяйственная техника. У нас очень мало денег, чтобы покупать сельскохозяйственные машины.*

– Не лучше ли строить дороги для автобусов и автомобилей, а не железные дороги?

Для нас – нет. Пока нет. *Нам нужны магистрали для транспортировки на большие расстояния – а магистральные железные дороги дешевле.* Но существует специальная комиссия по новым автодорогам, их строительство начнется в марте.

– А что вы думаете о замене трамваев на авто?

Для нас это непрактично, потому что мы должны покупать автомобили за границей, а *трамваи и рельсы мы можем производить здесь.*

– Говорят, что темп работы русского крестьянина по естественным причинам ниже в сравнении с *темпом* американского.

Здесь нет принципиальной разницы. Это только старая басня. Есть много легенд о русском крестьянине, но всем ясно, что у него хватило энергии выгнать царя и установить

советскую власть. За три года он освоил 30000 тракторов. Мы боялись, что крестьянин не сможет управлять трактором, но эти страхи оказались беспочвенными. У него довольно ума, чтобы управлять машинами.

– В вашей программе где-то нашлось место для контроля над рождаемостью?

Нет, это проблема капитализма. Например, во Франции пытаются уменьшить рождаемость, чтобы было меньше наследников.

За этим последовал долгий спор между Р. К. и г-ном Свидерским, в котором я почти не участвовал, хотя верю в контроль над рождаемостью.

*Вечером я впервые посмотрел в Большом театре русский балет. Это была прекрасная пантомимическая интерпретация романа Гюго «Собор Парижской богоматери» на музыку какого-то русского композитора, фамилию которого я забыл²³⁵, – но музыка была не очень. С подходящими словами и музыкой из этой пантомимы могла бы получиться редкостная *Grand Opera*, Большая опера. После просмотра балета я подумал о том, как странно [устроена жизнь]. Возможно, только здесь и в Англии эта опера и будет разрешена. Ибо в Америке, Франции, Италии и, возможно, в Германии католическая церковь имеет достаточное влияние, чтобы помешать этой правдивой постановке. А больше всего сил у нее в Америке – Стране Свободы. Ведущую партию исполнила Гельцер – очаровательная балерина, которой, как говорят, исполнилось 58 лет, но она грациозна и полна энергии, как 20-летняя девушка²³⁶. Многие другие танцовщицы тоже выглядели прекрасно.*

По ходу спектакля Реснич, представляющий здесь, в Москве, Associated Press, рассказывал мне о том, как его агентство рассказывало о смерти Ленина и о борьбе между различными корреспондентами за место на телеграфе, вспыхнувшей после того, как министерство иностранных дел сообщило эту новость. Ее выход задержали с полуночи, когда умер Ленин, до 14 часов следующего дня. Он хотел, чтобы я встретился с Отто Каном и убедил его отвезти русский балет в Америку²³⁷. После спектакля мы отправились в цыганский ресторан, где я увидел самую красивую продащицу цветов в своей жизни. Между делом он рассказал мне историю из недавнего прошлого – о своем романе с лесбиянкой, который чуть не разрушил его жизнь. История была грустной и по-своему красивой. Оттуда мы отправились в клубный ресторан, который оказался переполнен. А здесь я рассказал ему о Леопольде и Лёбе и психологии их уголовного дела²³⁸. Он сказал, что я должен написать об этом роман. В 2:30 [ночи] я взял дрожжи и вернулся в Grand Hotel.

24 нояб. 1927 года. четверг, Москва, Hotel Grand

Сегодня я сделал очень мало, поскольку никаких интервью для меня организовано не было. Во второй половине дня я пошел в большой музей скульптуры на Волхонке²³⁹. Это

²³⁵ Балет «Эсмеральда», либретто Ж. Перро, музыка Ц. Пуни (1802–1870) – итальянского композитора, работавшего в театрах Милана, Парижа, Лондона и Санкт-Петербурга (*пер.*).

²³⁶ Екатерина Гельцер (1876–1962) – прима-балерина Большого театра, крупнейшая звезда советского балета 1920-х годов. С 1898 по 1935 год выступала на сцене Большого театра.

²³⁷ Отто Кан (1867–1934) – американский финансист и импресарио, который в этот период был тесно связан с Метрополитен-опера.

²³⁸ Натан Леопольд (1904–1971) и Ричард Лёб (1905–1936) – студенты колледжей, выходцы из богатых американских семей, которые 21 мая 1924 года похитили и убили подростка Бобби Фрэнкса. Преступление было совершено без видимых мотивов, «в качестве интеллектуального упражнения». В широко освещавшемся процессе Леопольда и Лёба защищал адвокат Клэрэнс Дэрроу, который утверждал, что они психически больны. Дэрроу помог им избежать смертной казни; они были приговорены к пожизненному тюремному заключению.

²³⁹ ГМИИ, в те годы он назывался Государственным музеем изящных искусств (*пер.*).

огромное, великолепное здание. Один раздел посвящен картинам старых зарубежных мастеров. Среди них много полотен голландцев, с которыми, как мне кажется, никто никогда не сравнится. Остальная часть огромного здания заполнена копиями классических скульптур; некоторые из них больше натуральной величины. И здесь я снова подумал, что более совершенных творений, нежели греческие скульптуры, создать невозможно. Это чистая красота, не тронутая безвкусицей или материальными концепциями.

Вечером пришел Сергей Сергеевич Динамов, чтобы оформить мой договор с Госиздатом. Однако поскольку я знал, что большинство моих работ публикуется [акционерным издательством] «Земля и фабрика», то посчитал, что мой официальный эксклюзивный контракт с Государственным издательством был бы бессмысленным. Поэтому пока Госиздат не докажет, что он сможет опубликовать эти книги, меня заключение с ними контракта интересовать не будет.

Я вступил в спор с Динамовым об индивидуализме, или, точнее, об аристократии ума как антиподе власти массы. *Слабый ум и сильный ум получили каждый свою обычную долю в споре; вопрос был в том, где и как их применять. В противовес коммунизму с его принудительным равенством я защищал благодетельный международный капитализм, который, вполне возможно, достигнет тех же результатов. Он не соглашался, но не смог отрицать все трудности, с которыми сталкивается практика коммунизма здесь, в России. В полном изнеможении мы наконец прекратили дискуссию.*

25 нояб. 1927 года, пятница, Москва, Grand Hotel

Серый и очень пасмурный день. Меня раздражают задержки в получении здесь важных интервью, и я решаю отправиться в Ленинград, чтобы дать БОКС время организовать нужные мне беседы (Сталин, Бухарин ²⁴⁰, [нечитаемо]). В ожидании отъезда, который будет в полночь, я посещаю Третьяковскую галерею ²⁴¹, самую большую русскую галерею в Москве, чтобы получить представление о русском искусстве. В двух ее залах выставлены произведения Репина, в том числе большая картина, изображающая Ивана Грозного сразу после того, как он убил своего сына. Это действительно мощное произведение. Большинство картин, собранных здесь, очень хороши, по ним легко судить о жизни и обычаях русских за последние 200 лет. До сих пор это был очень мрачный мир – леса, плохие дороги, мало техники, снег и жара. Но это очень красочный мир, непохожий на другие. Никто не позаботился о том, чтобы дать пояснения о русских художниках на английском языке, поэтому кто что написал, я так и не понял. Но само искусство – и показанная здесь Россия – навсегда останется со мной.

Потом я вернулся в отель. По пути нашел подкову. До 6 [вечера] отдыхал, потом упаковывал вещи и писал письма. В 9:30 [вечера] пришла Р. К., в 10 – Тривас. В 10:30 мы выехали на такси на вокзал, в 11 погрузились в спальный вагон. Тривас возжелал Р. К., что заставило его виться вокруг нее до 12 часов, но, с очевидностью, он ничего не добился, потому что по возвращении молча полез на верхнюю полку.

Перед отъездом из отеля я поговорил с Оле Свенсеном – богатым торговцем из Сиэтла. Его бизнес (меха) сосредоточен на Камчатке. Он рассказал о тамошних обычаях и условиях жизни – еде, одежде, жилье. Большинство домов построено из снега. Внутренняя палатка – очень маленькая – легко нагревается даже от керосиновой лампы. Основные

²⁴⁰ Николай Иванович Бухарин (1888–1939) – большевистский лидер, редактор газеты «Правда». Возглавлял 3-й Интернационал (1926–1929); позже был исключен из коммунистической партии, но впоследствии восстановлен. Во время чисток 1938 года он предстал перед судом по обвинению в том, что в середине 1930-х годов был сторонником Троцкого. Казнен в 1939 году.

²⁴¹ Третьяковская картинная галерея была основана П. М. Третьяковым и в 1892 году подарена им городу.

продукты – рыба, мясо северного оленя, сахар и ворвань²⁴². Абсолютно необходимы жиры и сахар. Когда физические страдания становятся невыносимыми, мужья и жены по просьбе супругов убивают друг друга. Жизнь простая, еды много. Пришлых мужчин, особенно американцев, такой образ жизни затягивает, они не могут от него отказаться, потому что там слишком велики [соблазны] свободы и опрощения. Аборигены восхищаются американцами и стараются облегчить им жизнь, так что американец среди них – это своего рода король. Местные покупают всевозможные американские товары. Лучшая одежда делается из двойных оленьих шкур – мехом внутрь и наружу. Сапоги и шапки тоже. Такую одежду легко чистить: ее замораживают и отбивают, лед осыпается – и грязь вместе с ним. Очень приятные места, очень здоровые – и люди там фаталисты.

Ленинград

26 нояб. 1927 года, суббота, Ленинград. Hotel Europe

В субботу в 10 часов утра мы прибыли в Ленинград. На вокзале нас встретили глава ленинградского отделения БОКС и еще один его представитель. Поданный для нас автомобиль с большой помпой доставил меня в Hotel Europe. Пока мы ехали, меня поразили красота города, широкие улицы и прекрасные здания, атмосфера изящества и элегантности, которой нет в Москве. Гостиница оказалась гораздо более импозантной и комфортабельной, чем пресловутая Bolshaya Moskovskaya в Москве. Лакеи открыли двери машины, и мы вошли через вращающиеся двери в прекрасный вестибюль. Здесь витал дух роскоши, предупредительности и порядка – подлинное утешение для души, истерзанной обшарпанными залами, гнусным обслуживанием и протекающими трубами в Grand Hotel – при всем старинном великолепии его номеров.

Каждому из нас (троих) предоставили по отдельному просторному номеру с ванной, а затем мы отправились в ресторан на крыше – завтракать. Зал здесь по-настоящему очаровательный: растения в горшках, стены ярких цветов, лампы с абажурами. Тотчас же появился проворный репортер, который взял у меня интервью, пока я завтракал холодным мясом, булочками и какао.

После завтрака меня повезли кататься по городу в открытой машине. Не думаю, что когда-нибудь в своей жизни я видел более красивый город. Серый туман, который обычно висит над Ленинградом, сейчас лишь мягко окутывал поразительные по красоте старинные здания и купола величественных церквей.

Мраморные колонны зданий и памятники были покрыты инеем, который придавал камню чудесные пастельные тона. Мы проехали мимо Зимнего дворца, которому реставрация, проведенная в нынешнем году, вернула его первоначальные цвета – белый и темно-зеленый. Мы остановились у огромного собора ев. Исаака²⁴³. Внутри под высоким куполом виднелись стальные леса, которые были установлены еще до революции, – здесь хотели создать несколько мозаичных композиций. Когда было закончено всего восемь изображений, работы прервались. Сейчас не удастся выкроить деньги на завершение работ, потому леса, которые портят интерьер собора, будут разобраны. Священник подвел нас к алтарю. Здесь по обеим сторонам золотых дверей, ведущих во внутреннее святилище,

²⁴² Так называли жидкий жир, добываемый из сала морских млекопитающих (китов, тюленей, белух, моржей, дельфинов), а также белого медведя и рыб (*ред.*).

²⁴³ Исаакиевский собор, одна из крупнейших купольных церквей в мире, находится в центральной части Санкт-Петербурга недалеко от набережной Невы. Собор, построенный в 1818–1858 годах французским архитектором Монферраном, был освящен во имя преподобного Исаакия Далматского, византийского монаха, день памяти которого 30 мая (по юлианскому календарю. – *Пер.*) совпал с днем рождения Петра Великого. Советская власть в 1931 году переделала храм в музей.

расположены четыре великолепные мозаичные картины. На эти ворота *пошло* 300 пудов золота²⁴⁴.

Мы вошли в алтарное пространство, но моей секретарше пришлось постоять в дверях, потому что ни одной женщине входить сюда не дозволяется. Стены облицованы плитами из зеленого малахита и других ценных пород камня. На столе (престоле. – *Ред.*) стоял какой-то предмет, накрытый стеклянным колпаком. «Это что, птичье гнездо?» – спросил я. Оказалось, это терновый венец, привезенный из Иерусалима. При всем своем богатстве и великолепии интерьер собора не отличается вдохновляющей красотой.

Мы проезжали мимо многих интересных мест, например завода резиновых изделий, на котором работают 7000 человек. Миновали мосты через каналы, церкви, широкие проспекты... Наконец мы свернули во двор и оказались в БОКС, которое занимает залы в очень красивом особняке на набережной Невы. После короткой беседы с представителями БОКС мы переехали на другую сторону реки и подъехали к Петропавловской крепости²⁴⁵. Сначала мы прошли в старый собор с *очень высоким и острым золотым шпилем*, где нам показали гробницы царей, правивших последние триста лет, и их жен. Все они выполнены из мрамора и украшены золотыми крестами. Потом мы пересекли заснеженный двор и подошли к разрушенной крепости, стены которой тянулись вдоль кромки воды. Внутри здания идут камеры, – одна за другой, в страшной монотонности. Каждая из них представляет собой большую комнату с каменными стенами и высоко расположенным зарешеченным окошком, в каждой камере – железная койка, железный стол и умывальник в углу. В каждой тяжелой железной двери есть узкая застекленная щель, через которую охрана заглядывала в камеру, кроме щели есть также маленькая дверца на петлях, через которую в камеру подавали еду. Заключенные в камере были совершенно изолированы, через толстые каменные стены к ним не проникал ни один звук, но они все же находили способ общаться друг с другом, перестукиваясь через стены. Одна из камер применялась для абсолютной изоляции заключенного, так как примыкающие к ней помещения использовались как склады, и потому сидящий в такой камере не мог даже перестукиваться с соседями. Еще одна камера являлась карцером для провинившихся. В ней имелся толстый деревянный щит, который опускали на окно, и заключенный оказывался в полной темноте. В камерах этой крепости содержались Вера Фигнер²⁴⁶, декабристы и другие знаменитые революционеры²⁴⁷.

По дороге домой мы проехали мимо самого прекрасного храма из всех мною виденных. Оказалось, что это татарская мечеть²⁴⁸ с большим конусообразным куполом, оригинально выложенным голубым и белым материалом, напоминающим фарфор. По углам здания возвышаются два миниатюрных конусообразных купола той же работы.

²⁴⁴ Пуд – это русская единица массы, равная примерно тридцати шести фунтам (16 кг).

²⁴⁵ Крепость, построенная Петром Великим на Заячьем острове, является историческим центром Санкт-Петербурга. На протяжении более двух столетий она официально называлась Санкт-Петербургской, но позже получила имя двух апостолов, которым был посвящен находящийся в крепости храм. Драйзер пишет о том, что он видел гробницы царей от Петра Великого до Александра III, которые были похоронены в соборе. До 1917 года в крепости также существовала тюрьма, о которой тоже упоминает Драйзер.

²⁴⁶ Вера Николаевна Фигнер (1852–1942) – революционерка и сестра знаменитого тенора Николая Фигнера, при советской власти стала легендарной фигурой. В 1904 году она была выслана за границу, где до 1917 года выступала с лекциями о своей революционной деятельности.

²⁴⁷ Среди других известных революционеров, находившихся в заключении в тюрьме крепости, можно назвать Максима Горького (1868–1936) и брата Ленина Александра Ильича Ульянова (1866–1887), который содержался там до казни через повешение за участие в заговоре с целью убийства царя.

²⁴⁸ Санкт-Петербургская соборная мечеть (*пер.*).

Вечером наши неумные хозяева отправили нас на оперу «Евгений Онегин», которая, несмотря на хорошую музыку Чайковского, была так скучна, что мы ушли после первого акта. Сюжеты у старых русских опер чрезвычайно пресные. В ресторане под крышей, где мы встретились со своими хозяевами из БОКС, давали представление кабаре. Вовсю гремел якобы джазовый оркестрик, посетители смело пытались танцевать фокстрот и чарльстон. Здесь царил НЭП, и новые буржуа вовсю наслаждались жизнью²⁴⁹. *Нэпманы – это частные предприниматели, их жены, любовницы и дети. Коммунисты ненавидят их и следят за ними, поскольку считают, что они стремятся расшатать коммунистический режим. Из-за их «красивой жизни» за ними шпионят, их облагают налогами.*

*27 нояб. 1927 года, воскресенье, Ленинград. Hotel Europe
Серость и сырость.*

Утром мы проехали от Ленинграда 15 верст до Царского Села, которое теперь называется Детское село²⁵⁰. Здесь расположен царский летний дворец. Сам город состоит из красивых домов, в которых жили члены императорского правительства и другие высокопоставленные лица, среди них – 15 еврейских семей, которым один из царей даровал постоянную привилегию проживать здесь за то, что *их предки несли военную службу*. Здесь имеются обширный парк, павильоны, церкви, армейские казармы и, наконец, сам дворец, который не кажется более внушительным, чем многие другие здания в городе. *Мне они совершенно не понравились. Все это – деревня и дворец – выполнено в духе дешевого курорта.* Дворец в настоящее время является музеем и сохраняется в том виде, какой он имел в понедельник 30 июля 1917 года, когда его внезапно покинул последний царь. На его столе лежит большой отрывной календарь с последним листом, соответствующим этой дате.

Наша экскурсия по сотням комнат дворца заняла почти два часа, и в конце концов я сделал вывод, что это худший дворец, который я когда-либо видел. Титаническая попытка расходовать как можно больше средств, чтобы создать атмосферу величия, и в результате – дурной вкус и удручающее уродство, на которые невозможно смотреть. Мне стало достаточно ясно, почему от этих людей нужно было избавиться. Особенно негармоничны комнаты Николая – они загромождены мебелью, безделушками и коврами, очень широкими турецкими диванами, которые не соответствуют остальной мебели, стены просто залеплены картинами и фотографиями, как будто владелец сделал попытку показать все подарки, которые он получил. В его ванной, как и во всех других ваннах в доме, нет настоящей ванны. Здесь находится большой плавательный бассейн, выложенный плиткой, но если бы бедняга захотел принять ванну, то он был бы вынужден делать это с помощью губки, фарфоровой чаши и кувшина, стоявших на подставке. Единственные удобные кровати во дворце я нашел в спальне Екатерины (это была широкая и на вид мягкая кровать) и в спальне матроса, который, как здесь поясняется, жил во дворце в качестве приятеля Николая III²⁵¹, юного наследника престола.

На втором этаже находились комнаты детей. Кроме того, внизу, в одном из залов для торжественных приемов, один из царей (это был чадолюбивый Александр II) приказал соорудить для своих детей большую горку. Здесь также находились большие игрушечные

²⁴⁹ Новая экономическая политика (НЭП) – государственная программа, проводившаяся в 1920-е годы. Ее цель – введение частного предпринимательства и возрождение рыночных отношений, с восстановлением народного хозяйства, предполагала государственное регулирование смешанной экономики с использованием плановых и рыночных механизмов.

²⁵⁰ Город в Ленинградской области. Здесь расположены Мемориальный музей Пушкина и здание лицея, в котором в начале девятнадцатого века учились дети дворян.

²⁵¹ Имеются в виду Цесаревич Алексей Николаевич Романов (1904–1918) и ухаживавший за ним «дядька», матрос императорской яхты «Штандарт» Андрей Еремеевич Деревенько (*пер.*).

автомобили и другие игрушки, которые придавали комнате странный вид. Но он был царем и мог приказывать. На том же втором этаже находились классные комнаты для детей разного возраста. Наверное, из всех комнат родственников царя, а также его собственных лишь об одной или о двух можно сказать, что они действительно художественно оформлены и хорошо обставлены. Интересны также гостиные дочерей последнего царя, их гардеробы и обширные комнаты последнего наследника, милого ребенка, но калеки. Несколько комнат забиты его игрушками – здесь разные вещи, игрушечные животные, механические игрушки, автомобили, корабли, моторы, череда шкафов с форменной одеждой бедного ребенка, его спальня с маленькой кроватью, на вид очень неудобной, ванная комната, в которой есть только миска и кувшин [для умывания] и туалет. На столах разложены все скобы и ремни, которые он вынужден был носить.

Будуар последней царицы представляет собой изумительный лабиринт из предметов обстановки и множества других предметов. *Он больше походит на будуар актрисы или режиссера, чем на спальню царицы.* Многочисленные туалетные столики и бюро заполнены безделушками, вазами и фотографиями, а стены завешаны небольшими фотографиями и картинами. Гид заверил нас, что комната сохраняется в том виде, который она имела при жизни царицы. Ее гардероб, занимающий большую комнату, состоял из длинных уродливых мантий из атласа, бархата и кружев, а также больших шляп, которые вряд ли вызвали бы зависть у современной девушки из модного магазина. Царский гардероб, состоящий из разнообразной форменной одежды, еще более обширен. Здесь, наверное, сотни различных мундиров самых разных орденов – *K. R, Shriners, Elks и т. д.*²⁵²

Там были также залы, заполненные подарками членам императорской фамилии, например, замечательная коллекция больших блюд, подаренных Николаю крестьянами в одном из его путешествий по стране, и подарки от правителей иностранных государств.

Когда все это закончилось и мы снова спустились в прихожую, где ярко пылал огонь в камине, я испытал большое облегчение. У входа стояли сани, запряженные двумя лошадьми серой масти, ими управлял солдат, который предложил нам прокатиться по дворцовому парку. Снег с копыт коней бил прямо нам в лица. Пока мы ездили по территории парка, который теперь стал общественным, возмущенные пешеходы, не привыкшие к тому, чтобы их беспокоили какие-то транспортные средства, сходили с тропинок в глубокий снег и осыпали нас проклятиями. Одна старуха даже предложила *повесить нас на дереве, что дало мне возможность почувствовать себя царем. Я явно возбуждал ненависть у пролетариата.*

Затем мы поехали на машине домой. На окраине города находятся дома крестьян, которые работают на этой земле. Это бревенчатые дома, они достаточно хорошо выглядят; многие из них – совсем новые, с отделкой окон и дверей из резного дерева, окрашенного в яркие цвета. Но в целом сельская местность здесь – это обширные пустынные участки заснеженных равнин.

Вечером мы отправились в Государственный цирк. Это стационарное здание с ярусами кресел, окружающими арену, и очень высоким потолком – *примерно в половину высоты старого здания Madison Square в Н.-Й.* Программа меняется еженедельно, руководство цирка заключает контракты с гастролирующими труппами, большинство из которых – иностранные. Государственный цирк находится в ведении Департамента образования и его подразделения, отвечающего за театры.

Зарплата русских артистов ограничена примерно 10 рублями в день; если артисты иностранные, то их выступления можно оплачивать по иностранным ставкам – так, собственно говоря, и делается. Меня посетила одна интересная мысль. Если у актера

²⁵² Мундиры напоминают Драйзеру одеяния членов тайных орденов. К. Р. – это Knights of Pythias, Орден рыцарей Пифия (Order of Knights of Pythias) – тайное общество, основанное 19 февраля 1864 года в Вашингтоне. Shriners – североамериканское парамасонское общество, основанное Уолтером Флемингом и Уильямом Ж. Флоренсом в Нью-Йорке в 1870 году. Elks («Олени») – тайное общество, основанное в Нью-Йорке в 1868 году

российского цирка появляется хорошая сценическая идея, а он получает только 10 рублей в день, то где он может взять деньги, чтобы реализовать эту идею? На эту мысль меня навел уникальный номер, который назывался «американским аттракционом», хотя в действительности он был итальянским. А причина, по которой его называли американским, заключалась в том, что американцы, несмотря на то, что они отметились здесь войной, по-прежнему популярны в России, а итальянцы – нет. Так или иначе, «американский аттракцион» состоял из огромной пушки – скорее всего, сделанной из папье-маше. Молодой человек, одетый, как авиатор, вылетал из нее высоко в воздух и попадал в сетку футах в 75 (около 23 м. Ред.) от земли. Мне номер понравился. Предположим, сказал я себе, у русского циркового актера появилась идея такого номера. Откуда он возьмет на это деньги? В конце концов я решил прояснить этот вопрос, и оказалось, что он должен обратиться в местный Совет своего города или своей области. Если идея будет одобрена, то есть там посчитают, что она хороша для русского народа, то местный Совет либо сам ее профинансирует, либо попросит это сделать государство. Вот так примерно делаются дела в сегодняшней России...

Но вернемся в цирк: билеты на наши места (лучшие, в ложе у арены) стоили по 3,5 рубля.

Программа была отличной, ни одного плохого номера. Всего было около десятка номеров – и три антракта, во время которых зрители шли в буфет, пили чай и пиво, ели бутерброды и яблоки. Публика была более «пролетарской» и грубой, нежели обычная русская театральная публика. Тем не менее были чудесные акробаты, жонглеры, всадники, дрессированные лошади, два очень смешных клоуна, один карлик и в завершение, как кульминация, так называемый американский аттракцион. На большом грузовике вывезли огромную пушку; потребовалось некоторое время, чтобы подготовиться к действию, поставить пушку под прямым углом и т. д. Все это время некоторые зрители просидели, зажав ладонями уши. Но выстрел не был громким – думаю, всю работу сделали пружины.

И еще одну вещь я заметил – русским нравились те же глупые клоунские шутки, которые заставляют хохотать американских зрителей. Смех был громким, аплодисменты – бурными.

Несмотря на то что русский цирк отличался от моих детских воспоминаний о представлении передвижного цирка, которое давалось в шатре, атмосфера была очень схожей, и запахи пыли и пота лошадей, скачущих по арене, напоминали об американском цирке.

Затем мы вернулись в отель, и я крепко уснул в доставшемся мне огромном и диковинном номере.

28 нояб. 1927 года. понедельник. Ленинград. Hotel Europe

Еще один серый и слякотный день. И обычный русский завтрак – холодное мясо и горячий шоколад. Я здесь постоянно окружен людьми из БОКС – Ленинградского отделения Советского общества культурной связи. Я не знаю, как их зовут, но именно они предоставляют мне машины, организуют интервью и туры. В назначенное время вы приезжаете, входите, беседуете, выходите, снова садитесь в авто и т. д. Дураку в такой обстановке легко получить ложное представление о собственной значимости... Но мне часто – да почти постоянно – хочется оставить все это, бежать из России и оказаться дома, на 57-й улице, или в маленьком домике в Маунт-Киско.

В 10 часов утра – интервью с заместителем председателя Ленинградского областного совета Иваном Ивановичем Кондратьевым. Этот очень простой на вид молодой человек, до революции был рабочим-металлистом. А теперь вопросы и ответы:

– Вы избирались из этого района?

Я избирался местным Советом и сессией Советов как вице-президент этой области [читай: заместитель председателя Ленинградского областного Совета – Ред.].

– В чем заключается ваша деятельность?

Я веду административную работу в городе и в губернии, как у губернатора штата. Я руковожу работой местного Совета, и, поскольку в Ленинграде нет Городского совета, то это Областной совет.

– Под вашим управлением находятся фабрики, магазины и т. п.?

Да. У нас есть два вида промышленных предприятий: предприятия общегосударственного значения и предприятия, имеющие местное значение (здесь 35 % предприятий – общего, *или* государственного, значения). Промышленность Ленинградской области выпускает продукции на 300 миллионов рублей. Существует отдельный департамент производства и поставок. Главные отрасли промышленности здесь – судостроение, производство машин, турбин, текстильных изделий и т. д.

Местная промышленность должна удовлетворять местные нужды. Это обувные фабрики, бумажные, фабрики строительных материалов. Но правительство в основном развивает в Ленинградской области тяжелую промышленность. Ленинградский Совет проявляет все больше инициативы в управлении *своими предприятиями*. Мы получаем много правительственных заказов на машины, различные материалы. К сожалению, мы не можем выполнить все эти заказы, поскольку не хватает материалов, денег, оборудования. Основную часть наших капиталов мы используем для расширения производства. Все 15 миллионов рублей прибыли, полученной за прошлый год, мы снова вложили в промышленность, ибо наши потребности в расширении производства быстро растут.

– И что, *вам нравится, как были использованы* эти 15 миллионов?

Конечно, многие сферы остались без этих средств, но, имея мы не 15, а 150 миллионов, мы бы опять вложили их в промышленность, так как вынуждены удовлетворять нужды страны. Будь у нас больше денег, мы вложили бы их в новые промышленные предприятия, например в новую фабрику по производству искусственного шелка. Мы бы построили новую деревообрабатывающую фабрику. Но *ведь* нам приходится покупать *все* оборудование для них за границей. Оборудование для химической индустрии мы вынуждены ввозить из Германии. *Были бы у нас деньги, мы бы построили здесь большой химический завод. Но его время придет.*

– Но эта программа промышленного развития требует изъятия средств, которые могли бы пойти на строительство жилых домов для рабочих, санаториев, на другие общественные нужды?

Да, это влияет на нашу работу по социальному обеспечению, но определенную часть средств мы все-таки туда вкладываем. Город растет, растет число рабочих в промышленности, растут и их требования.

– Вы сами – из рабочих. Видите ли вы разницу между тем, как рабочий трудится сегодня, и тем, как он работал при царе?

В целом в массах чувствуется большой энтузиазм. Рабочий чувствует, что он здесь хозяин, что его желание – это и желание правительства. Вся система управления заменена. Работник, даже если он не является политически грамотным, это чувствует. При царе благосостояние рабочего не было делом государства; при царе рабочий не был заинтересован в производстве.

– Что вы можете сказать о женском труде в промышленности по сравнению с прежним временем?

Сейчас в промышленности работает гораздо больше женщин.

– Не влияет ли это на безработицу?

Да, конечно. Но рост промышленности способствует уменьшению безработицы. Сейчас в Ленинграде 136000 безработных. Из них 96000 – женщины, причем 60 % из них впервые ищут работу.

– Как скоро, по вашему мнению, удастся ликвидировать безработицу?

Трудно сказать, из-за ненормальных условий, причем не только внутренних, но и внешних. Плюс все увеличивающееся желание женщин работать в промышленности. В то же время не хватает квалифицированных кадров, и мы должны обучать рабочих, чтобы

удовлетворить на них спрос.

– Что вы делаете для того, чтобы обучить 136000 безработных?

У нас есть специальные трудовые коллективы (рабочие школы), в которых разным профессиям обучаются 11000 человек; курс обучения длится 7–8 месяцев, потом этих учащихся направляют на фабрики в качестве учеников.

– Значит, учатся только молодые рабочие?

Нет, и молодые, и старые. Для молодежи есть специальные промышленные школы прямо на фабриках.

– Голодают ли безработные?

Вот данные из отчета Ленинградского Совета: безработные получают пособие от правительства (35 рублей для семейного) и 28 рублей от профсоюза, плюс все льготы, которые имеет член профсоюза; он платит номинальную плату – 5 копеек – за занимаемые жилые помещения. Мы организуем общественные работы на улицах, железных дорогах; работа тяжелая – для мужчин; по легче – для женщин; за эту работу они получают от 1 рубля 60 копеек до 2 рублей в день, *но многие* предпочитают не работать, а получать пособие! (Это только для примера, показать, что они не голодают.) Около 60 % всех безработных – это *члены семей, в которых есть работающие*. Конечно, есть часть безработных, которая действительно голодает, *но другая часть намеренно* ведет праздный образ жизни, потому что есть такие люди, которых нельзя заставить работать. Что можно с ними сделать? Ведь у них есть право голоса!

– А почему бы не забрать это право у тех, кто не хочет работать?

Наш бизнес должен видеть, что безработные не голодают. Многие из безработных женщин – это жены работающих. Они не хотят делать домашнюю работу, хотят идти в промышленность, но и не хотят делать грязную работу.

– Что делает советское правительство с лодырем?

Если он категорически отказывается работать, то мы можем исключить его из профсоюза. Но мы достаточно терпеливы с квалифицированными рабочими, когда они отказываются от черной работы.

– И кем в итоге становится бездельник? Нищим? Бандитом?

Такое случается крайне редко. Среди криминального элемента мы ведем воспитательную работу; существуют специальные учреждения, в которых их учат работать.

– А что вы можете сказать о жилищных условиях рабочих? Я видел, что в Москве рабочие живут в очень плохих условиях. Даже в новых домах они живут по пять, по семь человек в одной комнате, не имея отдельной ванной. Разве правительство не стремится поднять уровень жизни рабочих? Разве не лучше для рабочих семей иметь отдельные квартиры?

Когда рабочие совершили революцию, они сделали это не ради ванн, а для того, чтобы взять политическую власть. Мы бедны, а перед нами стоит много задач. Мы можем удовлетворить культурные потребности рабочих только с помощью самих широких масс. И мы чувствуем, что все это делать надо. Условия в Ленинграде лучше, чем в Москве. Например, до революции даже самые культурные люди не только не имели частных бань, но у них и отхожие места были во дворе. Мы были бы очень рады построить для каждой семьи трехкомнатную квартиру с ванной, но такая квартира стоит 12 000 рублей, а на эти деньги мы сейчас сможем обеспечить жильем гораздо больше людей. Кроме того, русский человек привык к общественной бане (бане с парной) и предпочитает ее личной.

Тяга к образованию и культуре у рабочих после революции – огромна. До революции для женщины была только церковь, для мужчины – водка. Если бы мы имели дело с людьми образованными, то у нас не было бы таких колоссальных проблем.

– А что с дорогами?

Наша программа скромна, мы берем пример с США; уже есть департамент развития автосообщений, но нам нужны машины для строительства дорог, а *их пока нет*.

– Будут ли авто в коллективной или в частной собственности?

В частной, так же как в частной собственности могут быть квартира или дом – при жизни работника. Он может продать или завещать свой дом. После его смерти дом обычно продается, а полученные средства поровну распределяются между его женой и детьми. Автомобиль тоже можно продать. Но, конечно, люди, имеющие дом или машину, платят более высокие налоги – намного выше, чем у других.

Затем Кондратьев вызвал главу Комиссии по строительству жилья для рабочих Президиума Ленинградского Совета и попросил его показать мне, что делает это подразделение. Мне показалось, что этот симпатичный розовощекий молодой человек очень хотел показать новые дома рабочих. Совет предоставил нам машину.

Сначала мы приехали в большой жилой дом, построенный кооперативной строительной бригадой. Снаружи это было очень привлекательное здание со штукатуркой мягкого серого, лавандового и красного цветов.

Здание имело 415 комнат и стоило один миллион рублей. Оно было закончено совсем недавно, и дворы еще не привели в порядок.

Квартиры в здании были одно-, двух- и трехкомнатные, но все без ванных. В каждой секции была всего одна ванная комната, то есть одна ванна на 40 человек, и каждый из жильцов имел право пользоваться ею всего два часа в неделю! Есть предложение оставить эти ванные комнаты только для мытья детей и сооружать парные бани во дворах, *потому что, как говорят, русские предпочитают именно их!*

Вот чего я не смогу понять никогда, так это стадного инстинкта этих людей – но он точно есть. Такое впечатление, что они просто обязаны работать и жить группами. Их жизнь в деревне, на фабрике и в квартире – это жизнь в коллективе.

Одну из иллюстраций этого можно было видеть в новых квартирах для рабочих.

В каждом коридоре или секции имелась общая кухня. Здесь стояла огромная плита, уставленная кастрюлями и сковородками, кипел суп, варилось мясо, а у плиты стояло с полдюжины женщин-соседок – они мешали варево, следили за своими чайниками. Для того, чтобы работающие женщины готовили еду, им отведено время с 5 до 8 часов вечера.

Первая квартира, в которую мы заглянули, имела две комнаты. Стены, конечно, были *только что* покрашены в приятные цвета, но мебель тут была самая разнородная и самая дешевая. Здесь жили пять человек: муж с женой, бабушка и двое детей. Во второй, тоже двухкомнатной, квартире жили четверо: муж, жена и двое детей. В третьей, однокомнатной, жили пятеро: муж, жена, бабушка и двое детей. Муж и жена работали, получали на двоих 115 рублей в месяц, платили за квартиру 13 рублей 98 копеек в месяц и считали, что живется им трудно. По ту сторону коридора шесть человек жили в двух комнатах, муж и жена зарабатывали вместе 100 рублей, платили за квартиру 27 рублей в месяц и, по словам бабушки, которая оказалась дома, были всем очень довольны. Для *меня в русском доме* всегда существовала одна загадка: я не мог понять, где они все спят? Но в одной из маленьких комнат имелись колыбель, две детские кровати и кушетка, а во второй комнате женщина с гордостью указала на хорошую новую «двуспальную кровать». «Конечно, мы довольны, – сказала она, – раньше мы спали на полу в маленькой сырой комнате. Теперь у нас хорошее, теплое, светлое, чистое жилье, две комнаты, а посмотрите на нашу красивую новую кровать!» Я поражаюсь, как муж и жена могут спать на таких узких кроватях. Мне остается думать, что им приходится пристегиваться друг к другу ремнями.

На каждом этаже здания имелся просторный холл для общественной жизни – «Ленинский уголок». *Если я не объяснял раньше, что такое «Ленинский уголок», то сделаю это сейчас. Это очаг или центр каждого многоквартирного дома, клуба, фабрики, магазина, школы, театра – любого места, где можно собрать вместе группу работников, или жильцов, или граждан, где молодежи и старикам растолковывают не только доктрины Маркса и достоинства коллективной жизни в том смысле, в каком она практикуется здесь, в России, но и опасность войны всего мира против России, необходимость для масс держаться сплоченно, обучаться обращению с винтовками и гранатами, а также учиться оказывать первую помощь и спасаться самим в случае*

какого-то бедствия. И повсюду в этих помещениях висят портреты Ленина и Сталина (но уже нет ни одного портрета Троцкого – убрали). А еще тут есть карикатуры или литографии (в самых диких цветах) с изображениями исполинских свиноподобных богачей, которые своими толстыми пятками наступают на горло закованным в цепи рабочим, распростертым у их ног. Есть и другие плакаты: выкрашенные в красный цвет рабочие в плотном боевом строю, вскинув винтовки, оцетинившиеся острыми штыками, отражают наступление полчищ вражеских солдат. И лозунги: «Один за всех, все за одного», «Долой буржуазию!», «Будете помнить, белогвардейцы, Красный Октябрь » и т. п. И афоризмы или цитаты из Маркса и Ленина. И обязательно портреты Маркса и Ленина. И статуя Ленина. По моим оценкам, в России обитает не менее 80 000 000 статуй Ленина. Часто здесь хранятся настоящие револьверы, винтовки, гранаты, пули и т. п. К ним прилагаются открытки или короткие тексты с рисунками, наглядно объясняющие, как всем этим правильно пользоваться. И противопогазы – с детальными инструкциями. И каждый вечер сюда обязательно приходит какой-нибудь товарищ, который читает лекцию или дает объяснения, воспаляя массы образами нависшей над ними опасности. Здесь же осуществляются образовательные программы, например ликвидация безграмотности. Тут могут также проходить лекции о правильном питании, гигиене, об уходе за детьми или домоводстве – даже уроки какого-нибудь ремесла или искусства. Здесь может быть радиоприемник, из которого будут звучать лекции, речи или патриотические песни. Никогда и нигде я не видел ничего подобного. Есть что-то странное, почти мистическое в лихорадочном стремлении этих людей упрочить свои достижения и уверить себя в том, что у них не отберут эти достижения. И обязательно в каждом доме, магазине, лавке, школе, на фабрике, в клубе, в театре есть один-два коммуниста. Дело хорошо себя зарекомендовавших членов партии – наблюдать за тем, чтобы в каждой группе настроения людей соответствовали советской идее. Их называют «партийными работниками», и, чтобы сделать карьеру в политике и таким образом приобрести власть и высокое положение (в России это единственный путь к власти и высокому положению), ты должен быть коммунистом, хорошо зарекомендовавшим себя в партии, готовым выполнить любое дело, которое тебе поручат (и с длинным списком поощрений за работу в той или иной области). В «Ленинских уголках» повсюду блистают эти партийные работники. Находясь в России, я все время размышлял о том, что предвещает в будущем всему миру пропаганда коммунизма – вера в будущее партии и рабочего в России. Мне интересно, что же это даст.

В этом здании находилось общежитие для учеников и молодых рабочих (многие из них осиротели во время Великой [Первой мировой] войны), которых советское правительство обучает, чтобы они стали квалифицированными рабочими. Они также вынуждены выдерживать почти монастырский режим. Их ждут ранние или, по крайней мере, регулярные побудки, следование полезным привычкам, усердие на политических, а также практических занятиях. И за всем этим наблюдает местный Совет, который дает им шанс продвинуться в их духовном и нравственном развитии в правильном направлении. «Да разве может католическая церковь сделать больше этого?» – спрашиваю я вас.

Мы обнаружили, что один из ребят находится дома – в длинной, чисто убранной комнате, где стояло в ряд несколько удобных железных кроватей. Это был крепкий смуглый парень лет 16 со светло-кариими глазами и вздернутым носом. Он сказал, что приехал из Белоруссии, что его брат работает на заводе в Ленинграде, а его семья слишком бедна, чтобы поставить его на ноги, поэтому его брат позже забрал его в фабричную школу. Он учится на слесаря (4 часа работы и 4 часа учебы в день), получает 22 рубля в месяц и платит 2 рубля в месяц за место в комнате. Каждые три месяца его заработная плата увеличивается, и он надеялся, что через несколько лет будет получать хорошую зарплату – может быть, 200 рублей в месяц. Он писал письмо домой семье, и после некоторых колебаний смущенно согласился дать нам его прочитать. У него был красивый почерк; письмо начиналось словами «Дорогие мои». Он писал, что очень доволен тем, что оказался в этой школе, что

условия жизни здесь куда лучше: «Я живу с двумя парнями в большой чистой комнате с центральным отоплением, у меня здесь удобная кровать, на которой спать куда лучше, чем дома на полу». *Можно ли удивляться тому, что молодой русский рабочий стоит за Советскую Россию – или что он, скорее всего, будет делать то, что ему велят: если надо, пойдет воевать и умрет за свою родину?*

Затем мы посетили несколько симпатичных на вид новых зданий, которые я заметил еще в первый день. Это очень большие бетонные дома, соединенные между собой арками и покрашенные в привлекательные тона; при каждом доме есть большой двор. Рядом находились *старые дома* рабочего класса *старой России*, ветхие одноэтажные домишки, буквально распадавшиеся на части. Но внутри новых зданий я столкнулся с уже знакомым русским запахом. Этот едкий запах состоял из «ароматов» капусты, овчины и табака. В трехкомнатной квартире жили две семьи, у них была своя (а не коммунальная) кухня и свой туалет, но не было ванной. В квартиру вошла соседка, которая пригласила нас зайти к ней и посмотреть ее комнату. Я отметил для себя, что во всем мире людям свойственно гостеприимство. Мы пошли за ней в ее комнату, которая, оказывается, находилась в другом, соседнем доме и тоже в трехкомнатной квартире. Она жила в этой комнате с мужем и дочерью-старшеклассницей. *Оказавшись дома*, она стала с горечью жаловаться на то, что у ее дочери нет отдельной комнаты, и обратила наше внимание на сырую стену. (Эти дома, как и большая часть домов в Ленинграде, *были* построены на болотистой земле, и сырость, должно быть, является здесь большой проблемой.). Мы поспешили скрыться от жалобно причитавшей женщины. «Спасибо, – сказала она, – что вы пришли посмотреть, в каких условиях мы живем; надеюсь, что вы сможете что-то для нас сделать». Видимо, она приняла нас за какую-то инспекцию.

Сопровождавший нас начальник отдела сказал, что по программе строительства на следующий год будут обеспечены жильем 15000 человек.

Вечером я отправился в «Совкино» на частный показ трех картин ²⁵³. Они рассказывают о... *Одна – о сельской жизни, жизни в русской деревне; это по-настоящему красивая картина с лучшей киносъемкой, которую я когда-либо видел. Хотелось бы, чтобы ее показали в Америке. Другие два фильма связаны с войнами между «красными» и «белыми» в 1918–1922 годах, когда войска Деникина, Юденича и других наймитов Англии, Японии, Франции и Соединенных Штатов вторгались в Россию* ²⁵⁴. *(Прекрасная награда за недавнюю прежнюю поддержку Антанты.) Это очень интересные картины – очень. Одна, в частности, о «красном» матросе, который впоследствии стал командиром полка. Теперь он отрезан от основных сил и пытается пробиться к Черному морю, чтобы там помочь Красной Армии. В фильме показано, как он был одурачен привлекательной женщиной, возглавлявшей банду, и что он потом с ней сделал (убил ее).*

Вторая картина, тоже военная, рассказывает о противостоянии людей из специальных служб, или шпионов, из двух армий – Красной и Белой. Хотя вначале казалось,

²⁵³ «Совкино», Всероссийское фотокинопромышленное акционерное общество «Советское кино» – советская фотокинематографическая государственная организация и кинокомпания. «Совкино» было создано Постановлением СНК РСФСР от 13 июня 1924 года. «Совкино» получило права на импорт, производство и монопольное право на прокат кинофильмов на всей территории СССР. Ликвидировано в феврале 1930 года (*пер.*).

²⁵⁴ Антон Иванович Деникин (1872–1947) – русский генерал, участник Первой мировой войны. После революции в России был заключен в тюрьму за поддержку восстания против социалистического правительства, но бежал и создал на юге России свою армию. До 1920 года Белая армия Деникина, противостоявшая Красной Армии, была самой мощной антибольшевистской силой. Николай Николаевич Юденич (1862–1933) – русский генерал, участник русско-японской войны и Первой мировой войны. В 1919 году командовал подразделениями Белой армии, которые базировались в Прибалтике; его атака на Петроград в том же году была отбита Красной Армией. Обоих генералов в 1918–1919 годах поддерживали Англия и Франция, предоставившие им войска, оружие и боеприпасы.

что «красный» шпион обязательно расстанется с жизнью, он в конце концов все-таки одолел «белого».

29 нояб. 1927 года, вторник, Ленинград, Hotel Europe

Утром я посетил резиновую фабрику «Красный треугольник», самую крупную в России. Мы пришли в кабинет ее красного директора (это человек, который вышел из рабочих и обучался при новой власти). Александр Адамович Иснен, невысокий грузный мужчина с закрученными усами, густыми бровями и острыми, пронизательными глазами на широком добром лице. Директор был одет в старый серый мешковатый костюм и темную рубашку. Он прихрамывал. Иснен проработал на фабрике 21 год рабочим и только после революции поднялся до директора.

На фабрике работают 16000 человек. Здесь осуществляется весь процесс производства резины. Производят *шины, перчатки, детали машин* — Бог знает, что еще, но больше всего резиновых галош. В небольших количествах, только для обеспечения потребностей страны, производят резиновые шины. Политическая работа на всех предприятиях проводится одинаково.

— Ваша фабрика — только одна из резиновых фабрик *России* ?

Да, это одна из четырех таких фабрик Всероссийского Резинотреста, одна есть в Москве, еще одна — в Одессе.

Наша система организации отличается от тех, что существуют на заводах в Соединенных Штатах. Мы не продаем нашу продукцию, мы только производим и не имеем никакого отношения к продаже. *Продажи организует правительство.*

— У вас работают иностранные специалисты?

Все 108 наших инженеров — русские, но у нас были специалисты из Америки, и мы регулярно направляем людей в Америку изучать дело и учиться.

— А разве не лучше было бы разделить такой большой завод на несколько меньших? Вопросы транспортировки?

Если бы все сырье было российским, то было бы лучше, чтобы завод был ближе к центру, но 90 % материалов импортируется — в основном по воде.

— Но разве Одесса для этого не лучше, ведь этот порт работает круглый год?

Но Одесса тоже далеко от центра, да и наш порт большую часть года открыт. Что касается технологии, то в целом мы в курсе общемировых методов работы. В прошлом году мы хотели купить в Америке материала на полтора миллиона рублей, но у нас не хватило денег.

— А Рыков говорит, что производство в России в два с половиной раза дороже, чем где-то еще. Это правда?

Нет, не так сильно. Здесь немного дороже.

— А почему ?

Потому что у нас много расходов, неизвестных за границей. На каждый рубль производства мы тратим 32 % на социальное обеспечение наших работников, на страхование, отпуска, отпуска по беременности, культурную работу.

— Сколько вы получаете?

225 рублей. Плюс четырехкомнатная квартира. Есть рабочие, которые получают больше меня.

— Сколько получает лучший технический работник?

600 рублей в месяц и жилье.

— А самый низкооплачиваемый работник?

60 рублей. У нас здесь есть система повременной работы, и только 18 рабочих получают всего по 2 рубля в день. У нас восьмичасовой рабочий день, а на опасных и вредных работах — шестичасовой.

— Вы при царе были рабочим. Стал ли сейчас ваш рабочий более квалифицированным, более грамотным, чем раньше?

Квалификация рабочих за 10 лет не могла сильно измениться, но у нас есть технические школы для обучения новой армии квалифицированных рабочих, которые займут места стариков. До революции 60 % рабочих этого завода были неграмотными, сейчас – только 1 %. 51 % работников составляют мужчины, 49 % – женщины.

– Какова производительность труда женщин, если сравнивать с мужчинами?

У нас есть такие виды производства, которые требуют женского труда, где нужна не столько физическая сила, сколько тонкое мастерство. В *этом отношении они, конечно, лучшие мужчин – они могут делать мелкие, тонкие вещи, которые мужчинам так хорошо не удаются.*

– То есть вы считаете, что женщинам нужно платить столько же, сколько мужчинам?

Безусловно. У нас нет никакой разницы в оплате труда, как в капиталистических странах, где женщин берут на работу потому, что у них меньше зарплата.

А как и чем живет общество в Америке?

– Главной заботой американского правительства является благосостояние масс, так что американские рабочие – самые обеспеченные в мире.

Когда вы разбираетесь в том, чего достигла Россия под властью простых рабочих – несмотря на то, что здесь никогда не было развитой капиталистической системы, что у нас была империалистическая война, революция, гражданская война и голод, – как вы думаете, чего могла бы достичь советская власть, если бы Россия была до революции индустриально развита, как Америка?

Я ответил, что знаю, что Россия совершила и что она может сделать еще больше – и сделает. Однако поскольку он стал нападать на Америку, я подробно рассказал о бескорыстной работе американских ученых и достижениях американских финансистов в создании промышленности, о 50 %-ном подоходном налоге, о пожертвованиях богачей своей стране, о выходе социальных условий на новую высоту... «Возможно, следующим шагом, – добавил я, – будет советская система, и я уверен: если с этой системой познакомить американские массы, они могли бы ее принять».

Разве *эти шаги* не предпринимаются только для того, чтобы укреплять капитализм и обманывать массы?

– Нет.

Затем директор лично провел нас по фабрике. Она занимает в длину 40 верст²⁵⁵. Я, конечно, не осмотрел всю фабрику, но мы ходили по ней почти два часа и видели процесс подготовки сырого каучука и всевозможные изделия, которые производятся из резины: трубы, канистры для воды, шины, гребни, детали телефонов, водонепроницаемые ткани, резиновые мячики и куклы, галоши, которых хватит на то, чтобы обусть всю Россию, новую систему Форда²⁵⁶, при которой над одной галошей работают от 8 до 36 человек. В *какой-то момент* директор любезно завел меня в комнату, где несколько девушек с невинным видом натягивали на черные палки *резиновые средства защиты (мужские «пальто»)*. Это напомнило мне анекдот про то, как мужчина пришел в аптеку и купил одно такое изделие, потом через 30 минут вернулся и купил два, потом полдюжины, и наконец, *покачиваясь*, снова вернулся в аптеку и купил шесть дюжин «резиновых изделий», сказав, что решил остаться на всю ночь. Пока мы шли с красным директором по проходу, я рассказал ему эту историю, вызвав его громкий смех. *Как я заметил, мой красный гид* Тривас также очень заинтересовался этим производством.

Когда мы вернулись в кабинет директора, он приказал принести чай и бутерброды с копченой колбасой, а я снова поднял тему его зарплаты.

²⁵⁵ Верста – русская мера расстояния, 1 верста приблизительно равна 3500 футам, или 1,07 км. Здесь явная ошибка Рут Кеннел в размере фабрики (*пер.*).

²⁵⁶ Имеется в виду конвейер.

– Так это правда, что вы получаете всего 225 рублей?

Да, и кроме этого у меня есть право круглосуточно пользоваться одним из заводских автомобилей – как для деловых, так и для личных нужд.

– А почему советский директор получает 225, а не 1000 рублей?

Маркс сказал, что бытие определяет сознание. Если бы я как директор получал в десять раз больше, чем рабочие, это бы психологически меня от них отдаляло.

– Вы хотите быть рядом с рабочими как коммунист или как человек?

Наша политика состоит в том, чтобы *расти вместе* с ростом сознательности масс.

– А если бы у вас был выбор, то что бы вы предпочли: сидеть на лавочке или здесь, в кресле директора?

Лично я думаю, что в наших условиях легче быть рабочим, чем руководить фабрикой.

– Вы не ответили на мой вопрос.

Я – член партии, по происхождению – рабочий, в нынешних условиях – директор. Я должен решить, где я буду более полезен, и работать там. Я считаю, что принесу больше пользы правительству как директор, чем как рабочий.

– Но чего вы хотите как человек? Оставим в стороне весь этот ваш долг перед партией и т. д., и т. п.

Очень хорошо, вот я отложил в сторону все соображения о партии и т. д., и т. и. Остался человек по фамилии Янен²⁵⁷. Пусть г-н Драйзер ответит на один вопрос: верит ли он как писатель в то, что можно смотреть на человека только с человеческой точки зрения, независимо от его окружения?

– Да. Я вижу человека как единицу в массе. Есть масса и есть единица. Нельзя их смешивать.

Почему вы писатель?

– Я родился писателем.

Ну, тогда я родился директором.

Я со смехом повернулся к Тривасу, с которым заключил пари, что Янен не ответит на мой вопрос. «С вас пять копеек!» – сказал я. И он заплатил.

Поскольку он снова начал нападать на Америку как на грубую, материальную, реакционную страну, я разразился патриотической речью о долге России перед Америкой за ее промышленные технологии, машины и т. д.

Янен: Есть такая пословица – «Вначале ничего не было». Бог создал первого человека и повесил его на стену сохнуть. Откуда Америка получила знания о капиталистической системе? Америка – страна интернациональная. Ее капиталисты, ее финансисты, ее ученые прибыли из разных стран мира. Ее капиталисты, как вы говорите, вначале были никем, вот почему Америка – это демократия. Они были бедными иммигрантами, которые приезжали в Новый Свет, рискуя всем, а там богатые природные ресурсы дали им возможность развивать дело и создавать промышленность. *А без этого где бы были ваши капиталисты? Без наших капиталистов, наших финансовых гениев, наших изобретений и всего такого стала бы Америка Америкой?*

Я ответил, что прослеживал, как поднимались наши финансовые гиганты и их предприятия – Корнелиус Вандербильт и железные дороги; Джей Кук и финансирование [северян во время] гражданской войны; Джон Д. Рокфеллер и нефтедобыча; Пульман и его спальный вагон; Карнег с его сталелитейной промышленностью и библиотеками; Форд и его автомобиль; Херст; Крокер, Стэнфорд и другие; железнодорожная компания Union Pacific; компания Armour и мясоперерабатывающая промышленность – это очень длинный список. Я кратко рассказал о том, что они сделали для страны, которую нужно было развивать – и которую быстро развивали гении, действовавшие индивидуально и ради

²⁵⁷ Выше Драйзер представил его как Александр Адамович Иснен. Ни под той, ни под этой фамилией не удалось найти директора фабрики (пер.).

собственной выгоды. Я настаивал на том, что сильный ум обладает такими мощностями и способностями к работе, которых нет у слабого ума – и которым последний должен подражать (меньше всего я имею в виду эксплуатацию и тиранию). Лев и ягненок должны лежать на разумном расстоянии друг от друга. Но директор со мною не согласился. Капиталиста нужно стреноживать – или запрягать, как лошадь, и вынуждать влечить тяжелое земное бремя ради маленького простого человека. Здесь, в России, это так. Если человек хочет занимать какую-то должность, то он должен служить за ту же зарплату, что и маленький человек. Я согласился, что эту идею можно осуществить, если пролетариат продолжит поддерживать в стране вооруженную диктатуру и не поддастся на обман со стороны сильного человека большого ума. Полагаю, это можно реализовать, если отлавливать всех молодых людей (как это делает католическая церковь) и психологически обрабатывать их сильные и слабые мозги так, чтобы они считали, что коммунизм прав – и это есть единственная истина. Не уверен [что это возможно]. Вот природа не является ни полностью коллективистской, ни полностью индивидуалистической. То тут, то там встречаются животные-индивидуалисты, а также коллективное стадо. Оба вида имеют право на жизнь, вот только преуспевают в стаде, животные-индивидуалисты, угнетающие других.

– И потому их нужно истреблять, – вставил он.

– Хорошо, – ответил я, – тогда отбирайте своих детей на раннем этапе жизни (до того, как их отберет и обучит религиозный деятель или индивидуалист) и учите их «убивать индивидуалистов».

– Мы будем ловить индивидуалистов и учить их верить в коммунизм.

«Только как этого добиться?» – заметил я, но написал на своей книге: «Я побеседовал с умным человеком и многому у него научился». Он взял мой адрес, чтобы меня разыскать, если ему когда-нибудь разрешат въехать в Америку.

Вечером мы снова поехали в «Совкино» и посмотрели две превосходные картины – «Шторм»²⁵⁸ и «Бабы рязанские»²⁵⁹. «Шторм» – это история из времен гражданской войны на юге страны. Русский матрос принимает участие в Октябрьской революции в Петрограде, а затем командует отрядом «красных» на юге. Во время перехода они задерживают небольшую банду, которой руководит молодая, привлекательная и храбрая женщина. Она начинает испытывать на матросе свое обаяние, и, вопреки советам своего помощника, командир разрешает ей поселиться в их комнате. Между ними возникает связь, за которой с неодобрением наблюдает молодой помощник. В одном из захваченных ими городков она подговаривает своих бандитов, которые присоединились к отряду, ограбить прежнего владельца дома, в котором они квартируют. Молодой помощник командира застаёт их на месте преступления, и женщина его убивает. Когда командир узнает об убийстве, это его потрясает, он мучается угрызениями совести и отдает себя на суд своих людей как человека, который предал друга из-за женщины. Солдаты не хотят его наказывать, они приводят к нему бандитов во главе с женщиной, и матрос сам отдает приказ их расстрелять. Сюжет очень интересен и тщательно проработан, съемки хороши, да и с технической стороны фильм превосходен.

Вторая картина – это просто шедевр. Никогда не видел такой прекрасной операторской работы. Фильм захватывает, очень реалистичны сцены и характеры героев. Место действия – деревня в Рязанской губернии. Главный герой – крупный, упрямый старик-крестьянин с длинной бородой и пронзительными жестокими темными глазами, который железной рукой ведет свое хозяйство. Старший его сын погиб на войне, которая все еще продолжается (1916 год). Отец принял в свой дом его жену, которая теперь живет с ним и его женой. Младший

²⁵⁸ Что за фильм, неясно. Возможно, не сохранился (ред.).

²⁵⁹ «Бабы рязанские», режиссер Ольга Преображенская (1927).

сын, уже взрослый, живет с отцом и сестрой, своенравной девушкой с таким же сильным, как у отца, характером. Она влюбляется в кузнеца и уходит к нему, не получив благословения отца, что по обычаям старой России означает, что этот брак незаконный. Отец собирается женить сына и приглашает в свой дом девушек со всей округи, чтобы выбрать ему жену. Случайно на смотрины попадает девушка из соседней деревни, которая уже знакома с его сыном и нравится ему. Старику она тоже приглянулась, так что он выбирает ее в жены сыну. Следует веселая свадьба, молодые счастливы, но вскоре молодого призывают на войну, и в доме остается старик с тремя женщинами, на плечи которых ложится все хозяйство. Через три года приходит известие о смерти сына, и отец сразу начинает в открытую оказывать знаки внимания молодой вдове. Это замечают две другие женщины, и на голову невинной вдовы обрушивается незаслуженная ненависть. Приходит день, когда старик набрасывается на невестку, насилует ее, и она рождает ребенка. В это время приходит известие, что сын старика жив и возвращается домой. Молодая женщина оказывается в ужасном положении; две другие ее ненавидят, вся деревня ее презирает как аморальную, она с ужасом ждет возвращения мужа. Когда он приезжает, женщины, несмотря на то, что им прекрасно все известно, рассказывают ему об измене жены и о том, что она родила ребенка неизвестно от кого. Он прогоняет жену. В отчаянии она бежит к реке, на берегу которой происходит в это время весеннее гулянье, и бросается в нее. Когда ее тело приносят в дом, туда приходит блудная дочь старика. Она забирает ребенка, говоря, что отдаст его в детский дом, и просит брата сообщить об этом отцу ребенка – их отцу. Она выходит из дома и идет с ребенком по дороге. Сын, который наконец понимает, что здесь произошло, поднимает руку на отца. За исключением небольшой сцены в детском доме, фильм – само художественное совершенство. Колышутся поля пшеницы, зреющей под лучами солнца, живописны костюмы крестьян, хороши деревенские улицы... И как всякая серьезная картина «Совкино», эта тоже имеет социальную направленность.

После сеанса чиновник из объединения «Совкино» по фамилии Тимофеев показал нам клуб на 400 человек – работников Ленинградского отделения «Совкино», которое руководит 800 кинотеатрами в губернии. Это был большой клуб, где велась работа по всем видам деятельности и секциям, которые можно найти в каждом рабочем клубе по месту работы: стенгазеты, газеты, «Ленинский уголок», радио, конференц-зал, библиотека, тир, медицинский корпус, работа с деревней, помощь бездомным детям и т. д. Следует отметить, что все в жизни рабочего строится вокруг его рабочего места: прежде всего это сама его работа, затем страховой отдел по месту работы, местная ячейка Коммунистической партии, медицинский диспансер, отдел культуры, затем его профсоюзный клуб, который не только имеет образовательные кружки, но и дает развлечения и т. д.; работник также голосует по месту своей работы. Как рассказал Тимофеев, он только что вернулся со встречи на заводе, где 800 молодых коммунистов собрались для того, чтобы обсудить, какие картины им нужны. Это была большая дискуссия, в которой приняли участие представители «Сов-кино». Накануне вечером состоялось еще одно большое собрание на резиновой фабрике «Красный Треугольник», где рабочие выражали свои требования к фильмам и критически отзывались о прошлых достижениях. В частности, они хотели видеть больше картин о молодежи и о жизни на селе. Сотрудник сказал, что «Совкино» выделит главные требования публики и постарается их выполнить.

30 нояб. 1927 года, среда, Ленинград, Hotel Europe

Ленинград в чем-то интереснее Москвы, а в чем-то менее интересен. Здесь улицы намного шире и имеют более регулярную планировку, поэтому, а также благодаря тому, что город разделен на острова достаточно широкими водными путями, его виды более впечатляющие. Водные артерии всегда позволяют увидеть город в таких ракурсах, которые без воды просто не существуют.

Что касается моей свиты – группы, которую мне здесь выделили, то это внимательные и доброжелательные, но немного скучные люди. Есть много строго

определенных вещей, которые Советы решили обязательно продемонстрировать иностранцам – обычно (я бы даже сказал «всегда») они отражают трудовые свершения советских людей. Поэтому меня тянут и туда и сюда, и все это быстро, очень быстро. А вот прикоснуться к личной, обыденной жизни города или почувствовать ее – не тут-то было. Побездельничать, помечтать где-нибудь вне мест на маршруте – на это нет и часа.

А теперь о Тривасе, моем основном гиде. Какой же это ловкий приспособленец-еврей! Я уверен, что в глубине души он не больший коммунист, чем я, но зато все время о нем [коммунизме] говорит. Вдобавок, по-моему, он делает какие-то деньги на стороне. Утверждает, что получает всего 225 рублей в месяц, но, если только мои догадки не ошибочны, он имеет навар со счетов, которые собирает и столь бережно хранит. Но если заговорить с ним – о, что творят казнокрады и частные концессионеры, эти змеи, которые проникли в сердце великой Советской системы. Расстреливать их надо. Но что он сам мелкий жулик... об этом я не только догадываюсь, а имею веские основания так полагать.

Примерно в 11 в этот день начались порой утомительные – для меня – экскурсии. Музеи – Бог мой! – какими невыносимыми они могут стать! А сегодня должны были быть (в основном) музеи.

Эрмитаж, музей сокровищ искусства, примыкающий к Зимнему дворцу Наш гид, Александр Васильевич Суслов²⁶⁰, интеллигентный человек, дал очень интересную информацию о различных произведениях искусства. Первые залы были посвящены старинным орнаментам и украшениям пятого-шестого веков, найденным при раскопках в Крыму Это изделия филигранной работы из чистого золота – некоторые из них настолько крошечные, что их с трудом можно разглядеть. В экспозиции выставлены царские регалии из драгоценных камней, бриллианты, жемчуг, рубины, изумруды, которые, наверное, можно было бы с легкостью продать, чтобы купить трактора, не [сильно] ограбив при этом мир сокровищ искусства. Выставлена большая часть огромной коллекции камей, принадлежавших Екатерине Великой, – некоторые из них сделала сама императрица. Благодаря ее интересу к искусству здесь собрана замечательная коллекция живописи, например, 40 картин Рембрандта, Рубенса, Рафаэля, Леонардо да Винчи, Коро – зал за залом с редкими картинами. Миновав границу старого музея, мы вошли во дворец, который теперь также является музеем. Из окон салона Екатерины мне неожиданно открылся прекрасный вид на реку и на ее другой берег, где возвышался собор Петропавловской крепости с его высоким и тонким шпилем, сияющим на солнце, которого до этого мы в Ленинграде не видели. С другой стороны окна больших залов выходили на площадь, которая была местом величайших сражений революции 1917 года. Сейчас на ней проходят официальные демонстрации, как на Красной площади в Москве.

После окончания нашего тура я присел отдохнуть внизу, в вестибюле.

Из Эрмитажа мы отправились на кинофабрику «Совкино». Сейчас это крупнейшая из киностудий «Советского кино» в России, хотя в Москве ныне строится еще большая. Эта же занимает около семи акров [2,8 га] и по существу является небольшой имитацией подобной студии в Голливуде. Они говорят, что готовятся делать великие дела – и уже по этому выражению вы понимаете, насколько серьезно они себя воспринимают. Большие зарплаты здесь не допускаются, как не принято строить и виллы-дворцы для режиссеров и кинодив. Директор всей киностудии – г-н Гринфельд²⁶¹, еврей – получает только 300

²⁶⁰ Возможно, автор книги Суслов А. В. Комнатное убранство Эрмитажа. Л.: Комитет популяризации художественных изданий при Государственной Академии истории материальной культуры, 1929. 62 с.: ил. Кроме того, в коллекции Эрмитажа есть рисунок А. Н. Бенуа: Александр Васильевич Суслов, 1921 год. Пер.

²⁶¹ Натан Яковлевич Гринфельд (1884–1962) – деятель советского кинематографа, дипломат. С 1900 года принимал участие в революционной деятельности, подвергался арестам и ссылкам, бежал, жил в США и Европе. В 1922 году возглавил российскую торговую делегацию на Генуэзской конференции, в 1923 году был назначен торгпредом и представителем по культуре во Франции. В 1927 году вернулся в Ленинград, назначен членом правления «Совкино» и директором Ленинградской кинофабрики «Союзкино» (впоследствии

рублей в месяц, самая знаменитая звезда – 300 рублей в неделю. Но все равно и тут есть автомобили, мальчики на побегушках, ассистенты и помощники ассистентов – все то же грандиозное шоу и подчиненность, которые возникают всюду, где чувствуют свою значимость. Абы кому сюда не попасть. Они могут сколько угодно называть друг друга «товарищ», но я-то вижу, что низестоящий «товарищ» снимает шляпу, кланяется и расшаркивается ровно так же, как и всюду. Равенство – радость бедного неумехи. А тут он собирается верховодить... Ну да поживем – увидим.

Главное здание до революции представляло собой огромный увеселительный центр с катком и другими аттракционами. Бывший каток теперь преобразован в основной постановочный павильон, где можно одновременно снимать 40 фильмов. Здесь есть декорации для съемок как уличных сцен, так и интерьеров, рядом снимаются сцены крупным планом, например офицер Красной Армии с револьвером. Реквизиторские похожи на огромные захламленные магазины: всевозможные разновидности мебели, картины, посуда... В отдельном здании была только что завершена отделка особо светлых комнат, в которых местный скульптор будет изготавливать муляжи, статуи и тому подобные предметы для декораций. Используя дерево, покрытое штукатуркой, он очень хорошо имитирует структуру камня.

К тому времени, как мы вернулись в удобный кабинет, сюда приехал директор Гринфельд – человек среднего возраста и небольшого роста, трезвомыслящий еврей, который свободно говорит по-английски. Его очень позабавила моя просьба подать водки и мое удивление тем, что, оказывается, кинофабрика может работать без оной.

Он говорит, что работает по 16 часов в день, на этой должности – только три года. Наконец нашлась водка, и я выпил ее с чаем, открыв таким образом новый замечательный напиток. Затем мы прошли в студию, где были засняты на пленку.

В 6 [вечера], как обычно, мы пообедали в ресторане отеля. Я пытался убедить хоть кого-то отвезти меня в Ленинграде в простой русский ресторан, но нет: иностранцы должны видеть только грандиозное – и показуху на грандиозном.

В семь у меня было интервью.

Интервью с Платоном, кардиналом реформированной русской православной церкви²⁶². По моей просьбе оно было организовано ленинградским отделением БОКС, советского Общества культурной связи с заграницей. Причина, по которой я хотел поговорить с Платоном, состояла в следующем. Я слышал, что при поддержке советской власти он пытался изнутри реформировать православную церковь и сдвинуть ее – насколько это возможно – к такому состоянию, чтобы ее приверженцы по крайней мере не были бы враждебно настроены к социалистической советской интеллигенции и социальным программам. И я слышал, что пока ему удалось охватить треть последователей православной церкви, и что вне зависимости от того, насколько лично он преуспел или не преуспел в этом предприятии, похожее, возглавляемое им движение побудило остальных православных лидеров и их паству стать на – или принять – более либеральную – или менее догматичную религиозную точку зрения... Ну а теперь – само событие.

Вошедший Платон был в простой длинной черной рясе. Его длинные каштановые волосы ниспадали на плечи, длинная борода окаймляла спокойное красивое лицо с большими блестящими серыми глазами. Как это часто бывает у священников, выражением

«Ленфильм») (пер.).

²⁶² Николай Федорович Платонов (1889–1942) – видный деятель обновленчества, обновленческий митрополит Ленинградский. До 1923 года – священник Русской православной церкви, в 1938–1941 годах – на антирелигиозной работе. То есть питерский БОКС от греха подальше привел Драйзера к «обновленцу», тактично писателю об этом не сказав. Не удивительно, что Драйзер здесь и далее ошибочно называет Н.Ф. Платонова «архиепископом Платоном» или «кардиналом Платоном», и, как пишут отечественные исследователи, «эта ошибка долго воспроизводилась без всяких комментариев в американских и российских изданиях Драйзера» (пер.).

лица он напоминал Христа.

- Сколько людей принадлежало к старой русской церкви?
- 80 % населения.
- Это была национальная религия?
- Да, она была обязательной для всех граждан.
- Вы представляете всю русскую церковь или только ее часть?
- Только часть.
- Какая доля населения принадлежит сейчас к вашей части?
- 32 % верующих – это мои последователи.
- Какая доля населения относится к старой церкви?
- Две трети – к старой, одна треть – к реформированной.
- Какая часть населения ходит сейчас в церковь?
- 50 % прежних прихожан.
- Другими словами, вы считаете, что 50 % из прежних 82 %?
- Да.
- Почему ваша часть отделилась от старой?

После Октябрьской революции положение церкви не соответствовало новому порядку. Руководители *старой церкви* думали использовать религию для построения христианской жизни в согласии со старой верой. Руководство церкви вступило в конфликт с новой формой правления. В результате произошел полный *разрыв* со старой церковью, и *это* вызвало политический террор со стороны правительства. Общие направления деятельности старой церкви после 1917 года были изложены в решениях Конгресса старой церкви²⁶³. Тихон, ее лидер, заявил, что хочет спасти Россию. После обсуждения некоторые из руководителей церкви обратились в 1922 году к Тихону с петицией, в которой заявили, что если он продолжит старую политику, то это окажет очень плохое влияние на русскую церковь. Патриарх ответил, что до созыва нового Конгресса он отречется от престола. Я должен сказать, что эта петиция была вызвана желанием организовать церковь так, чтобы она более полно удовлетворяла живые потребности масс.

- В чем состояли новые принципы этого движения?

Так называемая реформированная церковь есть результат движения, которое началось в 1905 году, и эти люди были его последователями. Чтобы понять линию церковного движения, необходимо напомнить, что лучшие представители новой церкви в 1905 году хотели очистить умы людей от суеверий и уделять меньше внимания формальностям. Новое руководство имело новое социальное мировоззрение, а также новый взгляд на религию, и по этой причине определенное число людей не присоединилось к новой реформированной церкви. Религиозная масса была реакционной и консервативной с политической точки зрения; некоторые из лидеров были орудием царского правительства и потому выступали против идеи политических изменений. Неграмотные массы утверждали, что новая церковь была политической попыткой Советского правительства уничтожить их церковь. В нынешнем *положении* правительство не интересуется *моей* церковью, и *моя* церковь не имеет никакого отношения к правительству.

- Позволит ли государство *вашей* церкви развиваться по вашему желанию или оно будет вмешиваться?

Я продолжу свое объяснение. Старая церковь поняла, что она должна исправить свои ошибки, и в ответ на анафему Тихона сделала заявление о том, что она принимает социальную революцию и поддерживает Советское правительство. Поэтому Советское

²⁶³ Имеется в виду Поместный собор Православной российской церкви, или Всероссийский поместный собор, – первый с конца XVII века Поместный собор Православной Российской Церкви, открывшийся 15 (28) августа 1917 года в Успенском соборе Московского Кремля. Важнейшим его решением было восстановление 28 октября 1917 года патриаршества в Российской церкви, положившее конец синодальному периоду в истории Русской церкви (*пер.*).

правительство предоставило полные законные права этой реформированной церкви, и через шесть лет мы можем сказать, что со стороны Советского правительства никакого вмешательства нет, и с нашей стороны также нет никакого вмешательства в дела правительства.

– Что предлагает новая церковь из того, что старая церковь давать отказывалась?

Я должен сказать, что старая церковь не отказывалась и не отказывается от церковных реформ, но в политической борьбе, *которая началась после Октябрьской революции 1917 года, православные лидеры были и остаются настолько занятыми политикой, что пока они ничего не сделали для подлинных реформ.* Старую церковь обычно возглавляли священники из монастырей и епископатов, *которые потеряли идеологический контакт с массами.* Они по-прежнему хотят держать руководство церкви в своих руках, строить из себя мучеников, если власти их преследуют. Одним из идеалов новой церкви является освобождение верующих масс от влияния этой монастырской группы. Но это не означает, что новое движение полностью против монахов, поскольку оно в целом поддерживает систему. Что касается браков в среде священнослужителей, то Конгресс новой церкви позволил женатым священникам законно занимать высокие церковные посты.

– Это то, что вы считаете одной из важных реформ новой православной церкви?

Я понимаю, что вы имеете в виду, и сейчас вам отвечу. С точки зрения догматики – это серьезная реформа. Раньше женатым священникам не разрешалось занимать высшие должности в церкви. С такой догмой Синод новой церкви не соглашается.

Два дня назад завершился Пленум Священного Синода, который прошел в рамках подготовки к следующему Конгрессу. При этом была принята резолюция о женатых священниках – что не должно быть разницы между простыми священниками и высокопоставленными лицами в их правах на вступление в брак.

Конечно, этот организационный вопрос ни в коем случае не означает принципиального различия между новым и старым. Одна из главных целей новой церкви – воспитывать людей, уменьшать неграмотность и, в целом, приближать массы к культуре. Что касается догм, то мы стоим на строгих восточных формах и находимся в тесном контакте с восточной греческой церковью.

– Так что, *не было никаких изменений* в догмах?

Нет. У нас – строго православная церковь. Восточные православные церкви имеют своего официального представителя только при новом Священном Синоде нашей церкви, то есть именно его считают представителем Русской православной церкви.

– Совпадают ли в целом догматы православной церкви и католической церкви?

Многие из них одни и те же, но католическая церковь несколько отошла от старых верований. Восточная греческая церковь ближе стоит к базовым принципам христианства.

– *Для вас папа римский не является наместником Бога на земле?*

Нет.

– *И никогда не был?*

Нет.

– *Но таинства вы в общем признаете одни и те же?*

Да.

– *Исповедь?*

Да.

– *Причастие?*

Да.

– *Крещение?*

Да.

– *Брак?*

Да.

– *Кстати, а ваша реформированная церковь сейчас на подъеме или на спуске?*

Реформированная церковь, в той мере, в которой она признается подлинным

представителем православной церкви, усиливается. Старая церковь признана Советским правительством только в июле 1927 года и теперь будет легализована. Но в *настоящее время* между ее лидерами идет борьба за власть. В реформированной церкви не может быть борьбы за власть, потому что новый план управления помещен не в одну голову, а в головы всех священников высокого ранга, а масса верующих последователей имеет свой голос при избрании первосвященников.

– Значит, вы советизируете церковь?

Нет, мы только возвращаемся к старым церковным обычаям, когда иерархи были избранными представителями общины.

– Но это было только в первые 300 лет *после Христа*.

Сама церковь никогда не разрушала эту систему, это государство ставило своих высокопоставленных чиновников в церковь на властные посты. Теперь, когда церковь снова свободна от господства государства, она опять может ввести эту систему.

– Проводит ли *ваша* церковь какую-либо благотворительную работу ради общества?

В *каждой* из церковных организаций моей веры есть множество прихожан, которые выполняют в своих общинах социальную работу. Кроме того, сами верующие должны заботиться о церкви, делать уборку и т. д. Они также должны служить делу разумного христианского милосердия, помогать своим ближним...

– Что такое разумное христианское милосердие?

Старая церковь не принимала никаких мер к тому, чтобы материально поддержать своих прихожан, мы же стараемся организовать братскую материальную помощь.

– Как вы будете помогать материально? Больницами и т. д., как Советское правительство?

Христианская религия требует проявления братской любви к верующим в частном плане, *но* мы считаем все благотворительные организации старой церкви вредными. Поэтому, когда правительство хотело отобрать у церкви право организовывать благотворительные учреждения, мы договорились с государством.

– Так как же вы тогда помогаете?

Мы не считаем, что это особая проблема и не принимаем активного участия в организации каких-то учреждений, но учим братской любви. Например, когда в Крыму произошло землетрясение, мы не оказали прямой помощи, но, когда правительство обратилось к народу, церковь предложила собирать деньги в церкви и отдавать их в фонд. Во время голода властям потребовалась помощь церквей. Старая церковь сказала, что она отдаст все, если дело борьбы с голодом будет организовано ею самой, в чужие же, неизвестно чьи руки никаких ценностей не отдаст. Но новая церковь сказала: хорошо, что есть государственная организация, которая оказывает помощь голодающим, мы будем помогать через нее.

– *Иными словами, церковь стремится поддержать государство, а не требовать, чтобы государство подчинилось церкви?*

Да.

– *Не значит ли это, что вы отказываетесь от Промысла Божия и от водительства Господа, которому вы молитесь?*

Нет. Идеологические взгляды новой церкви иные. Мы видим Дух Божий – Его руку – в определенных необходимых социальных переменах, переменах, которые противостоят злу и помогают добру. Так, мы верим, что определенные улучшения в обществе могут иметь источником волю народа (и даже могут возникать благодаря социальной революции) и что это может привести общество или социальные условия в состояние, которое будет не слишком отличаться от Царства Божия на земле, которое однажды наступит. Вера в социальную революцию является важным фактом, именно поэтому некоторые покидают новую церковь, потому что они говорят, что восстание – это неправильно, что классы никогда не должны выступать друг против друга. А мы говорим, что восстание угнетенных против угнетателей есть естественное явление общественного развития, и виним не

угнетаемых, а угнетателей. В этом отношении мы продолжаем дело древних библейских пророков.

– А как ваша церковь смотрит на то, что образование детей отдается государству? Или вы хотите как-то на него влиять?

Мы смотрим на это так: умственное развитие личности должно быть добровольным, здесь не может быть никакого принуждения. Следовательно, пока государство заботится об образовании, мы считаем опасным – *пока это образование работает на социальное благосостояние масс – настаивать на главенстве религиозных принципов.*

– Тем не менее не собирается ли церковь влиять на личность человека потом (когда он вырастет)?

Церковь не оставляет ребенка без своего влияния, она влияет на него через христианскую семью. Детям разрешают свободно участвовать в таинствах церкви. Далее, когда ребенок растет и развивается культурно, он начинает интересоваться всеми сторонами жизни, и *вот здесь* церковь должна идти ему навстречу со своей проповедью.

– Ну а если ребенок воспитан в современном духе? Наука, Дарвин, история, философия... Как церковь *может привлечь к себе*, что она ему может предложить?

Если человек, получивший такое образование, не утратил интереса к церкви, то у церкви есть всевозможные материалы для формирования представлений научного характера, в которых он может найти истину. У нас существуют академии богословия, в которых ведется подготовка религиозных ученых.

– Но вы по-прежнему верите в промысел Божий?

Да.

– *Однако насколько я понимаю, нынешняя советская или коммунистическая религия не поддерживает веру в промысел Божий. В Москве я видел лозунг «Религия – опиум для народа».*

Это я знаю. Тем не менее мы верим, что промысел Божий виден во многом – и более всего в идеалистических принципах современного режима.

– *Но современный советский режим не доверяет образованию детей ни одной религии – в том числе и вашей.*

Это правда.

– *И вы с этим согласны?*

Мы являемся практической церковной организацией и не поднимали этот вопрос. Но мое личное мнение состоит в том, что такое обучение общей культуре, истинное культурное развитие, какое сейчас обеспечивается в России, не противоречит религиозному образованию.

– *Если бы образование детей было в ваших руках, то как бы вы начали их воспитывать?*

Естественно, мы не могли бы и не стали бы игнорировать принципы и догматы нашей веры. Но поскольку мы сталкиваемся с таким положением дел, когда ребенку дается хорошее общее образование, мы удовлетворяемся работой в семье – или даже, лучше сказать, влиянием церкви на семью. Когда ребенок подрастает, мы даем ему весь материал «за» и «против», и ребенок сам решает для себя, где правда, поскольку мы верим, что человек должен развиваться самостоятельно.

– Как вы думаете, если человек получил образование в советской школе, то не будут ли ваши догматы входить в конфликт с его образованием, противоречить ему?

Я вам отвечаю так: если человек, получивший обширное культурное и материалистическое образование, не сможет согласиться с нашими догматами, то это значит, что церковь умрет. Но если бы мы верили, что такое может случиться, мы бы не смогли продолжать свою работу, потому что потребность в вере во что-то останется всегда.

– Не думайте, что я задаю глупые вопросы. Я всегда считал, что религиозные чувства не обязательно противоречат науке. В США католические школы ограничивают образование ребенка только теми предметами, которые не вступают в противоречие с религиозными

догматами, коротко говоря, преподаются только практические предметы.

Я это понимаю. Но, как вы видите, здесь возможностей для такого положения дел нет. Нам не разрешают давать образование – только влиять на ребенка, если сможем.

– И все-таки вы верите, что религия не умрет.

Я уверен в этом. Действительно, если говорить о вечном конфликте между гегелевской теорией и религиозной теорией, между теорией божественного разума и материалистического ума, то там, где реализуется тезис материализма, возникает и антитезис – духовное начало.

– А как, по-вашему, не может ли возникнуть новая интерпретация понятия жизни с двух точек зрения – духовной и материальной?

Я изучал философию, но в нескольких словах трудно обсуждать эти вопросы. Думаю, лучше сначала завершить наше обсуждение церковного движения... Итак, сейчас с нами меньшинство, так как мы не ставим перед собой задачи собирать толпы. Мы хотим собрать культурных, образованных людей, которые душой понимают и принимают нашу веру. У нас трудное материальное положение. Старая церковь организует материальный бойкот наших храмов и – где может – даже отбирает вещи у самих верующих, так что мы очень бедны. Но наша организация весьма сильна, имеет связи с иностранными церквями и свои ячейки в заграничных православных церквях. Так что мы уверенно смотрим в будущее.

1 дек. 1927 года. четверг, Ленинград, Hotel Europe

Хотя этот день начался неудачно (наша программа была недостаточно насыщенной для того, чтобы оставаться в городе еще на один день), он оказался очень интересным. Утром мы отправились в Ленинградскую публичную библиотеку, которая считается второй по величине в мире после Библиотеки Конгресса, – в ней 4600000 книг. После революции количество книг в ней удвоилось благодаря национализации крупных частных библиотек. Само здание очень старое; вход в административные помещения был такой дряхлый, что я не сомневался – мы ошиблись адресом. Однако по мере того, как мы проходили через многочисленные залы, их вид быстро улучшался, и в библиотеке стала ощущаться атмосфера былого достоинства и великолепия. На полках, уходящих вверх до самого потолка, теснились бесчисленные тома в кожаных переплетах, а в стеклянных витринах стояли или лежали редкие книги, например вся библиотека Вольтера, купленная Екатериной после его смерти. Тут было много подлинных рукописей таких русских писателей, как Толстой и Достоевский. Я заинтересовался отделом философии, но он был столь огромен, что мне пришлось выбрать какое-нибудь одно направление, и я остановился на черной магии. Меня провели в отдельную комнату, и директор этого отдела и его помощники начали приносить мне ветхие тома по магии, колдовству и т. п. На французском, латыни, древнегреческом. Я с трудом уклонился от сердечной предупредительности библиотекаря, так как у меня не было времени рыться в этих увлекательных старых книгах. В одном из залов располагалась специальная выставка материалов об Октябрьской революции: плакаты, манифесты, газеты и т. п. Интересно было бы ее изучить! Мы посмотрели сверху через окно на длинный читальный зал, заполненный людьми, которые сидели за столами или ждали в очереди у стойки. Совершенно очевидно, что такой читальный зал недостаточно велик, чтобы вместить всех желающих. Сейчас для размещения этой грандиозной библиотеки строится новое здание; оно будет готово через несколько лет. Когда мы уходили, я познакомился со старшим библиотекарем, отцом руководителя [Ленинградского отделения] БОКС, – маленьким пухленьким человеком в очках, который до комичности напоминал своего сына.

На меня произвела большое впечатление советизация этой библиотеки. В кабинете директора библиотеки – большой портрет Ленина, а также портрет Маркса. В читальном зале (главном) – портреты Сталина, Бухарина и др. В одном из великолепных залов – выставка плакатов, картин, брошюр и т. п., имеющих отношение к «Красному Октябрю» и его победе. В библиотеке создан специальный отдел, наводненный книгами по социализму, коммунизму и новой советской идеологии. Короче говоря, интеллигенция лебезит перед

рабочим или крестьянином с ружьем. Все сотрудники, от директора и ниже, чрезвычайно вежливы со всеми – особенно с пролетариями; каждый из них – «товарищ» для всех остальных; Маркс, Энгельс, Джордж и т. п. – величайшие и тончайшие осмыслители бытия и сознания... Словом, интеллигенция сейчас низкопоклонствует перед своими братьями крестьянами и рабочими, поскольку их вооружили и ведут вперед идеалисты, которые говорят им, что они – главные в этой жизни, что хлеб, картошка и искусство должны в первую очередь принадлежать рабочему (на самом деле – ремесленнику) и в последнюю – всем остальным.

О, где же ты, Аристотель?

Нашим гидом был очень заботливый и энергичный молодой человек, который настоял на том, чтобы я осмотрел Академию наук, хотя у меня не было к ней ни малейшего интереса. Но он уже сообщил директору, что мы едем, и я неохотно подчинился при условии, что мы оттуда как можно быстрее сбежим. К счастью, на меня попусту тратил свое время только заместитель директора [вице-президент. – *Ред.*], а не более важная особа, я задал ему несколько вежливых вопросов, а он (человек весьма энергичный на вид, с лихо закрученными светлыми усами) весьма ловко от меня отделался, перебросив нас в Пушкинский дом. Главная причина моего желания побыстрее покинуть библиотеки, академии и музеи состояла в том, что это был первый солнечный день за время моего пребывания в Ленинграде, и город так ярко сиял в солнечном свете, который отражался в снегу и в золотых куполах и шпилях, что было бы преступлением забиваться куда-то внутрь. Шофер откинул крышу машины, и мы все-таки поехали в Пушкинский дом, не собираясь там надолго оставаться. Музей недавно переехал в очень симпатичное серое каменное здание с большими окнами. Экскурсию для нас любезно проводил сам директор²⁶⁴. Я с радостью узнал, что этот музей посвящен не только Пушкину, но и всем русским писателям того периода. Здесь хранились портреты и оригиналы рукописей всех моих любимых русских авторов, но главная экспозиция, конечно, рассказывала о Пушкине, точнее, о разных периодах его жизни от детства до смерти. Оказалось, что его дед был негром и служил при царском дворе; в его портрете действительно проглядывает сходство с Пушкиным. Были тут также картины и статьи о дуэли, в ходе которого поэта убил муж сестры его жены.

Когда мы снова вышли на улицу, зимнее солнце, которое [раньше] на небольшой высоте двигалось по восточному участку неба, уже почти зашло. Мы пересекли по мосту реку и немного проехали по другой части города, чтобы попасть в буддийский храм. Храм, окруженный высокой стеной, своим видом в точности воспроизводит храмы Индии, Сиам и Монголии. Дружелюбный маленький монгол, который моментально вышел нам навстречу, согласился показать интерьер святилища. Внутреннее убранство, столь же странное и выразительное, как и наружная часть изысканного строения, произвело на меня потрясающее впечатление, особенно когда я вошел внутрь и увидел перед собой огромную бронзовую статую. Стены храма были увешаны длинными полосами восточного шелка, справа и слева от двери висели диковинные изображения каких-то китайских фигур. Здесь, в Ленинграде (по-старому – в Санкт-Петербурге), я меньше всего ожидал, что внезапно окажусь в каком-то мистическом индийском храме.

Когда мы в ранних сумерках ехали по городу обратно, нам попался на глаза красный фургон, в котором стоял гроб. За ним шли несколько скорбящих. Гроб был завернут в красную ткань: значит, хоронили коммуниста. *Чуть позади сквозь падающий снег виднелся вытянутый верх голубой с серым купол магомётанской мечети с ее близнецами-минаретами, стоящими перед храмом на широкой платформе, определенно самое прелестное здание из всех виденных мной до того в России. Небо в этот ранний вечер казалось совсем безжизненным – лишь над самым горизонтом в облаках виднелись слабые*

²⁶⁴ В 1925–1929 годах директором Пушкинского дома был русский историк академик Сергей Федорович Платонов (1860–1933) (*пер.*).

розовые отсветы. В воздухе было разлито нечто одновременно веселое и печальное. Я вспомнил об Америке, о Нью-Йорке и стал напевать «Kiss me, Kiss me» Виктора Герберта. Р. К. – а она была со мной – сказала: «О, мне это напомнило Калифорнию. Затосковала по дому, сердце кольнуло, веришь ли – так хочется уехать из России».

В 7 часов вечера мы отправились в Театр юного зрителя. Это один из тех пропагандистских, идеологизированных театров, деятельность которых советский режим поощряет. Они задуманы ради того, чтобы изменить социальную психологию и сознание молодежи. Все это, как я постепенно начинал ощущать, пахло (ну, если хотите, пованивало,) католической церковью и ее политикой в отношении молодежи, желанием постоянно окрашивать ее психологию в свой цвет, я говорил – и повторяю – что Центральный комитет [коммунистической партии] избавился от одной железной догматической веры только для того, чтобы возвести на ее месте другую – и, по-моему, более опасную.

Как бы то ни было, меня с энтузиазмом приветствовали директор Александр Брянцев, маленький человек с круглым честным лицом, мягкими голубыми глазами и жидкой бородкой, которая нелепо смотрелась на его детском лице; худощавый молодой человек – режиссер Евгений Гаккель и, наконец, более внушительно выглядящий мужчина, похожий на Бернарда Шоу, – художник-декоратор Владимир Бейер. В фойе гудела толпа мальчиков и девочек в возрасте от восьми до четырнадцати лет. В этот вечер давали «Разбойников» Шиллера, и режиссер рвался рассказать мне сюжет до начала спектакля. Дело в том, что он несколько перелицевал пьесу, приспособив ее для детей, написал к каждому акту прологи, в которых связал пьесу с жизнью Шиллера, и очень гордился полученными результатами. Зал театра очень хорошо построен, он удобен для молодежной аудитории, широкие кресла стоят полукругом, как в амфитеатре, так что каждый зритель находится недалеко от сцены. Мне очень понравились декорации, обстановка на сцене быстро менялась за счет перемещения длинных серебристых колонн, подвешенных на канатах: они занимали разные позиции и немного меняли планировку. Но мое первое впечатление об игре актеров было очень плохим. Мне *показалось*, что они увлекаются старомодной декламацией, однако после первого акта я начал привыкать к их крикам и пришел к выводу, что стиль игры очень хорошо подходит для пьесы. Судя по оглушительным аплодисментам, смеху, вздохам и слезам, молодой аудитории исполнение понравилось. После первого акта режиссер снова привел нас в крошечный кабинет директора и познакомил меня с педагогом театра, который изучает потребности детей и их реакцию на пьесы. Существуют анкеты, в которых дети высказывают свои мнения. Эти анкеты, а также наблюдение за зрителями во время спектаклей являются основой для соответствующих выводов.

После спектакля мы опять вернулись в кабинет директора, а по пути зашли за кулисы и поговорили с актерами, которые еще были в гриме и сценических костюмах. Они обступили меня и поприветствовали. Одна девушка вышла вперед и сказала: «Мы хотим поехать в Америку». Я ответил им, что мы будем очень рады видеть их всех в Америке, поскольку они показали себя хорошими актерами. В маленьком кабинете режиссера нам подали чай и французские пирожные, и я задал несколько вопросов.

– Какую мораль вы преподаете детям?

Не только коммунистические, но и общие принципы личного поведения; не стремление к личной удаче, а работа на благо общества. Но наша главная цель – не читать мораль, а показывать чистое искусство. Всякое общество состоит из людей, и мы должны научить их жить вместе. Наш театр – Театр юного зрителя, и мы стараемся вдохновляться нашей аудиторией. Мы были первыми на этом пути, но теперь у нас много последователей.

– Не собирается ли советская власть сделать такой театр частью учебной программы?

Это городской театр, и поэтому он не получает прямой помощи от Центра, но нас поддерживает наш местный Совет. (Театр обходится государству в 250 000 рублей в год.) Мы стараемся воспитывать зрителя так, чтобы, когда он вырастет, он смог ходить в новый театр. Местные органы власти пытаются организовать больше таких театров и обращаются к

нам за советами, как распространить эту идею.

– Откуда вы набираете актеров?

Сначала мы, учредители, представляли собой небольшую группу, в нее входили в том числе актеры, которые долгое время мечтали реализовать эту идею. Сначала мы получали деньги от Центрального отдела народного образования в Москве, потом, через два года, – в Ленинграде. В голод ели только хлеб с селедкой. Два года актеры отдавали 30 % своей зарплаты в фонд театра. Директор, уже известный режиссер, работал учителем в школе. Помимо этой первой группы есть целая очередь из актеров, которые приходят к режиссеру и подают заявки на места. Но мы не можем брать случайных людей, мы принимаем только квалифицированных выпускников театральных школ и тех, кто верит в идею детского театра. У нас нет своей актерской школы, но все актеры получают здесь специальную подготовку. Осваивая ремесло актера, необходимо следовать одной сценической линии. Мы следуем системе Станиславского, как и большинство российских театров, включая театр Мейерхольда²⁶⁵. Мы не подражаем ему, а принимаем его понимание основополагающих принципов театра. У актера есть разные способы выражения, он должен передавать эмоции аудитории, он должен иметь правильно поставленную речь. Актеры должны действовать в одном ритме, поэтому важно обучаться вокалу, особенно хоровому пению. Третье требование – движение. Актер должен быть ловким, изящным, и для этого у нас есть обучение ритмической гимнастике, физической культуре, танцам, фехтованию, акробатике. Каждый день перед репетициями мы проводим по два урока. Согласно закону о профсоюзах, рабочий день актера не должен превышать 6 часов, но наши актеры работают по 8 часов и даже больше. Каждый вечер проводятся специальные встречи для обсуждения всех аспектов работы.

Что касается декораций, то мы их не создаем специально для каждой пьесы, но имеем определенный общий набор декораций, который адаптируем под конкретный спектакль. Эта оригинальная идея была разработана мной [режиссером]. Мы выбрали для себя это конкретное здание из-за возможностей сцены. Я остановился на амфитеатре и арене, потому что у меня всегда была идея, что молодежная постановка должна иметь динамичный характер и требовать от актера свободы. Поэтому было необходимо найти такую форму сцены, которая не ограничивала бы выразительность или динамику актера. Чтобы обеспечить непрерывный обзор каждому зрителю, необходим круг. Разумеется, такая сцена не подходит для пьесы, которая требует многочисленных перестановок декораций, поэтому мы добавляем к ней некоторые принципы средневековой сцены.

Затем мы взялись обсуждать нынешнее помешательство в России на советизации всех пьес – выворачивании психологии для прививки коммунистических идеалов. Увидев декорации к спектаклю «Хижина дяди Тома», я поинтересовался, когда и как он ставился, а потом спросил: «Чем отличается ваша постановка от стандартной американской? Или вы все сохранили в неприкосновенности?»

Ответ был «Нет», и я сразу же почувствовал осложнение международной обстановки.

Здесь мы должны приспособливать пьесы к публике. В «Хижине дяди Тома» нужно сосредоточить внимание не на Томе, который является пассивным персонажем, а на активном герое – Джордже. Но, конечно, определенные традиции книги следует сохранить, только направленность меняется.

«Да что вы говорите!» – подумал я, а вслух добавил: «Боюсь, когда об этом узнают наши власти, будут проблемы. Нужно сделать все, что в моих силах, чтобы предотвратить войну».

²⁶⁵ Всеволод Мейерхольд — российский актер и режиссер. В 1902 году по инициативе В. Мейерхольда был организован артистический коллектив «Товарищество новой драмы». С 1920 по февраль 1921 года заведовал Театральным отделом Народного комиссариата просвещения. Основал в Москве собственный театр и студию с режиссерами-студентами, одним из которых был Сергей Эйзенштейн.

Итак... Синклер в этом спектакле не существует. Сентиментальная часть выброшена. Евы нет. (Ой, боюсь, что не смогу я предотвратить войну!) Шелби хорошо относится к неграм, пока не продает Элизу и ее дочь (а не сына!). Их приключения во время побега в пьесе есть, и Тома, Элизу и ее дочь продают на торгах. Но Джордж, Элиза и ее муж убегают, и им помогает заводской инженер (новый персонаж). Он ценит Джорджа, который является хорошим работником. Г-н Легри выкупает дочь и Тома. Том и Джордж помогают Элизе и ее дочери бежать.

(Нет сцены с ледоходом! Я уже не уверен, что хочу предотвратить войну!)

Но зато есть три настоящие собаки-волкодава, и в сцене погони все зрители плачут навзрыд (чтобы уменьшить рыдания, пришлось отказаться от музыки). Легри избивает Тома. Дочь Шелби дает Тому револьвер. Легри продает умирающего Тома, а маленький негр-итенок (Бен) берет револьвер и убивает Легри.

2 дек. 1927 года, пятница, Ленинград. Hotel Europe

Утром я посетил «Красный Путиловец» – большой машиностроительный завод в Ленинграде. Он был построен, как я понял, в 1835 году. До войны, при царе, здесь работало 35 тысяч человек. Сегодня, при коммунистах, – 11 тысяч. Два года назад работало всего 9 тысяч. Они делают двигатели, трактора – точную копию «фордов», а также какие-то специальные машины под заказ. Здесь делают очень крупные и, как мне рассказали, мощные двигатели, но хотя на этом заводе можно занять 35 тысяч человек, заказы на двигатели поступают в Baldwin Co. в США (Фила [Филадельфия], Пенсильвания) и на какую-то крупную компанию в Швейцарии. Я осмотрел завод, что в общем и целом не имело смысла, поскольку я далек от всей этой механики. Мне не понравилась идея преднамеренного хищения фордовского трактора и его копирования. Потом я поговорил с красным директором – человеком, который печется об интересах работников, – и попытался получить общее представление о том, как здесь идет работа. Как обычно, он нарисовал восхитительную картину прогресса, но я, уже зная о том, что заказы на двигатели уходят за рубеж, в эту картину не поверил. Он также сказал, что техническими директорами здесь работают немцы и финны – это тоже ничего хорошего не обещает.

В России слишком много иностранных директоров – и над ними слишком много руководства из местных рабочих – вот к чему все идет. Здесь всегда делается акцент на правах и надлежащем обращении с рабочими и никогда (по крайней мере, мне так показалось) – на самой работе, производительности труда рабочих, их технических навыках или темпе работы. А темп здесь был низким. Слишком много людей тратили время впустую на какую-то несерьезную и легкую работу. Пример: шестеро мужчин толкали по двору тележку – маленькую ручную тележку, на которой лежало три полена. С этим заданием вполне бы мог справиться кто-то один. А когда я поинтересовался, почему это происходит, все, что мне удалось узнать, – это что есть определенные правила профсоюза, по которым в некоторых случаях формирование групп работающих является обязательным, и что эти правила вначале должны быть изменены профсоюзными лидерами в Москве, а уж потом, может быть, что-то удастся изменить и здесь.

Но директор, говоря об общем положении дел, продолжал приводить обычные отговорки. Нехватка машин; нет денег, чтобы закупить их больше, или денег недостаточно, или их выделяют недостаточно быстро. В России не хватает технических специалистов.

– Но тогда, – спросил я, – почему бы временно не сократить программу строительства жилья для рабочих и все эти миллионы, которые идут на новые квартиры и домики со всеми этими улучшениями, не вложить в оборудование?

Советовать легко, но рабочие жили так плохо, что улучшение жилищных условий уже нельзя было откладывать. Кроме того, рабочий не стал бы работать так хорошо, как он работает, если бы его положение не улучшилось. К тому же революция делалась ради улучшения его жизни, поэтому правильно и справедливо, что первые затраты делаются в

его интересах.

– Но можно предположить, что такие траты на все, кроме действительно необходимого оборудования, повлекут за собой неспособность России удовлетворять все потребности всех людей. Разве это не приведет к волнениям и контрреволюции?

Нет, потому что, в общем, положение людей в России не такое плохое. Рабочий знает, что центральное правительство делает для него все возможное и что он должен спокойно подождать, пока дела наладятся.

– Так что для коммунистического правительства это медленное или отсроченное удовлетворение потребностей не таит в себе реальной угрозы?

Думаю, что нет.

Я распрощался с ним после еще одного пассажа, в котором он объяснял, почему Америка не одалживает России деньги: оказывается, потому, что американское правительство состоит из банкиров. «Это же, наверное, объясняет, почему, когда в Массачусетсе повесили весьма специфических деятелей Сакко и Ванцетти, американцы (в большинстве своем) остались безразличны к их судьбе?»²⁶⁶ А Он только помотал головой. Я уверен: он был убежден, что видит перед собой буржуа, зараженного грубым материализмом, или кровососа, неспособного ни осознать несчастья обездоленных, ни посочувствовать им.

P.S. Это интервью длилось с 1130 до 17 часов. Пообедав в Hotel Yevro Parsky²⁶⁷ с моими пятью гидами и сопровождавшими, я в 11 уехал в сопровождении Триваса и Рут Кеннел в Москву. Как я узнал позднее, между Тривасом и Рут произошла яростная перебранка, потому что она отказалась с ним переспать. Мне она заявила, что уверена – если она не согласится ему отдаться (а она не согласилась), то он выдавит ее с должности моего секретаря в поездке, потому что у него больше влияния в Обществе культурной связи, чем у нее.

Возвращение в Москву

3 дек. 1927 года, суббота. Москва

Что меня удивляет в России – так это неизменный и постоянный холод и снег. Всюду примерно одно и то же: за пределами больших городов – огромные пространства, покрытые снегом, среди которых встречаются пятна лесов, а иногда – занесенные снегом деревеньки с одинокой церковью и стаями галок, города с их кремово-белыми домами и светлые башни церквей... Как только вы приезжаете в Россию в ее сегодняшнем состоянии (да к тому же задумывается о санитарии), вы сразу начинаете возмущаться грязью. Это превращается в главную мысль, которая гложет вас все время, пока вы находитесь в этой стране: что в супе могут оказаться клопы или тараканы, что в постельном белье или в воде может быть какая-то грязь – и, главное, что со всем этим делать? Меня всегда удивляет, что страна с населением 150 000 000 человек, находящаяся рядом с современной Европой, не выработала у себя отвращения к грязи. И даже здесь, на этой лучшей в стране железнодорожной линии между Ленинградом и Москвой, меня не оставляет эта мысль. Как и мысль о том, что ни в Москве, ни где-нибудь еще в России я не смогу попробовать по-настоящему приятную и вкусную пищу. У всех блюд здесь, увы, есть одно общее

²⁶⁶ Никола Сакко (1891–1927) и Бартоломео Ванцетти (1888–1927) – итальянские иммигранты и политические радикалы, осужденные за убийство и грабеж и казненные на электрическом стуле 23 августа 1927 года, несмотря на сомнительные доказательства их вины и противоречивые показания свидетелей. В конце 1920-х годов их дело получило в Соединенных Штатах большой резонанс и вызвало демонстрации и беспорядки.

²⁶⁷ Hotel Europe (ред.).

свойство: они тяжелые и клейкие, и мысль об этом для меня почти непереносима. Даже после столь краткого пребывания в стране я обнаружил, что пристрастился к водке: водка сама по себе, водка в чае, водка в десерте – и со всем этим справляюсь. И что еще хуже – так далеко от дома я нахожу успокоение в общении только с двумя людьми – это Рут Кеннел и Скотт Неринг. Рут прекрасно понимает жизнь и спокойно, по-философски к ней относится; Неринг дорог мне своей твердой (и, может быть, бесполезной) преданностью делу помощи обездоленным. Всякий раз, когда я думаю о нем (и тем более знаю, что его увижу), у меня возникает такое чувство, что в этом огромном и чужом для меня мире у меня есть друг. Вот и сегодня он должен прийти с какими-то важными новостями. А Рут, наверное, наконец-то узнает, будет ли она вместе с Тривасом сопровождать меня в поездке по России. Я очень надеюсь, что да – ведь к данному моменту она ясно продемонстрировала мне свои высокие интеллектуальные и дипломатические способности.

На вокзале мы все заходим в ресторан выпить чаю. Тривас, представляющий ведомство иностранных дел, БОКС, а (по слухам), может быть, и ГПУ, сохраняет то прекрасное расположение духа, которое должно характеризовать дипломата, одновременно являющегося шпионом и в определенной степени охранником. Его юмор и внимание к ситуации не дают сбоев никогда. С другой стороны стола – миссис Кеннел, особа несколько более темпераментная, но столь же оптимистичная и жизнерадостная. Мы заказываем водку, чай, а для меня омлет с конфитюром – единственный вид омлета, который я могу здесь есть. Пока мы завтракаем, к нам подходят ни много ни мало пять нищих. Здесь это существа весьма разнообразные и непростые, да еще все они облачены в развевающиеся лохмотья, так что образуют странную и диковинную картину, привлекающую мое внимание. Я получаю удовольствие даже от простого разглядывания этих персон. В одном случае я даю двадцать копеек (около 20 центов на наши деньги). В другом – предлагаю нищему на выбор или пятнадцать копеек (это вся мелочь, что у меня есть), или стакан водки из бутылки на столе. Он, как я и думал, выбирает водку.

После завтрака Тривас оставляет нас и уходит в БОКС, пообещав попытаться устроить мой отъезд на юг по возможности в этот же день. Вместо претенциозного люкса по 20 рублей в день, который у меня был раньше, я занял скромную комнату без ванной, что показалось мне более комфортным. От Триваса не было известий до второй половины дня, когда нас попросили зайти в БОКС, чтобы окончательно утвердить программу. Как и предсказывала Рут (и наверняка потому, что она во время поездки не стала его любовницей), вокруг ее участия поднялась буча. Раньше, в Америке, и здесь, в России, и Тривас, и все и всюду заверяли меня, что ведомство иностранных дел решит вопрос о моем личном секретаре и о секретаре, который предоставляется правительством. Теперь же из-за гнева Триваса на миссис Кеннел возник вопрос о расходах. Коринец, секретарь БОКС, заявил, что у Общества культурной связи с заграницей недостаточно средств, чтобы оплатить работу двух секретарей, и тот единственный, за которого они согласны заплатить, должен представлять правительство. А поскольку миссис Кеннел не является русским коммунистом, она этим секретарем быть не может. После этого я сказал им, что раз они не могут выработать удовлетворительное решение, я немедленно покидаю страну. Они пообещали вернуться к этому делу и дать мне ответ в понедельник.

Вечером мы с миссис Кеннел поехали ужинать в «Большую московскую», после чего посмотрели русский фильм. Потом я сделал эти записи и лег спать.

4 дек. 1927 года, воскресенье, Москва

Еще одно воскресенье. Поскольку у меня мало времени и оно имеет для меня высокую ценность, я надеялся сегодня организовать несколько интервью с высокими должностными лицами. Но, как обычно здесь, ничего не делается. «О, да, да. Немедленно. В воскресенье вы наверняка встретитесь с двумя, а может быть, и с тремя официальными лицами». Но вот уже воскресенье – и никаких официальных лиц. Я иногда думаю, что русские похожи на негров, находящихся в менее развитом состоянии, которое психиатры называют [...],

поскольку вместо того, чтобы сосредотачиваться, организовывать и конструктивно действовать, они предпочитают мечтать, играть и болтать, как дети. Очень похоже на то – и объясняет их нынешнюю социальную неразвитость. Во всяком случае, сегодня я заброшен в какую-то диковинную столицу и не загружен никакой важной работой. Поэтому, отвечая на предложение Рут, я согласился около полудня прокатиться на санях с ней и ее подругой О'Каллахан²⁶⁸. Эта ее странная и высокоинтеллектуальная ирландская подруга не умеет делать ничего, кроме как сообщать вам о том, чем занимаются другие люди, сопровождая свой рассказ о них яркими и обычно едкими замечаниями. Если бы у нее было хоть какое-то личное обаяние, то эта черта могла бы раздражать, а так ее постоянные «укусы» просто действуют мне на нервы.

Мы проехали Тверскую и добрались до ипподрома у Петровского парка. Было очень холодно, но я наслаждался морозным воздухом. К ипподрому тянулись толпы людей, которые хотели попасть на скачки, которые начинались в два часа дня. Но мне смотреть на скачки не хотелось, поэтому мы немного прошли по проспекту, посмотрели на то, как дети катаются на коньках и на лыжах, а потом на Триумфальной площади сели на автобус и вернулись домой.

Вечером мы с Сержем Динамовым пошли в театр Мейерхольда на «Ревизора». В прошлом сезоне Мейерхольд поставил старую пьесу Гоголя совершенно иначе, чем в классической интерпретации Художественного театра, и тем вызвал большие дискуссии в театральных кругах. Он значительно расширил и изменил пьесу, ввел в нее от себя новые сцены, дописал текст и добавил мистицизма и символизма, что, как он утверждает, отвечает оригинальной рукописи и духу творчества Гоголя. Небольшие декорации, всегда готовые к действию, выкатываются на обширную пустую сцену на колесах. Игра актеров очень хороша, но постановка меня не впечатлила. В одиннадцать часов, когда впереди было еще два действия, мы ушли, не досмотрев спектакль до конца.

5 декабря 1927 года. понедельник. Москва

Утром мне сказали, что Бухарин может дать мне интервью после окончания заседания партийной конференции в 5 часов дня, поэтому я ждал в гостинице у телефона. В 5 часов дня пришел Тривас, чтобы отвезти меня к Бухарину. Наконец я попал в Кремль, но ничего в нем так и не увидел. Когда мы в коридоре проходили неизбежный процесс «разоблачения» – снимали пальто, галоши и т. п., мой секретарь обнаружила, что я опять забыл надеть галстук. Я очень расстроился, но Тривас заверил меня, что Бухарин, скорее всего, будет в таком же виде. Нас провели в большую комфортабельную комнату, куда вскоре вошел тихий невысокий человек. У него были красивые, поредевшие сверху волосы, которые он откидывал назад с очень высокого лба. Мальчишеское лицо, большие, как у ребенка, голубые глаза, очаровательная, ласковая манера говорить. Я без промедления бросился в атаку.

– Следует ли Советское правительство строго за Марксом или вы разошлись?

Мы не расходились. Мне кажется, мы переиначили Маркса в соответствии с нашими проблемами.

– Если вы не расходились, то почему тогда у частных лиц есть земля, лошади, дома, автомобили?

Учение Маркса не является устоявшейся доктриной, в которой излагается план будущего общества, я написал об этом книгу. Маркс никогда не отрицал переходного периода. В работах Маркса и Энгельса «Крестьянская война в Германии», «Манифест Коммунистической партии» можно найти прямые декларации, согласующиеся с нашими проблемами и программами.

– То есть вы настаиваете на том, что полностью следуете Марксу и что переходный

²⁶⁸ Мэй О'Каллахан – технический работник [Коминтерна], жила в отеле Лух.

период объясняет все недостатки или антиобщественные фазы вашего нынешнего коммунистического государства?

План Маркса ни в коем случае не является конкретным, подробным планом, скорее он просто признал существование переходного периода. В «Манифесте Коммунистической партии» есть 11 или 12 пунктов, которые касаются переходного периода, в течение которого будет происходить обобществление промышленности.

– Мы в Америке движемся к этому.

Да, но под диктатурой капиталистов.

– Здесь у вас тоже есть диктатура.

Да, но другого класса.

– А есть ли разница?

Да, но мы должны рассматривать это с точки зрения развития всего общества. Капитализм также имел свои различные фазы: примитивный, промышленный и т. д.

– Религиозный?

Да, но я говорю об экономической структуре.

– Но разве религия не имеет отношения к экономической структуре?

Да, с точки зрения церкви. Но социализм не фиксирован по форме; как капитализм имел в своей истории различные формы, так будет развиваться и социализм.

– Как дерево?

Да, и его нынешняя форма – это диктатура пролетариата. Я читал разную экономическую литературу, в большинстве книг *изложение сбивчивое и ошибочное*. Вот, например, Томас Никсон Карвер²⁶⁹. Карвер, американец, говорит, что экономическая революция происходит в Америке, а не в России; что эта экономическая революция принимает форму трудовых банков, что теперь сотрудники владеют акциями компаний и т. д., что якобы полностью изменяет капитализм.

– Мне кажется, это так и есть.

Нет, это иллюзия. У вас в Америке есть несколько слоев общества – у вас есть квалифицированные рабочие, неквалифицированные рабочие, бедные фермеры, богатые фермеры, негры, и уровень жизни некоторых из этих классов очень низок. У вас в Америке всего три миллиона организованных рабочих – и *это из* двадцати пяти миллионов рабочих. Трудовые банки предназначены только для рабочей аристократии, привилегии – лишь для меньшинства. Такая исключительная ситуация связана с мировыми экономическими условиями, которые ранее затронули Англию.

Николай Бухарин

Теперь в Англии больше нет таких исключительных условий для рабочих, которые раньше служили экономической основой эволюции английского рабочего. Исключительная ситуация в Соединенных Штатах в настоящее время является основой для процесса внедрения машин, преимущества которого в основном достаются капиталистам и рабочей аристократии. Но нынешняя ситуация в Америке – это всего лишь один момент в эволюции.

– То есть вы утверждаете, что здесь, в России, ситуация не изменится?

Нет, она может измениться.

– Но в каком направлении? Вы не думаете, что она может перейти в рациональный деспотизм?

Нет.

– Но разве нет здесь миллионов людей, которые не согласны с *тем правительством*,

²⁶⁹ Томас Никсон Карвер (1865–1861) – американский экономист, автор книг «Распределение богатства» (The Distribution of Wealth, 1904) и «Современная экономическая революция в США» (The Present Economic Revolution in the United States, 1926), на которые и ссылается здесь Бухарин.

что есть сейчас?

Нет, их не так много.

– *Позвольте мне задать вам такой вопрос. Если бы 51 % населения здесь и сейчас были коммунистами, а 49 % – нет, то что бы сделала власть? У власти ведь есть умозрительная теория жизни. Что бы она сделала с теми 49 %, которые с ней не согласны?*

Это абсолютно абстрактное положение. Мы должны рассматривать проблемы конкретно, а не абстрактно, потому что у нас нет абстрактной ситуации. Это не та ситуация, о которой можно заявить, что есть силы как за коммунизм, так и против него, потому что ведущая сила – коммунистическая. Подавляющее число людей – с нами, богатые крестьяне – против нас, есть еще третий сектор – нейтралы.

– *Вы не отрываетесь от механики нынешней ситуации. Но, пожалуйста, ответьте на мой теоретический вопрос: 49 против 51?*

Но нельзя так упрощать. В данном случае 51 % – это работники всех крупных отраслей промышленности, 49 % – только неквалифицированные рабочие...

– *Я прошу вас ответить на вопрос теоретически.*

Но если вы так формулируете, то это неправильная точка зрения, потому что нельзя строить аргументацию только на умозрительных положениях, нужно привлекать реальные социальные условия.

– *Я не согласен с тем, что мой вопрос не учитывает возможные социальные условия – даже здесь, в России.*

Но наше отношение к крестьянам не укладываются в ваш подход.

– *Значит, вы не признаете рациональную тиранию?*

Решительно нет. Мы ведем за собой наших крестьян – но не тянем их.

– А если ваши крестьяне не всегда согласны, если они не хотят, чтобы вы их вели, тогда что?

Ваша ошибка в том, что вы думаете только в статике, а не в динамике. В главных вопросах крестьяне с нами, и на этой важной основе согласия мы приводим крестьянство к другим вопросам. Например, сегодня я получил фотографию, которая была сделана двадцать лет назад, когда я сидел в тюрьме. Помню, что в то время, если бы вы сказали что-то против царя, то крестьянин бы вас избил, потому что в крестьянской традиции было выступать за царя. Но мы развернули такую пропаганду, что смогли показать крестьянину: только дураки поддерживают царя. Мы пришли к крестьянам и сказали: «Из-за чего вы страдаете?» «Нам нужно больше земли». Затем мы показали крестьянам, что большая часть земли находится у царя, и так мало-помалу подводили крестьян все ближе и ближе к нам.

– *Отлично. Это была работа по просвещению в соответствии с интересами крестьян. Но позвольте мне сформулировать проблему по-другому. 15–20 лет назад большинство крестьян – скажем, 90 % – о коммунизме ничего не слышали и, значит, его не понимали и, уж конечно, не принимали. Беспорядки происходили среди квалифицированных рабочих – пусть это было 10–15 % всех граждан страны. И вполне возможно (я этого не знаю), что благодаря радикальной пропаганде в России все они услышали и даже приняли основные принципы Маркса. Но сегодняшний коммунизм, проповедуемый Лениным и особенно Троцким и вами, требует полного перевоспитания и, возможно, изменения человеческого разума для того, чтобы в будущем исчезли личные интересы, а на их место встали интересы государственные или коммунистические. Вот чего вы хотите. Вы хотите иметь только коммунистически настроенных людей. Но хотят ли этого все русские? Разве понимают они (даже часть их), что такая мечта существует, что она дошла до наших дней?*

Я думаю, что большинство из них это понимает.

– *Я не согласен с вами. Невозможно, чтобы они в этом разбирались. Слишком многие из них по-прежнему очень невежественны – и просто неграмотны. Более того, вы сами говорите, что многие выступают против вас и ваших теорий.*

Но никак не большинство – только те, кто настроен капиталистически.

– Хорошо, но позвольте мне в любом случае изложить мое мнение. Согласитесь, что это именно то, что вы делаете с ребенком: берете и учите его – принудительно – определенным принципам, о которых он ничего не знает, о которых он не может даже рассуждать, и потом догматически и тиранически, в общем, принудительно, навязываете ему определенную точку зрения или определенное психическое состояние вне зависимости от того, хочет он этого или нет.

Но я настаиваю на том, что большинство не против нас, оно сочувствует нашим идеалам и нашей программе, потому что они предназначены для того, чтобы сделать их жизнь лучше.

– Если бы большинство было действительно с вами, то мне нечего было бы возразить, но я в этом сомневаюсь. Кроме того, ваша программа – если только ее не поддержат абсолютно все – это в точности программа католической церкви, или греческой церкви, или старого царского правительства, или любая форма тирании либо пропаганды, которую вы можете себе представить. Вы обращаетесь к невежественным людям и заставляете их верить в ваш путь, потому что вы уверены, что ваш путь – наилучший. Но так ли это? Вы ведь этого не знаете.

Да, что касается этого вопроса, то мы уверены, что это лучшая и самая справедливая форма власти из придуманных человеком. Ибо она – за всех и против немногих. Наша мечта – помочь всем, а не только некоторым, сделать счастливыми всех, выступив против тех, кто счастлив, когда миллионы страдают.

– Я на стороне этих миллионов – так же, как и вы. Если их удастся сделать счастливыми, то жизнь может продолжаться. Или – если они не могут быть счастливы, то, я согласен, жизнь должна закончиться. Но я думаю, что с точки зрения разума ваше предложение нуждается в средствах защиты, и хочу предложить одно из них. Лично я считаю, что для того, чтобы установить и поддерживать добро, часто требуется столько же тирании, сколько для установления и сохранения зла. Тирания добра нужна до тех пор, пока у всех людей не достанет мозгов для того, чтобы ценить добро. Почему бы не принять такой подход в качестве защиты?

Потому что я в него не верю. Предоставленное самому себе человечество движется в направлении своих главных интересов.

– Ну, может быть. Тем не менее русские, особенно русские дети, ничего не знают о ваших теориях, и все же вы управляете ими, насаждая военную диктатуру в соответствии с этими вашими теориями.

Мы защищаем от врагов наши теории, нашу правду, и разъясняем их массам.

– А разве ребенка не воспитывают в определенной степени принудительно?

По радио можно получить сигнал по одной линии, а можно по другой. Восприятие у одного класса – одно, у другого – другое. Когда мы переделываем ребенка, мы должны преодолеть силу сопротивления, и у нас есть проблема существования различных тенденций в характере ребенка.

– Если вы скажете ребенку: «Вот это правда», то он так и будет думать, разве не так? И разве успех коммунизма не зависит от изменения психологии ребенка? Разве не это же делает католическая церковь?

Самый важный вопрос – это интеллектуальная позиция учителя. Наша состоит в работе ради благополучия многих.

– Благополучия – как вы его понимаете.

Ну пусть так. Но, думаю, история и наука покажут, что мы правы. Да, мы уверены в этом.

– Но Аристотель столь же велик сегодня, как и тогда.

Нет, не так велик. Вы знаете, что в источниках на китайском языке мы можем найти описание почти всех процессов, характерных для греческой цивилизации? На самом деле большой вопрос, созданы ли произведения Платона до рождения Христа или в эпоху Возрождения.

– Сегодня это теоретический вопрос.

Этот вопрос ставит перед нами современный капитализм. Если у нас случатся еще две или три мировых войны, то мы исчезнем, и есть только одна сила, которая спасет мир, – диктатура пролетариата.

– Я должен объяснить, что не против советской системы, и я приехал сюда посмотреть, может ли она работать. Вопрос: должен ли сильный разум управлять слабым?

А, это вопрос об интеллектуальной аристократии... Чтобы ответить, я расскажу о том, как будет выглядеть реальное коммунистическое общество будущего, а потом вернусь к вашему вопросу

– Но, может быть, насчет сильного и слабого разума разберемся прямо сейчас?

Если нам нужен совет статистика, то мы идем к хорошему статистику. Если вам нужен врач, то вы обращаетесь к хорошему врачу и следуете его советам. Невозможно, чтобы все люди имели одинаковые носы, глаза и у всех было одинаковое количество мозгов.

– Да, вы правы, есть несколько больших умов и много-много маленьких.

Но если мы посмотрим на нынешнее капиталистическое общество, то увидим, что в нем существует интеллектуальный стандарт, есть монополия на образование, и нужно закончить высшее учебное заведение, университет, чтобы...

– Нет, это не так.

Это факт, что в капиталистическом обществе пролетариат угнетается в культурном отношении, но если вы сравните мозг представителя угнетенного класса с мозгом капиталиста, то обнаружите, что между ними нет никакой разницы.

– Откуда у вас такая статистика?

Из научных источников.

– Можете ли вы назвать человека великого ума, вышедшего из пролетариата?

Статистический закон – это закон больших чисел, закон не исключений, а средних значений. Часть наших великих умов вышла из интеллигенции, а часть – из пролетариата, которому диктатура пролетариата дает больше возможностей.

– Считаете ли вы, что класс интеллектуалов в капиталистическом обществе – это отдельный класс?

Нет, но все большие силы в буржуазном обществе выступают против пролетариата. У пролетариата нет преимуществ в образовании. Диктатура пролетариата впервые в истории делает область отбора больше, чем она была раньше. Это принцип отбора. В капиталистическом обществе интеллектуальные силы отделены от рабочих. Как класс они выступают против пролетариата. Но у нас все наоборот, мы даем больше преимуществ рабочему классу, и здесь у нас тоже есть интеллектуальная лаборатория. Мы всегда черпаем новые силы из рабочего класса, а в капиталистическом обществе это невозможно. В нем если и появляются сильные люди (в Германии – Штейнмец, Гинденбург и т. д.)²⁷⁰, то они выступают против рабочего класса. А у нас есть большие умы, которые не работают против рабочего класса. Возьмите меня, например. Я есть выражение диктатуры пролетариата, выступающего против буржуазии.

– Кто управляет вашим умом? Маркс?

Да, но эти отношения устроены по-другому. Если ваш вопрос заключается в том, что более умный должен управлять менее умным, то это не вопрос. Но для нас более важным вопросом являются классовые отношения, это совсем не то же самое, что утверждать, будто умные люди есть только среди пролетариата или что люди из буржуазии изначально более

²⁷⁰ Пауль фон Гинденбург (1847–1934) – фельдмаршал во время Первой мировой войны, второй президент Веймарской республики с 1925 года до своей смерти. После войны жестоко подавлял в Германии восстания левых. Карл Фридрих фон Штейнмец (1796–1877) – прусский генерал, который командовал немецкими войсками в битве при Гравелотте в 1870 году – одном из крупнейших сражений Франко-прусской войны. Необдуманные действия Штейнмеца привели к огромным потерям среди прусских войск, за что он был отстранен от руководства.

умны.

– Да, но если в Советской России более умный управляет менее умным, то, значит, у вас есть интеллектуальная аристократия.

Да, но идея здесь совершенно другая. В Иудее была интеллектуальная аристократия, основанная на привилегированных классах. В Египте богатые были интеллектуалами.

– Но в Советской России тоже есть два класса: умных и менее умных.

Но это не классы.

– Нет, это они. Вон на улице работает дворник с очень низким интеллектом. Вы хотите сказать, что его положение в обществе такое же, как ваше? (Умру, но вытащу из него это признание.)

Да, в нашей социальной системе у него есть такие же возможности, как у меня, и есть те же права.

– Тогда что вы здесь делаете? Вы просто согласились с тем, что лучше быть здесь?

Да, но мы можем разделить всех людей на брюнетов и блондинов, богатых и бедных, дураков и умных. Я не таков, как тот человек с улицы, согласен. Но мы проводим политику, согласно которой все работники физического труда должны получить образование ровно по той же причине, по которой его получает интеллигенция.

Мы должны смотреть в будущее. Например, десять лет назад у нас в ЦК партии приходилось по пять-шесть интеллектуалов на двух-трех рабочих, а интеллектуальные различия были очень велики. Теперь у нас 60 членов ЦК, все рабочие, и между ними и нами нет никакой интеллектуальной разницы.

– Ну, эти пришли особым путем.

Да, но их масса.

– Не говорите мне, что 60 человек – это общий случай.

Нет, но я могу привести еще много примеров, характеризующих огромные массы наших рабочих, я много работал среди них, и в массе наши рабочие очень умны.

– Я думаю, что люди большого ума всегда будут сидеть на высоких постах и иметь комфортабельные квартиры, а удел менее умных – улица.

Если вы говорите о материальной компенсации, то это экономический вопрос.

– Ну хорошо, если мы все разбогатели и у всех есть деньги, то кто будет сидеть здесь, а кто будет работать в шахте?

Существует генеральная линия развития. Мы умрем, и новое поколение будет поколением рабочих.

– Да, но кто будет делать грязную работу? Не могут же все сидеть здесь.

Прочтите страницу 309 моей книги «Исторический материализм»²⁷¹ (*Бухарин принес свою книгу, и я прочитал указанные им страницы*).

– Но всегда будет некомпетентность.

Боже мой, я этого не вынесу. Ну в таком случае никто не заставит меня доверять моему доктору. Я думаю, что Анатоль Франс был великим писателем, но у нас с Франсом нет общей экономической основы.

Есть более важный вопрос: о диктатуре пролетариата и о ликвидации диктатуры пролетариата.

У нас всегда будут различия в умственных способностях, но когда существует ситуация, при которой большой ученый говорит мне: «Вы должны больше делать в вашей отрасли», в этом нет никакого угнетения.

Мы считаем, что благодаря интенсивному развитию экономических сил нам удастся добиться роста машинного производства без капиталистической конкуренции.

Между двумя рабочими будет такая же конкуренция, как между двумя писателями.

²⁷¹ Бухарин Н.И. Теория исторического материализма: Популярный учебник марксистской социологии. М.; Л., 1928 (пер.).

– Вы думаете, что не будет никаких несчастий, разочарований, трагедий?

Всегда будут несчастная любовь, личные трагедии, идиоты и дефективные, для которых мы будем строить больницы. Но индивидуальные амбиции исчезнут, потому что для них не будет основы. Будет другой тип личных амбиций; лучше других служить обществу, и не из материальных соображений, а только из духовных.

Мы, коммунисты, сегодня являемся продуктом старого общества. Мы часто вынуждены бороться против старых традиций в самих себе. Когда ребенок учится читать, он должен прилагать усилия, но потом уже бессознательно читает без каких-либо усилий. И эта связь между одним человеком и другим человеком, в конце концов станет такой же простой, как чтение.

– У вас возникнет идеальный мир, а это против человеческой природы. Как вы думаете, Господь Бог его примет?

(Тут Бухарин в качестве примера привел Адама Смита. Записи неполные).

6 дек., вторник

Во второй половине дня Серж отправился в БОКС, чтобы разобраться в моих делах. Вскоре он позвонил оттуда, чтобы сказать, что с моим отъездом все устроивается и что мы должны немедленно приехать на беседу с Каменевой. Мы взяли извозчика, и, хотя было только три часа, уже начинало темнеть, когда мы подъехали к фантастическому каменному дому, где располагалась головная контора БОКС. В дверях мы столкнулись с уходившей Каменевой. Увидев нас, она как будто смутилась и сказала, что не ожидала меня встретить, но, конечно, рада, что я пришел. Она вернулась в свой кабинет и села за стол. Затем, после нескольких вежливых вопросов о моем визите в Ленинград, спросила, чего я хочу от нее. Я сказал, что это она послала за мной, и что она лучше знает, что мы хотели обсудить. Затем она объяснила, что не в силах больше оплачивать мои расходы, поскольку во вверенном ей фонде осталось только 2000 рублей. Я сказал, что хотел бы получить эти деньги и вернуться в Нью-Йорк. Она ответила, что, поскольку ничего не было сказано о том, что БОКС оплачивает мне проезд в Нью-Йорк, она должна спросить об этом комитет. Я сказал, что секретарь Коринец пообещал мне в присутствии Биденкапа, что мне оплатят обратный билет, и спросил, был ли Коринец уполномочен давать такие обещания. Она сказала, что он не мог взять на себя такую ответственность. Мы холодно расстались с пониманием того, что она разузнает в комитете детали механизма финансирования.

Кажется, это был день моих поражений. Мы пошли по бульвару к Страстной площади. Сияла луна, очень холодный воздух едва ли не хрустел. Мы осмотрели стоящий на площади монастырь с прекрасной церковью, все пять куполов которой были усыпаны звездами.

Оттуда мы спустились по бульвару к Цветной площади²⁷², где на коньках и санках катались дети. Обратном мы поехали на трамвае «А», но в нем была сильнейшая давка, так что нам с трудом удалось вырваться из вагона и тем спасти свои жизни. Потом мы зашли в маленькую столовую Дома Герцена, где расположены все писательские организации²⁷³. В столовой было пусто, так что у нас получился очень тихий и (из-за очень неспешного обслуживания) продолжительный обед.

В 6 часов вечера у меня была встреча со Станиславским. Секретарь мэтра пригласила в свой собственный удобный кабинет Станиславского, который величаво вошел с очень серьезным видом. Он сказал, что некий комитет со всем тщанием прочитал рукопись моей пьесы «Американская трагедия» и представил ее синопсис на русском языке. Он сказал, что ему пьеса очень понравилась и лично он был бы очень рад ее поставить, но специалисты

²⁷² Очевидно, спустились по Цветному бульвару к Трубной площади.

²⁷³ Назван так в честь Александра Ивановича Герцена (см. примеч. на стр. 177), журналиста и политического мыслителя, который помог заложить основы общинного социализма.

вынесли решение, что она не сможет пройти цензуру – прежде всего из-за религиозных мотивов и из-за того, как показаны в пьесе отношения между работодателем и работником. Он сказал, что ему было очень больно отказываться от пьесы, поскольку он очень хотел ее поставить.

Вот так. Секретарь на прощание заверила меня, что все, кто прочитал пьесу, оценили ее как замечательную, и добавила, что, возможно, лет через пять им разрешат ее поставить.

Потом мы попытались купить билеты в Большой театр на новый советский балет, но все было продано. Снова поражение! Наконец у меня возникла блестящая идея этой же ночью отправиться в Нижний Новгород, чтобы больше не тратить время. Мы послали человека на вокзал, но он позвонил оттуда и сказал, что билеты есть только в «жесткий» вагон без плацкарты (как на «Максима Горького»), так что и от этой затеи пришлось отказаться.

7 дек., среда

На 10:30 утра у меня была назначена встреча с Мейерхольдом.

Вход в жилые помещения театра находится во дворе; на внешней двери висит табличка «Общежитие театра Мейерхольда». Как и во многих других организациях, сотрудники этого театра не только работают, но и живут вместе. Пролет грязной лестницы, узкий коридор – и мы оказываемся в большой комнате с множеством железных коек (так это тут спят актеры?). Нас встречает рыжеволосый молодой человек, который долго извиняется от имени г-на Мейерхольда, которого утром неожиданно вызвали на партийную конференцию, чтобы он отчитался о каком-то скандале в театре, поэтому он не мог выполнить свое обещание встретиться со мной. Он, конечно, был бы очень рад встретиться в другой раз и т. д. Мы вышли на очень красивую улицу Воровского, которую называют «Посольский ряд», так как здесь находятся иностранные посольства. Поскольку неподалеку располагалась организация квакеров²⁷⁴, мы зашли туда. Мисс Дэвис, молодая женщина, приняла нас и рассказала о работе Общества в деревне, о санитарии, тараканах, клопах и других важных русских проблемах. Потом мы спустились к Арбатской площади и наконец нашли Французскую галерею²⁷⁵, которую я давно хотел посетить. Это небольшое, но очень ценное собрание французских и немногих английских картин: Анри Матисс, Ван Гог, Гоген.

Позже в этот день меня вызвали в БОКС, где состоялась завершающая битва. Коринец, который держался с достоинством, заверил меня, что он человек ответственный и хочет сдержать свое слово. Он дал Биденкапу телеграмму об оплате моего проезда в Нью-Йорк и получил следующий ответ: «Драйзер заплатил пятьсот пятьдесят долларов за проезд в Россию и обратно. Все другие расходы в связи с его визитом в Россию должен оплатить БОКС». Я сказал – хорошо, я вернусь и выбью их из Биденкапа. Коринец сказал, что мы не можем говорить о поездке по России. Я сказал, что больше не хочу с ними разговаривать. Этот БОКС может идти ко всем чертям, он сам может идти ко всем чертям, а когда он попросил меня встретиться с Каменевой, которая меня ждет, я сказал, что и она тоже может идти к черту. Коринец сказал, что в свое время они все пойдут ко всем чертям, но сначала мы должны поговорить о поездке. Я встал, чтобы уйти, но другой человек, заведующий иностранным отделом БОКС Ярошевский, мягко убедил меня пойти и поговорить с Каменевой. Я пошел, и у нас была бурная сцена. Они настаивали на том, чтобы я не уезжал из России, а совершил поездку по стране, и пообещали позвонить мне в 8 часов. Чтобы остыть, мы прошли домой пешком по прозрачному морозному воздуху через бульвар и Петровку. Конечно, вечером мы ничего не могли делать, кроме как ждать телефонного

²⁷⁴ В Москве в 1921–1931 годах существовал офис «Общества Друзей (квакеров)», который в сталинские времена был закрыт последним из зарубежных религиозных представительств (*ред.*).

²⁷⁵ Речь идет, очевидно, о Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина (*ред.*).

звонка из БОКС. Приехал Серж, он был у нас, когда позвонил Ярошевский. У них был долгий разговор, в результате которого было решено, что я заплачу за своего секретаря, а БОКС заплатит за меня и еще одного человека. Было решено, что завтра вечером мы отправляемся в Нижний.

8 дек., четверг

Ожидания вокруг БОКС. Сильное напряжение. Светлые перспективы. В три часа дня. Меня приглашают в БОКС. Я на взводе. Роскошный скандал. Я всем и каждому сообщаю, что они могут идти ко всем чертям. Много сил потрачено на то, чтобы меня успокоить. Все будет исправлено. Не хочу ли я совершить прекрасную поездку в Нижний Новгород? Красивые пейзажи. Я говорю, что ничего не хочу, кроме как получить деньги за проезд и покинуть эту страну. Но они настаивают на том, чтобы по возможности вернуться к первоначальному взаимопониманию. Я даю им время до 8 вечера на то, чтобы подготовить план и представить его. Они звонят в 11. До того мы с Р. К. гуляем по городу. Красива Москва в звездную ночь. Мы заходим на телеграф. Я телеграфом прошу Бая выслать мне телеграфом же 1000 долларов. Затем ужин в гостинице. Приходит Динамов. Госиздат принял мои условия издания моих книг – минус 1000 долларов, 10 %.

8 дек., четверг

Сегодня вечером мы закончили все приготовления к отъезду. БОКС наконец-то нашло нам сопровождающего. Это Давидовская, женщина-медик, медсестра в Hotel Lux. Она в высшей степени подходит для такой работы, до этого путешествовала редко, а также обладает навыками и умом, исключительно подходящим к моим нуждам. Таким образом, в сопровождении исключительно компетентных специалистов – медсестры и библиотекаря Коминтерна – я сегодня в 8 вечера отправляюсь в Нижний.

По России

9 дек., пятница

Мы прибыли в Нижний Новгород в 9:30 утра. Чистый и оживленный вокзал. Мы зашли в ресторан. Пока мы ели колбасу, хлеб с маслом и пили чай с водкой, я наблюдал за людьми, проходившими через станцию. Вот маленькая девочка лет четырех; на ней огромная шуба до пола, ее голова замотана платком, и она с доброй улыбкой разглядывает всех вокруг. Выйдя наружу, мы сели на трамвай, который долго вез нас до Дома Союзов. Был ясный холодный день. Мы стояли на площадке трамвая и смотрели на проплывавший мимо нас город. Нижний показался мне очень привлекательным современным городом с широкими чистыми улицами. Мы проезжали мимо ярмарочных площадок, теперь пустынных, очень внушительных деревянных зданий, а затем пересекли реку Оку, которая впадает в Волгу. Вдали, на другом берегу реки, открылся прекрасный вид: старинные здания и красивые церкви, холмы, стены Кремля с его старыми башнями. Наша гостиница «Новая Россия» оказалась рядом с красивой площадью, которая называется Советская. Площадь примыкает к стенам и башням Кремля, а в ее центре возвышается прекрасная белая церковь с серебряными куполами. Но в гостинице мы получили два душных ободранных номера. Особенно впечатлял мой: мягкие черные кресла и диван придавали ему вид игорного зала. Давидовская отправилась в местный Совет, где все были очень взбудоражены известием о нашем прибытии, и вскоре приехал представитель, чтобы показать нам город. Сначала мы прокатились по городу на маленьком автомобиле – это была одна из трех машин, виденных мною за время пребывания в Нижнем. Мы поехали вдоль берега Волги, которая выглядела очень могучей рекой, на середине она так и не замерзла, но суда, конечно, сейчас по ней не ходят. Чем больше я смотрел на город, тем больше он мне нравился. В нем есть яркая, живая атмосфера, есть очарование старых церквей и других зданий. Мы остановились у очень красивого нового дома с квартирами для рабочих и вошли внутрь. В чем состоит работа

человека? Это самое важное, что нужно о нем знать. На двери, ведущей в одну квартиру, висела табличка, на которой было написано, что здесь живут настоящие железнодорожники, в том числе главный механик Воросов и помощник механика Краскова. Коридоры и комнаты были красиво отделаны, полы – отполированы; после месяца проживания все в квартире сияет. В первой квартире обосновалась семья из четырех человек, живущих в двух комнатах, и семья из трех человек, которая живет в одной комнате; ванная и кухня у двух семей общая. Первая семья платит за квартиру 15 рублей в месяц при зарплате 75 рублей. Еще одна четырехкомнатная квартира была почти американских стандартов. В ней жили ученый с женой и ребенком; комнаты – большие и привлекательные на вид, есть ванна. Они платят 40 рублей в месяц. Мы проехали в новый квартал, застроенный бревенчатыми домами для рабочих; этот поселок сооружен недалеко от завода. Зашли в один из домов и нашли его вполне комфортным: семья из четырех человек жила в двух комнатах, еще в одной комнате жили военный и его жена, которые также работали на заводе; кухня и ванная у них были общими. Все они утверждали, что очень довольны своими новым жильем и что жилищные условия значительно улучшились.

Мы посетили текстильную фабрику «Красный Октябрь», на которой работают 3700 человек. Это очень старая фабрика, со старым техническим оснащением, на которой из льна-сырца производят грубые ткани. Мы пришли в два часа, когда заканчивалась очередная смена. С фабрики выходило множество женщин, некоторые из них – с замотанными головами, потому что после работы они ходят в баню. Все выглядели какими-то посеребрившими и уставшими. Разумеется, этот труд в пыли, летящей из сырья, очень вреден для здоровья. Работницы фабрики получают месячный отпуск и специальное питание со сливочным маслом и молоком, тем не менее здесь распространен туберкулез. Едва ли не первое, что бросилось мне в глаза внутри помещения, – это новая, появившаяся только в этом году система вентиляции за 400 000 рублей, которая была уставлена по требованию, выраженному через профсоюз самими работницами. Поскольку еще не все вентиляторы работают, нельзя сказать, насколько они помогут очистить воздух, который пока что кажется вязким от пыли. Но мне показалось, что 400 000 можно было с такой же пользой вложить в новое оборудование.

На обратном пути мы посетили губернский госпиталь. Он оказался хорошо управляемым крупным учреждением, в котором царили чистота и порядок.

С балкона открывался вид на большую билльярдную. После обеда мы отправились в вечернюю школу для рабочих. Здесь был свой живой маленький мир: юноши и девушки, спешащие по коридорам на занятия, гимнастика, стенгазеты, ребята, которые были рады показать мне кабинет рисования и подарить любой понравившийся мне рисунок, лаборатория физики с приборами, которые ученики сделали своими руками. Здесь обучаются и руководители заводских школ; все делается очень серьезно и с большим энтузиазмом.

Это был восхитительный вечер; лунный свет падал на снег, белую церковь на площади и на кремлевскую стену. Было так холодно, что снег хрустел под ногами.

Мы остановились в большом центральном рабочем клубе, бывшем клубе аристократии. Это тоже был гудящий маленький мир рабочих и работниц – с чайной комнатой, аудиторией, библиотекой и всеми другими дополнениями, которые должны быть у рабочего клуба. Потом мы пошли в кинотеатр, где мне показали картину «Поэт и царь»²⁷⁶, которую, похоже возили за мной из Москвы в Ленинград, из Ленинграда в Москву, и вот теперь я обнаружил ее в Нижнем. Это была интересная картина, предоставлявшая много исторических данных о Пушкине и его времени, но в самой постановке не было ничего нового. Несомненно, что фильм вольно обращается с историческими фактами.

²⁷⁶ Советская историко-биографическая драма Владимира Гардина и Евгения Червякова. Фильм снят на студии «Совкино» в Ленинграде. Премьера состоялась 20 сентября 1927 года. Посвящен последним дням жизни Александра Сергеевича Пушкина (*ред.*).

10 дек., суббота

Завтракали мы в маленьком буфете возле наших номеров. Когда мы заказали яичницу, нам принесли по крайней мере 13 жареных яиц. Я поспорил со своим секретарем, а она – со мной. Я сказал ей: «Если я когда-нибудь выберусь живым из этой страны, то буду бежать через границу так быстро, как только смогу, и, оглядываясь на бегу назад, буду кричать: “Да вы всего лишь проклятые большевики!”».

В деревню с нами поехал наш верный гид из местного Совета, а также энергичный молодой репортер из местной газеты, который попросил меня дать ему интервью. Я кратко обрисовал ему свои впечатления о Нижнем, а потом, когда мы одевались, сказал корреспонденту (речь шла о моих предыдущих вопросах о том, живут ли вместе с русскими в их домах свиньи и другие животные): «And now for the pigs!» («А теперь – к свиньям!»). Сотруднику газеты Павлу Павловичу Штатнову так понравилась моя реплика, что он записал русскими буквами, как это звучит по-английски, и сказал, что это будет заголовок его статьи. Мы выехали на авто в отличном настроении. Когда машина оказалась на открытом пространстве, стало очень холодно, и моя секретарша, страдавшая от холодного ветра, забилась под одеяло. Впрочем, всякий раз, когда я делал какие-то замечания о проплывавших мимо видах, огромных заснеженных полях или видневшейся вдалеке деревне, она высовывала голову из-под одеяла, чтобы тоже посмотреть на эти диковины, так как боялась, что без этого она не отработает свое жалованье. В нескольких милях от города находилось большое и красивое кирпичное здание завода, который производил телефоны. Мы остановились, чтобы посмотреть на него, и один из управляющих показал нам предприятие. На заводе работают 830 человек; это один из четырех заводов советского телефонного треста. А построен он так далеко от города потому, что призван выполнять военные заказы и поэтому должен был находиться в надежном месте. Завод производит телефоны для всего СССР, причем только под заказ. Производительность – 30 000 телефонов, столько же радиоточек и 5000 громкоговорителей в год. Условия работы очень хорошие. На станках работает много женщин – в частности, они делают болты и шлифуют телефонные трубки. Женщины, как и мужчины, выполняющие ту же работу, получают при сдельной системе оплаты от 50 до 54 рублей в месяц. Квалифицированный работник, например слесарь, получает 150 рублей в месяц.

Когда мы увидели село Ближне-Боровское, угнездившееся среди широкой равнины, оно показалась нам очень приятным. Хотя этот населенный пункт находится всего лишь в 20 верстах от Нижнего Новгорода, он кажется довольно обособленным.

Мы вошли в кабинет главы деревенского Совета, расположенный в небольшом бревенчатом доме. Здесь мы поговорили с главой местного Совета (Сельсовета), к которому относятся девять деревень, а также с секретарем местного Совета; оба они довольно молодые люди. Ватага детей, а также несколько стариков и женщин, узнавших о нашем прибытии, уже набились в маленькую комнату и молча стояли, внимательно наблюдая за тем, как мы разговариваем.

Я спросил представителя власти, какая программа переустройства имеется у Сельсовета. Он сказал, что цель состоит в том, чтобы объединить небольшие хозяйства или, если это необходимо, разделить их на меньшие – все в интересах общины. В целом, они стремятся к тому, чтобы сохранить хозяйства в рабочем состоянии. В случае, если хозяйство наследуют трое сыновей, Совет пытается понять, кто из них сможет лучше управлять им, а если кто-то совершенно не разбирается в деле, то лишить его возможности управления (хотя землю у него отнять нельзя). Что касается школ и клубов, то управление ими находится в руках более высокого (волостного) Совета, который назначает учителей и т. д.²⁷⁷ Основная работа Сельсовета – помогать населению решать трудные вопросы и защищать его интересы. Люди идут в Совет со всеми своими проблемами – так, если умирает корова, они получают

²⁷⁷ Волость – мелкая административная единица в сельской местности.

здесь страховку Совет является носителем культуры, просвещает крестьян, определяет и собирает налоги, и эти деньги идут в районный Совет, который финансирует школы и т. д. Работа двоих членов Совета оплачивается, трое работают на добровольных началах.

– Допустим, крестьяне захотели иметь трактора... Их действия?

Крестьяне организуются в артель для получения машин в рассрочку.

– Что вы сейчас пытаетесь сделать именно в этой деревне?

Здесь сейчас такие проблемы: 1) снабжение топливом, поскольку леса здесь мало; 2) переход на трехлетний севооборот; 3) организовать крестьян для совместной работы по производству и распределению. Мы уже организовали одну артель для покупки инвентаря.

Пожарный насос, который вы здесь видите, купил Совет. Водоснабжение здесь – не очень. Совет также получает хорошие семена, хороший корм для скота, инвентарь, организует закупку и продажу молока, но с зерном имеет дело кооператив. Здесь его хватает только на местные нужды, а пшеничной муки вообще нет.

– Может ли Сельсовет решить вопрос об открытии фабрики?

Это уже зависит от экономических возможностей. У Совета есть право узнать, хотят ли люди фабрику, но потом он должен идти за поддержкой в высшие органы. Если человек хочет основать небольшое предприятие, то разрешение может дать местный Совет.

У нас есть телефоны, установленные Советом (районным). Мы можем поговорить с Москвой, с Ленинградом. У нас здесь есть радио, население очень им интересуется, в кооперативах есть кружки по изучению радио. Радио в нашей деревне поставили профсоюзы, но, конечно, всеми делами деревни управляет местный Совет.

– А электричество у вас есть?

Нет, но есть большое желание его иметь.

Затем мы отправились на экскурсию по деревне, и на улице за нами потянулась постоянно растущая толпа. В первом доме, где мы остановились, была одна большая комната и крошечная кухня, была прихожая, за которой находилась очень низкая дверь, ведущая в гостиную.

Пол был выскоблен добела, большая кирпичная печь – побелена, а в углу висели иконы. Здесь жили шесть человек, я никак не мог понять, где они спят. Эта семья имела 4,8 десятины земли, зарабатывала 264 рубля в год и платила 7,60 налога. Кроме того, у них была своя лошадь, с которой они работали на других, у них не было платежей за аренду; сейчас мало дров, нет работы дома и нет коровы. Их единственная жалоба заключалась в том, что у них нет коровы, но зато у них есть радио. Это был дом бедного крестьянина. Сосед, маленький человечек с лохматой рыжей бородой и спутанными волосами – они были влажными, поскольку он только что пришел из бани (сегодня суббота) – встал у печи и улыбался мне так, как будто участвовал в розыгрыше. Он пригласил нас в свой дом. Это также был дом бедного крестьянина: две комнаты, которые выглядели довольно удобными, и восемь жильцов. Я тщетно искал свиней (в гостиной) и тараканов (повсюду). Чувствуется, моя поездка в Россию идет насмарку...

Затем мы отправились в дом крестьянина-середняка, очень красивый бревенчатый дом с изысканной резьбой по дереву на оконных рамах и небольшой верандой. К дому примыкал крытый сарай для коровы с лошадью и цыплят. Внутри были три очень красивые комнаты, большая кухня, удобная гостиная с мягкой мебелью и спальня. Здесь жили пять человек. Крестьянин владел 4,72 десятины земли и имел доход 403 рубля в год.

Мы заглянули в почтовое отделение и на телефонную станцию, которая соединена с И центральными телефонными станциями. За 18 копеек можно позвонить в Нижний (три минуты).

Потом мы двинулись к дому деревенского священника. Я боялся, что вся процессия последует за мной в дом, но представитель Совета велел им оставаться на улице. Тем не менее в дом вошли шесть человек: мы втроем, глава местного Совета, секретарь Совета и репортер. В доме было три комнаты, большая и уютная гостиная с некоторыми признаками культуры, а также спальня и кабинет. Священник, сухощавый человек с короткой бородкой,

похожий на школьного учителя, встретил нас нервозно. Интервью с самого начала пошло со скрипом. Я спросил его, сколько верующих было здесь до революции и сколько их сейчас. Давидовская перевела мой вопрос. Священник заколебался.

– А вы лично какой национальности? – спросил он у нее.

Она сказала, что польская еврейка. Он заметил, что переводчики обычно не русские, и стал медленно отвечать:

Это сложный вопрос. Чтобы существовал приход, в нем должно быть не менее 50 человек. Я думаю, сейчас у нас их человек 300. Сколько сейчас стало неверующих – это трудно сказать. Стремление отойти от религии особенно сильно среди молодежи.

– Как вы думаете, социальные и экономические условия жизни в деревне после революции стали лучше или хуже?

Не могу вам сказать. Об этом нужно спросить местного представителя власти. Мое личное положение стало хуже, чем раньше.

– Как существует церковь с материальной точки зрения?

Мы живем на доходы от похорон, венчаний и т. п. Лично у меня нет никакого дохода, этот дом принадлежит церкви.

– А есть ли опасность, что религия отомрет?

За ответом я отсылаю вас к записи беседы Троцкого с делегацией американских рабочих в газете «Правда».

Тут мы решили как можно более аккуратно прервать интервью, поскольку стало очевидно, что мы измучили «батюшку»²⁷⁸, который не может говорить свободно перед такой массой народа. Мы вышли на улицу, но моя секретарша тут же вернулась в дом, потому что забыла там перчатки, и священник сказал ей: «Пожалуйста, объясните господину, что я бы с радостью ответил на его вопросы, если бы мы были одни, но перед еврейкой, представителем власти, корреспондентом газеты! Если бы я высказал свое мнение...» – и он провел пальцем по горлу».

Затем мы вернулись в Сельсовет, где в маленькой комнате зрителя нам подали чай из самовара, колбасу, черный хлеб, вареные яйца, соленья, конфеты и вино. При этом гости сели за стол, а хозяева и жители села стояли за нами и смотрели, как мы ели. Я почувствовал себя новым ревизором²⁷⁹. Когда мы закончили обед, я попросил их спеть. Хор возглавил молодой секретарь местного Совета. Сначала они спели песню о Волге, а потом и много других прекрасных песен. И, как и все русские, они пели очень хорошо, слушать их было одно удовольствие.

Когда мы вышли на воздух, было уже совсем темно. Через овраг мы добрались до школы и вошли в теплое и чистое школьное здание. Здесь было довольно темно, но учитель, который жил в доме при школе, вышел из гостиной с лампой и показал нам работы учеников – стенгазеты и рисунки, которые были развешаны на стенах. Когда мы стали садиться в автомобиль, чтобы ехать домой, толпа долго нас не отпускала, а дети кричали «Ура американскому делегату!». Автомобиль долго шел по бескрайней заснеженной равнине, пока мы не добрались до шоссе, ведущего в город.

Все ужинали (с пивом) в моем номере. Очень веселым парнем оказался газетчик. Он снова взял у меня интервью (примечание секретаря: все это время я проспала, поэтому ничего на этот счет сказать не могу), станцевал с моим секретарем русский танец, затем читал свои стихи и, вообще, всячески нас развлекал.

Потом они проводили нас на поезд, который отходил в 9:30 вечера.

²⁷⁸ Это слово русские произносят с уважением и нежностью.

²⁷⁹ Здесь речь идет о комедии «Ревизор» Николая Гоголя, написанной в 1836 году. По сюжету коррумпированный правительственный чиновник приезжает в провинциальный русский городок, где принимает от жителей «пожертвования» и другие подарки в ответ на обещания им покровительствовать. См. стр. 280 оригинала, где Драйзер смотрит постановку этой пьесы.

11 дек., воскресенье

Мы прибыли в Москву утром. Пообедал с Вудом²⁸⁰. Здесь находится нью-йоркский театральный импресарио по фамилии Биберман²⁸¹. Я сходил с ним в еврейский театр и посмотрел спектакль «200 тысяч»²⁸². Он планирует вывезти эту труппу на гастроли в Америку.

12 дек., понедельник

Утром мы отправились в банк, где я получил 1000 долларов от Бая. Потом вернулись в отель, пришел Серж, который был со мной до конца дня. Пока мой секретарь находился в БОКС, где окончательно договаривался о нашем отъезде, я сходил с Сержем за покупками. Мы поспешили на ужин, потому что поезд отправлялся в восемь часов. Остановившись у отеля Лух, мы забрали нашу попутчицу Давидовскую и поспешили на такси на вокзал.

Мы боялись опоздать, но Д. сказала, что поезд уходит примерно в 8:25. Мы сказали, что думали – в восемь, а она ответила, что не уверена насчет 8:25. Носильщик вынес наш багаж на платформу, мы нашли вагон с нужным номером, но оказалось, что это вагон третьего класса. Из расспросов выяснилось, что это был не наш поезд, а наш отходит только в 11:25. Мы вернулись в вокзальный ресторан, решив скоротать время там. Мой секретарь был очень-очень зол (на себя), но мы с Сержем не теряли присутствия духа, я предложил Сержу поехать с лекциями по Соединенным Штатам – я бы мог организовать для него такую поездку. Ему идея очень понравилась, я попросил его записать все его многочисленные титулы и должности. Он приступил к работе со всей серьезностью, а я заметил, что ему лучше отправить этот список потом экспресс-почтой, потому что я боюсь, что, пока он закончит этот список, наш поезд уже уйдет. Все, включая моего секретаря, залились смехом, но Серж, который был рад видеть нас такими веселыми, похоже, вообще не понял шутки, потому что с величайшей серьезностью продолжал писать.

Время, таким образом, прошло очень быстро. В 11 часов вечера мы сели на поезд, попрощались с Сержем, и я наконец окончательно выехал из Москвы.

Мой сосед по купе оказался молодым турком. Мы с ним очень подружились.

13 дек.

В поезде не было вагона-ресторана, а мы не обеспечили себя, как все добрые русские люди, едой, чайниками, стаканами и пр. Турок стал настаивать на том, что он должен нас покормить. У него с собой была банка с перцем, которую он хотел открыть во что бы то ни стало. Он сломал об нее свой нож, чуть не сломал наши ножи, но, наконец, его настойчивость была вознаграждена. И, попробовав перец, фаршированный морковью, я понял, почему турок был столь настойчив. Перец был совершенно восхитительным на вкус, а у нас благодаря соседу появилась хорошая еда, которая состояла из хлеба, сыра, водки, вина и перца.

Отобрав у предупредительного турка всю еду, я стал вытаскивать из него и всю

²⁸⁰ По-видимому, это Джуниус Вуд (Junius B. Wood, 1877-?) – автор книги *Incredible Siberia* («Невероятная Сибирь»), которая вышла в 1928 году (*пер.*).

²⁸¹ Герберт Джозеф Биберман (Herbert Joseph Biberman, 1900–1971) – американский сценарист, режиссер и продюсер. В 1947 году вместе с рядом других деятелей Голливуда был обвинен Комиссией по расследованию антиамериканской деятельности в подрывной деятельности, подвергся тюремному заключению, занесен в «черные» списки и изгнан из Голливуда (*пер.*).

²⁸² Скорее всего, это был спектакль Государственного еврейского театра «Цвей хундерт тойзент» («200 тысяч») по пьесе Шолом-Алейхема «Крупный выигрыш», режиссер Ф. Шейн, балетмейстер С. Островская (*пер.*).

имевшуюся у него информацию...

По дороге из Москвы в Харьков. Интервью с моим попутчиком, турком, который едет в Константинополь. Халиль Касимович (Мемы Оглы).

Сейчас у власти Камиль-паша²⁸³. Об изменениях, произошедших после революции: церковь отделена от государства. Образование поставлено на другую основу. Раньше у них были только религиозные школы, но теперь есть хорошие общеобразовательные школы и обязательное образование. До революции доля неграмотных была на 10 % меньше, чем в России. Теперь об экономических условиях. Что Камиль-паша сделал для страны. До революции в течение 300 лет было построено только два сахарных завода, но за последние четыре года, когда у власти находится режим Камиля-паши, построены еще два. Открылись технические школы; раньше, если машина ломалась, то ее мог исправить только иностранец.

– Сколько в Турции крупных городов?

Константинополь, Ангора, Адрианополь, Измир, Свасе и Мусиль²⁸⁴. В Мусиле есть английская концессия, которая имеет 25-летний контракт через Лигу Наций.

– Препятствует ли религия развитию страны?

Да.

– Стремится ли Турция к индустриализации, как Россия?

Нет, страна пока еще не дошла до этой точки.

– Что с образованием?

Школы лучше, чем в России, потому что в Турции обязательное образование.

– Что было сделано для крестьянства?

Сегодня положение крестьянина улучшилось из-за того, что крупные землевладельцы были лишены политической власти, которую они прежде активно использовали против крестьянства.

– Как вы думаете, какая власть сделала больше для своего крестьянства: диктатура пролетариата в России или буржуазная республика в Турции?

Диктатура пролетариата сделала больше, в первую очередь потому, что Россия богаче, потому что Россия не выплатила свои дореволюционные долги, а Турция как член Лиги Наций выплачивает свои военные долги. Но Россия отказалась принять оплату за долг Турции перед ней в размере 17000000 рублей (?) или лир?

– Каково положение женщин в Турции?

Многоженство отменено, и женщины сняли чадру. Раньше муж имел право развестись с женой без ее согласия, а у нее не было такого же права. Раньше у человека могло быть целых семь жен, и никто из них не имел никаких прав на собственность. Если муж умирал, все жены отсылались обратно, а имущество передавалось его родителям. Теперь они имеют

²⁸³ Кеннел перепутала имена двух турецких лидеров. Мехмед Камиль-паша – видный военный и государственный деятель Османской империи, который четырежды занимал пост великого визиря и умер в 1913 году. Политическим руководителем, о котором говорит их спутник, был Мустафа Кемаль. Он возглавил революцию, которая привела к созданию современного турецкого государства, и в октябре 1923 года стал его первым президентом. Кемаль, известный также как Ататюрк, был авторитарным правителем, политика которого опиралась на республиканство, национализм, популизм и светский характер государства. В свою очередь, Мустафу Кемалю не следует путать с Мустафой Камилем (1874–1908), каирским адвокатом и журналистом, одним из основателей Национальной партии в Египте.

²⁸⁴ Константинополь – ныне Стамбул. Ангора – старое название Анкары. Адрианополь – по-нынешнему Эдирне, город в европейской части Турции. Измир сохранил свое название. Свасе – это ныне Сивас, город в центральной Анатолии. Мусиль – это арабское название Мосула, города на севере нынешнего Ирака. Кстати, вопрос с принадлежностью Мосула не так прост, и попутчик Драйзера ошибался. В соответствии с Лозаннским договором 1926 года Мосул стал провинцией созданного в Месопотамии государства Ирак. Естественно, находившегося под неустанным британским контролем. Турция, хоть формально смирилась с потерей Мосула, тем не менее продолжала рассматривать его как свою незаконно отобранную территорию. Возможно, это и объясняет ошибку Халиля (*ред.*).

равные права на собственность. Женщины теперь во всем имеют равные права, введено совместное обучение, они могут получать полное образование, работать в бизнесе – и везде на равных условиях. Одна женщина есть среди представителей Турции в Лиге Наций.

– Стала ли магометанская религия сильнее или слабее, чем раньше?

Я думаю, что стала слабее; единственные люди, которые сейчас следуют за религией Мохаммеда, – это крестьяне и чиновники, причем крестьяне – в меньшинстве, их 40 %.

– Была ли у Турции литература, были ли писатели, поэты, скульпторы, художники, газеты, журналы и т. д. До этого?

Раньше были только газеты, в искусстве ничего не было.

– Не знаете, есть ли сейчас в Турции какие-либо объединения писателей и художников?

Да, в Константинополе есть такие группы.

– Есть ли молодые поэты?

Да, есть. Но по именам я их не знаю.

– Есть ли новые издательства?

Да, в руках правительства.

– Развивается ли сейчас страна?

Да.

– Какие у Турции источники дохода, что у нее есть для экспорта?

Табак, фрукты, такие как апельсины, лимоны, инжир, финики, а также орехи, шелк, хлопок, рис, шерсть.

– С кем идет торговля?

Мы отправляем шерсть, табак и тому подобное в Англию; Россия покупает табак и рис, а взамен продает сахар и керосин. Мы также ведем дела с Северной Америкой. В прежние годы мы производили только сырье, поэтому наш доход был намного меньше. Сейчас мы готовимся использовать сырье в производстве на месте.

– Что сделала Республика для крестьянства?

Крестьяне очень бедны, промышленности у нас нет, у них есть только небольшие наделы земли, которая к тому же хуже, чем в России. Выращивается множество фруктов, но, поскольку нет никаких средств для их транспортировки, во многих местах урожай попросту погибает. Первое, что делает правительство, – это строит железные дороги, и эта работа идет сейчас полным ходом.

Ангора [ныне Анкара] сейчас застраивается американским архитектором по плану Нью-Йорка, ее так и называют – «Второй Нью-Йорк». Строится новый оперный театр. Население города составляет 84 000 человек.

– Может быть, для Турции было бы лучше, если бы в стране произошла пролетарская революция, а не возникла буржуазная республика?

Конечно, диктатура пролетариата – это то, к чему мы стремимся, но в то время у нас не могло быть пролетарской революции, потому что не было пролетариата, а религия имела слишком много власти. И раз теперь религия отброшена вместе с султаном, буржуазная революция является необходимым шагом к пролетарской революции. Конечно, мы не могли бы осуществить ее без влияния русской революции. Турция будет следовать примеру России и, на мой взгляд, идти ей будет намного легче, потому что наш управленческий аппарат работает лучше, чем русский.

– Сколько лет Кемаль-паше?

48 лет.

– Как он пришел к власти?

Был избран на четыре года. Недавно представил отчет и был переизбран.

– Что произойдет после его смерти?

Как после смерти Ленина его место заняли его последователи, так будет и с ним. Он бывший генерал, но человек научного склада.

– Какова система голосования?

У нас равное избирательное право.

– Есть ли в стране столь же богатые люди, как раньше?

Да, есть, но у них нет особых политических прав, как это было раньше.

– С какими странами они связаны?

В основном с Северной Америкой. Они получают оттуда машины, текстиль, металлоизделия.

Мы приехали в Харьков в 8:20 [вечера], надеясь наконец хорошо пообедать, но обнаружили, что поезд на Киев уходит в 8:40. Таким образом, уже через четверть часа мы оказались в купе поезда, направлявшегося в Киев, причем голодными и без перспективы поесть до утра. Тем не менее две мои фрейлины ухитрились за время восьминутной остановки выскочить из поезда и купить нарзан²⁸⁵, хлеб и сыр. Пассажиров было очень мало, поэтому мы в относительном комфорте доехали до Киева, куда поезд прибыл около полудня. Мы пообедали на вокзале (как обычно, борщ, мясо и немного водки), внимательно следя за нашим багажом. Из автомобиля, который вез нас в Continental Hotel, мы наблюдали аварию.

Был туманный, морозный день, но Киев с первого взгляда очаровал меня широкими улицами, прекрасными старыми зданиями, красивыми церквями. Continental Hotel – красивое старинное здание с великолепным интерьером, напоминающим восточный, с широкой лестницей, с мягкими красными коврами и витражами на площадках, с вестибюлем, украшенным сложной резьбой по дереву, из-за чего он выглядит, как собор. Сначала нам дали два номера. Один из них, обставленный со вкусом, Д. назвала «дамской комнатой». Другой номер представлял собой огромный зал, грубо обитый красной кожей, – она сочла его подходящим для джентльмена, я же обнаружил, что этот номер не только уродлив – в нем было ужасно сыро и холодно. В комнате стоял обыкновенный умывальник с мраморной раковиной и кувшином для воды. Горничная с неохотой ответила на звонок, но все-таки мне с ее помощью удалось добыть полотенце и стакан горячей воды для бритья. В комнате было нестерпимо холодно, так что я был вынужден надеть шубу. В конце концов на третьем этаже мы нашли два других номера – мой оказался очень теплым и с ванной.

Пока наша Д. ходила искать местный Совет, мы с Р. К. погуляли по городу. Над ним все еще висел тяжелый туман, тротуары обледенели, было очень холодно, но оживленную уличную толпу окутывала аура культуры, что, безусловно, согревало душу. Чем ближе я знакомился с городом, тем сильнее он напоминал мне Париж: призывные витрины магазинов, хорошо одетые миловидные женщины... Мы свернули на широкую улицу и прошли к площади La International²⁸⁶. За ней начинался крутой склон, ведущий к засыпанному снегом парку, где дети катались на санках. Вечером пришел репортер взять у меня интервью. Тем временем Д. заказала ужин, но официант из всего заказанного принес только один шницель. Приехал наш гид из Отдела образования – похожий на бизнесмена молодой человек в коротком черном кожаном пальто. Вечером он отвез нас в оперу, а Р. К. осталась дома вести свои заметки. Постановка оперы «Фауст» была отвратительной, так что мы ушли при первой же возможности. Дома нас ждал самовар, и мы с удовольствием поужинали хлебом и сыром.

14 дек.

Как обычно, мы с утра начали опаздывать. Наши сопровождающие всегда беспечно обещают прийти в девять часов, а затем появляются около десяти тридцати... В десять мы самостоятельно отправились в старый монастырь – Киево-Печерскую лавру, которой 600

²⁸⁵ Нарзан – минеральная вода, разлитая по бутылкам. Позже Драйзер и его спутники побывают у источников нарзана.

²⁸⁶ Имеется в виду нынешняя Европейская площадь в Киеве, которая в 1920-е годы называлась площадь Третьего Интернационала (*пер.*).

лет. Она высится на холмах, откуда открывается вид на Днепр. Мы сели в машину и проехали мимо парка, который видели раньше, мимо многих прекрасных зданий и церквей с разноцветными куполами. Когда мы вышли из машины, нам открылись наверху, на холме, стены и золотые купола монастыря. Пока мы поднимались вверх по дороге, на холоде и при ярком солнечном свете, нам встречалось множество людей на костылях, без ног или без рук. В монастыре находится дом для инвалидов войны, а также фабрика по производству протезов. Когда мы через арку с золотым куполом вошли на монастырскую территорию, передо мной оказался один из самых великолепных соборов, которые мне пришлось увидеть за всю свою жизнь. У него было пять золотых куполов, причем четыре составляли квадрат, в центре которого находился большой купол. Наружные стены были расписаны. Внутри церкви старый священник в длинных черных одеждах, с седой бородой, но с лицом, выражавшим что угодно, кроме святости, продал нам тонкие свечи по десять копеек за штуку и провел нас в очень тесное внутреннее помещение церкви. Здесь находился богатый алтарь с множеством икон, покрытых золотом и инкрустированных драгоценными камнями, а также ларцы с прахом священников и князей, которые были связаны с монастырем. Через люк в полу он провел нас в темный сырой подвал, где в пламени наших свечей мы увидели гроб, в котором под вышитым золотыми нитями покровом угадывались очертания фигуры человека. Вознеся молитву, старый священник поцеловал покрывало, затем приподнял несколько слоев шитой золотом бархатной ткани и открыл нечто похожее на иссохшую руку. Это было самое важное, что он должен был нам показать, – мумифицированные мощи митрополита. Мы вышли на улицу и поднялись к самой высокой части стены, откуда открылся прекрасный вид на Днепр и лежащий за рекой город, который и был построен вокруг этого монастыря. Священники того времени поставили перед собой скромную задачу – воздвигнуть величайшее здание из всех, какие смертные строили для Бога: «Лавра – высшее воплощение православной веры на земле».

Как заметил один из молодых калек, стоявших вместе с нами у стены, «отсюда идет прямой поезд до неба». Обширный по территории монастырь хранит за своими стенами несколько других церквей и сооружений, которые сейчас занимают музеи и т. п. Печерский монастырь был основан в Средние века и тесно связан с историей Киева, одного из старейших городов Европы. Во время революции вокруг этой крепости шло множество сражений, и ей был нанесен большой урон. Отремонтированные повреждения на внешних стенах собора сейчас замазаны свежей штукатуркой и обведены красной краской, символизирующей кровь мучеников.

Наш гид нашел нас и повел в антирелигиозный музей, где представлены реликвии, эмблемы, символы и сокровища великих религий мира. Цель экспозиции, без сомнения, состоит в том, чтобы показать сходство, слабость и иррациональность всех религий. Среди экспонатов есть очень красивые предметы.

В другом здании находилась коллекция церковных сокровищ, множество богатых церковных одежд, тиары, изумительная украинская вышивка. Здесь можно получить хорошее представление о культуре и талантах украинского народа. Снаружи мы встретили много священников, которые, очевидно, были на рынке, потому что они несли корзины с продуктами; один худой старик с пучком волос, выбивавшихся из-под черного головного убора, перебежал дорогу по тропинке, ведущей в одно из небольших зданий, держа в руках чайник с кипятком. Мы заговорили с ним о следах пуль, которые заметили на стенах; да, здесь во время революции шли бои, но Бог миловал, ни одна из икон не пострадала.

Затем мы отправились в музей Потоцкого²⁸⁷. Потоцкий – генерал старой русской

²⁸⁷ Павел Платонович Потоцкий (1857–1938) – русский военачальник, герой Первой мировой войны, военный историк. Был библиофилом, свою библиотеку (около 13 тысяч томов) безвозмездно передал Народному комиссариату просвещения. В 1925 году был назначен пожизненным директором музея, организованного при Киево-Печерской лавре. Значительную часть собраний музея составляла коллекция Потоцкого. В 1938 году был осужден с конфискацией имущества. Умер в Лукьяновской тюрьме Киева (пер.).

армии, который до революции собрал великолепную коллекцию произведений искусства. Чтобы сохранить коллекцию, он предложил сделать из нее общественный музей и сам стал его хранителем. Это грузный, не очень интересный на вид мужчина с седой подстриженной бородой. Он сам открыл дверь и вместе с женой провел нас по музею. В залах было очень холодно, коллекция показалась мне не особенно примечательной. Целый коридор увешан картинами о разных войнах, которые вела Россия; есть несколько прекрасных предметов мебели, резные серванты, кресла, прекрасная каминная решетка, украшенная бусинами. Хранятся здесь и некоторые редкие книги, в том числе история Киева на английском языке, написанная англичанином в 1850 году.

Из монастыря мы отправились на машине по городу. По очень ухабистой дороге мы проехали по берегу реки мимо множества вагонов, в которых везли пиломатериалы для строительства, затем пересекли торговую часть города и остановились у фабрики по производству сеялок. Здесь производят сеялки исключительно для посадки сахарной свеклы – в окрестностях много полей, засеянных этой сельскохозяйственной культурой. Это небольшая, но современная и эффективная фабрика, управляющий которой с гордостью отметил, что на 200 рабочих здесь приходится всего 19 служащих. Они выпускают более 2000 машин в год.

Мы также посетили машиностроительный завод «Большевик», старое предприятие с небольшим количеством нового оборудования, на котором занято 1400 человек.

(Примечание секретаря: я в этой поездке чуть не околела, так что вспоминать о ней мне очень неприятно, поэтому записи остались незавершенными.)

Дело шло к вечеру. Наш гид по-прежнему настаивал на том, чтобы мы осмотрели еще и табачную фабрику, но она оказалась уже закрыта, и тогда мы поехали на хлебозавод – там по крайней мере должно быть тепло. Действительно, там нас ожидали приятное тепло (потому и заметки об этом заводе подробные) и технический директор, который был очень горд своим предприятием и восторженно рассказывал о его работе. Здесь выпекаются только два вида хлеба, оба из муки грубого помола. Печи – немецкие; нам было очень приятно смотреть на то, как из печей выкатывают золотистые буханки с румяной корочкой. За день здесь выпекают 3,5 тонны хлеба, на выпечку уходит полтора часа, на подготовку теста – семь часов, за день получается 20 000 буханок. На заводе 114 рабочих. Несмотря на то что последние американские методы здесь пока неизвестны, это очень чистый и современный завод.

Мы поздно вернулись домой, поужинали в красиво оформленном ресторане отеля вместе с нашим гидом и шофером, потом попили чая из самовара и еще раз съездили на холм, чтобы полюбоваться видом и посетить рабочие кварталы (Р. К. осталась дома). В 22:00 мы выехали в Харьков.

J.H. Pierce in Pottsville Journal, Nov. 12, '27.

***Дает историю царского режима* 288**

К счастью, бо-льшую часть истории России при царском режиме я знаю. После Наполеоновской войны 1812 года на протяжении более 100 лет в стране строились заговоры против царской семьи и происходили бурные волнения, которые в 1905 году подошли к самым воротам Зимнего дворца в Петрограде [Петербурге]. Эти возмущения всегда подавлялись, но в 1917 году господствующий класс России был серьезно ослаблен неудачной войной, и на этот раз оппозиция, хотя и не сильно организованная, победила, и монархия 7 ноября 1917 года прекратила свое существование²⁸⁹.

²⁸⁸ Это мысли, возникшие у Драйзера при чтении и конспектировании журнала, издаваемого в Потсвилле, штат Пенсильвания (*пер.*).

²⁸⁹ Монархия в России прекратила свое существование в результате Февральской буржуазно-демократической революции 1917 года (*пер.*).

Если с России, страны наполовину средневековой и наполовину азиатской, снять налет иностранной культуры, то выяснится, что она всегда жила за завесой тайны, в атмосфере терроризма и романтики. Ее население, 140 миллионов человек, находилось в состоянии невежества и убожества и едва выживало, в то время как правящий класс, эксплуатировавший этих несчастных людей, купался в роскоши и великолепии. Трудовой класс был практически лишен возможности получить образование и самоопределиться, чем создавалось плодородная почва для вызревания семян беспокойства, зависти, ненависти и протеста.

Россия, с ее территорией и природными ресурсами, как у Соединенных Штатов и Канады, вместе взятых, практически не развивалась; ее народ за сотни лет репрессий приобрел комплекс неполноценности. Приветствовалось привлечение иностранного капитала для разработки богатых недр России; ее шахты и фабрики в основном управлялись иностранными инженерами и руководителями. Таким образом, в стране был разрушен дух инициативы, и, когда пришло время восстанавливать свои заводы, шахты и железные дороги, решение столь гигантской проблемы было осложнено отсутствием долговременной системы специализированного образования. Когда пали оковы, умы, которые в течение сотен лет стремились к самовыражению, стали чрезмерно усердно и с удивительной быстротой изучать и ухватывать новые мысли и идеи.

Когда мы кратко пересказываем печальную историю революции и контрреволюции, вторжения иностранных армий, голода и эпидемий в России, нужно помнить, что еще до революции, во время мировой войны, здесь было убито почти два миллиона человек и ранено пять миллионов, что железные дороги и фабрики были уничтожены, шахты затоплены, что моральный дух в стране был на самом низком уровне и что 140 миллионов человек, в основном неграмотные, не имели никакой кредитной или какой-либо иной финансовой среды и были внезапно отброшены на сотни лет назад, во времена бартерного обмена. Выраженный крестьянами картофель меняли у торговца на сапоги, а корку хлеба – на день напряженной работы...

Валюта на основе золотого стандарта

За это время страна перестроила свои железные дороги и заводы, запустила много новых отраслей, были построены огромные электростанции, осушены и вновь введены в эксплуатацию шахты, возведены тысячи прекрасных домов для рабочих. Создана валюта на основе золотого стандарта, значительно расширена система школ, поощряется образование. Здесь меньше всевозможных преступлений, нежели в Нью-Йорке или Чикаго. Здесь тратят 90 миллионов долларов в год на социальное обеспечение.

О том, как быстро идет процесс восстановления, можно судить по тому факту, что в 1924–1925 годах производство и добыча показали прирост на 60 % в сравнении с предыдущим годом. В 1925–1926 годах прирост по сравнению с предыдущим годом составил 40 %, а за только что завершившийся финансовый год – до 20 %. Снижение темпов роста производства, естественно, связано с постепенным завершением программы восстановления... В конце 1926 года в стране функционировали 144 концессии, в том числе более 40 в промышленности, 25 в горнодобывающей отрасли и 36 в торговле. Количество концессий постепенно растет, самыми крупными из них являются марганцевые концессии Гарримана²⁹⁰, японские угольные и нефтяные концессии, золотые прииски на реке Лена, английский синдикат и сельскохозяйственная концессия Круппа. Общий капитал, инвестированный в концессии на 1 октября 1926 года, составил 41 миллион долларов, из которых иностранные концерны вложили 51 %, а советские организации – остальное.

²⁹⁰ Уильям Аверелл Гарриман (1891–1986) – американский промышленник, государственный деятель и дипломат. В 1925–1928 годах был одним из владельцев марганцевой концессии в Читаури, Грузинская ССР (пер.).

Цифры, которые я привел, достаточны для того, чтобы убедить беспристрастный ум в том, что в стране есть экономический прогресс. Здесь имеются также огромные экономические ресурсы, ожидающие капитала для их эксплуатации. Важный вопрос: откуда придет этот капитал? Хорошо известно, что в Америке крупные банки, трастовые и страховые компании с угрожающей скоростью аккумулируют средства. Выпуски облигаций в Соединенных Штатах не могут поглотить такие средства, и у различных финансовых учреждений есть агенты по всей Европе, которые стремятся вложить эти деньги, но предложение по-прежнему превышает спрос. Эти средства должны найти себе выход или они станут бесполезными.

В Соединенных Штатах мы имеем перепроизводство почти по всем направлениям бизнеса, и, если не будут созданы дополнительные рынки, то мы не сможем сохранить наши нынешние темпы развития. Наши деньги должны быть направлены на создание этих рынков, наши банкиры должны настаивать на том, чтобы для покупок в Америке использовались американские кредиты. Если этого не сделать, то Америка станет на тропу войны с теми, кто бросает вызов ее индустриальному превосходству.

В свете такого отношения со стороны американского правительства от американского бизнесмена требуется много мужества, чтобы принять решение о вложении денег в Россию. Является ли такая внешняя политика привлекательной? Будет ли она полезной, найдет ли отклик? Поможет ли она возвращению наших кредитов, когда туман рассеется и мы оглянемся назад, на пройденный путь? Мы что, так близки к лесу, что не видим за ним деревья? Разве хороша для нас политика, согласно которой мы продолжаем помогать восстанавливать Бельгию, Францию, Италию, Польшу и Германию и не обращаем внимания на Россию? Мы ликвидировали задолженность перед нашими союзниками, которая была больше общей задолженности России, мы вливаем миллионы долларов в Германию, которая была зачинщиком войны, поглотившей множество человеческих жизней, и создала гигантские долги для будущих поколений.

Мы должны быть сверхкритичными и считать, что только у нас есть идеальное правительство, или мы должны быть внимательными и терпимыми? Должны ли мы забыть о том, что, когда нашей стране было десять лет, у нас тоже были странные взгляды, которые мы сейчас считаем невозможными? Помните ли вы, что ранняя история нашей страны хранит имена людей, которые были сожжены на костре за то, что выражали определенные религиозные убеждения? Когда вы почувствуете себя особенно великими, вспомните, что всего 66 лет тому назад нашу великую нацию, основанную на том, что все люди созданы равными, раздирали гражданская война, потому что большая часть населения страны верила в необходимость рабства для своих собратьев.

16 дек., пятница

Когда около полудня мы приехали в Харьков, в городе было пасмурно и холодно. Напитанный слухами, я был полон предубеждения против Харькова, и, когда мы поехали по непривлекательным улицам на полуразвалившемся авто, эти слухи, казалось, стали подтверждаться. В гостинице «Красная» нам временно предоставили только один номер – длинную узкую комнату; она выглядела так, будто еще недавно была коридором. С очевидностью, цены и обслуживание здесь были сравнимы с теми, что предлагала Bolshaya Moskovskaya, поскольку номер стоил 8 рублей, но удобства в нем, как оказалось, отсутствовали. Пока Давидовская искала местный Совет, мы пошли на телеграф. Улицы были очень оживленными; на открытой площади напротив отеля стоял длинный ряд извозчиков, сани которых радовали яркими цветными коврами, красной и зеленой обивкой и лошадьми с колокольчиками. Неподалеку мы нашли бюро путешествий концерна «Донуголь», где получили подробную информацию об оставшейся части поездки. Оттуда сотрудник послал нас в главную контору «Дон-угля» (это угольный трест Донецкого бассейна), где можно было узнать о путешествии на Донбасс. Мы долго бродили по этому огромному зданию из серого камня, разыскивая нужный отдел, пока не зашли в комнаты,

которые занимала Американская комиссия. Я сразу понял, что в комнате есть американцы, и безошибочно их опознал – это были пятеро американских инженеров, которые всего лишь несколько месяцев провели в России. У них было много дружеских предложений по поводу поездки в Донбасс, а один из них предложил использовать свое влияние, чтобы переселить нас в отеле в номер получше. Потом мы подкрепились какао с булочками в обеденном зале при пекарне. Здесь было много деловых людей, чиновников промышленных трестов, частных трейдеров и др., значительную часть которых составляли евреи.

За обедом, который проходил под музыку в столовой гостиницы, мы пытались поднять себе настроение, беседуя о красотах Флориды и Черного моря. Оказавшись в Харькове, мы, похоже, ни на шаг не приблизились к нашей мечте пожить в более теплом климате, чем в Москве. После обеда нам дали большую комнату за 10 рублей, в которой мы решили поселиться все вместе. Д. расшевелила местных чиновников, предоставив им письмо от БОКС и статью Сержа обо мне, которая была напечатана в газете «Вечерняя Москва».

Потом к нам пришел очень вежливый молодой человек из местного Отдела образования, который предложил дельную программу знакомства с городом.

Вечером он привез нас в ведущий местный Драматический театр, который давал на украинском языке драматическую версию «Риголетто». Это был огромный театр, построенный наподобие Большого, – с тремя ярусами лож вокруг сцены, но зал был почти пустым из-за внезапной замены спектакля. Позже в зале появилось несколько сотен солдат местного гарнизона, которые заполнили свободные места. Я был удивлен прекрасной постановкой и великолепной игрой актеров. Похоже, украинцы обладают замечательными артистическими талантами, которые при царях подавлялись, поскольку официальным языком был русский, а массы знали только украинский. Теперь, при новом движении за развитие местных языков, эти таланты, кажется, расцветают с новой силой. После двух действий я с неохотой перешел в оперный театр. Здесь, как ни странно, тоже ставили иностранную классику: шла «Кармен», и тоже на украинском языке. Здесь мне тоже очень понравилась постановка, голоса были прекрасны, а Кармен была хороша – как немногие другие певицы, которых я видел в этой партии. Я так устал, что после третьего акта собрался домой, но директор умолял меня остаться, уверяя, что последний акт будет лучшим. Однако антракт был таким долгим, более полутора часов, что, когда занавес наконец поднялся, я уже был не в силах ничего воспринимать. Домой мы поехали на извозчике. Мое мнение о Харькове неуклонно улучшалось.

17 дек., суббота

Утром пришел наш гид, и мы отправились в очень хорошей машине на Электромеханический завод, расположенный на окраине города. За ночь температура повысилась, снег начал таять, появилась дымка. По дороге мне немного рассказали о городе. Мы проехали несколько широких улиц с прекрасными зданиями и новыми развязками, миновали район новых домов для рабочих – очень симпатичных, одно- и двухэтажных, из красного кирпича. Харьков, как и любой другой крупный центр, сталкивается с жилищной проблемой; за последние десять лет население города выросло с 200000 до 450000 человек. Завод, который мы посетили, оказался самым большим из всех, какие я здесь пока что видел. До революции это был немецкий завод, который находился в Риге, позже его перенесли сюда и выстроили на новом месте. Здесь работают 4000 рабочих и 1000 техников и инженеров, 400 рабочих – женщины. Из-за того, что заказов приходит больше, чем ожидалось, на заводе закончилось сырье, и в настоящее время работа идет только в одну смену, но никто из сотрудников не уволен. На государственных предприятиях, в принципе, можно временно перемещать рабочих с одного места на/в другое, но в действительности это сделать нелегко. В настоящее время завод работает только на четверть своей мощности. Сейчас он дает продукции на 15 миллионов рублей в год, в будущем планируется 40 миллионов. Технический директор, литовский инженер, обнял нас и ответил на некоторые мои вопросы, в частности о высокой стоимости производства в России. Он сказал, что она выше не более

чем на 100 %, и это объясняется не только высокой заработной платой и социальными пособиями, предоставляемыми рабочим, но и более низким темпом работы, который сохраняет здоровье рабочих и преждевременно его не изнашивает. Он считает, что производство в расчете на человека стоит здесь на 30 % меньше, чем в Америке.

Пока мы шли по большому зданию, рассматривая нависавшие сверху краны, новые немецкие станки, изоляционные материалы и т. д., вокруг нас собралась толпа рабочих, которые хотели больше узнать об Америке. Услышав, какая там высокая заработная плата и какие хорошие бытовые условия, они вступились за своих и начали объяснять, что здесь рабочий лучше защищен, что он получает бесплатную медицинскую помощь, что дети работниц посещают ясли и т. д. Но тут выступил один рабочий, который сказал моему секретарю, что мы не должны верить тем, кто говорит будто рабочие живут хорошо, что они живут очень плохо, что у них вообще нет свободы, что они не могут открыть рот для критики и так далее. Другие рабочие были им очень недовольны, а секретарь ответила, что он-то, похоже, не побоялся высказать свою, критическую точку зрения. Когда мы уже уходили, двое рабочих догнали нас и объяснили, что этот рабочий немного не в себе. «Вы знаете, – говорили они, – в семье не без урода».

Всего в России насчитывается 27 таких заводов, все они входят в состав Государственного электротреста (ГЭТ), контролируемого правительством России. Зарплата колеблется от 100 до 150 рублей у квалифицированных рабочих, женщины, работающие на станках сдельно, получают около 55 рублей, а более высококвалифицированные работницы – от 70 до 80 рублей. Многие из рабочих, например те, кто трудятся в литейном цехе, имеют отпуск длительностью один месяц, а раз в год завод закрывается на две недели ради общего отпуска.

Я спросил у эстонца²⁹¹, что он лично думает о советской системе и нужно ли ее будет менять с течением времени. Он уверенно ответил, что систему менять не нужно, что она – предмет постоянной заботы, что рабочие ее поддерживают и что он не видит причин, по которым ее нужно было бы изменить. Он сказал, что он не член партии и остался здесь просто потому, что удовлетворен материальными условиями и условиями работы. Он сказал, что платит 40 рублей за свою двухкомнатную квартиру, но рабочий за такую же квартиру платит, наверное, 5 рублей, потому что его заработная плата намного ниже.

С завода мы отправились в дневные ясли для детей работниц – они расположены рядом с заводской территорией. Здешние условия показались мне совершенно идеальными для детей грудного и чуть более старшего возраста, как и в образцовых яслях в Москве. Кормящие матери приходят к детям во время рабочего дня, потому что они работают шесть часов вместо восьми. Идея замечательная, но я больше не хочу смотреть ни на какие детские сады!

Вернувшись в гостиницу, мы обнаружили, что самовар все еще там, где мы его оставили. Вместе с секретарем мы сели пить теплый чай и продолжать наш бесконечный спор о том, как умный человек управляет дуболомом.

Приехал наш гид и отвез нас на выставку украинского искусства, которая экспонировалась в новом строящемся здании, где будут расположены офисы крупных правительственных промышленных трестов²⁹². Сначала мы ехали на санях по узким улицам, затем по широкому бульвару и наконец по почти бескрайнему открытому

²⁹¹ Выше Драйзер писал о литовском инженеру. Возможно, он ошибся дважды и это был латыш, поскольку завод переехал из Риги (*пер.*).

²⁹² Дом Государственной промышленности (Госпром) – один из первых советских небоскребов, построенный в 1925–1928 годах на самой большой площади Харькова, которая в те годы носила имя Дзержинского. Дом проектировался для Паевого товарищества строительства и эксплуатации домов госпромышленности в городе Харькове, в которое входили 22 государственных треста, а также банки и торговые организации (*пер.*).

пространству подъехали к новому зданию из серого камня высотой восемь или десять этажей, которое выглядело так, как будто его перенесли сюда из Нью-Йорка, на эти заснеженные равнины. Это здание производило огромное психологическое впечатление: казалось, оно символизировало собой индустриализацию России. Внутри пока не было никакого отопления, и побеленные стены блестели от инея. Каменные ступени были очень скользкими, и мой секретарь заметила, что, если она упадет и что-нибудь сломает, то мне как ее работодателю придется заплатить ей компенсацию. Но я ей напомнил, что все это время я должен платить за нее страховые взносы в отдел государственного страхования.

Сама выставка также неожиданно оказалась впечатляющей. Здесь были представлены действительно прекрасные картины и скульптуры – это было живое, молодое и сильное искусство. Мне очень понравилась маленькая картина, изображавшая насыщенными зелеными красками с вкраплением красного цвета лесной пейзаж. Художник А. Симонов²⁹³ назвал ее «Чтение письма», поскольку маленькая фигурка в красном – это девушка в красном платье, которая сидит на поляне и читает письмо. За нее попросили 350 рублей и обещали прислать почтой детальные сведения о ней и о нескольких чашках и вазах, которые я захотел купить.

Здесь было несколько залов, посвященных архитектурным планам и чертежам строящихся в Харькове зданий, а также проектам. Этот город живет прекрасными мечтами; новое здание является только первым из числа многих, которые будут построены вокруг. Одним из них станет комплекс зданий правительственных ведомств. Чертежи всего проекта, определенно, рисуют прекрасную картину. Легко поверить, что через десять лет здесь, в Харькове, будет украинский Чикаго.

Пока мы обедали в отеле, наш гид Борис Вольский, который сам является художником, принес фотографии картин с выставки. Затем я дал ему интервью, из-за которого мы чуть не опоздали на поезд. Мы прошли, наверное, несколько миль по скользкому льду, покрывавшему платформу станции, пока добрались до нашего вагона и вскочили в него как раз вовремя. В душный вагон набилось множество людей, я чувствовал себя очень уставшим и больным, постельного белья здесь не давали, и мы провели весьма тревожную ночь – некоторое облегчение принесли лишь две бутылки нарзана, которые проводник купил во время остановки. В нашем четырехместном купе оказался пожилой мужчина, инвалид, который сразу же заговорил со мной по-немецки и долго рассказывал о своих страданиях во время революции. Он был торговцем, все потерял и теперь утверждал, что за ним и его семьей следит тайная полиция.

18 дек., воскресенье

В 10 утра мы прибыли в Сталино, центр Донецкого бассейна, шахтерский город с населением в 110000 человек. Город находится в 12 верстах от станции, поэтому мы сели в старый экипаж, запряженный большой черной и маленькой белой лошадьми, и поехали – в коляске на колесах, так как продолжалась оттепель и по дорогам бежали ручьи от таявшего снега. По мере того как мы ехали по грязным улицам, в холоде и тумане, у меня начало портиться настроение. Тем не менее я чувствовал, что в конце концов поездка получится интересной. Со всех сторон, словно пирамиды, над шахтами возвышались холмы из отработанной породы; по крутому склону одного из них двигалась вагонетка. У станции дома представляли собой просто лачуги, но по мере приближения к городу они выглядели

²⁹³ Скорее всего, это Александр Корнилович Симонов (1875–1957) – мастер пейзажной живописи, портрета, занимался музейным делом, организатор многочисленных выставок. Родился в с. Капустенец Полтавской области. Окончил Московское училище живописи, скульптуры и архитектуры, Парижскую академию искусств. Был членом Ассоциации революционного искусства Украины, Ассоциации художников Красной Украины, Общества им. И. Е. Репина. Участник республиканских и всесоюзных выставок. Преподавал в Харьковском художественном институте, Харьковском инженерно-строительном институте, восстанавливал музеи после освобождения Харькова во время войны. В конце жизни переехал в Абхазию (*пер.*).

все лучше. До чего же запущенная территория, но тем не менее очень обжитая. Разбрызгивая липкую грязь, мы скоро оказались на улицах городка. Повсюду – толпы людей; как обычно по воскресеньям, работал базар. Наш отель оказался совершенно новым и, как заверил нас швейцар у входа, «очаровательно чистым». Маленькие комнаты были светлыми и удобными. Здесь мы заплатили по 4 рубля за комнату, но так как мы потребовали покрывала на кровати, с нас взяли еще по 50 копеек за каждое покрывало.

Мы позавтракали в соседнем кооперативном ресторане, где было немало интересных типажей: женщин, замотанных в серые шерстяные шали, неотесанных мужиков... Но иногда попадались и хорошо одетые мужчины, а один даже с тростью. Нам подали хот-доги и картофельное пюре с подливой – первое напоминание об американской кухне, а Давидовская предпочла свою любимую «рыбу фиш» (гефилте-фиш, фаршированную рыбу, еврейское блюдо. – *Ред.*)...

Пока Д. звонила местным чиновникам и будоражила их известием о прибытии именитого гостя, мы с моим секретарем решили прогуляться по утопающим в грязи улицам. Было очень сыро и облачно, и город выглядел настолько уныло и безобразно, что дальше некуда. Только люди были энергичные и хорошо одеты. Среди воды и уличной грязи там и сям виднелись маленькие палатки и лотки, с которых продавали всякую всячину: инструменты, галантерею, книги, старую глиняную посуду, мотыги, простыни, кровати, обитые тканью кушетки, кресла, колыбельки – в общем, самый жалкий ассортимент. Как оказалось, мы вышли к центральной водонапорной станции (с водой здесь проблемы, вода подается по трубам только в эту часть города). Женщины поочередно подходили к маленькому окошку, вручали талон (маленькую желтую бумажку), ставили свои два ведра под трубу, и мастер включал воду. Потом они вешали эти два ведра на палку, водружали ее себе на плечи и, балансируя, шли по скользким от грязи улицам домой. Одной молодой женщине очень не повезло. Она поскользнулась на ледяном пригорке и упала, вылив оба ведра воды прямо на себя. Потом она встала, подобрала ведра и с мрачным выражением лица вернулась к водонапорной станции. Вдали, среди холмов, виднелись симпатичные дома из белого камня.

Нам рассказали, что это поселок для рабочих и их семей и что сейчас там живут 12 тысяч человек.

Вечером наш гид по Сталино, молодой человек из Отдела образования, повез нас на машине в один из клубов для рабочих. Здесь была прекрасная выставка, подготовленная к десятой годовщине [Революции]; сначала освещалась история Революции, потом шли фотографии, плакаты, документы, график роста профсоюзов за 10 лет, бесконечные таблицы – одна из них показывала, что до революции 95 % населения не голосовали на выборах, а сейчас доля голосующих составляет 94 %. Был зал, посвященный сельскому хозяйству, с графиками, показывающими рост числа коллективных крестьянских хозяйств в этом районе (6 – в 1921 году и ИЗ – в 1927-м). В коллективных хозяйствах объединено 10000 крестьян, они используют 3 % земли.

В 1916 году в этом районе было 120000 лошадей, после революции и войны осталось всего 22000. Сейчас первоначальное поголовье лошадей практически восстановлено. То же справедливо в отношении поголовья коров.

Большой зал посвящен угольной промышленности. Здесь представлены образцы нового оборудования, сталеплавильные печи американского типа, графики развития производства, модели вагонеток разных размеров, демонстрирующие развитие угледобычи с 1917 по 1927 год. В 1917 году, то есть до того, как угледобыча была полностью разрушена, здесь добывали 1511 миллионов пудов²⁹⁴ угля в год, сейчас – 1400 миллионов. Было также представлено несколько образцов изобретений, которые сделали шахтеры, среди них кабельная вагонетка и углевоз. Демонстрировалась также спецодежда для рабочих: высокие

²⁹⁴ 24750 180 тонн. 1 пуд равен 16,4 кг (*ред.*).

резиновые сапоги, фартуки, комбинезоны, перчатки и т. д. В Отделе по охране труда были показаны различные устройства для обеспечения безопасности в шахте (электролампы, кислородные компрессоры), а также плакаты, предупреждающие рабочих об опасности.

На выставке Отдела культуры были представлены графики, показывающие ликвидацию неграмотности с 1923 года по настоящее время. Из 41727 человек, посещавших вечерние школы в этом районе в 1923 году, 28983 человек сейчас грамотны, то есть завершили начальное образование. Посещаемость школ в этом районе составляет 100 % у детей в возрасте до девяти лет и 82 % у детей старше девяти лет.

В том же здании находится и центральная библиотека. Библиотекарем в ней оказался энергичный молодой человек: на вид ему не более 20 лет, симпатичное смуглое лицо, блестящие черные глаза... Зал выдачи книг на дом был забит постоянными читателями. Мой секретарь спросил, нет ли у них каких-то моих книг, и библиотекарь сразу ответил, что нет, но они заказали все, что было издано на русском. Она заговорила об издательстве «Земля и фабрика», но библиотекарь быстро ее перебил: «Да, я знаю, что издательство “Земля и фабрика” собиралось издать собрание сочинений, но теперь его выпустит “Госиздат”. Я прочитал об этом в библиографическом журнале». В этой библиотеке 20000 книг, в читальный зал приходят по 250 человек в день, а 47 % пользователей абонемента являются рабочими.

Из библиотеки мы отправились в клуб профсоюза советских служащих и работников торговли²⁹⁵, в который входят здесь 1600 человек. Это было старое здание с большой аудиторией, чайной, спортивным залом и библиотекой, насчитывающей несколько тысяч книг (кстати, во всех библиотеках здесь используется американская десятичная система классификации Дьюи). Здесь, как и в другом здании, в комнате отдыха было радио, по которому члены клуба каждый вечер могли слушать местные станции, а также Москву, Берлин, Лондон.

Я вернулся в отель рано, потому что очень устал прошлой ночью в поезде. Мое впечатление о Сталино заметно изменилось. В городе, который, на первый взгляд, выглядел как захолустная дыра, я обнаружил живые центры культуры, привлекающие массы населения.

19 дек., понедельник

Утром молодой человек зашел, чтобы забрать нас на очередную поездку с осмотром достопримечательностей. Нас ждала хорошая машина; неожиданно снова похолодало, и весь растаявший снег снова замерз, в результате чего всюду стало очень скользко. Мы поехали на Государственную ферму им. Троцкого²⁹⁶ (Совхоз), которая находилась в 12 верстах от города, за угольными шахтами, стоящими посреди голой степи. Вокруг каждой шахты ютилось по несколько домиков. Шофер безрассудно вел машину по заледенелым просторам с огромной скоростью; сырой колючий ветер бил нам в лицо. У машины часто пробуксовывали колеса, ее заносило, а иногда нас подбрасывало на колдобинах плохой дороги. Мы промчались мимо повозки, на которой управляющий Совхозом ехал в город. Сопровождавший нас латыш по имени Этьен, главный агроном района, остановил повозку и попросил управляющего развернуться и поехать с нами. Совхоз, стоявший на холме, представлял собой скопление белых кирпичных зданий. До революции эта ферма

²⁹⁵ Правильное название – профессиональный союз работников советских, общественных и торговых учреждений и организаций, сокращенно – профсоюз совторгслужащих (*пер.*).

²⁹⁶ Сомнительно, что в декабре 1927 года совхоз носил имя Троцкого. В 1926-м Троцкий был выведен из состава политбюро ЦК, в ноябре 1927-го исключен из партии и в том же году выслан в Алма-Ату. Не зря через несколько дней, оказавшись в Минводах, Драйзер (Рут Кеннел) пишет о санатории: «Ранее он носил имя Троцкого, теперь называется «Октябрь», а выше заметил, что все портреты Троцкого уже убрали (*ред.*).

принадлежала американцу по фамилии Хьюз²⁹⁷. Сейчас у фермы 3000 десятин земли (3270 га), 2000 из которых обрабатываются. Зимой можно было мало что увидеть, кроме конюшен, скота и молочной фермы. Сначала мы пошли на конюшню, где находилось 200 рабочих и 150 молодых лошадей, несколько рысаков и около 60 тягловых лошадей. Была здесь и отдельная конюшня для жеребых кобыл. Мы спросили, дают ли им два месяца отдыха до и после родов, как и всем работающим женщинам, и нам вполне серьезно ответили, что дают. Они жеребятся только зимой, потому находятся в особенно теплом месте и получают усиленное питание. Конечно, как и на любом производстве, по соседству имелись ясли, причем жеребята, кобылы и жеребцы содержались по отдельности. Агроном подчеркнул, что их разделяют барьеры и что в этом возрасте им позволено лишь смотреть друг на друга. Я отметил, что в этом видна строгая «красная» нравственность. Затем мы осмотрели коров, которые содержатся в очень хорошем коровнике. Когда я обратил внимание на их худобу, агроном пояснил, что это коровы немецкой породы, которые не дают много молока, если их раскормить. Коров кормят рубленой свеклой, и на каждые 10 фунтов свеклы они дают 3 фунта молока²⁹⁸. Молочные продукты поставляют на соседние предприятия, где рабочие получают молоко за вредность производства.

Я спросил, почему этот район безлесный, и агроном пояснил, что здесь действительно мало деревьев, но не столько из-за почвы, сколько из-за атмосферы. Тем не менее здесь сажают деревья. В каждом округе – десять районов, в каждом из них по четыре агронома, и еще шесть агрономов работают в центре (наш гид как раз и был одним из этих шести).

«Ну а теперь – к свиньям», – прозвучало историческое выражение, которое подходило и к этому случаю. Скользя и едва ли не ползя по обледелой земле, мы подошли к очень приличному свиному двору, где обнаружили отличных чистых свиней. К нему примыкал большой участок, огороженный высоким забором, за которым бегали молодые кабанчики. Агроном сказал, что это «кабаний монастырь». Он также показал нам место, где свиньи купаются, и заметил, что летом хрюшки разгуливают по всему большому двору.

Дальше мы вместе с большим и толстым управляющим-скандинавом скатились по льду к машинному двору, где я, к своему удивлению, обнаружил много разной сельхозтехники – плугов, жаток, культиваторов, сенокосилок – в основном производства компании Deering. Была в хозяйстве и мастерская.

Оставалось еще посмотреть овец, но мы все настолько промерзли и чувствовали себя так ужасно, что решили вернуться в хозяйский дом. Здесь в просторной уютной гостиной полыхала дровяная печь, перед которой стояло кресло-качалка. В него-то я и уселся с чувством благодарности. На длинном столе располагались горшки с хризантемами. Я по ошибке их принял за бумажные цветы, столь популярные в России. Я спросил, не досталось ли кресло-качалка в наследство от американца Хьюза, но мне сказали, что это не так. На обед у нас были каша, кофе, домашний белый хлеб, зельц, швейцарский сыр, соленые огурцы, вино и водка. Все очень приятно расслабились после долгой поездки по морозу и ветру. Оттаяв от еды и питья, мы стали разговорчивыми и увлеклись дискуссией об отношениях между США и Советской Россией и на другие схожие темы. В середине разговора мой секретарь разразилась резкой тирадой, направленной, как мне показалось, против меня. Когда я упрекнул ее, что она выступала против меня на иностранном языке, она возмутилась и ответила: «Напротив, я в резкой форме высказалась о том, какой вы замечательный человек, какой важной персоной являетесь в Америке и какое влияние можете оказать на Россию. Другими словами, я обманула не вас, а их».

²⁹⁷ Джон Джеймс Юз (современная транскрипция – Хьюз, 1814–1889) – британский промышленник, основатель Донеца (образовавшийся поселок, а потом и город поначалу назывался Юзовка). Семья Юзов уехала из Юзовки в 1903 году (*пер.*).

²⁹⁸ Русский фунт чуть меньше, чем английский, и составляет 0,4 кг.

Перед отъездом появилась обычная здесь книга отзывов, в которой я должен был описать мои впечатления, но, надо сказать, что впечатления у меня были не очень хорошими, потому что они сказали, что прибыль хозяйства в прошлом году превысила расходы всего на 3000 рублей – и это при 200 постоянных работниках. Они объяснили, что большую часть вырученных денег вкладывают обратно в производство.

Выйдя, мы обнаружили, что наша открытая машина завалена снегом. Мы взяли метлу и очистили сиденья. На агрономе была огромный овчинный тулуп. Кроме того, он захватил «на всякий случай» пару валенок. Наш молодой гид, который был одет в легкое пальто, тоже облачился в аналогичную шубу и стал похож на огромного лохматого бизона. В таком виде они сели на передние сиденья, чем слегка заслонили нас от колючего встречного ветра. Мы снова полетели по мрачной степи. По дороге мы проехали «хутор» (стоящие на отшибе ферма или крестьянский дом – это довольно редкое явление в России), и я заметил стадо скота, стоявшего в загоне – и это в такую плохую погоду. Мне сказали, что они ожидают своей очереди на бойню (так что об их содержании уже заботиться не надо). Сплошь покрытые снегом, мы остановились, чтобы сфотографироваться. Энергичный человек, снявший нас в шубах и шапках, чуть не порвал жилы от напора, с которым он хотел продемонстрировать «американскую скорость». Меня сфотографировали отдельно, без шубы, я оставил пару автографов, и в конце концов из-за настойчивой просьбы моего секретаря напоследок осмотреть в Донбассе шахту, мы отправились туда. Шофер поднял верх машины, но наш гид так хотел показать мне окрестности, что открыл окно справа от меня и сел рядом. Одетый в огромную шубу, объемный черный воротник которой простирался на милю, он полностью закрыл от меня половину машины, так что все, что я мог видеть, – это маленький уголок окна. Но гид был настолько счастлив из-за маленькой хитрости, которая позволила мне наслаждаться видами, что у меня не хватило духу его разочаровать.

Драйзер и его спутники по поездке в Сталине», Донбасс, 19 декабря 1927 года.

Мы проехали через город к холмам, которые я заметил, стоя посреди грязи, еще в первый день пребывания в Донбассе. В городе обращали на себя внимание отдельные прекрасные каменные дома для рабочих. Мы остановились у занятного совсем нового каменного здания – это был клуб шахтерского профсоюза. В удобном доме было 67 комнат, современные средства связи, современная мебель, а также прекрасный зал – фактически театр на несколько тысяч мест. Кроме того, здесь были прекрасный лекционный зал со специальными партами и большой спортзал с современным оборудованием. Постройка здания обошлась в 600000 рублей. Неподалеку возводится большой клуб для металлургов, стоимость которого составляет около двух миллионов рублей.

Теперь мы были готовы спуститься в шахту. По дороге к нам присоединился другой гид, который приготовил спецодежду для такого случая. Было всего четыре часа дня, но уже достаточно темно, мокрый снег бился в окна машины, кое-где сквозь туман виднелись электрические огни, иногда звучал заводской гудок. На шахте мы зашли в шахтерскую баню, где переоделись. Там было восхитительно тепло. Сюда заглянул один из мастеров, симпатичный молодой человек с длинным прямым носом, что придавало ему несколько надменный облик. Мы облачились в тяжелые брезентовые штаны и куртки, широкополые шляпы, нам дали угольные лампы накаливания. В таком виде, похожие на заправских шахтеров, мы вышли обратно на дикий холод, прошли по скользкой земле и подошли к лестнице, ведущей в шахту. Снаружи несколько женщин толкали по рельсам вагонетки с углем. Снизу поднялась клеть, с которой ручьем стекала вода, мы зашли в нее и опустились под землю на глубину 140 метров. Там мы вышли в пещеру с рельсами и электрическим освещением. Впрочем, освещено было только центральное место. Когда мы зашли в боковой коридор, то светили уже только наши фонари. Каждые несколько минут раздавался

предупредительный свисток, и наш гид говорил «вправо принять» или, если вагонетка ехала в обратном направлении, «влево принять», и мы прижимались к каменистым стенам, в которые были вбиты укрепления. Появлялась лошадь с седоком, пригибавшим голову, чтобы не стукнуться о потолок. Лошадь тащила две или более вагонетки с углем. Я заметил, что воздух внизу был достаточно свежим, а в некоторых местах коридора в лицо даже дул легкий ветерок.

Мы прошли через какую-то дверь, и внезапно воздух стал гораздо теплее, а в нос ударило зловоние, доносившееся от лошадей. Мы попали в конюшню, где жили эти несчастные лошади, работавшие глубоко под землей. Они стояли в узком стойле в полной темноте – через несколько лет такой жизни все они слепнут. Специально для них нужно закачивать свежий воздух – его требуется втрое больше, чем людям. Двигаясь по коридору, я думал о таком кошмарном существовании, а меня тем временем продолжал преследовать этот ужасающий запах. В конце концов мы подошли к тому месту, где непосредственно добывался уголь. Эта шахта полностью механизирована, здесь нет никаких кирок. Я увидел в действии ту машину, которую видел раньше только на выставке, – это был механизм, с помощью которого уголь перемещался по узким коридорам и доходил до вагонеток. Вокруг нас собралось несколько молодых шахтеров, которые хотели узнать об условиях труда шахтеров в Америке. Они сказали, что своими условиями довольны: проходчики работают по шесть часов, а водители вагонеток – по восемь. Они с радостью ожидают семичасового дня, обещанного всем рабочим правительством. Когда мы возвращались, в лицо все время дул ветерок. Мы прошли мимо ругающихся водителей, иногда у стен видели отдыхающих рабочих. Затем мы снова попали в помещение, залитое электрическим светом, зашли в клеть, с которой стекала вода, и были подняты вверх – все в целости и сохранности. Мы снова вышли на холод и кинулись в горячую баню, где смыли угольную грязь с рук и лиц...

На обратном пути мы остановились у группы новых шахтерских домов и постучали в дверь одного каменного домика, в окнах которого горел свет. Нам ответил пронзительный голос хозяйки – она боялась открывать дверь, потому что мужа не было дома. Мы подошли к следующему дому; здесь на нас начали лаять собаки, но хозяин открыл дверь. Он оказался довольно вежливым человеком, пригласил нас внутрь, появилась невысокая босая девушка – его жена. Нам показали маленькую кухню с большой кирпичной плитой, просторную гостиную и спальню – все выглядело новым и привлекательным. Он сказал, что за аренду, электричество и воду ничего не платит, потому что дом построил завод, на котором он работает. Он квалифицированный механик, зарабатывает 150 рублей в месяц. Сейчас, правда, в доме нет воды, и ее нужно привозить с близлежащей станции.

Добравшись до гостиницы, мы пошли поужинать в соседний кооперативный ресторан, где заказали шницели со свеклой. Мне понравилась игра скрипача из Вены и его жены – пианистки и виолончелистки. Сначала он по просьбе какого-то молодого человека сыграл прекрасную еврейскую мелодию. Увидев, что мы ее оценили, он специально для нас исполнил некоторые американские песни, в том числе «Янки-дудл». Думаю, что в этом захолустье он не процветает, а, напротив, очень нуждается. Возле пианино сидели две сильно накрашенные проститутки, из-за которых вспыхнула перепалка с Давидовской.

Мы все очень устали и ословели от пива, тем не менее я вступил еще в один спор – с моим секретарем. Я высказал ряд соображений относительно советской действительности, и она очень этим возмущалась. Я сказал, что большинство показанных нам предприятий далеко не новы, они уже много лет действовали при царе, а некоторые даже не достигли довоенного уровня производства. Что у совхоза прибыль составила только 3000 рублей. Что, по словам агронома, трактора, которые в таких количествах выпускают в Ленинграде, по качеству сильно уступают американским, да и стоят дороже. Ну и потом я вспомнил торговца в поезде и его жалобы, я сказал, что нельзя работать с такой скоростью, что предприятия должны показывать больше прибыли. Она ответила, что ей стыдно снова повторять старую историю о войне и революции, разрушивших все отрасли промышленности, так что их пришлось восстанавливать. Она не будет снова разъяснять

заявление Рыкова о том, что уровень производстве достаточно высок, но многое идет непосредственно рабочим, и темпы роста кажутся ниже. Как я мог подумать, что система не работает, после того, как я видел улучшение условий жизни масс и страны в целом? Почему я думаю, что они должны показывать прибыль в деньгах? Я считал, что она – никудышный экономист, но она никогда не предполагала, что я сам такой. Какова основополагающая цель производства: обеспечивать прибыль или же удовлетворять потребности людей и обеспечивать их жизненными удобствами? И разве это не то, чего быстро достигла в Советской России индустрия? Я говорил, что всегда знал об ужасных условиях жизни в России при царе, но она не думала, что я не знаю или не понимаю, куда идет вся прибыль предприятий, когда вижу значительное улучшение уровня жизни масс по всей России. Посмотрите на новые дома для рабочих, на прекрасные клубы, на работу в области культуры – даже в этой дыре. Посмотрите на новые больницы, на детские сады на фабриках (может, вы их мало видели?) – и у вас не останется сомнений в том, что промышленность работает с прибылью.

(Примечание секретаря: я ничего подобного не говорила, но потом об этом размышляла.)

19 декабря 1927 года, понедельник. Сталино, Россия

Дым, гарь и слякоть. Встал в 8:30. Перечитываю «Нового Макиавелли»²⁹⁹ (английский социализм 1900-х годов). Мы должны посетить сегодня совхоз (сельскохозяйственную ферму), шахту, шахтерский клуб и дома рабочих. Местный Совет должен предоставить автомобиль. Около 10:30 мы начинаем. Наш шофер был раньше как-то связан с московским Кремлем. Бесшабашный водитель. Степи. Пятнадцать верст езды по снегу – через ледяную равнину. Франко-немецкий директор фермы г-н Хьюза. Чистокровные жеребцы и кобылы. Быки и коровы. Свиноматки и хряки. Овцы и [...]. Главная контора. Г-н Хьюз принес в Россию комфорт. Живые цветы. Туалет в главном здании. Это обстоятельство заставляет меня предложить проведение в России национального дня туалета. Еще один долгий спор, хотя у нас вроде бы нет времени. Скот на снегу. Почему он тут? А, его собираются забивать. Клуб шахтеров. Мое замечание о клубе местных служащих. О, им ничего больше и не нужно. Шахта. Лошади, которые слепнут через пять лет. Шестичасовая работа для настоящих шахтеров (углекопов). Восемь часов для других. Мы сделали это! Шахтерская баня.

Россия

Кажется, иногда они верят, что классы реальны и независимы от входящих в них людей. Статистика вместе с ошибками, несправедливостью, жадностью и глупыми недоразумениями приводит вас ко вполне приемлемым процентам.

+

Они хотят, чтобы все было организовано, полностью согласовано с правительством, соотносилось с коллективной целью и с бесконечным числом государственных функционеров – и никак иначе.

+

И они, кажется, понимают (наконец-то), как ни одно другое современное правительство, что нужно все больше и больше пользоваться услугами экспертов. Они не

²⁹⁹ В романе Герберта Уэллса «Новый Макиавелли» (1911) речь идет о политической жизни в Великобритании перед Первой мировой войной.

похожи на нас – мы все еще совмещаем очень эффективные (с одной стороны) методы работы с плохо обученными и действующими без энтузиазма работниками. Они мирятся с неэффективностью, расточительностью, непониманием и отсутствием мотивации.

+

В Америке наша задача – поймать и использовать во благо все, что ускользает, вернуть миру разрушенные промышленные и финансовые предприятия и поставить их на службу общему благу.

+

У нас – множество собственников без цели.

Видно, что страна, конечно, не заброшенная, но пока еще невероятно бедная. Слава Богу, здесь нет глупого и бессмысленного богатства, демонстрирующего свою бессмысленность нуждающимся. Это нация людей вооруженных, решительных, подчиняющихся приказам, частично обученных и (по крайней мере, официально) имеющих цель (и с огромной партией, направляющей их к этой цели). Их чувства – это в основном коллективные чувства; их цели – коллективные, а не индивидуальные, как у наших [нечитаемое слово].

Они – коммунисты, и потому для них индивидуализм означает путаницу. Их цель состоит в том, чтобы подчинить недисциплинированного рабочего так же, как они подчинили и упразднили недисциплинированное богатство. Порядок и преданность, как в раннем христианстве, – вот самая суть их учения. Короче говоря, как сказал мне сам Бухарин, они излучают восхитительную коллективную энергию и счастье. Короче, если я правильно [нечитаемое слово], он сказал (обрыв текст – Пер.).

20 декабря 1927 года, вторник, Сталине, Россия

Мрачно и холодно. Дождь со снегом и просто снег. Мы завтракаем в ресторане гостиницы «Металлург». Одно из впечатлений, которое я получаю от жизни в России и от местных отелей, состоит в том, что они здесь хорошо понимают, как должна выглядеть жизнь с санитарной точки зрения, но не совсем понимают, что для этого нужно делать. Так, они сооружают туалеты, но ими невозможно пользоваться – хотя бы потому, что в них отсутствуют цепочки для слива. Они понимают, что умывальники необходимы, но воды в них подают так мало, что ей можно лишь смочить лицо и руки. У них есть номера с ванными, но горячая вода поступает туда только в субботу или воскресенье – в дни, которые они в «дованную» эпоху привыкли считать банными.

У нас тут сегодня возникло определенное напряжение. Накануне я отчитал Давидовскую, которая попыталась заставить меня уехать на «Максими Горьком» (и оплатить ее возвращение домой в Москву), и теперь она оскорблена в лучших чувствах. Со всем тем, что случилось вокруг Сталина накануне, видимо, уже ничего поделать нельзя³⁰⁰. Я начал перечитывать «Нового Макиавелли». Под моим окном двое мужчин забили свинью – наверное, ради мяса для ресторана отеля. Я постригся и побрился у парикмахера. Он оказался евреем, который 11 лет проработал в Константинополе. Он явно не сторонник коммунистических принципов и жалуется на жизнь в России – но жалуется дипломатично. Сначала он спросил, можно ли по комфорту сравнить Россию с Америкой. Когда я сказал, что здесь как-то все не очень, он сообщил, что здесь все ужасно. Конечно, можно

³⁰⁰ Скорее всего, речь идет о том, что 19 декабря 1927 года завершил работу XV съезд ВКП(б), который выработал программу коллективизации сельского хозяйства. Съезд довершил разгром оппозиционеров, из партии были исключены 75 деятелей «троцкистско-зиновьевского блока». Среди них были Л. Б. Каменев – муж О. Д. Каменевой, главы БОКС, и К. Б. Радек, с которым недавно встречался Драйзер (пер.).

заработать пару сотен, но арендная плата так высока, так высока – 25 рублей. Бритва, которая в прежние времена стоила 1 рубль, теперь стоит 13 – и с ножницами то же самое. Очень дороги мыло и парфюмерия. Его рубашка, которую я, судя по качеству, мог купить в Н.-Й. за 1 доллар, обоилась ему в 8 рублей, то есть в 4 доллара. Его костюм, который в Америке стоит 35 долларов, не больше, здесь стоит 170 рублей, или около 85 долларов. Еда и другие вещи тоже очень дорогие. В Константинополе, где он работал, он зарабатывал 100 франков в месяц, но мог позволить себе 12 костюмов. Здесь у него только один. Он хотел бы уехать из России, но правительство не выдает ему паспорт, а если выдаст, то это будет стоить 200 рублей, но у него столько нет. Что еще хуже – другие страны не принимают иммигрантов из России, потому что считают их коммунистами. «Все-таки хорошо бы уехать», – сказал он в заключение.

Потом мы с Р. К. пошли на телеграф. Как обычно, возникла серьезная дискуссия о России и о том, почему Р. К. находится здесь. Она немного подавлена (Россия выглядит не очень хорошо), но защищает коммунизм – новый день с его заботой о благосостоянии самых низкооплачиваемых рабочих. Мы сцепились не на шутку. Во второй половине дня позвонил представитель местной газеты и взял у меня интервью о России и Америке! Эти люди повернуты на теме Америки. Потом позвонил представитель местного Совета. Не хочу ли я осмотреть сталелитейный завод в [...] Р. К. ехать отказалась. Мы с Давидовской едем, но я ужасно боюсь ехать с самым безрассудным шофером, которого я встречал в своей жизни. Нас кидает, машина скользит и буксует, я жалуясь, но результат нулевой. Сталелитейный завод, на который мы приехали, оказывается, построен французскими концессионерами еще в царские времена. Завод большой, но не огромный – двенадцать печей и плавильн. Мне рассказывают, что впоследствии концессия была передана американцу по фамилии Фаркуар (Farquhar) при условии, что он увеличит его мощности вдвое. Он вложил 25000000 долларов США и построил дополнительные мощности, но все они через 20 лет должны быть переданы России. Нас водил по заводу молодой русский инженер, который говорит по-английски; он очень умный и решительный, говорит немного снисходительно, но вежливо. В 4:30 мы вернулись в Сталине. Еще одна дикая гонка. После этого мы (немедленно) упаковали вещи и выехали в Ростов.

21 дек., среда, утро

В пять часов вечера [накануне] мы выехали на машине на станцию. Наш безумный шофер снова скользил по льду выскакивал из колеи и грохался о землю так, что у нас захватывало дух. На вокзале мы нашли буфет, забитый людьми, а также зал ожидания, редкостное собрание овчинных тулупов и множества старых меховых шапок и кепок. Мы взяли чай, хлеб, колбасу и симпатичную «французскую» выпечку. Когда подошел поезд, народ хлынул на перрон, и нам пришлось немного подождать. Потом мы пошли по заледеневшей платформе против ледяного ветра вдоль бесконечной череды вагонов. У ступеней вагонов «Максима Горького» стояли длинные очереди ожидавших входа; мне казалось, что все они не смогут попасть в вагоны. Было очень жаль этих людей, стоявших на сильном ветру на скользкой платформе с разнообразным багажом и постельными принадлежностями. Едва мы успели разместиться в своем «мягком» вагоне, как поезд тронулся, и наш проводник сказал, что вся эта толпа погрузилась. Продремав все три часа пути до Константиновки, мы прибыли туда примерно в десять часов [вечера]. Каков же оказался наш ужас, когда мы узнали, что поезд на Ростов будет только в три часа ночи! Станционный буфет был переполнен, сидеть и ждать там все эти часы казалось делом совершенно невозможным – тем более что мы думали, что на это уйдет всего 20 минут. Я переполнился яростью [и обозлился] на все русское: на недостатки системы, на непростительную небрежность со стороны чиновника в Сталино, который не знал, когда поезд уходит, и т. п. Но все страдания проходят, и мы приспособляемся к любым трудностям. Сначала я выпил нарзана, и это немного меня охладило, потом я попробовал чай, булочки и сыр, потом, чтобы поднять настроение, выпил немного водки. К счастью,

время потихоньку шло вперед. Было уже 12:30 – оставалось всего три часа. Но тут мои женщины вернулись от начальника станции с известием о том, что поезд опоздает (на сколько – еще никто не знал) из-за метели. Так что программа потребовала дополнительных корректировок. Одна из хорошо одетых молодых женщин с очень сильно накрашенными губами едва не плакала; она получила телеграмму о том, что ее муж заболел в Ростове, она хотела как можно быстрее его увидеть. Вокруг нашего стола началось импровизированное совещание пассажиров; высказывалось множество предложений, которые тут же заглушались другими предложениями. Возник план подождать до пяти часов, когда через станцию будет проходить рабочий поезд, идущий в рабочий поселок, и сесть на этот поезд, когда он придет. В поселке были комнаты и гостиница, а здесь, рядом со станцией, ничего не было. Молодая женщина хотела рано утром доехать до соседней станции и сесть на поезд, который идет оттуда... Но в этот момент появился начальник станции, который ошеломил нас сообщением о том, что поезд опаздывает на десять часов.

Мы решили, что нам ничего не остается, кроме как сидеть на станции до рассвета. Люди уже дремали или попросту спали, положив голову на стол. В углу на полу разместилось с полдюжины бездомных детей. Время от времени зал обходил охранник, который вытаскивал сирот и выталкивал их к выходу, говоря, что они не могут здесь спать, что они должны идти спать в третий класс и т. п. Сотрудник ГПУ, дежуривший на станции, любезно предложил мне для сна недурную твердую скамью в своей маленькой комнате, и я с благодарностью принял его предложение. Я сделал подушку из своей шубы и проспал до утра. Воздух здесь был густо напоен русскими запахами; вскоре после того, как я лег, сотрудник ГПУ положил голову на стол и крепко уснул, однако сторож иногда к нам заглядывал. С очевидностью, он патрулировал зал ожидания для пассажиров третьего класса, где собиралась пестрая толпа «медведей» и бандитов. Кстати, я решил, что русские больше других похожи на медведей, потому что зимой они впадают в спячку, а в своих овчинах и мягкой одежде кажутся большими и лохматыми (впрочем, иногда мне кажется, что они больше напоминают ходячие матрасы).

Наконец, тьма отступила; в семь часов утра вошла Р. К., которая подняла меня с моей роскошной кушетки, и я пошел за ней в буфет. Здесь я обнаружил Давидовскую, выглядевшую уставшей и посеревшей; Р. К. по своему обычаю спала на столе, а Д. всю ночь просидела в вертикальном положении.

Теперь, когда снаружи заработали извозчики, мы решили прокатиться и освежиться. К нам в буфет прорвался ушлый пожилой извозчик, хотя охранник пытался встать на мою защиту и твердил ему, что я американец и ничего не понимаю в местных обычаях (на что тот с яростью повторял: «Как это так – не понимает?!»). В конце концов этот седобородый извозчик в старой меховой шапке-ушанке и овчинном тулупе согласился отвезти нас в поселок и обратно за два рубля. Поездка оказалась очень интересной. В этом городке находится не менее дюжины крупных заводов по производству кокса, бензола, стекла, стали, зеркал, керамики, так что в воздухе висит тяжелый дым от множества труб. Сам городок, кажется, построен совсем недавно; мы проехали по длинной улице с новыми кирпичными или оштукатуренными домиками; все они были очень аккуратными, с симпатичными деревянными заборами, покрашенными в зеленый цвет, а деревянные ставни домов также были зелеными. Возле сталелитейного завода построены прекрасные новые каменные дома для рабочих. Наш доброволец водитель отвез нас на базар. В России базар – это древнее, но умирающее учреждение (оно представляет собой ряд открытых прилавков; мелкие торговцы и крестьяне кладут свой товар прямо на землю), потому что кооперативы приходят и строят свои большие современные магазины прямо рядом с рынками и таким образом вытесняют из бизнеса частных торговцев. Мы осмотрели прекрасный новый большой кооперативный магазин с множеством отделов. Разумеется, когда мы нашли другой, новый базар, рядом с ним обнаружили новый строящийся кооперативный магазин. Люди нам показались хорошо одетыми и довольными.

Вернувшись на станцию, мы обнаружили, что Д. сидит в той же позе, в которой мы ее

оставили. Время приближалось к девяти часам. Женщины были заняты уборкой буфета, протирали столы и другую мебель, поливали растения и мыли кафельный пол. Женщины, моющие пол, здесь не встают на колени, а просто наклоняются и энергично двигают скрученной тряпкой взад-вперед. Пол выглядел очень чистым – трудно было поверить в то, что накануне вечером он представлял собой скопище грязи и мусора, оставленное большой массой людей.

Наш старый извозчик сказал, что за такую добросовестную работу двух рублей мало, поэтому я дал ему еще 25 копеек за его «добросовестность». Но отделаться от него оказалось не так-то просто. Он увязался за мной в буфет и попросил меня налить ему «для сугреву». Наконец я согласился, ему дали стакан водки, он залпом выпил, а я заплатил еще 60 копеек за его услуги.

Теперь, когда мы остались единственными пассажирами, ожидавшими поезда, можно было спокойно зайти в дамскую комнату, чтобы смыть часть грязи и стереть остальную полотенцем. Мы заказали завтрак, и я начал чувствовать себя почти как дома, поскольку стал расставлять стулья за столом. Давидовская сказала: «Кажется, его наконец что-то здесь заинтересовало».

Завтрак оказался почти домашним: яичница, горячее молоко, булочки, колбаса и джем из айвы. Потом мы вспоминали истории из своей жизни, и я рассказал о том, как был в Чикаго коллектором. Время шло, вот уже полдень, а поезда все не было...

В 12:30 мы все-таки выехали из Константиновки. Наконец мы снова оказались в удобном двухместном купе международного вагона! Просто сидеть в тишине и покое и смотреть в широкие окна – уже это успокаивало после долгой утомительной дороги, которую мы проделали от самой Москвы. Насколько хватало глаз, простирались заснеженные степи, время от времени на пути попадались деревни и новые промышленные городки. Пока я ехал через эти бескрайние русские степи и думал о том, как они будут развиваться, мне в голову пришла идея: думаю, что правительство должно взять на себя возделывание этих земель так же, как оно взяло на себя развитие промышленности; здесь нужно организовывать крупные фермерские хозяйства и нанимать крестьян за зарплату, как нанимают рабочих на фабриках. Это устранило бы многие из тех неразрешимых проблем, с которыми сталкивается не только Россия, но и любая страна, развивающая свое сельское хозяйство.

Вскоре равнины очень быстро поглотила крошечная тьма. Нам ничего не оставалось, как опустить шторы и отдыхать до семи вечера, когда мы прибыли в Ростов. Отель San Remo. Первый номер, который мы осмотрели, представлял собой целый зал с роялем и необычной коллекцией антикварной мебели, включавшей большой черный диван. Для остальных трех человек мы выбрали еще одну большую комнату, в которой было несколько окон, выходящих на улицу, и затейливый мраморный камин с фигурами херувимов, державших какие-то гирлянды над неиспользуемой топкой. Мы хотели сходить в общественную баню или принять ванну, но было уже слишком поздно. Тогда мы спустились в «бар», который находился в подвале, и поужинали. Здесь было множество посетителей, играл оркестр. Мы заказали кавказское блюдо шашлык, которое нам аппетитно сервировали с зеленым луком и жареным картофелем. Потом мы вернулись в номера и в 10 часов легли спать.

22 дек.

Солнечное утро. Мы спали до 8 часов, несмотря на то что рано легли. Мы спустились на почту, где я получил ответ на свою телеграмму, а также поменял 100 долларов в кооперативном банке – получилось 194 рубля. Ростов – красивый город с населением 220000 человек, хорошо расположенный, с площадями и широкими улицами, но он не очень живой и не имеет той особой атмосферы, какая есть у Киева и Харькова. Это главный город Северного Кавказа, богатого аграрного региона. Город бурно строится. Мы позавтракали в

одном из сетевых кооперативных ресторанов «ЕПО»³⁰¹, который отдаленно напоминал американскую закусочную.

Мы посетили самую крупную в России табачную фабрику, которая называется Донская государственная табачная фабрика имени Розы Люксембург. Она представляет собой ряд зданий из красного кирпича, большинство из которых были построены 78 лет назад, когда завод начал работу. До войны завод работал только три-четыре дня в неделю и производил 15 миллионов сигарет в день. В то время на нем было 3800 рабочих. В настоящее время насчитывается 4500 рабочих, в том числе технических сотрудников, 3400 из которых заняты изготовлением сигарет, а остальные – на вспомогательных работах: делают бумагу, ящики и т. д. Сейчас выпускается до 35 миллионов сигарет в день; основной причиной роста является внедрение новой техники; один из мастеров провел два года в Америке, изучая новые методы работы.

Всю эту информацию я получил от директора, Михаила Ивановича Петрова³⁰², симпатичного молодого человека 29 лет, по профессии электромеханика, который был избран на свою нынешнюю должность рабочими. Он получает партмаксимум для этой области – 210 рублей, и платит 35 рублей в месяц за аренду мебелированной квартиры.

Петров утверждал, что по интенсивности работы фабрика могла бы сравниться с американской, но оборудование и здания тут старые. Да, он знаком с теми новыми методами, которые разработаны на фабрике в Нью-Сейлеме для упаковки сигарет в коробки, узнал о них через Францию. Правда, здесь их представить сложно, потому что их внедрение потребовало бы увольнения большого числа рабочих, а в Советской России это нужно делать осторожно и постепенно; под эту технологию не подходят также существующие здания. Табак выращивается в этом районе, в Грузии и в Крыму, крымский – лучший. На этой фабрике уже давно (с 1922 года) введен семичасовой рабочий день, и мы видим, что предприятие в этих условиях работает лучше.

– Будет ли еще лучше с шестичасовым рабочим днем?

Мы уже рассматриваем такую возможность.

– А пять часов?

Фантастические мечты мы не рассматриваем.

– Я не говорю о фантастике. Бухарин включил это предложение в свою программу на будущее.

Да, но мы пока такого не планируем.

– Вы работаете на экспорт?

Да, во многие страны, но в очень малых объемах, 15 миллионов в год. Когда мы работаем на экспорт, приходится снимать с коробок все советские этикетки и эмблемы. Наша лучшая марка для экспорта – Orient.

Наши работники получают месячный отпуск, особые жилищные условия, у них есть клуб, детский сад, ночной санаторий, где на некоторое время остаются те, у кого слабые легкие. 71 % рабочих составляют женщины, и они получают три дня отпуска во время месячных, потому что это производство особенно вредно для слизистой оболочки. Младенцев привозят к кормящим матерям в специальную комнату из находящегося неподалеку детского сада фабрики.

– Сколько денег вы тратите на социальное обеспечение работников?

С 1921 года мы потратили пять миллионов рублей на вентиляцию, санитарию, ясли, клуб. Для сооружения домов для рабочих мы дали 300000 рублей департаменту строительства города. 3 миллиона 300 тысяч рублей были потрачены городом на

³⁰¹ Единое потребительское общество – крупнейшая торгово-кооперативная организация (*пер.*).

³⁰² Михаил Иванович Петров на самом деле в это время был заместителем директора. Член ВКП(б), прислан из Питера (*пер.*).

перестройку военных казарм в дома для рабочих, 9 миллионов – на строительство нового жилья. 10 % доходов каждого учреждения и предприятия идет на строительство.

До революции условия на этой табачной фабрике были ужасающими, рабочие без вентиляции работали по 12–14 часов.

– А технические специалисты у вас кто? Иностранцы?

Нет, все русские и все молодые люди, которые закончили обучение уже после революции. Иностранцы здесь не нужны, поскольку предприятие несложное.

Ростов – новый город, развитие которого было остановлено войной. Царь препятствовал его росту, потому что Ростов-на-Дону всегда был городом революционных рабочих. Поэтому его восстанавливали с большими трудностями.

– Какова заработная плата?

В среднем 73,20 рубля, самая низкая – 45 рублей, самая высокая – 250.

У работника с самой низкой заработной платой после всех обязательных расходов остается всего около 19 рублей. Это немного, потому что у многих из них есть семьи, но у них есть пособия, бесплатные поездки, медицинское обслуживание, школа, материальная помощь. Конечно, на 45 рублей жить непросто, и, хотя они могут получить кредит от фабрики, это все-таки бедность. Здесь есть строительные кооперативы, в которых в этом году приняли участие 450 наших работников, 150 человек строят жилье для себя сами.

Затем мы прошли через всю фабрику. В первом цеху находились листья, которые подлежали сортировке. Здесь стоит новая система вентиляции, которая за час полностью обновляет воздух. Среди женщин, разбиравших листья табака, мы встретили нескольких ветеранов: одна из них проработала на фабрике 54 года, другая – 37, и выглядели они довольно бодро.

Они сказали, что сейчас условия труда стали намного лучше. Эти работницы получали 72 рубля в месяц.

Главное производство работало в одну смену, с 6:30 до 2 часов дня, другие – в две и три смены. Новые машины для прессования и резки повышают производительность более чем в два раза. Один механик усовершенствовал старые подающие машины так, что их производительность возросла на 50 %.

В одной из комнат, ранее принадлежавших клубу, на стенах были написаны лозунги: «Дым из труб – это дыхание Советской России», «Интенсивность труда, преданность делу каждого на его рабочем месте принесет коммунизм – счастье рабочих».

К нам подошла красивая девушка лет двадцати со свежим лицом и обратилась к нам на ломаном английском. Она сказала, что она родом из Эдинбурга, из Шотландии, уже шесть лет живет в России. Ее отец работал в Одессе, и она так редко говорила по-английски, что почти забыла язык. Девушка оказалась яркой молодой коммунисткой (комсомолкой). Она спросила меня, что я думаю об оппозиции, и, когда я сказал, что мало в этом понимаю, она возмутилась: «It is a shame for you» («Как вам не стыдно!»).

Когда мы вернулись в кабинет директора, я задал ему еще несколько вопросов.

– Насколько выше стоимость производства здесь, чем за рубежом?

На нашей фабрике она на четверть меньше. Мы продаем сигареты по 45 копеек за пачку, в пачке 25 штук, и, если убрать все налоги государству, то пачка обходится нам в 18 копеек. С 45 копеек мы платим 27 копеек налогов, с 14 копеек – 8 копеек в общем, заявление Рыкова относится к машиностроению.

Затем уже директор захотел задать мне несколько вопросов. Первый и последний из них были о деле Сакко и Ванцетти. Я попытался объяснить отношение американского общества к иностранцам, которые не были натурализованы, и спросил его, каково было бы отношение русских к иностранцу, подозреваемому в преступлении здесь. Он ответил, что в случае с иностранцами они всегда депортируются. Я сказал, что Сакко и Ванцетти не хотели, чтобы их выслали в Италию. Он сказал, что их можно было бы депортировать в Россию.

Мы во второй раз выпили чаю, мне подарили деревянный портсигар и несколько пачек сигарет. Затем наш гид отвез нас в соседний профилакторий для работников со слабыми

легкими. Они проводят здесь два месяца при особом внимании и уходе, продолжая при этом работать. Это был очень симпатичный домик с красивыми спальнями, столовой и приятной кухней. Я сказал, что сам хотел бы остаться здесь пожить. Оттуда мы прошли в другое кирпичное здание. Когда мы поднимались по лестнице, я заметил, что не удивлюсь, если они мне попытаются показать еще одни ясли – и, конечно же, именно так и оказалось. Р. К. сказала, что, если я буду вести себя тихо и спокойно осматривать дневные ясли, то потом она найдет для меня туалет... Поэтому я осмотрел очередные ясли – и должен только сказать, что эти ясли были особенно хороши – думаю, они были даже лучше, чем образцовые в Москве.

Когда мы снова вышли на улицу, там стоял туман и падал снег. Мы нашли извозчика, который отвез нас в Нахичевань, армянскую часть города. В надвигавшихся сумерках мы не заметили в этом районе никаких отличительных национальных черт, улицы здесь тоже были широкими и симпатичными. Мы остановились у одной большой церкви и вошли внутрь, поскольку у меня создалось впечатление, что армянская церковь напоминает римскую, но внутри, насколько я могу судить, она напоминает прочие православные. Я не могу оценить живописность таких церквей; когда я вхожу под их холодные, безрадостные своды, тускло освещенные свечами, когда я вижу немногочисленных крестьящихся прихожан, когда я слышу, как священники расппевают свою бессмыслицу, на меня нападает тоска.

За время поездки мы довольно сильно замерзли и решили заехать в центральную баню. При этом возникла проблема: что делать с моими деньгами, которые я всюду носил с собой в двух пакетах? Было решено, что, поскольку мне придется мыться в одиночку, то лучше всего отдать деньги Р. К., которая, по крайней мере, говорит по-русски. В просторном вестибюле нас встретила целая толпа нищих и прочих прихлебателей, сидевших и стоявших у фонтана, поэтому мы подошли к самым дверям, и только там я передал деньги. После некоторой суеты мне разрешили отправиться одному в первый класс мужского отделения. (Примечание секретаря: к сожалению, я внутрь не попала, поэтому мне об этом приключении сообщить нечего.)

Потом все мы, вымытые и сияющие чистотой, наконец встретились в вестибюле с Р. К., которая прижимала к груди мои пакеты с американскими купюрами. Мы снова поужинали в главном ресторане ЕПО шашлыком с зеленым луком, жареной картошкой и пивом, потом пошли домой и упаковали вещи. Швейцар гостиницы был уверен, что в поезде будет международный вагон, но когда мы добрались до поезда, то обнаружили, что в нем есть только второй класс, но и там не дают постельных принадлежностей, я хотел было вернуться в отель, но, поскольку до субботы не было скорого поезда, а, как оказалось, только в скорых поездах существует такое «специальное обслуживание», пришлось грузиться в этот. Хорошо хоть проводник не подселил четвертого человека в наше купе и дал мне небольшую подушку. И мы легли спать без всего, кроме хорошего настроения.

*23 декабря 1927 года, пятница, в пути между Ростовом и Кисловодском
Снег. Холодно. Один и тот же тип поездов. Поезда с нефтью. Крушение. Каналы.
130 кавказцев в форме и с [нечитаемое слово] на ногах.
Галка. Американец, выглядевший очень крупным или похожим на кавказца. Крестьяне в
нашем вагоне. Чай в 10 утра. В Армавире.
Здесь была большая битва с Деникиным.
Новый город раскинулся.
Все собрались у двери – свиньи, куры, собаки. Босая женщина с голыми руками и
ногами идет по снегу в сарай.
Летние платья и зимние сапоги.
Женщины и мужчины идут с ведрами к дыре во льду на ручье – набрать воды. Мы
покупаем утку за 40 копеек.
Ворона в этой области заменяет галку.
Новые города.*

*Кавказцы ведут своих коров домой в стаде.
Поля галок.
Горы вдали.
Солнце выходит из-за...*

23 дек.

На следующее утро мой взгляд по-прежнему радовали степи. Вот если бы в Минеральных Водах было потеплее! Но пока никаких признаков перемен. Заснеженные степи и снова снег – снег без конца. Мне кажется, теперь я покидаю подлинную Россию, обширные пространства, которые занимают большую ее часть. Теперь мы приближаемся к Кавказу. В 3:30 дня уже стемнело, когда мы прибыли в Минводы – это конечная станция для поездов, следующих на Кавказ. И хотя здесь много снега, воздух явно мягче. Поезд на Кисловодск должен был уйти через час. Пили чай в буфете. Рядом сидела бедная женщина с двумя детьми; когда она увидела, что нас интересует ее разговор с другой бедной женщиной, которая сидела рядом, она стала жаловаться нам на жизнь. Она направлялась в Грозный, в направлении Баку, и три дня ждала на вокзале поезда, так как они были настолько переполнены, что она не могла получить плацкарты в третьем классе. Она потратила все деньги. Мы перевернули наши значительные запасы еды – хлеб, масло, яблоки, сыр, колбаса, сахар-песок, который всю дорогу сыпался из сумки – и дети начали есть все подряд, а старуха-соседка продолжала стойчески жевать белый хлеб.

Поездка в Кисловодск заняла более двух часов. В темноте ничего не было видно, но время от времени нам становилось ясно, что вдоль дороги все еще лежит снег. Рядом с нами сели муж с женой, видимо, хорошо обеспеченные люди с двумя маленькими детьми. Старшая девочка все время кричала; отец тщетно пытался унять ее ласками, угрозами и мольбами. Когда они выходили в Пятигорске, он взял ребенка на руки. Девочка продолжала брыкаться и кричать, и его терпение кончилось: «Сволочь! – закричал он. – Какая же ты бессовестная сволочь!» Они исчезли в темноте станции. Напротив нас сели двое молодых ребят с тяжелыми мешками за спиной. Они были очень плохо одеты, как *чистильщики обуви* в Штатах, и говорили на странном языке. Мы спросили, кто они. Оказывается, это были армяне, старшеклассники. Они учились в Пятигорске и сейчас ехали домой на рождественские каникулы – субботу, воскресенье (25) и понедельник. Мешки – это, оказывается, их багаж. У них были черные глаза и смуглые лица. Эти крепкие ребята планировали окончить учебу здесь и уехать в Ростов, чтобы учиться в техникуме. Они вытащили огромную буханку белого хлеба, за разговорами разломали ее на части и проглотили, не пережевывая. Затем они стали расспрашивать нас. Они были очень рады узнать, что мы из Америки, и сразу же захотели выяснить, как живет в Америке рабочий человек! Один из них считал, что президентом у нас Чемберлен, а другой сказал: «Нет, он в Англии», но так и не смог вспомнить имя нашего президента, хотя знал, что столица называется Вашингтон.

Когда мы в семь часов вечера вышли из поезда, нам показалось, что мы находимся в новом мире. Несмотря на то что на земле лежал снег, воздух был мягким и свежим. Мы последовали за носильщиком, который объяснил, что наш отель находится так близко, что он отнесет наш багаж прямо туда. Мы увидели перед собой извилистую улицу, с одной стороны которой высилась каменная стена, а над ней виднелось великолепное здание – очевидно, санаторий или дом отдыха, как-то связанный с железной дорогой. Мы сразу же почувствовали успокаивающую атмосферу отдыха, горный воздух, почти дикую красоту – и все это после холода и суровости того мира рабочих, который мы оставили. Отель представлял собой правительственный гостевой дом. Мы выбрали красивую большую комнату на втором этаже с множеством окон и балконом, нависавшим над улицей. Стоила она 6 рублей, в летние месяцы – 12 рублей, но сейчас, в зимний сезон, посетителей было мало. Мы так устали, что не стали распаковывать наши чемоданы, хотя рассчитывали на длительное пребывание, а спустились в столовую на ужин. Кухня здесь была лучшая из всех,

с которыми я сталкивался в России. Мы разделили порции между собой и получили великое разнообразие блюд: тут была и свекла со сметаной, и капустные котлеты, и телятина с запеченными спагетти, и вино – и все это в целом обошлось в 3 рубля. Пока мы ели, я заметил, что в зал заходит и занимает свое место приметный мужчина в простом русском костюме. В этом обрамленном бородой лице с прекрасными кроткими голубыми глазами было что-то знакомое. «Похоже, это архиепископ из Ленинграда», – сказал я. Р. К. повернулась и посмотрела на него. «Конечно, это Платон, – сказала она. – Обмануться невозможно, это его глаза». В этот момент наши взгляды встретились, мы улыбнулись, а он поклонился в знак того, что нас узнал. На выходе мы остановились и поговорили с ним. Он сказал, что находится здесь в отпуске и принимает ванны из нарзана «для сердца».

Мы решили сразу лечь спать, чтобы встать рано и осмотреть город при свете дня.

24 дек.

Мы действительно встали в 7 часов. Это было несложно, потому что в нашей комнате уже светило солнце. Мы вышли на улицу и были очарованы холодным свежим воздухом и красотой города. Окружавшие нас со всех сторон улицы взбегали по холмам, а наверху находились красивые санатории, коттеджи и дома отдыха, а также большое белое здание с колоннами, которое оказалось источником нарзана. Я уже смирился с тем, что и здесь продолжается зима, потому что это место выглядело в снегу очень красивым, а воздух бодрил. Мы бродили по извилистым улочкам, пока не дошли до оживленного рынка, где простые крестьяне, которых можно найти в любой деревне, продавали свои товары. Здесь были также постоянные павильоны, в которых продавались разные товары и материалы. Мы купили у крестьянки горячее молоко, прошли мимо дома отдыха Союза художников. Ко многим домам вели каменные ступени, но все здания были закрыты на зиму. Мы пересекли мост, вошли в очаровательный парк и дошли до чистого потока, заканчивавшегося небольшим искусственным водопадом. С поверхности поднимался легкий пар, и я подумал, что это, должно быть, и есть нарзан. Р. К. опустилась на колени и зачерпнула ладонями воду «На вкус – как духи», – сказала она. Потом понюхала воду: «И пахнет духами!» Она поднесла мне в руке немного воды, чтобы я тоже почувствовал запах. Да, пахнет духами. Странное дело! Я тоже наклонился, чтобы попробовать воду, но тут Р. К. просто зашлась от смеха: она вспомнила, что смазала руки ароматным защитным кремом.

В конце парка была расположена красивая застекленная нарзанная галерея с оранжереей. Здесь находился источник нарзана, и мы бесплатно напились воды, которую в Москве покупали по 40 копеек за бутылку. Затем Давидовская остановилась у туристического бюро, чтобы получить информацию, а мы отправились в Курзал, большой павильон для развлечений, который стоял у железной дороги – его мы заметили еще когда приехали. Курзал – это большое здание, в котором находятся театр, концертный зал, бильярдная и т. д. Возле него разбит красивый сад с концертным павильоном и летним театром, а с уступа открывается прекрасный вид на город. Далее мы увидели клетку с двумя очень симпатичными русскими медведями прекрасного медового цвета, а также орлов, сов, лис и павлинов. У стены большого здания можно было присесть на скамейку под теплыми лучами солнца и представлять себе, что пришла весна.

Вернувшись в отель, мы встретили нашу Дэви – очень рассерженную, поскольку она повсюду нас искала. Нас ждал извозчик, готовый отвезти нас в разные санатории, а сама она вооружилась типовым путеводителем. Экипаж представлял собой красивые дрожки, запряженные парой лошадей, – после этого я видел дрожки или сани, запряженные только одной маленькой русской лошадкой.

Первый санаторий был предназначен для крестьян со всего Советского Союза. Здесь в течение пяти недель могут одновременно находиться 65 пациентов. Санаторий был очень чистый и симпатичный, с хорошей столовой и залом для собраний. В каждом номере стояло по четыре кровати, крестьяне были одеты в белые льняные костюмы. Их сюда бесплатно направляют местные отделы здравоохранения. Среди отдыхающих восемь женщин. С одной

из них мы познакомились, когда заглянули в комнату, где шел какой-то урок. Это ветеран партии 60-летняя Евдокия Михайловна Борисова, она является членом местного Совета, очень активно произносит речи и только сейчас учится читать и писать.

Второй санаторий, который мы посетили, предназначен для ответственных партийных работников. Ранее он носил имя Троцкого, теперь называется «Октябрь». Это красивое здание с одно- и двухместными номерами, симпатично обставленными, с ярко-красными одеялами на кроватях. Мне сказали, что когда Уэллс был в России, он прожил здесь шесть недель. Летом в санатории находятся 70 пациентов, зимой – 45. В отдельном здании расположены хорошо оборудованные нарзанные ванны, здесь также можно принимать электрические ванны и разные другие процедуры. В коридоре бани мы встретили Крепса, руководителя пресс-бюро Коминтерна, – он проводит здесь свой отпуск.

Третий санаторий, который мы посетили, носит имя Ленина и является крупнейшим лечебным заведением в Кисловодске. Это не только санаторий, но и научный институт по изучению заболеваний сердца. Он расположен на холмах, откуда открывается прекрасный вид на город и окружающие холмы. Санаторий вмещает 120 пациентов летом и 110 – зимой и принимает не только членов профсоюзов, направляемых сюда местными клиниками, но также частных лиц, которые платят за путевки от 158 до 300 рублей в месяц. Поскольку в это время в санатории был «тихий час», когда все должны отдыхать в кроватях, мы осмотрели только комнаты тучных пациентов, которые в это время занимаются ходьбой. В кабинете управляющего нам рассказали о том, каким был город до революции. Практически все здания раньше были частными гостиницами и коттеджами. Например, это здание было гостиницей, в которой останавливались пациенты, принимавшие процедуры частным порядком. Во время гражданской войны эти здания использовались как казармы белогвардейцев, а в ваннах располагалась конюшня. В ходе разговора выяснилось, что детские санатории постепенно ликвидируются, поскольку было установлено, что дети склонны становятся хроническими больными и инвалидами. Вместо этого детей помещают в лесные школы, которые предоставляют им специальное лечение и в то же время позволяют продолжать обучение. Это тот же принцип, по которому действуют профилактории на промышленных предприятиях.

Выйдя, мы увидели, что наш извозчик на своем прекрасном экипаже с прекрасными лошадьми катается вверх-вниз по горной дороге, чтобы лошади не замерзли. Мы остановились у телеграфа, откуда я хотел послать рождественскую телеграмму, но это рядовое дело на 32 копейки заняло полчаса и вовлекло меня в череду высказываний типа «чертовы дураки», «бездельники», «дуболомы», «ну что за паршивая страна» и т. п. При этом Р. К., которая тоже находилась в плохом настроении, заявила мне, что я типичный американец, который ожидает, что все будет «как дома».

Мы вернулись в отель весьма замерзшими и уставшими, поужинали в столовой и попрощались с Платоном, который сказал, что так и не получил от БОКС стенографическую запись своего интервью. У Р. К. здесь нашлась знакомая – жена директора Курзала, и мы вечером отправились к ним, в большое здание, где в это время продолжались концерт и показ кинофильма. Некоторое время мы слушали музыку, а потом пошли в их дом, красивый коттедж, расположенный в парке. Хотя он был руководителем большого зала, который после революции был отремонтирован и в прошлом году дал прибыль в 200000 рублей, в его коттедже было всего три комнаты. При этом в одной из них жили мать его жены и еще не знаю сколько родственников (мы прошли через эту комнату, чтобы добраться до гостиной). Комната была довольно уютной, нам подали чай с вареньем, выпечку, конфеты, яблоки – а мы в это время бурно обсуждали проблемы коммунизма. Хозяин оказался очередным «религиозным» фанатиком: до революции он был механиком, а теперь получил партмаксимум³⁰³ для этого района – 190 рублей, на которые должен был содержать жену и

³⁰³ Партмаксимум – максимальный месячный оклад, существовавший для членов коммунистической партии, являвшихся руководящими работниками учреждений и предприятий. Существовал в 1921–1929 годах.

троих детей. Но он был в восторге от развития страны, считал, что со временем у людей будет все и что рост населения не опередит производительные силы страны, поскольку более культурные люди будут практиковать контроль над рождаемостью. О военном коммунизме, который здесь практиковался, он сказал, что это были всего лишь правительственные меры в период большой нужды – приходилось командовать всеми поставками и одинаково распределять товары. Его жена – глуповатая, очень разговорчивая и сильно накрашенная женщина, у которой, очевидно, есть амбиции претендовать на лучшее, но говорит она о том, что рабочие очень критикуют их, если они пытаются отремонтировать свой дом. Они спустились к нам в отель. Звезды сияли, воздух был чистым и бодрящим – в общем, это прекрасный зимний курорт. Правительству, наверное, приходится распределять ежегодные отпуска по всем сезонам, чтобы летом здесь не было давки.

Драйзер, кутающийся от холода. Рисунок Рут Кеннел

25 декабря 1927 года, между Минеральными Водами и Баку

Солнце над горами – птицы, летящие против света – холмы с полосами снега и земля, припорошенная снегом, – победа серого – богатая и захватывающая фактура, как у короткого серого меха.

Как дети, которые верят в Санта-Клауса, мы в рождественское утро встали очень рано, в 4 часа, так как хотели сесть на скорый поезд до Баку, который выходил из Минеральных Вод в 7:25. Когда мы выехали в Минводы, было еще темно и холодно. Мы думали о доме. На одной станции мы долго стояли, пока экипаж завтракал, и начали нервничать из-за того, что опоздаем на поезд, но ничего страшного не случилось – поезд сам опоздал. Мы засели в буфете и приготовились к осаде. Мы пили чай, потом, чуть позже, молоко, а потом, еще позже, я захотел холодной индейки – несмотря на сильные боли в солнечном сплетении. Поэтому я заказал одну порцию ценой один рубль. Поскольку Д. заказала какую-то копченую рыбу антикварного вида, у нас получился рождественский завтрак, который раз и навсегда излечил меня от любви к холодной индейке. Нам также принесли примерно полпуда белого хлеба, добытого из горы буханок, находившейся в углу ресторана. После завтрака я разложил пасьянс – в основном для развлечения зрителей. Я уже фактически начал чувствовать себя на этой станции как дома, но тут в 12:30 прибыл поезд...

Вскоре мы выехали из Минеральных Вод в международном вагоне. Я думал, что мы уже распрощались со степями, но вот они снова здесь: заснеженные и абсолютно плоские. В этом поезде был вагон-ресторан – первый, в котором я побывал в России. Мы там пообедали: места там очень много, гораздо больше, чем в американском вагоне. Обед состоял из супа, холодной рыбы с соусом из хрена, жареной утки с соленьями, яблока с рисом, кофе и пирожных (кофе, конечно, был ненастоящий). Все это обошлось в 5 рублей 80 копеек. В четыре уже стемнело, и, поскольку мы очень устали, то легли спать. Около 8 часов вечера мы проснулись оттого, что поезд долгое время стоял на одном месте; оказывается, это был Гудермес, станция после Грозного и Владикавказа. Мы слышали, что наши соседи говорят о крушении грузового поезда, который шел перед нами. Лопнул рельс, вагон в середине состава перевернулся, остальные взгромоздились на него; четыре человека погибли.

26 дек.

Спал с перерывами до 8 часов утра. В 8:30 поезд тронулся. Местность изменилась; раньше это были замерзшие болота с высокой коричневой травой, дикие утки, далекие кустарники и небольшие кучки деревьев, теперь же – цепь покрытых снегом гор и деревенок возле дороги – глиняные хижины с соломенными крышами; свиньи и коровы во дворе; женщина в красном платке, которая, скрестив ноги, сидела у двери и просеивала зерно через

круглое сито; крытые соломой домики на сваях. Затем мы проехали мимо потерпевшего крушение поезда: скрученные и разбитые грузовые вагоны, разбросанные вдоль полотна, рассыпанное повсюду зерно, разбросанные бумаги и книги, солдаты, охраняющие мертвые тела. Еще чуть-чуть, и это мог бы быть наш поезд... Р. К. представила себе такой захватывающий репортаж в американских газетах, что почти сожалела о том, что нам удалось избежать катастрофы: «На Рождество в степях Кавказа погиб в железнодорожной катастрофе Теодор Драйзер».

К полудню весь снег в степи исчез, и его можно было увидеть только на горах. Появились овцы, коровы, пастухи в черных кавказских бурках с широкими прямыми плечами, как будто у них от плеча до плеча проходила палка, и в больших меховых шапках. У Порт-Петровска³⁰⁴ – скопление землянок возле путей на фоне горных вершин.

В том же вагоне ехало множество ответственных партийных работников, возвращавшихся в Баку и Тифлис со съезда в Москве. Были здесь армяне, старый грузин, который работал со Сталиным, Шамше Лежава, белорус, сибиряк, еврей. Самым внимательным ко мне оказался один молодой армянин из тифлисского финотдела: он настаивал, чтобы я обязательно выпил кавказского коньяка, тифлисского шампанского и водки. Мы все вместе пообедали в ресторане, а потом он сидел у нас в купе и пел армянские и грузинские песни – горячий, сумасшедший молодой человек. Эльчебиков.

Мы прибыли в Баку около 10 часов вечера. Город нас поразил: дикого вида вокзал; толпы людей, бегающих туда-сюда; убегающий от нас носильщик; все тараторят на странном языке. Баку – столица Азербайджанской Республики, его население 447 000 человек, а официальным языком является азербайджанский, хотя надписи на указателях повторяются по-русски. Наш носильщик бросился к одному из многочисленных смуглых извозчиков, которые выстроились у вокзала в очередь. Все они очень плохо знали русский язык. Экипажи в Баку оказались самыми прекрасными из всех нами виденных: они запряжены двумя лошадьми, костюмы у возниц – длинные пальто ярко-синего цвета, перевязанные по талии красным поясом, на головах у них большие меховые шапки. Мы поехали в гостиницу «Новая Европа». Это был новый отель, семь этажей которого ярусами окружали расположенную в центре шахту, по которой поднимался и опускался открытый лифт. Мы взяли двухкомнатный номер на шестом этаже за 8 рублей. Как и во многих местах с мягким климатом, в нем было очень жарко, а окна были наглухо запечатаны без намека на форточки. Сервис оказался сравнительно хорошим, правда, возникла большая суеда вокруг заполнения каких-то бланков, предъявления документов и т. д. Но в конце концов нас все-таки поселили.

27 дек.

Мы позавтракали в столовой гостиницы, которая оказалась очень дорогой: 1,60 за кофейник – правда, кофе был настоящий. Затем мы отправились на прогулку по набережной. У кромки воды дул свежий морской бриз – приятное напоминание о Сан-Франциско. Улица вдоль набережной была заполнена носильщиками в рваных одеждах с деревянными коромыслами, которые они носили на плечах. Иногда под тяжелым грузом из каких-то ящиков или старых железок носильщики почти сгибались пополам. Все они были местными, смуглыми и сиплыми. Здесь встречались также странные маленькие кибитки на двух высоких колесах, разукрашенные цветными узорами. Такими же узорами или бисером здесь украшают сбрую лошади. Длинные доски иногда перевозят так, что они до половины выступают над головой лошади. В гавани виднелось множество старых кораблей и огромное количество ржавых остовов полузатопленных судов. У самой воды стоял большой новый каменный жилой дом, в который мы зашли. Во дворе мы обнаружили молодую женщину, которая рассказала нам, что она здесь живет, что это дом только для моряков, что ее муж

³⁰⁴ В 1894–1929 годах так называлась Махачкала (*пер.*).

пропал в море два месяца назад, а она осталась с двумя маленькими детьми. У нее была комната в двухкомнатной квартире с одной кухней и одним туалетом на две семьи. Она получала пенсию от государственной судоходной компании (26 рублей в месяц) и платила за аренду 50 копеек в месяц.

На одном из живописных извозчиков мы вернулись в отель. Дэви уже посетила Бакинский Совет и ожидала нас. Бакинские власти, похоже, не оценили меня настолько высоко, чтобы предоставить гида. Дэви сказала, что женщина, с которой она говорила в Совете, утверждала, что хорошо меня знает. «Да, я читала все его произведения; это мой любимый поэт». Тут я должен добавить, что в поезде из Ростова один человек предположил, что я – Джон Рид.

Потом мы поехали в клуб работниц-мусульманок имени Али Байрамова³⁰⁵. Это очень большое здание, которое раньше было резиденцией местного нефтяного магната³⁰⁶. Здесь были клубные комнаты, читальный зал, театр, «Ленинский уголок», странным образом напоминавший мечеть; с одной стороны был бюст Ленина, с другой – его портрет, а на куполе изображены серп и молот.

В 1924 году в клубе насчитывалось 550 человек, в 1925 году – 1300, а теперь – еще больше. Значительная часть этих женщин была неграмотной, носила паранджу и не училась никакому ремеслу. Сейчас здесь проводятся занятия по шитью, вышивке, ковроткачеству, акушерству, музыке, танцам и ликвидации неграмотности. Меня затащили в детский сад, где в течение дня находились дети женщин – членов клуба. Там как раз проходило родительское собрание. Дети приветствовали нас словами «Salome malekov»³⁰⁷ («Здравствуйте»). Миниатюрная женщина, которая водила нас по клубу, тоже была мусульманка – очень небольшого роста, с красивым смуглым лицом и большими темными глазами. Здесь у всех женщин прямые черные волосы, смуглая кожа и большие темно-карие глаза.

На улице, ведущей к клубу, много маленьких лотков, с которых торговцы продают свои товары. Эта узкая мощеная булыжником улица забита людьми, в основном женщинами, скрытыми паранджой или закутанными в платки из хлопка, оставляющие открытыми только лица. Их фигуры на первый взгляд могут показаться живописными, но это пока вы не заметили современные дешевые ботинки и цветные хлопковые чулки. В каждой второй лавке продают шашлык – кусочки баранины на палочках, которые переворачивают над огнем, горящем в железном горшке, или над тлеющим древесным углем. Мы заглянули в один интересный дворик с соседним садиком, к которому ведет лестница. Сразу появился смуглый и грозный на вид хозяин, который пригласил нас войти, но мы хотели пойти дальше на холм к большой церкви, которая маячила в конце этой узкой улицы. Но как эта улица была полна жизни, цвета и романтики Востока, так и церковь, особенно внутри, была похожа на все другие греческие церкви, которые я видел, за исключением того, что старый священник, совершающий службу, скорее плакал, чем нараспев читал молитвы. Когда мы возвращались, маленький ресторан уже распродал весь свой шашлык, поэтому на соседней улице мы нашли другое заведение. Это был типичный пивной зал, но гостеприимнейший

³⁰⁵ Мусульманский женский клуб имени тов. Али Байрамова был открыт в 1920 году. Али Байрам оглы Байрамов (1889–1920) – активный участник борьбы за установление Советской власти в Азербайджане. После взятия Баку турецкими войсками вел нелегальную работу в Гяндже и Баку. В феврале 1920 года избран членом ЦК КП(б) Азербайджана. Убит неизвестными (пер.).

³⁰⁶ Муртуза Мухтар оглы Мухтаров (1855–1920) – крупный бакинский нефтепромышленник и меценат. В 1911–1912 годах по проекту польского архитектора и автора многочисленных архитектурных проектов в Баку П. К. Плошко Муртаза Мухтаров построил в Баку дом в стиле французской готики, более известный как Дворец Мухтарова (ныне Дворец бракосочетания). После прихода «красных» Мухтаров покончил с собой (пер.).

³⁰⁷ Салам алейкум (ред.).

хозяин сразу предложил нам две порции шашлыка и отбивную из баранины с косточкой, также приготовленную над огнем. Кроме того, он принес омара, пиво с сушеным горошком, зеленый лук, редис и тонкий белый хлеб, приготовленный в виде больших листов, которые по виду напоминали стиральные доски. Возвращаясь домой, мы остановились у пекарни и купили выпечку к чаю в отеле. Рядом с гостиницей находился зверинец, и весь фасад здания был покрыт цветными изображениями животных. Эти картинки не только служили нам ориентиром, но и завлекали войти внутрь, поэтому мы наконец решили посмотреть, что же там показывают. Внутри было очень холодно, тускло светили лампочки, но животные были интересными: дикие кошки, тигры, львы, медведи, обезьяны, змеи и птицы. Уставшие и замерзшие, мы вернулись в номер и бросились к самовару.

28 дек., среда

Утром мы отправились городским трамваем на нефтепромыслы. По пути сделали две пересадки и проехали несколько районов города с новыми зданиями. У моря мы зашли в контору Государственного нефтяного предприятия Азербайджана. По забрызганным грязью улицам туда-сюда сновали автомобили «Форд», поэтому не было ничего удивительного в том, что, когда Дэви представила свои документы, руководство компании выделило нам для поездки на нефтепромыслы машину марки «Форд». День был холодный, туманный, начинался моросящий дождь. Большинство скважин было затоплено водой, многие скважины истощены. Ближайшая к городу группа работающих скважин дает 2000 тонн нефти в день. Здесь восьмичасовой рабочий день, три смены, а рабочий в среднем зарабатывает 70 рублей. Сырой продукт перекачивается по трубам в так называемый Черный город³⁰⁸, где идет его очистка. Нефть экспортируется в Турцию, Францию, Италию, нефтепродукты – в Германию. Из-за большого внутреннего спроса на экспорт идет только около 10–12 %. Методы добычи, как пояснил нам наш гид-бригадир, похожи на американские. На этом промысле работают 520 рабочих, их новые и старые дома находятся неподалеку на холмах – оттуда видны скважины. Раньше здесь все было черным от копоти – рабочие жгли керосин, теперь они сжигают природный газ. Жилье у них бесплатное. Средняя семья (скажем, из четырех человек) получает две комнаты и кухню. Работник, который уволен или прекратил работать на концерн, не может быть выселен из своей квартиры без решения суда, но должен платить арендную плату. Безработный платит аренду из расчета 2 копейки за кубический (очевидно, квадратный – *Пер.*) метр. Если ему удастся найти приемлемое жилье в другом месте, то он переезжает туда. Человеку, который работает здесь, но живет в другом месте, выплачивают 9 рублей 75 копеек. Всего здесь обитает около 30 человек, которые не работают на этом предприятии, потому что, когда человек уходит, он обычно находит работу в другом месте, и жилье предоставляется там.

Я спросил гида о носильщиках и возчиках, которых так много на улицах Баку. Оказывается, у них есть профсоюз, они не работают за зарплату, но как члены профсоюза получают определенные льготы и могут через профсоюз найти другую работу. Получают они около 90 рублей в месяц, я подумал, что нам нужно не жалеть бедного носильщика, а считать, что он вытаскил в жизни счастливый билет: он совершенно здоров, счастлив и сам себе хозяин.

До революции каждая частная фирма имела свою территорию и охраняла от других свои геологические секреты. Поэтому в ходе эксплуатации было сделано множество ошибок, бурение часто велось без необходимости. Здесь пока эксплуатируются только мощные скважины, а маленькие еще не задействованы, чем объясняется тот факт, что в этом нефтеносном районе занято больше людей, чем в США. Сейчас они экспериментируют с откачкой воды с разработанных территорий вместо затопления их, и со строительством

³⁰⁸ Черный город – название восточных районов Баку, ранее бывших его пригородами, в которых в конце XIX – начале XX века находились предприятия нефтяной промышленности. *Пер.*

дорог. Чтобы затопить эту область, нужно шесть миллионов, тогда как для осушения – всего два. Стоимость эксплуатации выше, чем в Америке, но продукты добычи стоят меньше, поэтому Россия может конкурировать с другими странами. Производство в России гораздо дороже только в машиностроении, где необходимо импортировать оборудование. Когда Советское правительство взяло контроль над нефтяными месторождениями, они были в ужасно ветхом состоянии; теперь условия доведены до довоенного уровня, но производство еще до него не дотянулось. В 1902 году наибольший объем производства составил 520 миллионов пудов, а план на 1928 год – 480 миллионов пудов³⁰⁹.

– Что делают в гавани все эти старые железные суда?

Всем им больше 30 лет, они принадлежат отдельным капиталистам. Примерно 200 судов можно использовать, но для этого придется потратить много денег на ремонт, так что дело того не стоит. Самые крупные из этих судов имеют водоизмещение 1000 тонн, но сейчас мы строим суда водоизмещением 5–6 тысяч тонн. Наши суда ходят в Астрахань и по Волге; небольшая торговля идет с Персией и Туркестаном.

Питьевая вода – это здесь серьезная проблема, ее приходится доставать из скважин глубиной 140 м. Или передавать по трубам на большие расстояния.

Когда мы ехали на трамвае вдоль берега, видели в доках множество других ржавеющих старых судов. В конце концов мы прибыли в Черный город, который, как утверждают, уже и не Черный, поскольку условия жизни в нем заметно улучшились. Тем не менее мы пробрались по черным, грязным улицам, где все перекопано и идет строительство, к главной конторе и получили там разрешение посетить завод № 2. Стоя на заводском дворе, мы с Р. К. опять начали дискуссию. Я предположил, что новый порядок здесь будет означать торжество убожества из-за отсутствия классовых различий и снижения уровня жизни для того, чтобы охватить всех. Р. К. утверждала, что в России работники умственного труда уже создали для себя более высокий уровень, что всегда будут различия в индивидуальных вкусах и темпераментах. Я сказал, что если все люди будут одинаково обеспечены, то никогда не возникнут высоты красоты и роскоши, потому что увеличивающееся население, которое будет следовать за более высоким уровнем жизни масс, будет потреблять увеличивающееся богатство. Р. К. ответила, что чем выше культура общества, тем сильнее в нем контроль над рождаемостью. Я сказал, что это вздор, что обычный человек хотел детей лишь тогда, когда мог их себе позволить, и, кроме того, по мере улучшения условий жизни уменьшается смертность.

Пришел очень вежливый гид и начал нам объяснять, как идет процесс переработки нефти. Вверху, на холмах, находится множество резервуаров, в которых хранится нефть, подаваемая с месторождения. Из резервуаров нефть направляется вниз, к батареям [перегонным кубам], где она нагревается, и из нее выделяются керосин, бензин и другие фракции, которые затем по трубам поступают в хранилища. На этом заводе работают в три смены 350 рабочих. Во всем Черном городе – 14000 рабочих, а во всей нефтяной промышленности в Баку, включая все нефтяные месторождения, занято 40 000 рабочих.

В конце смены, в 3 часа дня, мы вышли из Черного города и, чтобы избежать давки в транспорте, взяли старого извозчика, который только что привез в этот район какую-то мебель.

Мы поужинали в очень хорошем семейном ресторане рядом с отелем. Вечером я поехал с Дэви смотреть фильм «Победа женщины»³¹⁰. Р. К. предупредила меня, что фильм – дрянь. Теперь, когда я своими глазами увидел его, я готов с ней согласиться. Дело происходит в России. Это история феодальных времен. Предводитель разбойников похищает

³⁰⁹ пуд равен 16,4 кг (*ред.*).

³¹⁰ «Победа женщины» – фильм о быте и нравах в боярской среде времен Петра I, снятый в 1927 году режиссером Юрием Желябужским по повести Н. С. Лескова «Старые годы в селе Плодомасове» (*пер.*).

девушку и принуждает ее выйти за него замуж. В брачную ночь она его обманывает, а затем, когда появляются солдаты, чтобы его арестовать и он уже готов сдаться, она спасает его как своего любимого мужа, и все заканчивается благополучно.

29 дек., четверг

Мы встали рано, но было уже светло; солнце пробивалось сквозь туман, и день обещал быть прекрасным. Мы сели на извозчика, и я попросил его подъехать к мечети, которую видел из своих окон. Она стояла в одиночестве на мрачном холме, и, чтобы добраться до нее, нам пришлось пробираться сквозь липкую грязь и копать, я ожидал чего-то более прекрасного – храм был очень простой и полуразрушенный. Вокруг него теснились домики бедняков, а вдоль улиц громоздились горы торфа. Мы спустились с холма и поехали к другой мечети, чьи купола и минареты были видны издалека. Этот храм был намного больше и изящней первого. Мы уже выходили со двора, когда один из мальчиков спросил нас, не хотим ли мы заглянуть внутрь. Я полагал, что ни один неверный не может войти в магометанский храм. Тем не менее он открыл дверь, и мы заглянули внутрь. Там был большой белый зал с современными электрическими светильниками, на полу было расстелено множество восточных ковров. А еще мы увидели маленькую резную лестницу, которая не имела других украшений, и балкон, на котором стояли женщины.

Добравшись до нашего квартала, мы решили взойти на стену укрепления, которая издалека выглядела совершенно очаровательной. Это был новый мир, или скорее старый мир, подобный странице из сказок «1001 ночи». Узкие извилистые улицы, по которым струилось половодье носильщиков, согнувшихся под пачками, ящиками и тюками сена у них на спинах; нагруженные такой же поклажей ослы (часть из них несла на себе мужчин, которые на крошечных несчастных животных выглядели смехотворно большими); женщины, скрывавшие за платками свои лица, даже когда они носили ведра с водой, младенцев, глиняную посуду или сундучки; мясо, приготовленное на маленьких жаровнях над древесным углем; уличные разносчики, покупающие у торговцев дневной запас апельсинов; шум голосов людей, говорящих на необычном языке; смуглые дружелюбные лица. Фрагмент древней серой каменной стены странной формы, поднимающейся высоко над старыми зданиями. Мы искали Ханский Дворец [...] и долго блуждали по лабиринту из узких улочек, спрашивали дорогу и тут и там, но никто не знал такого названия. Но тут из группы вышел худощавый парень лет 16 и стал жестикулировать, пытаясь показать нам путь. В то же время он пытался говорить, но ему мешала короткая уздечка языка. В конце концов он решил провести нас сам и пошел вперед. Поворачивая за угол, он робко, в вопросительной манере, оглядывался, чтобы удостовериться, что мы следуем за ним. Мы ходили за ним взад и вперед, взбирались по осыпавшимся каменным ступеням, проходили через грязные дворы, через узкие проходы, но в конце концов добрались до высокой каменной стены с парапетами наверху. Однако деревянные ворота были закрыты; нам сказали, что замок будет открыт для посетителей завтра. Мы возразили, что сегодня уезжаем, но пожилой длинноносый и длиннородый хранитель покачал головой, когда наш гид сказал ему об этом, и что-то раздраженно ответил на своем родном языке. Мы посмотрели сквозь расщелины в стене на замок – маленькое серое каменное здание, которое стоит здесь с пятнадцатого века. Говорят, что в нем 68 небольших комнат, а тронный зал сохранился совершенно нетронутым. Другой парень, который шел с нами, спросил, откуда мы, и, когда мы ответили ему, что из Америки, наш гид издал щелкающий звук, выражающий удивление, и воскликнул: «Америка!» Другой мальчик сказал, что в Америке его друга вылечили бы. Это для нас его город был похож на место действия сказок из «1001 ночи», а сам он считал страной чудес Америку.

Очень странно выглядели среди этих людей время от времени встречавшиеся краснобородые мужчины или красноволосые женщины. Красный цвет был темным и неестественным – должно быть, это краска.

Мы вернулись домой, упаковали вещи, прошли обычную процедуру выезда из отеля,

включая раздачу всевозможных чаевых и уплату паспортных сборов, и поехали на вокзал, чтобы сесть в 13:40 на почтовый поезд, который шел до Тифлиса. Дэви ушла покупать билеты и через некоторое время вернулась, чтобы объявить, что на этот поезд билетов нет. Мы сидели в буфете среди нашего обширного багажа; здесь толпилась масса народу, сновали официанты, разносившие супы и мясные блюда; нас уже тошнило от одного вида еды в вокзальном буфете; меня преследовали раздражение и усталость. Нам ничего не оставалось делать, кроме как вернуться в отель, но снова проходить все эти церемонии в «Новой Европе» не было сил. Недалеко от вокзала находился отель Bristol. Дэви была уверена, что он совсем рядом. Какой шанс сэкономить! Она поручила носильщику отнести наш багаж прямо в отель.

Отель «Бристоль» оказался намного дальше, чем думала Дэви. Скоро мы, Р. К. и я, остановились в парке, потому что устали от этой гонки. Дэви погналась за ним по всем этим изгибающимся улочкам, крича, чтобы носильщик шел не так быстро. А тот действительно развил приличную скорость, если учесть, что он нес большой чемодан, тяжелую кожаную сумку и шубу. Потом она рассказывала, что, когда мы наконец прибыли в отель, она была полностью измотана и так рассердилась на него, что дала ему всего 50 копеек, которые он, чувствуя себя виноватым в своем явном намерении, принял без комментариев. Погода переменилась: стало восхитительно тепло. Некоторое время мы посидели в парке под яркими солнечными лучами и помолчали, а потом встали и отправились в отель. Дэви взяла нам одну маленькую комнату с плотно закрытыми окнами, в которой, однако, было холодно. Я попросил номер с отоплением, но мне сказали, что он освободится позже. Я отправился прогуляться вдоль воды, и в конце концов интересные достопримечательности и свежий воздух подняли мое настроение. Мы поужинали рядом с отелем в каком-то потрепанном кафе, стены которого были расписаны очень смешными изображениями дам и кавалеров, прогуливающих по саду. Ели обычный борщ, пили пиво. Возвращаясь в гостиницу, мы зашли в большой кооперативный магазин. Он был заполнен покупателями, к кассиру стояла длинная очередь. Плакаты на стенах говорили о преимуществах кооперации.

Потом мы прогуливались по узкой улочке и заглядывали в витрины маленьких магазинов и ювелирных мастерских, где демонстрировались большие серьги, которые носят здесь женщины, музыкальные инструменты, в том числе тар и кавказский барабан, на котором здесь играют пальцами, словно на рояле. Инструменты были инкрустированы перламутром, а тар [местная балалайка] даже покрыт серебром. Мы также прошли по ряду магазинов, в которых по 3 рубля за пару продают кавказские шелковые чулки – их делают тут же на станках.

Вернувшись в отель, мы переехали в большую комнату с железной печкой, которую нам обещали топить. Потом пили кофе, поданный очень заботливой хозяйкой, которая сокрушалась о том, что мы так скоро уезжаем и не успеем узнать, как хорошо готовит ее сестра. Мы легли спать очень рано, хотя нас раздражали шум и разговоры в буфете; ночью кто-то пришел и все-таки развел огонь в нашей печи, стоявшей в коридоре.

29–30 дек.

Под свист ветра, который задувал из-за угла и с грохотом бился в окна нашей комнаты и балконную дверь, мы поднялись в темноте в 4 часа утра. В комнате было тепло от печи. Поскольку мы спали, не раздеваясь, то довольно быстро оказались на улице. Здесь все еще дул холодный резкий ветер. Звезды скрылись, порывистый ветер швырял в лицо заряды мокрого снега. Приехав на вокзал, мы узнали, что поезд на три часа опаздывает. Проверив оставшиеся сумки, мы вернулись в отель, где получили разрешение занимать нашу комнату до семи часов утра. Все это время мы проспали, а потом поднялись и пошли на станцию. Коридоры и залы ожидания были заполнены людьми. Мы получили наш багаж и уложили его на свободное место в коридоре у главной лестницы. Потом сели на сумки и стали ждать, наблюдая за отливами и приливами людского моря, я никогда в жизни не видел таких несчастных людей: маленьких мальчишек в грязных лохмотьях, стариков, скребущихся под

такими же лохмотьями, бедных женщин, терпеливо сидящих на одеялах с детьми... Все эти люди раньше были почти совершенно неграмотными, а большинство из них неграмотны и сейчас. Время от времени маленький мальчик с лицом, черным от грязи, одетый в лохмотья, свисавшие с его голых рук и плеч, прикрытый старым соломенным ковриком, босой, с грязными спутавшимися волосами, подходил ко мне и просил денег. Для меня это был сигнал том, что нужно внимательнее следить за карманами и еще крепче держаться за сумки. После двух с лишним часов ожидания наш носильщик, у которого был номер, поэтому ему можно было доверять, привел нас вместе с толпой на платформу, и мы наконец снова сели в международный вагон и поехали в Тифлис. В давке у поезда кто-то вытащил у Р. К. из кармана апельсин.

Железная дорога на Тифлис несколько миль шла на юг вдоль берега Каспийского моря. По другую сторону тянулась рыжая равнина с низкими коричневыми холмами. Всюду виднелись стада овец и селенья пастухов, состоявшие из землянок. «Боюсь, что здесь нет “Ленинских уголков”», – заметила Р. К. Теперь мы проезжали более широкие и более пустынные участки; здесь паслись верблюды, по равнинам двигались караваны этих животных с выюками на спинах, скрытыми под выцветшими полосатыми покрывалами. Море осталось позади, и железная дорога слегка отклонилась к северу в направлении Тифлиса.

Путь шел через степь, где выпасали скот. Деревни здесь стали несколько менее примитивными. Новые глинобитные дома под соломенными крышами, крытое красной черепицей здание в центре – наверняка это местный Совет! На фоне глинобитных домов неподвижно стояла женщина, наблюдавшая за поездом. Ее тело и лицо скрывало черное покрывало, из-за чего она казалась символической фигурой, стоящей на сцене. Вдали прошла женщина в ярко-красном одеянии с высоким глиняным кувшином. Дома были построены на высоких сваях. Рядом с железной дорогой двигался караван кибиток, запряженных волами. В поле мелькнул проблеск от работающего трактора. Местность постепенно становилась все более процветающей и цивилизованной на вид. В городах было много недавно построенных зданий. Мы проехали мимо нового моста через реку и нового строящегося железнодорожного пути.

В 11 часов вечера мы прибыли в Тифлис, столицу Грузии³¹¹. Вокзал города поражает своим хаосом. У нашего носильщика не было никакого номера, он схватил багаж и, как безумный, кинулся с ним на улицу. Воздух здесь, конечно, не был теплым, но, во всяком случае, снега не было. В этот поздний час с транспортом были проблемы. Наш носильщик нашел какой-то жалкий старый автомобиль, его толстый водитель запустил двигатель, и нам пришлось торговаться с ним под оглушительный грохот. До отеля Orient он просил пять рублей. Нам пришлось согласиться и за эту цену прогromыхать по улицам в отель. Однако когда дело дошло до расчетов, он потребовал 7 рублей, сказав, что два рубля стоит багаж. Мы платить отказались. Он начал вопить, но не двигался с места. Мы передали это дело сотруднику отеля, и в конце концов водитель принял оплату в пять рублей. Отель был довольно симпатичным, с очаровательным турецким залом, но наши номера были не очень хороши. Зато оказалось, что это «двухпростынная» гостиница, то есть в ней каждому выдают по меньшей мере две простыни.

31 дек.

Окно моей комнаты выходило на главную улицу. Утром я был поражен прекрасным видом. Прямо через дорогу стояла огромная каменная церковь в кремово-коричневой гамме, причем коричневый камень бежал полосами вдоль стен. У храма был большой центральный купол и четыре меньших купола, и вся эта прекрасная, компактная симметричная структура четко вырисовывалась на фоне горных садов и улиц, засаженных высокими кипарисами. На

³¹¹ С 1845 по 1936 год – Тифлис. В 1936 году город был переименован в Тбилиси (*ред.*).

вершине горы стояло белое здание, перед ним проходила железная дорога. Проезжали автомобили, по улицам сновали хорошо одетые люди; Тифлис казался современным и процветающим городом. Падал мокрый снег, и, когда мы вышли наружу, обнаружили, что на улицах скользко, а воздух сырой и холодный. Мы зашли на почту, но нашли там только пакет с советскими изданиями от Сержа. Когда мы вернулись в отель, нас уже ждала там Дэви с программой пребывания от местного Совета. Все музеи находились рядом – собрание старых грузинских картин, копии настенных украшений в церквях и т. д., а также новые картины; музей естественной истории с прекрасной экспозицией о жизни диких животных в Грузии и на окружающих ее территориях Кавказа: волки, дикие кошки, птицы, фламинго, огромный тигр, убитый вблизи Тифлиса, кабаны, горные козы, коллекция прекрасных бабочек и жуков. Мы двинулись по грязным главным торговым улицам. День был предпраздничным, и магазины оказались переполнены. До того как магазины в три часа закрылись, мы успели купить пару штук кавказского шелка.

Когда мы вернулись в отель, мне стало очень плохо; очевидно, влажный воздух и туман отрицательно повлияли на мои легкие. Но у нас были билеты в оперу, поэтому я встал и пошел. Здание оперы прекрасно выглядело и изнутри, и снаружи, причем коридоры были намного красивее, чем интерьер самого зала. Стены были украшены причудливыми узорами – такими же, как в старом дворце в Московском Кремле. Давали новую комическую оперу «Жизнь – радость», написанную грузином, и пели на грузинском языке³¹². Музыка была хороша, костюмы довольно красочные, но сюжет оказался затертым: веселый молодой человек принимает снотворное зелье, а проснувшись, обнаруживает, что превратился в коронованного правителя, облаченного в пышные одежды. Он влюбляется в очаровательную даму, но оказалось, что вместе с тронem ему досталась и уродливая царица, и он в ужасе убегает. Короткий спектакль закончился в 10:30. Мне было интересно наблюдать за людьми, потому что у грузин очень характерные черты: это энергичные, мужественные, способные люди. Высокие, красивые, лихие мужчины (Тифлис показался мне городом Сталиных). Женщины в нарядных шелковых платьях, вблизи которых чувствуется особая атмосфера, хотя смуглость и резкие черты, которые подчеркивают мужскую красоту, слишком тяжелы для местных женщин.

Тифлис встречал Новый год в кафе, в том числе и в ресторане нашего отеля. Когда мы подошли к моему номеру, выяснилось, что туда пришел коммунист из Армении, с которым мы познакомились в поезде на Баку; оказывается, он в течение последних двух дней звонил в отель и нас разыскивал. Дэви разорилась на бутылку вина; я лег спать, а они с Р. К. ушли с молодым человеком в другой номер, где, должно быть, славно провели время, потому что на следующее утро Р. К. отказалась по крайней мере от двух бокалов вина.

1 янв. 1928 года

Новогоднее утро. Город красив в ярком солнечном свете, заснеженные горы сияют на солнце. В довольно ранний час для местного уроженца наш армянский друг вывел нас из гостиницы. Мы пошли в кафе Germania, небольшую немецкую кондитерскую, на второй завтрак. Мы уже делали заказ, когда пришел полицейский и сказал хозяину, что тот должен закрыть свое кафе, потому что сегодня праздничный день. Нам, впрочем, разрешили закончить завтрак, хотя у меня сложилось впечатление, что вся местная полиция пришла патрулировать кафе, чтобы убедиться, что в него не попали другие клиенты. Обескураженный немецкий владелец несколько раз выходил наружу, чтобы их успокоить.

Мы погуляли по территории, примыкающей к зданию Совнаркома (Совет народных комиссаров Тифлиса). Это был очаровательный парк с регулярно спланированными клумбами, кипарисовыми деревьями, старыми виноградными лозами, опутывающими

³¹² Комическая опера «Жизнь – радость» (другое название – «Динара») композитора Дмитрия Игнатовича Аракишвили (1873–1953), поставленная в 1927 году. Либретто Валериана Левановича Гуния (1862–1938) по мотивам одной из сказок «1001 ночи».

здания, и красно-бурыми дорожками. Здесь прогуливалось и множество солдат из близлежащих казарм. В парке был пруд с одиноким лебедем. Рядом находилась церковь, которая мне очень понравилась. Наш гид сказал, что теперь здесь пионерский клуб. Во дворе устроили спортивные площадки, и, когда я заговорил о неуместности такого использования этого благородного здания, наш армянин пояснил, что был план вообще взорвать эту церковь и возвести на ее месте новое здание, я сказал, что лучше превратить церковь в усыпальницу выдающихся деятелей страны. Мы подошли к правительственному гаражу и получили машину для поездок по городу.

Сначала мы поехали в старую его часть; наверху, на холмах, стояла древняя крепость, от которой остались только стена и башня. Здесь был татарский район³¹³: много старых зданий, более узкие улицы, рынки. Мы проехали по одному из восьми мостов через реку Кура. Многочисленные церкви, по-моему, ничего не добавляют к красоте города, потому что церкви в грузинском стиле весьма неприглядны – ребристый купол или три купола, окрашенные в серебристый цвет или с серебряными вставками, суровые и простые по силуэту строения, выполненные из грязно-серого камня.

Мы начали подниматься по горной дороге, и с каждым поворотом перед нами открывался все более прекрасный вид. Тифлис лежит в долине, но со всех сторон взбирается на горы. Мы поднялись на значительную высоту и осмотрели город оттуда. Я смог разглядеть «свою» церковь; были видны также очень большая больница, макаронная фабрика из красного кирпича, крытые красным дома, сады. Выше, на высоте 1500 метров, виднелось несколько коттеджей для ослабленных детей, больных туберкулезом, так называемый «Детский городок». Спустившись вниз, мы прошли по красивому центральному парку и зашли в картинную галерею, где осмотрели небольшое собрание грузинских картин. Мне понравились две большие картины с видами улиц в Самарканде, в Азии. На них были изображены уличные базары, развернутые в тени красивых полуразрушенных мечетей, чьи купола и башни напомнили мне о синей мозаике мечети в Ленинграде. Художника звали Гиго³¹⁴.

У нас не было обеда, поскольку все рестораны были закрыты. Поезд на Батум должен был отходить в 10:40 вечера. Нас провожал армянский друг. В этом поезде был только один мягкий вагон, и, судя по толпе, которая его осаждала, в нем старались занять места около тысячи человек. У нас возник спор в отношении наших мест, потому что на них были и другие претенденты. Но вмешался человек из ГПУ, который всегда работает на станции, и мы обосновались в четырехместном купе с соседом – молодым красным командиром, который старался нам во всем помочь. Это наихудший поезд из всех, в которых мне довелось путешествовать, если не считать «Максима Горького».

2 янв. 1928 года

Утром мы увидели настоящую зимнюю сцену – местность, утопающую в снегу, небольшую речушку, быстро бегущую среди заснеженных берегов; огромные падающие снежинки. Р. К. вынула путеводитель и зачитала нам с верхней полки описание Батума.

По мере того, как мы двигались вперед, снег постепенно прекратился, его сменили сильный туман и дождь. Еще через два часа снега на земле не было и в помине, но остались дождь, болота, странные покрывала на деревьях, которые сохраняют их от сырости и одновременно придают деревьям необыкновенную форму; дома, построенные на сваях,

³¹³ Очевидно, речь идет о Татрис моздани (Татарской площади). Татарами в городе называли всех мусульман, а так как эта площадь была расположена там, где в основном селились персы, а затем азербайджанцы, площадь получила такое название. Так она называлась до 1958 года (*ред.*).

³¹⁴ Очевидно, Георгий (Гиго) Иванович Габашвили (1862–1936) – грузинский художник и педагог, крупнейший представитель грузинского реалистического искусства второй половины XIX – начала XX века (*ред.*).

свежая зеленая трава. Похоже, у мужчин в этой стране принято носить фески. Деревни выглядят примитивно, лучшие дома стоят на кирпичных столбиках – очевидно, для того, чтобы поднять их над болотистой почвой. На заднем плане видны низкие горы, я задал красному командиру несколько вопросов об армии. В его подразделении 450 человек. Во время сражения командиры находятся на передовой; в мирное время они спят и едят со своими подчиненными. К солдатам также относится практика 8-часового рабочего дня; фактически, они часто работают менее восьми часов. Значительная часть времени уделяется образованию. Раньше, при царе, солдат очень ограничивали и третировали. На бульварах и в трамваях были таблички: «Солдатам и собакам вход воспрещен». Сейчас каждый год солдат получает месячный отпуск, для него все бесплатно. С высшими офицерами, как утверждает командир, солдат находится в равных социальных условиях, но на службе, конечно, действует субординация. Офицеры не должны жестко насаждать дисциплину, не должны ругать солдат, кричать на них; дисциплина достигается путем обучения и воспитания, а не посредством наказаний, которые теперь отменены, хотя раньше они были очень строгими. В армии ликвидируется неграмотность. Командир утверждал, что условия жизни солдат очень хорошие и что они не жалуются. Если к солдату приезжает родственник, то ему дают комнату; родственники всегда могут посещать с экскурсиями военные лагеря.

Наш поезд опаздывал уже на три часа, а теперь мы узнали, что впереди произошло крушение, и нам придется еще час простоять на заброшенном полустанке, пока нас не заберет поезд, возвращающийся из Батума. Наш поезд медленно прошел несколько миль и остановился в совершенно диком месте. Мы вышли, и, поскольку всем запретили идти по путям, на которых произошло крушение, нам пришлось тащиться в обход по грязи с тяжелым багажом к поезду, который стоял на... (обрыв текста. – Пер.)

Какими жалкими выглядят местные жители! Одетые в рванье, с повязками из ткани на голове, напоминающими чалму, они следовали за нами, надеясь заработать на переноске нашего багажа. Мы наняли двух мужчин и девушку. Несколько тележек, запряженных волами (*погонщик – очень симпатичная девушка с черными кудрями под желтым платком*), часть сумок несли в руках; расчет [с носильщиками]. Пройдя примерно милью по грязи, мы подошли к нашему поезду и поехали дальше. Крушение затронуло все пути; опрокинутые цистерны с нефтью. Несчастный случай – тормозной кондуктор поскользнулся в грязи, его керосиновая лампа ударилась о цистерну с нефтью и разбилась, нефть загорелась, человек сгорел полностью. Бригадир поезда обернулся, увидел, что произошло, и кинулся отцеплять другие вагоны, благодаря чему спас 26 из них. Сторож, который рассказал нам эту историю, утверждал, что черноволосый бригадир поседел от ужаса... Поезд теперь шел вдоль берега Черного моря: темный песок, густой подлесок вдоль берега и лесистые горы с другой стороны дороги. Мы проехали мимо больших ботанических садов, находящихся за пределами Батума, и прибыли в город около пяти часов [вечера] в мрачную, холодную погоду.

Батум выглядит как провинциальный город. Мы взяли извозчика, приехали на набережную и узнали в приемной Совторгфлота (советский торговый флот), что сможем купить билеты только в девять часов [вечера], а пароход уходит в полночь. Поэтому Дэви отправилась в город получать деньги в банке, а мы сидели и ждали ее в буфете. К металлической печке жались какие-то оборванцы. Когда Дэви вернулась, мы отправились в город, сначала на телеграф, но никаких телеграмм от Сержа не было. Затем зашли в близлежащий ресторан. Унылый ужин обошелся в 4,80. Р. К. поинтересовалась, можно ли здесь починить ее пишущую машинку. Официант попытался отвести нас к дому механика, который держит в городе мастерскую по ремонту пишущих машин. Повторяя «еще немного» и «чуть дальше», он долго водил нас взад-вперед по пустынным улицам, постоянно заворачивая за углы и иногда спрашивая прохожих. Наконец механик был выслежен, он согласился отремонтировать нашу машинку и доставить ее к нам на пароход. Еще несколько часов ожидания в буфете; я чувствовал сильную слабость, болела грудь. В комнате роились толпы людей. Наконец, в 11 мы поднялись на пароход.

3 янв. 1928 года

Примерно в 3 часа ночи 3-го числа пароход Советской торговой компании «Пестель», названный в честь адмирала декабристов, воевавшего на Черном море³¹⁵, вышел из Батума. Я был рад, что моя поездка подходила к концу, но не рад тому, что оказался в затертой пятиместной каюте. Если бы дело было летом, мне пришлось бы делить ее с четырьмя другими мужчинами! Женские и мужские каюты здесь полностью раздельные, причем первые лучше и, в целом, более удобные. Это «однопростынное» судно без ванны и с одеялом по требованию. Из умывальника с резервуаром в два галлона (9 литров. – *Ред.*) воды невозможно выжать ни капли. Я смирился с неделей без умывания. Море очень беспокойно. Судно качало и било, иллюминатор моей каюты заливали волны.

В 7 часов утра мы достигли маленького порта Поти – это достаточно унылый причал внутри искусственной гавани. Снег, дождь, холодный сырой ветер. Я думаю только о Константинополе и юге. Яйца с отвратительным кофе со сгущенным молоком в кают-компании, которая является более удобной версией судовой столовой. Разговаривал с офицером из Баку, с которым мы встречались в поезде. Он едет в Сочи. Я изо всех сил старался раскладывать пасьянс и смотреть на погрузку. Это был медленный процесс. Уже час ночи, а мы так и не вышли из порта. К этому времени на севере возник разрыв в облаках, и стало ясно, что мы будем идти на запад вдоль горного хребта, который тянется по всему северному берегу Черного моря! Когда мы выходили из порта, нас сопровождали облака чаек, которые на золотом фоне рассветного неба на севере были похожи на серебряные искры. Море волновалось, но явно успокаивалось. Меня заинтересовала группа моряков в тяжелой одежде, они отправлялась в Севастополь в военно-морское училище, и им было очень весело. Один из них, высокий неуклюжий парень с типичным открытым славянским лицом, который глазами все время провожал меня, спросил у Р. К., не мои ли это книги. Оказывается, в киоске на судне стояли «Сестра Керри» и томик рассказов под названием «Необыкновенная история»!³¹⁶ Вечером мы прибыли в Сухум, но остановились на некотором отдалении от берега. В темноте огоньки сияли над водой, и город выглядел очень привлекательно. Было облачно, дул холодный бриз, но воздух был мягким.

4 янв. 1928 года

Утром море было спокойным; я прогуливался по палубе и наблюдал, как из воды выпрыгивают дельфины и рыбы, похожие на осетров. Пароход шел на запад. Прорвавшееся сквозь тучи солнце осветило море на севере, но юг и восток оставались мрачны и унылы. Сотнями пролетали дикие утки, лысухи и гагары – столько птиц я никогда не видел. Становилось теплее и тише. В 12 часов мы прибыли в Гагру, который считается самым красивым из кавказских курортов. Сразу за городком возвышаются горы. Гагра состоит из множества прекрасных крупных зданий, большинство из которых, несомненно, являются санаториями, гостиницами и банями. Мы не причаливали к берегу, разгрузка судна проходила с помощью небольших шлюпок. Я обратил внимание на пассажиров второго и третьего классов – таких же азиатских и жутких, как всегда. Их огромная сбившаяся масса вызвала у меня ощущение тошноты. Россия для меня навсегда изгажена холодом и грязью. Бухарин говорил, что они построят здесь рай. Но когда? Через пятьдесят или сто лет. Я, пожалуй, поищу свой, пока еще жив. Далее по побережью находится город Адлер, где начинается железнодорожная линия, которая следует вдоль берега моря до Туапсе. Сегодня

³¹⁵ П. И. Пестель – руководитель Южного общества декабристов. Участник Отечественной войны 1812 года. Полковник, командир Вятского пехотного полка. Казнен в Петербурге 13 июля 1826 года. На Черном море не воевал и адмиралом не был! (*ред.*).

³¹⁶ *Драйзер Т.* Сестра Керри / пер. М. Волосова. Л.: Мысль, 1927; *Драйзер* Необыкновенная история и другие рассказы / пер. Т. и В. Ровинских. Л.: Мысль, 1927 (*пер.*).

здесь довольно тихо и солнечно. Мы все еще движемся вдоль этих огромных гор, которые по мере приближения к Сочи стали еще выше: на заднем плане поднялись два-три очень высоких заснеженных пика. По всему берегу разбросаны дома, некоторые из них очень большие и красивые – очевидно, это санатории. Неподалеку от Сочи находятся знаменитые серные бани «Мацеста». Когда наша судно вошло в порт Сочи, было уже четыре часа, и солнце садилось. За хребтом прибрежных гор поднимались заснеженные вершины еще более высоких пиков, розовевшие отраженным светом заходящего солнца; их силуэты четко выделялись на фоне неба, словно розовые камеи. Не знаешь, в какую сторону смотреть: на берегу прекрасный город с его восхитительными зданиями и банями на фоне гор, с другой стороны – солнце, заходящее в море, покрытое полосами червонного золота... Всего через несколько минут сияние исчезло, горные вершины окрасились в холодный чистый белый цвет, и вот уже над водой сияет луна, которая какое-то время назад едва виднелась над горами.

5 янв. 1928 года

Рано утром мы пришвартовались к причалу в Новороссийске, ведущем портовом городе с населением 62000 человек. Сойдя с судна, мы обнаружили череду извозчиков с дрожками нового для нас стиля: они укрыты сверху матрасом или ковром, на которые вы садитесь и свешиваете ноги сбоку, упираясь ими в подножку. Мы тронулись вперед по тряской дороге. Был солнечный морозный день. Город казался новым и неприветливым. Выйдя в центре, мы попытались найти ресторан, но без успеха, а потом прошли мимо марширующих солдат (повсюду я встречаю этих трех солдат) и поднялись на небольшой холм, где заканчивался город и начинались луга. Неподалеку находилась пара прекрасных зданий. Мы по-прежнему надеялись найти в Новороссийске хороший ресторан, в котором кухня хоть немного отличалась бы от того, чем кормили нас на судне, но попытки оказались тщетными. Наконец мы забрели на рынок, где крестьяне продавали разнообразные продукты. Мне захотелось выпить горячего молока, и я попросил Р. К. пойти и купить немного выпечки, которую мы видели в киоске на другом конце рынка. Она восприняла эту идею с холодком и раздражением, ибо не могла понять смысла этого действия, но через некоторое время с неохотой купила немного печенья, и мы его съели с горячим молоком у стойки посреди тающего снега и грязи. Потом мы снова пошли на главную улицу и увидели, что главная столовая наконец открылась, но когда мы вошли внутрь, нас тут же остановил тошнотворный запах.

Мы выбежали наружу со стаканом чая, и моя спутница вынуждена была признать, что еда на базаре хороша по крайней мере тем, что он находился под открытым небом. По главной улице люди несли симпатичные маленькие елочки, потому что был канун старого русского Рождества, и верующие настойчиво отмечают старую дату, хотя в новом русском календаре Рождество приходится на 25-е число. Таким образом, современный русский празднует два отдельных рождественских праздника, между которыми попадает Новый год, так что получаются довольно продолжительные зимние каникулы. Мы пошли в банк и поменяли на рубли немного американских долларов – конечно, им до смерти хотелось получить доллары, но все равно они обменяли мне их только по курсу 1,93. Потом мы вернулись к пароходу; впечатление от города осталось самое отвратительное. Я заговорил с Р. К. об ее отъезде из России; она заняла оборону и стала рассказывать о преимуществах жизни в Москве, о личной свободе, об отсутствии напряжения, о том, что здесь можно проявить себя, о преимуществах, которые имеют здесь трудящиеся, – например о бесплатной медицинской помощи, что позволяет жить при небольших доходах, даже если уровень жизни остается низким. Все время, пока мы шли по улице, я почему-то почесывался. «Боже, кажется, у меня вши!» – от этой мысли я пришел в ярость.

На набережной мы встретили Дэви и ее соседку по каюте, и они отвезли нас в ближайший ресторан. Здесь был тот же старый шведский стол, те же цветы и пальмы в горшках, те же уныние и едкий запах. За соседним столиком сидели русские, которые только

что вернулись морем из Нью-Йорка, и громко разговаривали на отвратительном ломаном английском – просто чтобы похвастаться. Мы заказали жареную курицу и хлеб с маслом; курица оказалась не так уж и плоха, но вот качество масла... а эти огромные толстые ломти белого хлеба! Р. К., которую даже на суше никогда не покидали приступы морской болезни, была очень подавлена, я тоже был в плохом настроении. Мы вернулись на судно, я забился в свою холодную сырую каюту и рано лег спать.

6 янв.

Когда мы снова тронулись, началось сильное волнение. В 7 утра мы прибыли в Феодосию, что на берегу моря в Крыму. Некоторое время я не вставал, но тут вернулась из города Дэви. «Жаль, что вы не пошли, – сказала она, – это замечательное место, я даже посетила картинную галерею». Мы с Р. К. сошли на берег, дали извозчику рубль и поехали по городу; улица, обращенная к морю, была прекрасна – один дом лучше другого. Раньше это были резиденции богачей, а теперь клубы, дома отдыха и санатории для рабочих. Преобладала греческая архитектура. Это, как мне кажется, показывает, что в свое время здесь жили греки, повлиявшие на этот город, или что на архитектуру влияют природные условия. Один особенно красивый дворец из сероватого камня с мозаиками и башней в саду строил для себя табачный магнат – и уже почти достроил, когда произошла революция. Так что пожить ему во дворце не пришлось, он бежал за границу³¹⁷. В настоящее время здесь расположен санаторий профсоюза советских служащих и работников торговли. Повернув в один из переулков, мы попали в картинную галерею художника Айвазовского, собрание прекрасных картин на тему моря; одно из огромных полотен с морским видом занимает целую стену. Этот художник больше всего на свете любил Феодосию; еще мальчиком он обычно спускался на пристань, вход куда был запрещен, и делал эскизы; его прогоняли, даже задерживали, его наказывала мать, но ничто не могло оторвать его от берега моря. Здесь также есть экспозиция новых картин местных художников. В целом галерея показалась мне совершенно очаровательной.

Конечно, как всякий хороший извозчик, наш извозчик должен был обязательно показать нам базар; улицы были грязными – видимо, недавно прошел дождь, да и сейчас было сыро и пасмурно.

К следующей стоянке море довольно сильно заволновалось. Все разбредись по своим каютам, но на меня волнение не действовало. В 9 часов вечера мы прибыли в Ялту, где были самые сильные землетрясения³¹⁸. Сначала я не хотел сходить на берег, потому что с парохода ничего не было видно, кроме огней в лавках на набережной, так что Р. К. и Дэви ушли без меня. Но позже я тоже решил пройтись.

Некоторое время я прогуливался по тускло освещенной улице, разглядывая новые щитовые дома, очевидно, сооруженные для пострадавших. В город отсюда вела не одна улица, а несколько живописных улиц, которые проходили мимо садовых оград. За заборами, словно стражи, высились кипарисы, и, вообще, ночной город выглядел привлекательно. Я поднимался по одной из темных улиц, когда в двадцати футах впереди меня на тротуар неожиданно рухнула значительная часть кирпичной стены. Я отпрыгнул на середину улицы; появились люди, которые громко разговаривали и жестикулировали. В общем, и мне достались кое-какие впечатления от землетрясения. Здесь тоже погода была мягкая, а улицы – чудовищно грязные. Мы вышли из Ялты очень поздно ночью, но я в этот день рано лег спать.

³¹⁷ Речь идет о так называемом Дворце Стамболи – одной из достопримечательностей Феодосии. Табачный фабрикант Иосиф Стамболи уехал из Феодосии в 1916 году (*пер.*).

³¹⁸ Речь идет о землетрясениях в Крыму 26 июня и в ночь с 11 на 12 сентября 1927 года (*пер.*).

7 янв, 1928 года

В 8 утра – Севастополь, знаменитый порт, за который шло множество сражений. В очередной раз я воспылал надеждой найти здесь приличную еду. Мы наняли извозчика, чтобы он показал нам город. Сначала мы двинулись вверх по главной улице, а потом спустились вниз к морю. Это довольно тихое место, на окраинах которого находится несколько военно-морских училищ, и потому на улицах города много моряков. На пристани стоит памятник адмиралу, который спас порт от турок в 1853 году³¹⁹. «Пошел!» – сказали мы, и наш извозчик тем же путем поехал обратно. «А почему не по-другому?» – спросили мы. «Так в городе только две улицы, – ответил он, – и на обеих мы уже были». Свернув за угол, он начал с энтузиазмом демонстрировать нам местные достопримечательности: «Вот трамвай, – выступил он в роли добровольного гида. – Он идет на железнодорожную станцию». «Замечательно», – ответил я. «А там рядом базар», – с надеждой продолжил он. «Нет, мы сойдем здесь», – сказал я, и мы пошли в ресторан. Здесь подавали своего рода молочный обед, но по крайней мере это была безопасная еда: горячее молоко, яйца, масло, белый хлеб... «Я зашла слишком далеко, – внезапно сказала Р. К. с очень удрученным видом, – чтобы сейчас мне можно было чем-нибудь помочь». Мы вернулись на судно. Там группа курсантов сходила на берег и отправлялась в свое училище. Я купил на судне несколько своих книг и отдал их командиру, который всю дорогу смотрел на меня с нескрываемым любопытством. Он был очень удивлен и долго меня благодарил. «Это будет хорошая память», – сказал он.

В 5 вечера мы бросили якорь достаточно далеко от берега, где был небольшой причал. Волна была очень высокой. Я вышел на палубу, чтобы понаблюдать за буксиром, который пытался подобраться достаточно близко к судну, чтобы забрать пассажиров и отвезти их на берег. Суденышко бросало, как пробку; в любой момент оно могло ударить нас в борт. Еще одно судно, грузовое, находилось поблизости, ожидая буксировки назад. Было темно, дул сильный ветер – дикая сцена, но наконец пассажирам удалось сойти на берег, и через некоторое время мы снова были в пути.

Последняя ночь на судне была самой тяжелой. Пока мы не достигли Одессы, волнение было настолько сильным, что мы не могли встать на ноги, не то что паковать вещи. Помню, как, глядя на пять спасательных кругов, висящих на стене, я сказал себе: «Наверняка все они уже сгнили. Готов поспорить, что, если кто-то наденет такой круг, то пойдет с ним прямо на дно».

8 янв. 1928 года

Примерно в 8 часов утра в воскресенье мы добрались до Одессы. Было холодно, висел туман, лежал грязный снег. Здесь прекрасный порт. Мы взяли авто до отеля Passage, который находится на главной площади города напротив большого собора. Это очень старый отель, но у меня был неплохой номер, в котором мне понравились старая черная мягкая мебель и шкаф из красного дерева. Это был «беспростынный» отель. Как я понял, гости либо должны были приезжать со своим бельем, либо платить за белье и одеяла дополнительно. Кровать с соломенным матрасом была очень жесткой, но зато из моих окон открывался интересный вид на площадь и на собор с куполом и шпилем. Мы нашли где поесть – это была своего рода семейная столовая во дворе; еда была не самой ужасной, но зато там было душно. Мы провели день, разъезжая туда-сюда по различным линиям. Одесса – очень старый город, здания когда-то были очень хорошими, но сейчас кажутся полуразрушенными и серыми. Официальный язык здесь украинский, но на всех указателях приводятся также надписи по-русски. Днем было сыро, висел туман. Мы пришли домой вечером, дождались Дэви и отправились в тот же семейный ресторан на ужин. Несмотря на то что хозяин пытался

³¹⁹ Речь идет о Графской пристани в Севастополе и о памятнике адмиралу Павлу Степановичу Нахимову (1802–1855), герою Крымской войны 1853–1856 годов (*пер.*).

создать домашнюю атмосферу, играя на скрипке в сопровождении пианино, еда оказалась такой же плохой, как и раньше: такой же старый борщ, тот же старый шницель, котлеты, венгерский гуляш, который заставил бы Бела Куна начать новую революцию, те же черствые пирожки – о, Боже мой! Вечером нам ничего не оставалось, кроме как лечь спать.

9 янв.

В понедельник утром мы отправились в компанию Derutra узнать, когда будет пароход. К моему ужасу, выяснилось, что пароходов до Константинополя не будет до 18-го числа (итальянское судно) или до 19-го (русское). Поскольку итальянский пароход идет пять дней, а русский – всего 36 часов, мы склонялись к тому, чтобы выбрать последний. Но потом нам пришло в голову, что лучше вообще отменить заезд в Константинополь, а отправиться прямо в Париж через Польшу. Я решил справиться обо всем в компании Derutra; они изучили мой паспорт и сказали, что мне нужно будет получить польскую визу, а также продлить мою российскую визу. Потом мы пошли в визовый отдел и узнали, что у меня вообще нет выездной визы, и что я должен подать заявление и заплатить 21 рубль. Мы очень заволновались и запротестовали, заявив, что я гость БОКС и что они должны были решить этот вопрос в Москве. Сотрудник визового отдела с этим согласился.

Я написал запрос на получение бесплатной выездной визы через Польшу, и моя просьба была удовлетворена. В компании Derutra сказали, что они могут получить польскую визу через два дня после того, как будет готова российская выездная виза. Я отправил в Константинополь телеграмму об изменении своих планов³²⁰. Мое единственное желание – как можно быстрее выбраться отсюда и вернуться в Америку.

После обеда я долго гулял и дошел до набережной. Был солнечный день. Я нашел лестницу, на которой в 1905 году шла стрельба, показанная в фильме «Потемкин». Там 200 ступенек, и я прошел их вверх и вниз.

10 янв.

Во вторник, зайдя в компанию Derutra, мы задали вопрос о таможенном досмотре багажа. Выяснилось, что без специального разрешения я не могу вывезти из страны ни печатные материалы, ни рукописи. Это меня возмутило до крайности. Затем мы спросили о деньгах. Как оказалось, на вывоз сумм более 300 рублей также требовалось получить специальное разрешение, а поскольку у меня была почти тысяча долларов, которые прислали мне в Москву, они сказали, что получить разрешение будет сложно. Дома я собрал все свои бумаги, включая эти заметки, все книги на английском, личные письма и т. д. Они заполнили почти всю мою сумку. И на этот раз ко мне пришел за интервью молодой репортер из местной газеты. Он хотел знать, что я думаю о России; к тому же он говорил по-английски, поэтому я произнес перед ним длинную речь о том, что я думаю о местных условиях, о том, что это интересный эксперимент, но им предстоит пройти долгий путь, прежде чем они смогут попытаться применить свою систему в других странах. Я не возражал против попытки применить ее здесь, но они не должны пытаться изменить другие страны, пока не доказали жизнеспособность системы здесь. Я также сказал, что, прежде чем дальше отправлять средства на поддержку бастующих и т. д., нужно увести детей с улицы. Он сказал, что в Одессе осталось всего сто беспорядочников, что у большинства из них сейчас есть дом. Мы поспешили в Derutra вместе с сумкой, которую они выхватили и начали изучать, попутно составляя список ее содержимого, я закипел от злости, но оказалось, что меня ждет еще более безумная дискуссия о деньгах.

Я попросил Дэви дать мне документы из БОКС, которыми она пользовалась во время поездки и в которых говорилось, что я – гость Советского правительства. Я думал, что они

³²⁰ Телеграмма, вероятно, была адресована Хелен Ричардсон, которая, как планировалось, должна была приехать в Константинополь, чтобы встретиться там с Драйзером.

мне помогут при пересечении границы. Однако она отказалась отдать мне эти бумаги. После этого в самых крепких выражениях я высказал все, что думаю о ее паршивой организации, о ней самой, а также обо всей этой идиотской затее. Я все-таки забрал эти бумаги и вышел с ними на улицу. Р. К., которая составляла список документов, выбежала за мной и сказала, что для того, чтобы получить разрешение на выезд, Derutra должна иметь документы из БОКС. Я передал бумаги ей.

Это был окончательный разрыв с Дэви. Она вернулась домой, а мы пошли ужинать в ресторан Bristol Hotel, где когда-то съели неплохой завтрак из блинов, яичницы с ветчиной и ячменного кофе. Я соблазнился обнаруженной в меню «дикий уткой», ибо вспомнил всех летящих уток, которых видел в этой части света. Мы также заказали голубцы. Утка оказалась ужасной, так же, как и капуста, и мы ушли в полном разочаровании.

После сцены, разыгравшейся в Derutra, мы с Р. К. продолжили прогулку по набережной в другом направлении. Здесь мы прошли мимо множества прекрасных старых домов, которые раньше наверняка были резиденциями богачей, а теперь, скорее всего, давали кров примерно 60 семьям. Некоторые из этих домиков были просто очаровательны. В который раз мы встретили марширующих с песней солдат – наверное, где-то поблизости находились казармы.

Вечером, не увидевшись с Дэви, мы отправились в большой оперный театр: давали «Садко», одну из самых известных русских опер Римского-Корсакова. Первый акт был ужасен: расстроенные инструменты, плохие голоса, плохой хор. Р. К. была очень разочарована, потому что постановка, которую она видела в Москве, была намного лучше. Тем не менее она заставила меня остаться на второй акт, в котором есть «Индийская песня»³²¹. Второй акт действительно оказался намного лучше, и я был рад, что мы остались. У оставленной жены был хороший голос, и сцена могла бы быть эффектной, но сам Садко выглядел как большой бык с плохим голосом, который портил каждую сцену. На рынке у пристани собралась толпа, чтобы посмотреть на Садко, уплывающего на лодке. Здесь-то и были иностранные гости: они подходили к купцу и желали ему удачи в путешествии в подводное царство. Один из них был в индийском костюме; он тихо шагнул вперед и со сложенными руками спел «Индийскую песню». Это было очень эффектно. В конце второго акта мы ушли домой.

11 янв.

Сегодня мы подали заявку на вывоз денег из страны и получили разрешение; также было получено разрешение на вывоз документов. Мы с Дэви находимся в открытом противостоянии, Р. К. выступает посредником.

Мы позавтракали в отеле Bristol: блины, джем, сметана, ячменный кофе и яичница с ветчиной из восьми яиц, хотя мы просили четыре (они просто сделали две порции по четыре яйца в каждой). Был холодный солнечный день. Мы вернулись домой. Я получил телеграмму, в которой говорилось, что моя телеграмма, адресованная в Константинополь, не была доставлена адресату, поэтому я послал телеграмму в контору Кука. Вернулся в отель, чувствуя себя совершенно разбитым. В комнате было холодно, я надел меховую шапку, шубу, меховые перчатки и лег на кровать, откуда и продиктовал Р. К. оставшуюся часть своей статьи. Утром в газете «Одесские известия» появилась статья обо мне с фотографией. У меня не было никакого желания снова выходить на улицу, поэтому мы выпили чай в номере, и я лег спать в ожидании чего-то лучшего.

12 янв. 1928 года

Утром мы отправились в Derutra для получения дополнительной информации. Они все еще ожидали польской визы – ее обещали выдать завтра. Я с их помощью отправил

³²¹ Песня индийского гостя (ред.).

телеграмму в Константинополь племяннице³²².

Затем мы позавтракали в отеле Bristol. Рядом с нашим столом стоял аквариум с золотой рыбкой, которая постоянно поднималась к поверхности воды – наверное, воду в аквариуме очень давно не меняли. Р. К. сказала, что ей кажется, будто они все время говорят «Бла-бла-бла». Мы снова начали неприятный спор на старую тему «Коммунизм и индивидуализм». Она защищала глупцов и «свиней», утверждая, что лучше снизить общие стандарты за счет немногих, если таким образом можно устранить бедность масс. Мы, как обычно, делали друг другу «комплименты». Я сказал: очень хорошо, можешь оставаться со своим коммунизмом, мы расстанемся хорошими друзьями, и каждый пойдет своим путем. Это замечание так сильно ранило ее чувства, что она хотела расплакаться прямо там, но потом мы решили, что лучше прийти для этого домой... Я предложил куда-нибудь съездить, чтобы поднять ей настроение, и она ледяным тоном согласилась. Мы пошли на железнодорожную станцию, очень тоскливое место, и узнали, что пропустили поезд в деревню. Потом мы на трамвае поехали на курорт под названием Фонтан³²³, который находится в нескольких милях от города. Мрачная погода была под стать нашему унылому настроению. Над городом висел густой туман, так что из окон трамвая можно было видеть только объекты на переднем плане. Но какие объекты! Милю за милей мы ехали мимо стоящих на пустырях разрушенных зданий, от которых остались только фрагменты каменных стен. Казалось, это какая-то армия, двигаясь на Одессу, разрушила по пути все и вся.

Мы прибыли в Фонтан на берегу моря – без сомнения, достаточно красивое место, но летом. Теперь же, в холодном тумане, оно казалось заброшенным. Здесь было множество небольших летних домиков из бетона и руины прекрасных домов, оставшихся на холмах. Мы подошли к обломку стены с каменными воротами, на которых виднелась заржавевшая табличка «Дача (коттедж) Л. Кермачова». На дорогу с лаем выбежали свирепые собаки, но тут появился какой-то парень, который ударами кнута загнал их обратно. Мы продолжили спускаться по скользкому холму к пляжу, где несколько парней сидели у больших рыбачьих баркасов, рядом с которыми были развешены сети. Здесь еще сохранилось несколько красивых домов; в одном из них располагалась дача профсоюза советских служащих и работников торговли, в другом – профсоюза работников пищевой промышленности. Наверху находилось красивое каменное здание, очевидно, театр. Мы спустились по оврагу ниже. Внизу на склоне стоял небольшой белый глинобитный домик, окруженный изгородью из хвороста; небольшое крыльцо защищали от ветра высохшие сорняки. На крыльцо вышла маленькая старушка, которая сказала нам, что так мы отсюда не выберемся, и указала дорогу к машине. Мы пошли назад, но Р. К., почувствовав возможность привнести в экскурсию некий местный колорит, заговорила с женщиной.

Она пригласила нас войти погреться. Мы вошли. В доме было три крошечные комнаты, выстроенные в ряд; средняя комната, находившаяся рядом с крыльцом, очевидно, служила гостиной. Здесь стояли кирпичная печь, стол, два-три стула и этажерка; на каменном полу – солома, на подоконнике – лампа. Остекление небольшого зарешеченного окна представляло собой множество кусков стекла, сцепленных вместе. Основание лампы было похоже на чернильный прибор, и я сказал, что, когда вернусь домой, обязательно сделаю лампу из чернильницы. Р. К. заметила, что это, безусловно, даст большую экономию. На свежепобеленных стенах висела пара каких-то причудливых картинок религиозного содержания, в комнате справа также были религиозные картины, свечи и несколько бидонов

³²² Имеется в виду Хелен Ричардсон, которая в самом деле была дальней родственницей Драйзера. Эту запись в дневнике делала Кеннел; вероятно, Драйзер не хотел, чтобы она знала о характере его отношений с Хелен.

³²³ Большой Фонтан – один из самых крупных и популярных приморских курортных районов Одессы, располагающийся в южной части города (*ред.*).

с молоком. В помещении было чудовищно холодно, и именно поэтому хозяева хранили здесь молоко, которое они продавали горожанам. В комнате слева, также неотапливаемой, стояла деревянная кровать, покрытая старыми тряпками и овечьей шкурой. Мы сели в гостиной, и маленькая старушка начала разжигать погасший огонь. На ней были старая черная юбка и белый шерстяной свитер, поверх которого она надела мужской жилет, превратив его в какой-то причудливый лиф. У нее было приятное утонченное лицо; наверное, у нее что-то болело, потому что время от времени она тяжело вздыхала и бормотала «Боже мой». Ее муж – тоже маленький старичок 68 лет с жалким комическим лицом – застенчиво смотрел на нас небольшими темными глазками. На нем были старое стеганое пальто и валенки. Он так и сидел на низеньком стульчике рядом с печью, пока жена зажигала огонь и раздувала его взмахами подола своей юбки, объясняя, что в сырую погоду огонь разгорается с трудом.

Мы попросили у нее горячего молока, и она поставила кастрюлю на плиту. Старик рассказал, что до революции был садовником, работал на богачей, которые жили в прекрасных домах, но теперь, когда все они уничтожены, у него нет никакой работы. Он сам построил этот домик несколько лет назад и по возрасту освобожден от налогов. Он рассказал, что имеет право на пенсию по старости в размере 15 рублей в месяц, но для того, чтобы ее получить, нужно преодолеть столько бюрократических препятствий, что он не стал и беспокоиться. Старик тоже вздыхал при каждом движении. Женщина принесла буханку белого хлеба и отрезала ломтик для кошки, которая набросилась на него так, как будто это было мясо, и зарычала, пытаясь побыстрее проглотить корочку. У них была корова, и они жили тем, что продавали молоко. Летом они переселялись во двор и сдавали свои комнатки по 150 рублей за сезон. Старик считает, что можно получить участок под ферму у правительства, если достаточно сильно этим озаботиться, но местный Совет уже распределил большую часть земли, да они и не хотят давать землю старикам. Это были поляки, которые приехали в Одессу тридцать или сорок лет назад; детей у них не было; в этом овражке они пережили всю войну и все голодные годы.

В голодные годы, сказал он, кошка здесь не выжила бы – да, конечно, они ели кошек. Мы задали вопрос о разрушенных зданиях. Они были уничтожены не только в ходе боев, но и самими людьми во время голода, когда они фактически разграбили опустевшие дома богачей, которые бежали за границу или погибли, и продавали их вещи в Одессе, чтобы купить себе еды. Там можно было что угодно купить – были бы деньги. У него все было не так плохо, потому что он работал в местном Совете и получал так называемый паек. Узнав, что мы из Америки, они стали расспрашивать, как там живут люди; например, старушка хотела знать, есть ли у нас там советская система...

Выпив горячее молоко, которое оказалось замечательным, мы заплатили хозяйке, попрощались и продолжили наш путь, постоянно оглядываясь на маленький домик, который чем-то напоминал хижину старичков из сказки «Чудесный кувшин»³²⁴. Мы спустились к остановке трамвая, совершенно не готовые к часовому ожиданию, и стали ходить по дороге взад-вперед, чувствуя себя несчастными и замерзшими людьми, которые не могут думать и говорить ни о чем стоящем. В окне дома напротив было видно, как женщина ищет вшей в голове маленькой девочки, расчесывая ее густой расческой. Наконец трамвай пришел, и мы поехали в отель; в комнате было холодно, мы замерзли, поэтому заказали себе горячие ванны, которые нас немного согрели.

Вечером мы поужинали в гостинице Bolshaya Moskovskaya, пришли к себе в холодный номер, и, пока он прогревался, я продиктовал статью для российской прессы о моих общих впечатлениях от России. В 5:40 уехала Дэви, и я сразу почувствовал облегчение. «Ребекки Копек» больше с нами не было.

³²⁴ «Чудесный кувшин» (The Miraculous Pitcher) – сказка американского писателя Натаниэля Готорна (1804–1864), пересказ мифа о стариках Филемоне и Бавкиде, которые приютили Зевса и Гермеса, путешествовавших под видом обычных странников (*пер.*).

13 янв. 1928 года

Пришла телеграмма из Константинополя: виза получена, все готово к отъезду в 5:40. Мы спустились по лестнице и зашли в археологический музей, где находилась большая коллекция свидетельств о расселении греков вдоль берегов Черного моря за несколько столетий до Рождества Христова. Похожий на священника художник показал нам свою особую коллекцию картин и керамики из этого района, в частности из Бессарабии. Его фамилия Чернявский³²⁵. Он сказал, что сейчас для него наступили трудные времена, нет денег даже на покупку красок. «Мы здесь не нужны», – сказал он.

Мне кажется, что его картины – местные пейзажи, старая крепость под Одессой, откуда взята большая часть керамики и камней, представленных на выставке, – просто очаровательны. Мне понравились его чувство цвета, его небеса. И вместе с тем – как убого он выглядел со своими длинными всклокоченными волосами, падающими из-под старой меховой шапки на тонкое желтое лицо и длинный потертый черный халат. «Появляется новая форма искусства, – продолжал он, – никто не интересуется старым искусством или вообще искусством. Мы, художники, просто выживаем».

Еще один холодный, туманный день. Вернувшись в отель, мы хотели выпить чаю, чтобы согреться, но горничная строго заявила, что кипяток до шести не будет. По телефону мы узнали, что пришла польская виза, так что сегодня можно ехать. Поезд отправлялся в 5:40 вечера; на этом же поезде Р. К. могла бы доехать со мной до станции, на которой можно сделать пересадку на Москву. Derutra договорилась, что ее сотрудники встретят меня на границе, в Шепетовке, а затем на польской границе и, наконец, в Варшаве. Получалось, что теперь, когда поездка заканчивалась, мы наконец-то нашли эффективно работающую организацию, которая, впрочем, выставила немалый счет за свои услуги, я пришел домой в отличном настроении: наконец-то я скоро перейду – да что там, буквально переползу через границу. «Я лучше умру в Соединенных Штатах, чем буду жить здесь», – сказал я Р. К. Она не возражала, очевидно, посчитав мой случай безнадежным (к этому времени в ее обороне уже были пробиты довольно значительные бреши. Она сказала, что цель моей миссии в Россию – вернуть ее на родину). Впервые в поездке у меня дважды сошелся пасьянс. «Вот видишь, – радостно сказала Р. К., – тебе привалила удача». В пять часов пришел сотрудник Derutra и отвез нас на станцию. Провожать нас приехал менеджер компании. Вагон был не самый удачный, половину его занимали купе, а другая половина представляла собой жесткие места, на которых не было даже электричества, только свечи. Derutra дала понять маленькому и глуповатому на вид проводнику, что я – очень важная персона, что мне нужно «персональное обслуживание», и он вился вокруг, глупо поглядывая на нас своими хитрыми глазками и постоянно переспрашивая, не желаем ли мы чего-нибудь. А мы поняли, чего желал он; эти люди думают, что мы сделаны из денег. Он принес нам чай в белом кофейнике, и Р. К. сказала, что всякий русский высоко оценил бы этот отличный кипяток. Я достал кекс, хлебные палочки, лимон и сыр, и у нас получился праздник. Когда поезд тронулся, было уже совсем темно, и мерцающая свеча наполнила наше купе мягкими тенями. При этом наш неряшливый проводник ежеминутно открывал дверь, просовывал голову внутрь и спрашивал, не желаем ли мы чего-нибудь и не застелить ли нам кровати (он боялся, что господин найдет постельные принадлежности очень грубыми). Мы по крайней мере раз пять сказали ему, что пока постель нам не нужна.

Когда постель мне наконец понадобилась, проводника уже было не найти. Прямо перед нашим вагоном находился вагон международного класса, направлявшийся в Москву. Р. К. решила в пять утра перейти в него и доплатить за место, а не покупать новый билет на станции. Но наш проводник настаивал на том, что «мягкий» столь же хорош и что он сам

³²⁵ Скорее всего, это Харлампий Семенович Чернявский (1866–1967) – живописец, педагог. Учился в Одесской школе рисовальных искусств в 1885–1887 годах, позднее преподавал рисование и чистописание в гимназиях Одессы. Член краеведческой комиссии при историко-археологическом музее. После войны он жил в Белгороде-Днестровском (*пер.*).

купит билет на станции. Мы легли, но покоя нам не было. Каждые несколько минут эта маленькая крыска царапала дверь: не решила ли госпожа, как она поедет – мягким или международным? Да, она твердо решила ехать международным. Он считает, что это ошибка. Так когда она будет пересаживаться? Не ранее, чем мы доедем до станции, где поезд будет разделяться, ответила она. Наконец, мы уснули, но рано утром проснулись и стали смотреть на заснеженный мир и на замерзшие леса за окном, я сказал, что это все же лучше, чем сырой холод юга. Мы поговорили о музее греческих древностей, в котором были накануне, и о непреодолимом совершенстве греческой цивилизации, пока еще непревзойденной, о греках как торговцах на побережье Черного моря. Наша маленькая крыска снова начала скрестись в дверь. Не желает ли госпожа перейти в международный вагон прямо сейчас? Нет, она не желает. Она подождет, пока мы доберемся до станции пересадки. Он явно слишком много выпил. Его глаза стали еще более блеклыми и застывшими. Едва мы задремали, снова царапанье в дверь. Не желает ли госпожа перейти прямо сейчас, он готов ей помочь. А сколько, спросила она, нам осталось до этой станции? Полтора часа. Вот это время она и подождет. Но через полчаса он пришел снова... Свеча у нас давно догорела, в купе было совсем темно. Р. К. решила пересаживаться, потому что пока она этого не сделает, покоя не будет. Не доверяя пьяному проводнику, я пошел вместе с ней. С багажом в руках мы пересекли опасное место между двумя вагонами. В международном вагоне ярко сияли электрические огни, было чисто и тепло. Как жаль, что эту ночь мы не смогли провести здесь! Мы попрощались, и я вернулся к себе. Через несколько минут в дверь снова постучали. Я подумал, что это снова тот дурак, но за дверью раздался голос Р. К. я открыл. Она объяснила, что проводник только что сказал ей, что он должен на следующей станции забрать постель, потому что он взял ее в международном вагоне, я сказал ему, чтобы он взял постель, вышел отсюда и оставил меня в покое. Р. К. добавила, чтобы он не приходил снова, что я хочу спать. Если бы она не пришла и не объяснила все это мне, я бы, наверное, убил проводника, когда он в очередной раз пришел и попытался забрать эти постельные принадлежности. Она посидела со мной еще некоторое время, пока снова не пришел проводник и не объявил, что мы приближаемся к пересадочной станции. Мы снова попрощались...

Прощание

14 янв. 1928 года (дополнение, сделанное секретарем на пути в Москву).

Я приобрела такую сильную привычку все записывать, что теперь полагаю, будто ведение этого дневника будет продолжаться вечно. Я не могу себе представить, что моя работа личного секретаря закончилась.

Когда мы наконец расстались, я стояла в коридоре и смотрела, как разъединяют наши вагоны, и как твой уходит во тьму. Мне казалось, что это физическое разделение нас двоих, что тебя будто отрезают от меня или, что еще хуже, только часть меня отрезают от тебя, а остальное уходит с тобой в темноту в том, другом вагоне. Я вошла в пустое купе, чувствуя себя совершенно одинокой. Мне не хотелось снова связывать между собой порванные нити моей личной жизни после того, как за последние два с половиной месяца я полностью слилась с тобой. Обаяние твоей могучей личности все еще окутывает меня. Никто никогда так полно не чувствовал мою индивидуальность, но в то же время ты был для меня сильнейшим интеллектуальным стимулом. Мы не смогли бы дать друг другу так много, если бы имели одну и ту же философию. Однако мы рассуждаем одинаково, и поскольку ты рассуждаешь лучше, потому что обладаешь действительно огромным интеллектом, то разбиваешь мои доводы. Точно так же, я думаю, ты ошибаешься в своих окончательных выводах о жизни и конкретно о социальном эксперименте в России. Да, я полностью согласна с тобой в том, что человеческая природа здесь такая же, как везде, но я утверждаю, что здесь зародилась социальная система, которая сменит капитализм так же, как капитализм сменил феодальную систему. Естественно, она не так индивидуалистична, как капитализм,

потому что основана на теории, согласно которой все должны работать на общее благо (что в итоге дает больше свободы индивидууму). На данный момент существует только первый опыт применения этой теории на практике. Русские, говоришь ты, по своему складу характера более склонны делать что-то вместе, чем люди на Западе. Это может быть связано скорее с их примитивным состоянием (которое заставляет их собираться вместе для взаимной защиты), чем с каким-то сознательным применением марксистских теорий.

Возможно, ты прав, считая, что человек в России сегодня скорее подавлен этой новой системой, но я думаю, что это временное явление. Ты не можешь удержать отдельного человека, он скоро придет и сразится за лучшее, но в то же время, возможно, совместные усилия создадут лучшие общие условия для его развития. Я думаю, что советская система, направляемая Коммунистической партией, – лучшая система для развития России. Она, может быть, работает медленнее, чем капиталистическая система, основанная на эксплуатации, но в итоге может оказаться менее расточительной и более устойчивой. Кажется, это почти все, что сохранилось из моей веры...

* * *

Когда я доберусь до Москвы, первое, что сделаю, – найду Ребекку Рейчел К., передам ей твое прощальное послание и скажу, что ты не оставил благодарственного письма госпоже Каменевой, что твое мнение об этих свиньях, вшах и дуболомах, об этой паршивой стране, проклятой Богом, совершенно не изменилось, и что ты полз через границу на четвереньках, время от времени останавливаясь, чтобы приставить большой палец к носу и слабеющим голосом прокричать: «Ну что за паршивая страна! Ну что за стадо свиней! Если я доберусь до дома, то проведу там всю оставшуюся жизнь. И пусть Господь накажет меня, если я когда-нибудь снова пожалуюсь».

* * *

14 янв. 1928 года (дополнение 2 – моя зарплата как твоего секретаря действительно начислена в Москве, и я должна ее получить).

Пока ты движешься к границе, я все время думаю о тебе. По моим расчетам, к этому времени ты уже добрался до первой границы. Мой попутчик – торговец. Я стараюсь следовать твоим замечаниям и вести себя корректно и холодно, чтобы его не провоцировать. Когда я читаю или печатаю, вижу только абрис его фигуры и совершенно бессознательно представляю, что это ты. Во второй половине дня я немного подремала; он сидел и читал, и в своем полубессознательном состоянии я продолжала какое-то время считать, что это ты раскладываешь пасьянс. Такое приятное, спокойное чувство, что все в порядке, что мы вместе куда-то едем в купе международного вагона. А ты в это же время, скорее всего, подъезжаешь к границе с благодарственной молитвой на устах: «Слава тебе, Господи, что все это позади».

Снег, снег, опять снег, но погода теплая. В Киеве стоял такой туман, что я не увидела ни одного из ориентиров.

Сегодня вечером я умирала от голода, но по дороге купить поесть было негде. Торговец достал хлеб, ветчину, черную икру и яблоки, мы заказали чай, и у нас начался праздник. (Вот уж действительно, Бог послал.) Он согласен с тобой в том, что с точки зрения коммерции города мертвы, потому что нет частной торговли, частной инициативы. «Но, – говорит он, – а почему правительство должно желать этой живой конкуренции? Кому от этого выгода?» Я спросила его о процентах по вкладам; банки платят от шести до восьми процентов в зависимости от условий депозита.

Я только что закончила читать «Темный смех»³²⁶, он мне очень понравился. Когда

³²⁶ Роман американского писателя Шервуда Андерсона (1876–1941); Sherwood Anderson's novel *Dark*

Андерсон уходит от резкого стиля воспоминаний, характерного для нескольких первых глав, и переходит собственно к истории, это смотрится очень интересно и очаровательно. Тебе может нравиться американский деловой человек, но Андерсону – нет. Из Киева я дала телеграмму О'К.³²⁷; надеюсь, меня кто-нибудь встретит.

А теперь прощай, прощай надолго, мой дорогой босс. Надеюсь, я смогу сжиться со своим одиночеством, а если нет, то разве это не докажет, что человеческие чувства прочны – по крайней мере, в определенных пределах?

Заключение

15 янв, 1928 года (дополнение 3, Москва)

В поезде я очень хорошо спала, хотя иногда меня немного смущало чувство, что я нахожусь на корабле, а ты лежишь в другой каюте. Я предупредила соседа, что не надо волноваться, если мне будут сниться кошмары (правда, уже после того, как разбудила его, пробормотав что-то по-английски, – наверное, мне повезло, что он не понимает английского).

Утром, когда я проснулась, за окном мелькали восхитительные леса Московской губернии, засыпанные глубоким снегом. Мы должны были прибыть в 9:35, и, представь себе: когда часы показывали 9:35, я уже шла по вокзалу. Это тебя преследовал злой рок, а теперь, когда ты уехал, все работает прекрасно. Правда, погода в Москве была мрачная, но теплее, чем в Тифлисе; снег немного стаял. Кажется, в этом году все перевернуто.

Прибыв в Лух, словно блудный сын после долгого отсутствия, я огляделась вокруг, ожидая больших перемен. Но нет, на лифте все еще висела табличка «Лифт не работает», а человек за конторкой сказал, что О'К. еще не дали номера. Когда я чуть позже встретила с О'К. в своем номере (Варя отчистила комнату так, что она выглядела вполне прилично, моя соседка встретила меня весьма любезно), она мне объявила, что на этой неделе возвращается в Англию. Насчет моего места в библиотеке также ничего не изменилось. Нужна ли я им по-прежнему? Если нет – я уеду с ней (если только не побоюсь таких быстрых сборов). Я узнаю об этом завтра. Серж не знал, что я приезжаю, а когда я позвонила, его не было дома... Позвонила Ребекка К., она очень волновалась о твоём отъезде. Надеюсь, у тебя не было проблем с бумагами на польской границе. О'К. сказала, что у нее были.

Вечером я увидела Сержа в комнате у О'К.; как обычно, он ужасно занят, бежит с одной встречи на другую. Он сказал, что думал, будто мы в Одессе только до 29-го, поэтому не писал. Он заключил договор и вышлет тебе копию.

Открытка, изданная советским правительством для рекламы визита Драйзера в Советский Союз

Теодор Драйзер

В России я увидел народ, умеющий мыслить. И именно в России скорее, чем в какой-либо другой стране, суждено в наши дни появиться великим откровениям как в смысле практических преобразований, так и в области мысли. По крайней мере, я в это верю.

Мы живем в беспокойную эпоху, наш западный мир мечется в поисках выхода из тупика, и неужели теперь, когда Россия может дать нам что-то новое, здравый смысл не подскажет нам, что надо помочь ей создать все, что она может?³²⁸

Laughter. N.-Y.: Boni & Liveright, 1925.

³²⁷ Мэй О'Каллахан, технический работник [Коминтерна], жила в отеле Лух. (ред.).

³²⁸ Цит. по книге: Теодор Драйзер. Что я увидел в Советской России // Глазами иностранцев. 15. 1917–1932.

Прощальное послание Драйзера

Перед отъездом из Советской России Драйзер продиктовал заявление, в котором изложил то, что он наблюдал и испытал в своем путешествии (см. стр. 410).

Это заявление забрала Рут Кеннел, которая и предоставила его прессе.

Кеннел, очевидно, сохранила для себя копию этого документа, и именно эту версию текста она опубликовала в качестве приложения к книге «Теодор Драйзер и Советский Союз» (*Kennell Ruth Epperson. Theodore Dreiser and the Soviet Union. N.-Y.: International Publishers, 1969. P. 311–315*).

Приведенный ниже текст вместе с заголовком появился в выпуске газеты *Chicago Daily News* (с. 1–2) от 6 февраля 1928 года. Он немного отличается от версии Кеннел: например, ее документ адресован «русской публике», в разделе «Законы не могут сделать людей чистыми» она пишет «вы» и «ваш» вместо «они» и «их». Версия Кеннел также содержит несколько очевидных опечаток, таких как *spaces* вместо *places* во втором абзаце или *importance* вместо *impotence* во втором предложении раздела «Похвалы реальным достижениям». Ни один из текстов не свободен от недостатков – например, в газетной версии существуют подзаголовки, которые, скорее всего, добавили редакторы, но в машинописном тексте и сделанной копии они отсутствуют.

Текст Кеннел доступен в ее книге, поэтому нам показалось более полезным воспроизвести здесь текст из *Chicago Daily News*, который с момента его первой публикации никогда не перепечатывался. Очерк дает хорошую картину состояния Драйзера накануне его отъезда из России.

Теодор Драйзер обнаружил в драме советской России и надежду, и неудачу

Известный писатель Теодор Драйзер перед отъездом из России надиктовал свои впечатления от страны и ее правительства. Джуниус Б. Вуд, корреспондент газеты *Chicago Daily News* в Москве, отправил нам это заявление вместе со следующим комментарием:

«Несмотря на неукротимый оптимизм и пытливый ум г-на Драйзера, он был далек от своей лучшей физической формы: в это чудовищно холодное утро в России он кашлял, боролся с бронхитом и пытался согреться под одеялами, лежа на шаткой кровати со спинкой в неотапливаемом отеле. Чтобы быстрее согреться, он натянул на уши меховую шапку, завернулся в шубу и даже надел меховые перчатки и валенки – живописный мудрец, философствующий с укутанной стенографисткой с посиневшими руками. Он только что завершил невероятно трудную шестидневную поездку из Батума через все Черное море на небольшом пароходе, не теряя при этом аппетита и присутствия духа, только для того, чтобы провести неделю вынужденного ожидания в Одессе, потому что в Обществе культурной связи с заграницей, которое спонсировало его поездку, забыли, что для желающих покинуть страну необходима виза. Эта проволочка заставила его отказаться от запланированного визита в Константинополь и направиться в Соединенные Штаты. В дополнение к заводам, новостройкам, чиновникам и другим приметам жизни советской России г-н Драйзер увидел реальную жизнь страны так, как мало кто из других ее гостей смог увидеть ее за столь короткое время. Он вдыхал миллион запахов спальни в русской гостинице, наглухо запечатанной на зиму; он провел ночь, добираясь до Ясной Поляны в «жестком» вагоне, где снятые крестьянами сапоги висели прямо у его ушей; он просидел всю ночь на железнодорожной станции Константиновка, потому что чиновники говорили, что его поезд может прийти в любую минуту, а он не приходил двадцать четыре часа. Раздраженный полисмен набрасывался на любого, кто пытается задремать, потому что какой-то чиновник в

Москве запретил спать на станциях. Он потратил еще один день на ожидание другого потерявшегося поезда среди убожества и грязи бакинского вокзала, но увидел сквозь мрак солнечный свет, а в усилиях Советов – надежду человечества».

ТЕОДОР ДРАЙЗЕР СПЕЦИАЛЬНЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ заграничной службы *Chicago Daily News* Copyright 1928. The Chicago Daily News, Inc.

Одесса, Украина, СССР, 13 января. Прежде чем выехать в Соединенные Штаты после двухмесячного визита в советскую Россию, я хотел бы дать рассказать о своих общих впечатлениях.

Как человек с Запада, привыкший к сравнительно мягкому климату Соединенных Штатов, я могу рассматривать Россию только как мир Севера, который подвергает труднейшим испытаниям всякого не рожденного на этой земле. Русские должны быть выносливы, потому что они выживают в таких трудных условиях, какие просто не смогут выдержать люди из стран с более мягким климатом. Мне показалось, что временами и местами этот мир демонстрирует своеобразную суровую красоту, рожденную резкими ветрами и необъятными пространствами. Вообще, сама идея, что человек считает нужным покорять этот мир, представляется едва ли не достойной сожаления.

Тем не менее, если принять этот мир таким, каков он есть, с его огромным населением, которое до сих пор сдерживали природные условия, то не покажется удивительным, что именно он стал полем последнего эксперимента по управлению человеческим обществом. Лично я – индивидуалист, им и умру. Во всем этом коммунистическом сумбуре я не увидел ничего, что хотя бы в малейшей степени отвратило бы меня от моих прежних представлений о потребностях человека. Одна из них – это индивидуальная мечта о стремлении подняться на более высокую ступень, и у меня нет ощущения, что даже коммунизм хоть что-то изменил в этом отношении. С другой стороны, после освобождения страны от гнета царизма и необузданного капитализма я могу разделить чувства тех, кто добился перехода от подавления к ее неограниченной свободе и власти.

Прежде всего – человек

Совершенно ясно, что сейчас здесь на первом месте стоит не человек вообще, а человек как личность, в частности человек как мастер своего дела, а уж потом – все остальное. Все должно делаться для него; рабочий должен использовать интеллектуала, поставив его на службу своим широким потребностям, – считается, что таков менталитет рабочего.

Естественно, у меня как индивидуалиста такой подход вызывает улыбку, тем более я вижу здесь только вот что: самые большие индивидуалисты из политических лидеров Европы пытаются привести рабочего к пониманию того, что все это значит. И я сомневаюсь, что даже сейчас он это понимает или полностью верит в то, что ему говорят. Вероятно, его больше интересует и увлекает сверкающий набор материальных благ, которые ждут его впереди. А верит он на самом деле в то, что какие-то великие и могущественные люди теперь стали настолько любезны, что готовы помочь ему в его борьбе за лучшую жизнь. И он благодарен им за это. И я тоже.

Но значит ли это, спрашиваю я, что тем самым устраняется право умнейшего на высшие руководящие и управленческие должности? На самом деле я в это не верю, я уверен, что в России, как и повсюду, можно обнаружить, что на властные посты пролезают не только добрые и мудрые, но и хитрые, и корыстные, и все они выполняют необходимую программу, которая гарантирует рядовым людям комфорт. Но если не сейчас, то со временем, они многократно возместят свои услуги. Это есть борьба за существование, которая, я уверен, не будет полностью изжита никогда.

Похвалы реальным достижениям

Если говорить о том, что эта руководящая группа идеалистов к данному моменту сделала для России, то я могу их только похвалить. Во-первых, к моему огромному восторгу,

они сместили с властных позиций догматичную и опустошающую мозг религию и отодвинули ее туда, где ей и место – на ничего не значащий задний план.

Кроме того, они предоставили коллективному менталитету России свободу расширяться. Возможно, эта экспансия сейчас слишком сильно окрашена в цвета новых коммунистических догм, но на самом деле у меня нет против нее никаких возражений, потому что коммунизм в точном смысле этого слова здесь и сейчас никоим образом не присутствует, и я сильно сомневаюсь, что его будет здесь много в будущем. Ибо, если я не ошибаюсь, русский ум – это, по сути, реалистичный ум, и он видит жизнь такой, какая она есть – борьбе не должны слишком сильно мешать ни безнадежная некомпетентность, ни слишком догматическое управление своекорыстного и безразличного материалиста.

Мне нравятся масштабная жилищная программа и материальные свидетельства ее выполнения во всех частях Союза. Это замечательно – видеть новые заводы, новые школы, больницы, клубы и научные учреждения, которые уже сейчас усеивают всю страну.

Я искренне надеюсь, что огромный энтузиазм по отношению к модернизации России и внедрению любого рода западного оборудования не ослабнет до тех пор, пока она не превратится в тот самый рай, в который и хочет превратить страну эта самая удивительная группа идеалистов. Эта страна, безусловно, нуждается в светлом будущем и энтузиазме – и заслуживает их. И я бы, например, ничего не стал делать для того, чтобы противодействовать выполнению этой программы.

Защитить бездомных детей

С другой стороны, есть очевидные недостатки либо в русском характере, либо в выполнении этой программы, либо в том и другом, и к этим недостаткам, я думаю, нужно привлечь внимание. Одна из недоработок состоит в том, что нужно немедленно проявить заботу о тысячах бездомных детей, с которыми ты сталкиваешься по всей России. Бесполезно говорить, как это делают многие, что правительство пока не располагает ни средствами, ни возможностями для их обустройства и ухода за ними. Как я заметил, профсоюзы не испытывают недостатка в средствах для своих новых домов, новых клубов и новых театров. Может быть, было бы лучше приостановить использование некоторых из этих материальных удобств для себя до тех пор, пока не сделано все нужное для детей. Это позорно, это возмутительно по отношению к самому русскому характеру; это слишком мрачная проблема, чтобы откладывать ее решение даже на одну минуту, если нация имеет ту гордость и то чувство собственного достоинства, которые она так последовательно декларирует.

Еще одна вещь, которая меня поразила (она не только раздражающая, но и просто позорная), это национальное равнодушие к санитарным условиям. Здесь много говорят о том, как все должно быть в будущем. Но ведь есть много такого, что можно было бы сделать прямо сейчас, будь у людей чуть больше желания стать чище, чем они есть. Русский дом, русский двор, русская улица, русское отхожее место, русская гостиница, отношение русского человека к своему внешнему виду дают человеку с Запада (особенно путешественнику из Америки) ощущение чего-то такого, что нельзя назвать ни похвальным, ни полезным для здоровья. И это нельзя оправдать бедностью. В Голландии, Германии, Франции и Англии почти столько же бедных людей, сколько в России, но вы никогда там не найдете такой терпимости к условиям проживания, какая в России, похоже, воспринимается как нечто само собой разумеющееся.

Законы не могут сделать людей чистыми

Чистота – это не вопрос национальных законов или декретов, это даже не вопрос преуспевания, общественного или личного, это сама сущность индивидуума. Либо он любит чистоту и реагирует на нее, либо нет. Если он ее любит, то пойдет на неопишуемые жертвы, чтобы освободиться от беспорядка и грязи; если нет, то никакой закон, будь он даже наколот на штык, ему не поможет. Мне представляется, что русские, которых я видел на просторах от

Балтики до Каспийского моря, гораздо более безразличны к основам санитарии, чем любые более прогрессивные нации, на звание одной из которых они сейчас претендуют. Нельзя, как утверждают некоторые, говорить, что все дело здесь в благосостоянии и в технике; это не так, я настаиваю, что это не так. И если отрицательное отношение иностранцев к такому явлению сохранится, то русский – индивидуально, а не общенационально – рано или поздно вынужден будет взяться за себя и стать чище, а также облагородить свое непосредственное физическое окружение.

Пока же их гостиницы, поезда, железнодорожные вокзалы и рестораны сверх всякой меры грязны и очень плохо оборудованы. Они недостаточно часто моют окна. Они недостаточно хорошо проветривают помещения. Они либо перегревают, либо недогревают жилые комнаты. Они живут по много человек в одной комнате и даже доходят до того, что считают это проявлением коммунистического духа. Я выступаю против этого, и я считаю в этой связи, что, если бы в этой могучей стране было больше индивидуализма и меньше коммунизма, то это стало бы ее огромным преимуществом.

Очевидная потребность в эффективности

Что касается будущего этой великой системы, то я думаю, что с ее помощью удастся, во-первых, обеспечить выполнение той программы, которую правительство сейчас предлагает для внедрения новейших устройств, позволяющих снизить трудозатраты во всех сферах жизни страны, а во-вторых, уменьшить зазор, разделяющий стоимость производства и заработную плату работника. Пока, насколько я вижу, предпринимается очень много усилий для того, чтобы сделать труд комфортным, и слишком мало – для того, чтобы сделать его по-настоящему эффективным. На самом деле не должно быть никаких разговоров о семичасовом дне до тех пор, пока рабочие не заработают столько, чтобы заплатить за новейшую технику, которая сделала бы такую продолжительность рабочего дня возможной.

Далее, одной из ошеломляющих проблем, с которыми сталкивается это правительство, является проблема крестьянина. В стране насчитывается 120000000 крестьян, знакомство которых с современными методами ведения сельского хозяйства еще только начинается. Правда, там существует множество пунктов, которые в Америке могли бы назвать агрономическими станциями. Они обладают последней информацией и современными механизмами, которые можно использовать в земледелии и животноводстве. Но одно дело – передать эту информацию крестьянину, а другое – сделать так, чтобы он ее принял.

Если я правильно информирован, то русский крестьянин больше всего на свете хочет, чтобы его оставили в покое, чтобы ему позволили жить так, как он жил до сих пор. Проблема, как его заинтересовать, пока едва затронута, и я вижу, что его безразличие является для власти одним из самых суровых испытаний.

Сделать сельское хозяйство промышленным

Предлагаемое мною сейчас решение состоит в том, что правительство в соответствии со своими нынешними возможностями и особенностями должно разделить землю на участки, и во главе каждого участка поставить агрария или совет из таких специалистов. Их бизнес будет заключаться в том, чтобы развивать хозяйство так же, как развивается любое коммерческое или финансовое предприятие. Правительству следует предоставить им машины и любое другое оборудование, которое может понадобиться, а затем нанимать фермеров – так же, как на заводе привлекают рабочие руки. Рабочие должны быть организованы в профсоюзы, получать в день достаточно много, иметь ограничение по количеству рабочего времени, что позволит им поддерживать свое благосостояние, как сегодня это делают в отношении их профсоюзные активисты. Используя подобные методы, можно разработать стандарты эффективности их работы; в качестве источников поставки семян сельскохозяйственных культур можно использовать опытные хозяйства.

При таком подходе все – литература, машины и практические методы – окажется в руках фермера, который является членом профсоюза, и таким образом все возможности

огромных сельскохозяйственных площадей России будут использоваться в полную силу. Если бы это было сделано, то, безусловно, Россия вошла бы в авангард экономически стабильных и могущественных стран. Кроме того, она первой решила бы ту тревожную и удручающую проблему, которая теперь стоит перед каждой страной, будь она капиталистической или нет.

Несмотря на многочисленные трудности, связанные с этой поездкой, я высоко оценил предоставленную мне советским правительством возможность увидеть детали великого эксперимента. У меня только самые добрые мысли и наилучшие пожелания успехов ему в будущем.